

В. М. Массон

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

ДРЕВНЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ

Азии

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЗИАТИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия
«АЗИАТИКА»

В. М. Массон

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ
ДРЕВНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Издательство Санкт-Петербургского государственного университета
2006

Массон В. М.

М31 Культурогенез Древней Центральной Азии / Под ред. Л. Б. Кирчо. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 384 с. — (Азиатика).

ISBN 5-8465-0104-4 (Филол. фак-т СПбГУ)

ISBN 5-288-04092-3 (Изд-во СПбГУ)

Книга посвящена характеристике древних культур Средней Азии начиная с палеолита до развитого Средневековья и характеру культурных процессов на протяжении этих эпох. Особое внимание уделено развитию городских цивилизаций древневосточного типа эпохи бронзы и цивилизаций развитой древности — Бактрии, Парфии, Согда и Хорезма. Все основные культуры и культурные комплексы иллюстрируются сводными таблицами.

Для специалистов и студентов в области истории, археологии и культурологии, а также для всех интересующихся древней и средневековой историей и культурой Средней Азии.

ББК 63.2

Введение

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Историческая география Центральной Азии. Археологические материалы и культурологические реконструкции. Вклад ученых Санкт-Петербурга — Ленинграда в формирование среднеазиатской археологии как научной дисциплины.

XIX век и начало XX в. были временем открытия древнейших очагов великих цивилизаций Востока — сначала египетского и месопотамского, а затем индийского и китайского. На уровне получения информации эти открытия были обязаны в первую очередь успехам археологической науки. XX век в целом стал временем расцвета мировой археологии. Специализированные экспедиции проникали в самые отдаленные уголки нашей планеты, широкомасштабные раскопки открывали все новые грани исчезнувших и, казалось бы, забытых цивилизаций. Постепенно заполнялась археологическая карта мира, все более превращавшаяся усилиями ученых, работавших над вопросами интерпретации данных археологии, в карту историческую. Выяснилось, что на огромном пространстве, разделяющем очаги великих цивилизаций, процветали и высокоразвитые древние культуры, порой самостоятельно достигавшие уровня цивилизаций с использованием на селективной основе достижений своих великих современников. Это была эпоха ранней древности по схеме исторического развития Старого Света, предложенной И. М. Дьяконовым. В следующую эпоху, которую этот выдающийся отечественный историк и лингвист назвал «р а с ц в е т о м д р е в н и х о б щ е с т в», когда на двух полюсах Древнего мира поднялись такие колоссы исторического прогресса, как Римская держава и ханьский Китай, между ними процветали различные местные культуры и цивилизации, порой сами достигавшие ранга мировых феноменов, как, например, Парфия и Кушанское государство. В этих про-

цессах культурогенеза нуклеарное положение занимала Центральная Азия.

Названия существовавших здесь стран традиционно дошли до нас в античной передаче, хотя все они восходят к древним местным топонимам, сложившимся в древнеиранской языковой среде.

Почти в центре оседлых оазисов Центральной Азии, в плодородных долинах Зеравшана и Кашкадарьи располагался Согд, фигурирующий у античных авторов в форме Согдиана. На юге, частично охватывая северные области современных Ирана и Афганистана, находились Бактрия и Парфия, ставшие исходными центрами двух крупных держав Древнего мира. Археологические изыскания последних лет показали, что здесь истоки цивилизации восходят еще к поре бронзового века, когда тут процветали урбанистические культуры древневосточного облика. Область по течению р. Мургаб носила название Маргианы, каковой топоним сохранило и современное имя этой реки. Своеобразным ретранслятором культурных и политических связей кочевых степей и оседлых оазисов был расположенный в низовьях Амударьи Хорезм.

Менее устойчивы и менее известны были наименования областей, где городская культура развивалась в более позднее время, чем в Бактрии и Согде, и на первых порах имела провинциальный облик. Такова страна, соответствующая современной Ташкентской области на правом берегу р. Сырдарьи. В древности и в Средние века она носила наименование Чач, или Шаш, название «город Чача» (Чачкент) затем трансформировалось в наименование Ташкента. Фергана в китайских источниках носит наименование Давань, но ни аналогов в греко-римской географической традиции, ни убедительной этимологии этот топоним пока не находит.

Археологические исследования XX в. привели к открытию во всех этих областях блестящих древних культур и цивилизаций. Известно, что именно археологический материал имеет для древних эпох исключительное значение в плане изучения процессов культурогенеза. Он представляет собой массовое повседневное явление в мире материальной культуры, повторяемость которого характеризует его закономерный, а не случайный, выборочный характер. Сам этот материал на источниковедческом информационном уровне проходит стадию археологической систематики, когда выявляются характерные черты, признаки и устойчивые типы артефактов, определяющие специфику соответствующих комплексов и в конечном итоге оставивших их обществ и цивилизаций. При этом сами типы артефактов на содержательном уровне связаны с такой особенностью культурного процесса, как стереотипизация. По мере раз-

вития производства возникает особая форма стереотипизации — стандартизация. Стандартные типы сосудов массового изготовления широко используются археологической систематикой. Именно процесс стереотипизации археология наблюдает в материальном воплощении артефактов, а сама возможность археологической типологии восходит к стереотипичности культуры, ее «эталонному» характеру. Поэтому в данной работе дается как исходная база общая характеристика археологических комплексов и памятников Древней Средней Азии, их специфических признаков и особенностей в первую очередь. Это не только позволяет достаточно надежно организовывать массовый материал, но является основой для последующих культурологических реконструкций, происходивших процессов трансформации.

Среднеазиатский регион издревле был важным узлом культурогенеза. С одной стороны, здесь разворачивалась эпохальная смена культурных стандартов и эталонов, в значительной мере повторяя древневосточный тип развития. С другой стороны, здесь протекало взаимодействие различных культурных миров со свойственным этому явлению феноменом взаимодействия и симбиоза. В обширной зоне евразийских степей сформировалось такое явление, как степной образ жизни с присущими ему особенностями культуры, социогенеза и психологии. Пространственный динамизм, обеспечиваемый развивающимися здесь способами передвижения от колесных экипажей до верхового коня, способствовал как перемещению групп населения, так и движению культурных комплексов. Уже на ранних этапах это привело к развитию процессов культурогенеза и этногенеза, связанных с продвижением степных племен в зону древнегородских цивилизаций. Прекрасным образцом творческого взаимообогащения культур стала эпоха развитой древности, когда после первых деструкций, принесенных движениями кочевников, формировались блестящие цивилизации Парфии и Кушанской державы.

Имеющиеся материалы ярко отражают характер культурных процессов. Первый тип развития — это спонтанная трансформация, когда нововведения, новые модели и эталоны в основном складываются в местной среде, за счет внутренних механизмов и стимулов. При другом типе развития — стимулированной трансформации — коренные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов, но без прямых заимствований. Особым видом культурного процесса является культурная интеграция, когда происходит ассимиляция различных культурных элементов в единой гомогенной среде. Движущие силы такого процесса могли лежать и вне культурной сферы, восходя к особенностям социального или экономического развития общества или групп обществ или даже к политической ситуации. Понятие «культурной ин-

теграции» является категорией высокого рангового уровня в отличие от понятий «влияние» или «заимствование». Эти последние связаны с явлениями механического характера, тогда как культурная интеграция отражает движение культуры через трансформацию к качественно новому состоянию. При этом в формировании новых культурных эталонов большую роль играют явления селекции и адаптации.

Для создания строгой системы археологической систематики немаловажен вопрос о выборе собственных названий для обозначения археологических комплексов и культур. Здесь едва ли перспективно использование таких терминов, как, скажем, «юечжийский» или «кушанский», что является уже уровнем исторической интерпретации данных археологии. Достаточно показателен в этом отношении пример Древнего Хорезма. С. П. Толстов назвал два периода в археологической систематике его памятников соответственно кангюйским и кушанским. Вопрос о прямом отождествлении Хорезма и Кангюя сейчас явно несостоятелен, но хотя какая-то связь Хорезма и кангюйского объединения еще, может быть, существовала, но, во всяком случае, не со времени IV—III вв. до н. э., как исследователи Хорезма традиционно датируют археологические комплексы этого «кангюйского времени» на их начальном этапе. Что же касается кушанского периода, то после детального анализа всех хорезмийских материалов вопрос о вхождении Хорезма в состав кушанских владений полностью отпадает. Поэтому лучше давать наименования эпонимным археологическим комплексам по современным названиям опорных памятников, объясняя их связь с определенным древним народом или страной уже на этапе интерпретации данных археологии, объективно организованных в те или иные комплексы и культуры.

В открытии и изучении древних и средневековых культур Средней Азии лидирующую роль играла петербургская школа восточной археологии.

Как известно, с развитием специализации наук и отдельных научных направлений, особенно при развитии полицентрической структуры данной научной отрасли, возникают специфические группировки, которые принято именовать научными школами. В области изучения восточных древностей такая ситуация стала особенно заметной в 40–50-е гг. XX в. в связи с развитием центров археологической науки в центральноазиатском регионе. Соответственным образом был поставлен вопрос о наличии в археологии Средней Азии по меньшей мере двух научных школ — ленинградской и ташкентской. Ленинградская школа была связана в первую очередь с научными традициями, сложившимися при кураторстве В. В. Бартольда, и сформировалась на первом этапе из числа востоковедов, занявшихся на практике археологическими изысканиями

и хорошо знавшими объекты восточной культуры по эрмитажным собраниям. Она была представлена А. Ю. Якубовским, А. Н. Бернштамом, М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким и др. Эти кадровые особенности были прямым образом связаны с тем, что у истоков центральноазиатской археологии в Санкт-Петербурге стояли именно востоковеды этого крупнейшего центра изучения культуры и народов Востока.

Выдающиеся востоковеды мирового ранга вели преподавание в университете, принимали участие в работе Азиатского музея, становящегося крупнейшим собранием восточных древностей, прежде всего восточных рукописей. В составе Русского археологического общества было создано специальное Восточное отделение, выпускавшее фундаментальные тома своих «Записок». Основавший это издание видный арабист В. В. Розен сумел объединить вокруг него и плеяду петербургских востоковедов, среди которых был и классик востоковедения В. В. Бартольд. Соответственным образом «Записки Восточного отделения» носили общевостоковедный характер с уделением определенного внимания собственно археологическим сюжетам.

По линии Русского археологического общества и по линии университета совершались длительные поездки ученых-востоковедов в Среднюю Азию, в ходе которых описывались древние памятники, уделялось особое внимание приобретению восточных древностей, в первую очередь рукописей.

Достаточно типична в этом отношении поездка В. В. Бартольда в Семиречье в 1893–1894 гг. В ходе поездки были осмотрены и описаны археологические памятники, в том числе крупные городища, располагавшиеся вдоль древней торговой трассы, в ряде случаев предложено их отождествление с пунктами, упоминаемыми в восточных рукописях. Обобщенный анализ этих сведений, представленный в отчете о поездке и других публикациях, связанных с ее подготовкой и проведением, представляет наибольший интерес. По существу, это характерно и для большого труда В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва», являющегося классическим с точки зрения анализа данных письменных источников, но лишь обобщенно привязанного к археологическим объектам, воспринимаемым как топографические пункты, требующие отождествления с письменными свидетельствами. Детальный анализ находимых на памятниках археологических объектов не производился, так же как и их уточненное хронологическое определение. В. В. Бартольд один сезон считался руководителем археологических раскопок на городище Древнего Самарканда — Афрасиабе, но сразу же отказался от такого рода научной деятельности, препоручая ее местному исследователю В. В. Вяткину. Сам В. В. Бартольд неоднократно писал, что не следует

спешить с раскопками среднеазиатских памятников до выработки более надежной методики и приемов исследования. В результате проводившиеся в Средней Азии исследования носили в значительной мере характер археологических путешествий с фиксацией, в том числе и фотографической, имеющихся памятников, в первую очередь архитектурных. Так, Н. И. Веселовским был издан первый выпуск альбома «Мечети Самарканда». В начале XX в. российская археология в лице прежде всего В. А. Городцова и А. А. Спицына разрабатывала принципы археологической периодизации и детального анализа вещевых древностей, организуемых в устойчивые комплексы. Востоковеды, занимавшиеся древностями Средней Азии, были еще далеки от этого рода исследовательской деятельности.

Как первый этап изучения сам жанр археологических путешествий почти сразу же давал большие результаты. В этом отношении достаточно характерны исследования, проводившиеся в западных областях Китая, так называемом Восточном Туркестане. Там, в условиях аридного климата, сохранились уникальные памятники искусства и письменности, открытие которых породило активную экспедиционную деятельность. В эти работы в первые десятилетия XX в. включилась и русская наука. Первоначально предполагалось, что эта экспедиция будет проходить по линии Российского археологического общества, но Министерство финансов отказало в ассигнованиях по этой линии. Тогда был образован Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Душой этого начинания стал С. Ф. Ольденбург, возглавивший и основную экспедиционную деятельность этого комитета. В ходе экспедиционных работ описывались памятники, в том числе пещерные монастыри, фиксировались живописные панно, собирался вещевой материал, включая рукописи и их части на восточных языках, поныне составляющие сокровищницу Санкт-Петербургского собрания восточных рукописей. К изучению древностей были активно привлечены представители российской администрации, в частности консульский состав. Полученные собрания археологических материалов и древних монет составляют заметную часть коллекций материальной культуры, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

Перемены, происходившие в стране, естественным образом вели к переменам в системе организации науки. Вместо Императорского Русского археологического общества была образована Российская Академия истории материальной культуры, позднее получившая наименование Государственной (ГАИМК). Происходило организационное размежевание научных специальностей, и деятельность востоковедов сосредото-

чивалась в востоковедном учреждении, в которое был преобразован Азиатский музей. Как и другие издания Русского археологического общества, прекратили выход «Записки Восточного отделения». Организационно восточная археология оставалась в составе РАИМК — ГАИМК, где она была представлена отделами, менявшими свои наименования (разряд восточной археологии, разряд мусульманской археологии), но неизменно ориентировалась на среднеазиатские древности. Руководителем разряда среднеазиатской археологии вплоть до своей кончины в 1930 г. оставался академик В. В. Бартольд.

В рамках ГАИМК начала широко разворачиваться экспедиционная деятельность в Средней Азии, приобретшая особенно большие масштабы с 1930-х гг. В результате сформировались еще две характерные особенности ленинградской школы археологии Средней Азии. Это высокий методический уровень собственно археологических разработок, начиная от археологической систематики и вплоть до типологии, и процессуально аргументированный уровень исторической интерпретации данных археологии, прежде всего в сфере социологической и культурологической интерпретации. Это стало возможным в условиях общего развития методики и методологии археологической науки в Ленинграде, находящихся на уровне мировых стандартов. Эти особенности ленинградской школы археологии Средней Азии вкупе с ее востоковедным фундаментом определили руководящее положение школы в рамках отечественных и не только отечественных разработок по ориентальной археологии.

Одними из первых в зоне, где впервые выявлялся массовый археологический материал, встали вопросы археологической систематики. Сам тип среднеазиатских археологических памятников, представляющих собой в основном оседлые поселения, будь то города, сельские усадьбы или замки, был связан с длительным существованием на одном и том же месте, что обуславливалось стационарным характером систем искусственного орошения. Это привело к накоплению огромных толщ культурных напластований, отражающих последовательное развитие культурных комплексов. Такие памятники-холмы на арабском Востоке получили название теллей, а в зоне с тюркоязычной топонимикой — тепе, с различными вариантами огласовки (тепа, тюбе, депе).

Ленинградские археологи стали первыми исследователями, которые для среднеазиатского региона предложили вид археологической систематики, основанной на этой особенности памятников. Соответствующие напластования, объединяемые по типам артефактов в устойчивые комплексы, получали номенклатуру с порядковыми номерами, отражающими направление культурного процесса. Так, Г. В. Григорьев для Таш-

кентской области выделил комплексы Каунчи I и II, а в ходе раскопок согдийского памятника Тали-Барзу под Самаркандом установил достаточно протяженную колонку комплексов Тали-Барзу I–VI. Историческая трактовка этих периодов со временем потребовала значительных уточнений, особенно для комплексов типа Каунчи. Получили более позднюю датировку и ранние комплексы Тали-Барзу. Но сама система их последовательности полностью подтвердилась в ходе последующих изысканий.

Такую же систему предложил для памятников Северной Бактрии М. М. Дьяконов. Он выделил здесь комплексы Кобадиян I–V. При некоторых подвижках в организации материала, особенно для комплексов Кобадиян II и III, эта система в целом сохранила свое значение. Этот подход детальнейшим образом был применен для изучения раннеземледельческих памятников Туркменистана, известных в мировой археологии как памятники типа Анау, организованные американской экспедицией в систему Анау I–IV. В 1952 г. при проведении новых раскопочных работ в Южном Туркменистане была предложена уточненная хронологическая схема — Намазга I–VI, где был учтен большой исторический период, пропущенный американской экспедицией. Однако, так же как и схема Анау I–IV, схема Намазга I–VI строилась с учетом характера керамических комплексов, где яркая роспись позволила улавливать небольшие временные перемены в керамической стилистике. Дальнейшие полевые работы, осуществленные ленинградской школой, вывели археологическую систематику этого типа на качественно новый уровень — с учетом не только изменений в наборе артефактов, но и с опорой на реальные изменения в истории поселений, когда перестройки домов позволяли выделять строительные комплексы в горизонты. Выделение таких строительных горизонтов, komponуемых по дополнительным признакам в археологические комплексы, дало возможность приблизить систематику, предлагаемую исследователями, к реальной жизни древних поселений. Так, в ходе раскопок поселения поры энеолита и бронзового века Алтын-депе было предложено выделение 15 горизонтов. В дальнейшем реальная строительная история древних поселений восстанавливалась по отдельным участкам и в скоррелированном виде позволяла создавать общую систему периодизации. В результате созданная в Южном Туркменистане схема археологической периодизации, охватывающая почти шесть тысячелетий, стала эталонной для всего региона, да и для соседних областей (рис. 1).

Дальнейшее совершенствование тщательной методики раскопок привело к более углубленному познанию истории строительства и бытования сырцовых строений, которые неоднократно перестраивались, часто

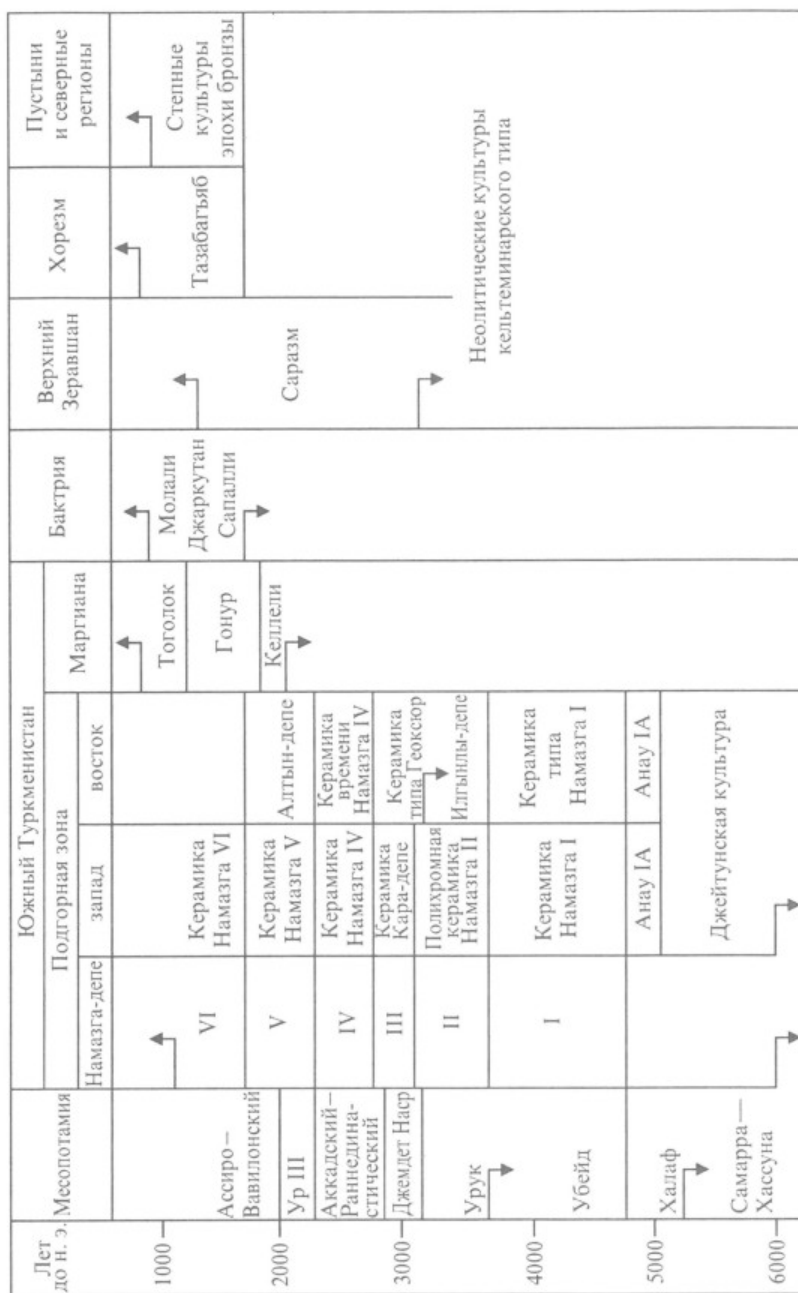

Рис. 1. Корреляция археологических структур и комплексов VI–II тыс. до н. э.

на протяжении жизни одного поколения. Особое внимание при этом уделялось заполнению обветшавших руин, выделению слоев и построек, связанных с постепенным ветшанием или одномоментными ремонтами и периодами запустения. Такая микростратиграфия давала возможности выхода на микрохронологию и выделение drobных периодов достаточно узкой хронологической протяженности. В полной мере эта методика получила развитие в ходе раскопок согдийского города Пенджикента, где, с одной стороны, была установлена drobная археологическая периодизация, с другой — восстанавливалась полная жизненно-го реализма история существования отдельных домов, кварталов и города в целом.

Происходило и совершенствование системы обработки массовых материалов, прежде всего керамики. Культура археологической типологии всегда была сильной стороной деятельности археологического центра Санкт-Петербурга — Ленинграда, что особенно ярко проявилось в изучении типологии и технологии орудий каменного века. В среднеазиатской археологии основное внимание было уделено типологии такого массового вида артефактов, как керамика. Так, Б. И. Маршак предложил типологическую интерпретацию согдийской керамики доарабского времени с учетом широко обсуждавшихся в отечественной археологии 1960-х гг. вопросов так называемой формализации археологии.

Вопросы типологии керамики и других видов массовых изделий неизменно разрабатывались исследователями ленинградской школы как в полевых условиях, так и в интерпретационных построениях. Из последних исследований в этой области следует отметить разработки Л. Б. Кирчо по изучению систем керамической орнаментации. В этой области, особенно в сфере терминологии, всегда было немало от субъективных представлений и личного бытового опыта. Л. Б. Кирчо предложила анализ орнаментальных композиций, основанный на использовании законов симметрии.

Важной особенностью ленинградской школы археологии Средней Азии стало использование данных археологии для изучения исторических процессов, что требовало и выработки соответствующей процедуры интерпретационных построений. При этом археологические данные рассматривались в контексте свидетельств письменных источников, знание которых всегда было сильной стороной петербургских исследователей древностей Востока, и в случае необходимости в коррелирующем контексте — со свидетельствами других наук гуманитарного профиля, прежде всего этнографии и лингвистики. На первых порах это были несколько прямолинейные социологические построения, исходящие из политически доминировавшего в стране формационного эволюцио-

низма. Это ярко видно уже на примере первого организованного ленинградским центром пленума по археологии Средней Азии, проходившего в 1936 г. Само его название соответственным образом было догматизировано — «Основные вопросы периодизации докапиталистических обществ Средней Азии». Соответственно большое внимание было уделено попыткам выявить в среднеазиатских материалах данные о развитии в регионе рабовладельческого общества. Вместе с тем на пленуме обсуждались и чисто археологические вопросы. В частности, в докладе ташкентского исследователя М. Е. Массона «Основные задачи изучения археологии Средней Азии» был поставлен вопрос о создании археологической карты Средней Азии. Отзвуки такого прямолинейного социологизируемого подхода звучали и на втором пленуме по среднеазиатской археологии, проходившем в Ленинграде в 1948 г. Но там уже много было и конкретных докладов, с которыми выступали на нескольких секциях ученые из восьми городов, а А. Н. Бернштам выступил с обобщающим докладом по археологической тематике и проблематике общерегионального характера.

Постепенно социологическая интерпретация стала приобретать более конкретный характер, опираясь на реально имеющиеся и поддающиеся соответствующему объяснению материалы. Так, в 1970-х гг. в Ленинграде Сектор Средней Азии и Кавказа провел ряд семинаров, посвященных именно социологической интерпретации данных археологии. Рассматривались вопросы ремесла и домашних производств, торговли и обмена, материалы погребений и могильников как источники по изучению общественных структур, равно как и материалы жилищ и поселений, содержащие аналогичную информацию. Своего рода обобщающим стал симпозиум, посвященный истории древних городов, где был поставлен вопрос о путях урбанизации в Древней Средней Азии. С этого времени вопросы урбанизации и урбанизационных процессов стали одними из основных в тематике различных центров, занимающихся археологией Средней Азии, и прежде всего в Ташкенте и Самарканде.

Дальнейший этап исторической интерпретации данных археологии был связан с изучением различных аспектов культурогенеза, чему был посвящен ряд конференций и симпозиумов 80-х — начала 90-х гг. XX в. Это имело особое значение, поскольку археологические материалы по самой своей специфике прямым образом отражали процессы культурного развития.

В ходе дальнейших разработок этого интерпретационного направления на первый план вышли вопросы культурного наследия, живо интересующие мировую общественность в последние два десятилетия XX в. в связи с развитием большого числа независимых государств, прида-

ющих большое значение самоутверждению и самоидентификации. Культурное наследие как важный аспект истории народов позволяет более обстоятельно и не поверхностно рассматривать различные вопросы истории народов, которые ранее объединялись в обобщенное понятие этногенеза.

Начиная со времени перестройки, объявленной М. С. Горбачевым, происходило постепенное восстановление структур, нарушенных стремлением к гиперцентрализации. Так, археологический центр Ленинграда, фигурировавший с 1945 г. как филиал, или отделение, так называемого головного института в Москве, с 1991 г. был восстановлен как самостоятельное учреждение с традиционным наименованием — Институт истории материальной культуры.

В 1998 г. было восстановлено Восточное отделение Российского археологического общества как объединение исследователей, занимающихся изучением Востока и восточных древностей, в первую очередь работающих в различных учреждениях Санкт-Петербурга. Организационная специализация, появившаяся с образованием особого Института востоковедения, изменила функции Восточного отделения, которое, не дублируя в полной мере традиции классического востоковедения, как это имело место в дореволюционные годы, сосредоточило свое внимание на изучении археологии, эпиграфики, нумизматики, сфрагистики и культурного наследия Востока. Местные центры Восточного отделения были образованы в Баку, Ашхабаде и Ташкенте. В 1999 г. Отделение провело в Санкт-Петербурге конференцию, посвященную изучению культурных традиций и преемственности в развитии древних культур Востока. Возобновлено издание «Записок Восточного отделения Российского археологического общества».

Широкомасштабные экспедиционные исследования, фундаментальные методические и методологические разработки ленинградской школы археологии Средней Азии привели к созданию ряда обобщающих и итоговых трудов, к открытию эталонных памятников отечественной и мировой археологии. Таковы прежде всего две итоговые книги — «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», вышедшая в 1966 г., и книга «Средневековый город Средней Азии», увидевшая свет семью годами позже.

Первая книга фактически конституировала такое направление среднеазиатской археологии, как первобытная археология. Его формирование было полностью обязано активным полевым изысканиям второй половины 1940-х — начала 1960-х гг., поскольку до революции среднеазиатские древности изучались почти исключительно как средневековые памятники. В 1930-е гг. раскопки в Термезе и Айртаме, на парфян-

ской Нисе, широкие исследования, начатые С. П. Толстовым в Древнем Хорезме, приоткрыли завесу над древними цивилизациями Средней Азии. Затем именно исследования археологов Ленинграда, в первую очередь А. П. Окладникова для каменного века и В. М. Массона для поры палеометалла, в полной мере привели к формированию первобытной археологии, что и нашло отражение в данной книге. Наряду с общими характеристиками в этой монографии были предложены определения, позволяющие говорить о характерных чертах различных первобытных культур и археологических комплексов.

Иной характер носила книга о средневековом городе. Ее первая часть «Город в VI — середине VIII в.», посвященная в основном согдийской эпохе, в значительной мере построена на новейших археологических материалах, на результатах изучения ленинградскими археологами городища Пенджикент. Здесь уделено специальное внимание различным категориям объектов материальной культуры, включая керамику. Обобщающая часть связана с характеристикой городской культуры, с аспектами социального и духовного развития. Вторая часть «Город в конце VIII — XIII вв.» построена на анализе свидетельств письменных источников и данных урбаноархеологии, тогда как массовые археологические объекты рассматриваются в основном как отражающие развитие соответствующих ремесел и производств. Сам анализ развития городов, их структуры и топографии носит во многом новаторский характер, творчески развивая и углубляя направления, начатые еще в трудах В. В. Бартольда. Принципиально новый характер носят и демографические оценки, методически сделанные с максимальной надежностью. В результате книга о средневековом городе стала фундаментальным итогом этого направления в археологии, да и в истории доарабской и домонгольской Средней Азии.

Экспедиционные исследования археологов Ленинграда во многом способствовали тому качественному и количественному скачку, который претерпела в середине XX в. информационная база среднеазиатской археологии. Сотни памятников были изучены, причем, как правило, с оценочными, а иногда и достаточно значительными раскопками, экспедициями А. Н. Бернштама, охватившими районы Юго-Восточного Казахстана, Киргизии, Ферганы и Восточного Памира. Целый ряд открытых при этом памятников, таких как могильник Кенкол, курганы бронзового века в тяньшанском высокогорье Арпа, высокогорный раннекочевнический могильник Тамды, сохраняют эталонное значение.

Выдающимся событием в истории культуры Востока стало подлинное открытие согдийской цивилизации в результате широких и планомерных раскопок городища Пенджикент, прозорливо выбранного

как базовый стационарный объект соответствующих исследований А. Ю. Якубовским. Живопись и скульптура этого города, запустевшего в ходе арабского завоевания, справедливо вошли в историю культуры и искусства Востока. Вместе с тем это стало лишь своего рода рекламной визитной карточкой Древнего Пенджикента. Более чем пятидесятилетние раскопки этого города с новой для урбаноархеологии Востока методикой сделали его наиболее полно и тщательно исследованным объектом урбанистической цивилизации Средней Азии и Среднего Востока. И дело здесь отнюдь не в масштабах проведенных раскопок. Целые кварталы и улицы были вскрыты в древней Таксиле в Северо-Западном Индостане, но строения вскрывались в целом, без детального восстановления истории и динамики, без скрупулезного учета взаимозависимости находимых объектов материальной культуры и самих культурных напластований. Именно последние позволили воссоздать историю городской жизни преарабского Согда по материалам Пенджикента с исключительной детализацией и научной полнотой.

Не перечисляя все памятники, изучавшиеся ленинградскими археологами, в блоке кочевых культур необходимо особо остановиться на раскопках могильника Аруктау в Северо-Восточной Бактрии. Проблема кушанской цивилизации, оставленной одной из четырех великих держав Древнего мира, полностью сохраняет свою актуальность. Именно А. М. Мандельштаму удалось выявить памятники древних кочевников, сокрушивших Греко-Бактрийское царство и положивших начало формированию Кушанского государства как исторического явления.

Долгое время в литературе дебатировался вопрос о так называемой доахеменидской Средней Азии, куда будто бы лишь Ахемениды привнесли высокие культурные эталоны. Раскопки в Южном Туркменистане установили, что здесь пролегал северный пояс древневосточных цивилизаций, начинавших свое развитие с архаических общин первых земледельцев. Поселок такой общины VI тыс. до н. э., носящий наименование Джейтун, был полностью раскопан на краю Каракумской пустыни к северу от Ашхабада. Примененная методика современного анализа артефактов, в частности трасологический анализ многотысячной коллекции орудий труда, поставила этот памятник в число эталонов для той эпохи, которая часто трактуется как неолитическая революция.

Систематическое исследование памятников Южного Туркменистана позволило установить, что здесь развитие общества и культуры шло по месопотамскому пути, хотя и более замедленными темпами, в своего рода периферийном облике. Венцом этого развития стало формирование местной цивилизации бронзового века раннегородского облика Алтын-депе. С течением времени стало ясно, что культуры сходного уров-

ня охватывают весь юг Средней Азии, характеризуя ее впечатляющее развитие именно в доахеменидскую эпоху.

Ленинградская школа среднеазиатской археологии играла заметную роль как организатор науки. Уже в 1936 и 1949 гг. в Ленинграде были проведены общесоюзные совещания по археологии Средней Азии. Необходимость кооперации и координации этого направления археологии стала особенно заметна с формированием в республиках Средней Азии и Казахстана местных археологических центров, кадры для которых, особенно для изучения первобытной эпохи, в значительной мере были подготовлены в рамках той же ленинградской школы.

Все это ярко проявилось при проведении в Ленинграде в 1968 г. совещания «Проблемы археологии Средней Азии», сборник тезисов которого был опубликован. Учитывая итоги этого совещания, Отделением истории АН СССР в 1969 г. был создан Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, куда вошли ученые Москвы, Ленинграда и всех региональных центров. Совет организовал несколько проблемно-тематических совещаний с публикацией тезисов докладов, а также с выпусками к некоторым из них сборников под общим названием «Успехи среднеазиатской археологии». Совещания тематически охватили основные направления среднеазиатской археологии, сложившиеся к этому времени. Это были совещания по каменному веку, ранним кочевникам, раннесредневековой культуре, по средневековому городу и по технологическому и культурному прогрессу в раннеземледельческую эпоху. С расширением международных связей, особенно качественно изменившихся с периодом перестройки, стал меняться и характер таких совещаний. Тематически сужаемые, они стали менее громоздкими и все больше приобретают международный характер, становясь двусторонними совещаниями и конференциями.

Становление и самоутверждение новых независимых государств в рамках СНГ выдвигали на первый план и новые задачи в изучении и использовании культурного наследия. Все большее значение приобретало стремление к празднованию юбилеев отдельных городов в том или ином государстве. Стремясь соединить эти, безусловно, положительные стремления с более углубленными научными разработками по истории таких центров, ленинградская — петербургская археологическая школа принимала научно-организационное участие в серии конференций по истории Мерва (1990–1994 гг.) и Бухары (1993–1995 гг.). Публикация сборников тезисов этих совещаний подводила определенные итоги изучения прошлого этих центров древней культуры. Для Кыргызстана такое мероприятие стало возможным в связи с юбилеем древнего центра, сложившегося на территории г. Ош. В ходе трехлетней работы по этой

программе было издано пять научных сборников с общим названием «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана».

Поддержание и сохранение высоких научных традиций, позволяющих воздействовать на культурные и общественные процессы, происходящие в наши дни, — одна из основных задач Санкт-Петербургской школы археологии Средней Азии.

При написании этой книги были использованы материалы университетских курсов: «Археология Средней Азии» и «Культура Центральной Азии в системе связей и взаимодействий Востока и Запада», читавшихся в ряде университетов и институтов, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете и в Институте истории и филологии Академии Синика на Тайване. При подготовке рукописи и иллюстративного материала к печати неоценимую помощь оказали Н. А. Лазаревская и Л. Б. Кирчо, которым автор выражает искреннюю благодарность.

Глава I

ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ: ИСТОКИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Памятники эпохи нижнего палеолита. Бифасы и чопперы — западные и восточные связи. Мезолит — начало широкого освоения пустынь и полупустынь. Неолитическая эпоха — формирование двух культурно-хозяйственных зон, оседлые земледельцы и скотоводы юга (Джейтун) и охотники, рыболовы и собиратели севера (Кельтеминар).

Информационная база археологии каменного века намного уже и однообразнее по сравнению с историей материальной культуры последующих эпох. Сам образ жизни архаических охотников и собирателей был весьма примитивен, и их производство многие тысячи лет было ограничено изготовлением орудий, главным образом из различных пород камня. Изделия из органических материалов, судя по всему, были немногочисленны и в условиях столь длительного существования объектов в сложных почвенных ситуациях, как правило, не сохраняются. Лишь в пору верхнего палеолита все шире начинает использоваться для различных изделий кость, и информационная база археологии увеличивает свой спектр.

В этой ситуации неудивительно пристальное внимание, уделяемое анализу самих каменных орудий, которые помимо различных реконструктивных построений служат основой археологической систематики. Вырабатывается специальная терминология для характеристики самих орудий и отходов, получаемых при их производстве. Поскольку Франция традиционно является ведущим центром палеолитоведения, многие термины, включая названия подразделения самой палеолитической эпохи, выработаны на французском языке. В отечественной науке традиционным центром тщательного изучения техники производства орудий каменного века, да и самих орудий, является Ленинград — Санкт-

Петербург. Основатель этой школы П. П. Ефименко в начале XX в. проходил длительную стажировку во Франции.

Исходной заготовкой для изготовления каменных орудий служит оббитый кусок камня или просто булыжник, именуемый ядрищем или нуклеусом. Специально обработанный предварительно, такой нуклеус мог иметь различную форму и служил для получения путем скалывания различных пластин и отщепов, из которых обычно, при дополнительной обработке, изготовляли орудия. Обработку производили специальными отбойниками. Наиболее архаическими формами орудий были изделия из галек, как правило, так и называемые галечными орудиями. Они долго сохраняли свое значение наряду с изделиями все более совершенных форм. Обычно различают чопперы — грубые галечные орудия, рабочий край которых обработан с одной стороны, и чоппинги, у которых такой обработке подверглись два края. Особое значение исследователями придается технике леваллуа, когда производилась тщательная предварительная обработка нуклеуса, что позволяло получать пластины менее массивные и сравнительно правильных очертаний. Такой тщательно подготовленный нуклеус имеет устойчивые очертания, напоминающие черепаховый панцирь, и поэтому часто называется черепаховидным. Детальное изучение форм каменных орудий и отходов их производств, получившее название морфологического анализа, было подкреплено статистической обработкой массовых материалов, которую широко применил французский ученый Ф. Борд. Пропорции различных изделий и детали их технической обработки, указывающие на технику их изготовления, оказались одинаковы для одних и тех же орудий. Устойчиво повторяющиеся, они позволили вычислять соответствующие индексы и применять графические приемы статистической обработки. Приемы обработки камня древними людьми закреплялись культурной традицией и служат основанием для выделения групп памятников, восходящих к устойчивым коллективам, неизменно следующим одним и тем же приемам. Этот подход во многом продвинул вопросы археологической систематики памятников каменного века. В последнее десятилетие столь же большое внимание уделяется изучению техники расщепления камня, где также обнаруживается ряд устойчивых традиций. Разработанный ленинградским ученым А. А. Семеновым трасологический метод изучения орудий под микроскопом с большим увеличением позволяет по следам сработанности определять функции орудий каменного века.

Палеолитическое общество существовало в пору значительных климатических перемен, в частности больших оледенений, и в данном случае геологическая периодизация способствует определению хронологического положения памятников каменного века. Этот поздний этап

в геологической истории Земли именуется четвертичным. В Средней Азии не было мощных оледенений, покрывающих значительные территории и именуемых поэтому покровными. Оледенения четвертичного периода охватывали в Средней Азии в основном горные районы. Периодизация четвертичного периода здесь в значительной мере основывается на истории Каспийского моря, уровень и площадь которого значительно колебались при большом увлажнении и получении большого количества влаги за счет мощных ледников и снега в горных массивах. Наиболее ранняя трансгрессия Каспия относится ко времени около 1000–700 тыс. лет тому назад и называется апшеронской. Затем следуют бакинская и хазарская трансгрессии, которые относят ко времени около 300 тыс. лет тому назад. Наибольших размеров Каспий достиг в пору хвалынской трансгрессии, когда уровень моря поднялся почти на 40 м по сравнению с современным. Здесь отмечены ряд этапов колебания уровня моря. Начало хвалынской трансгрессии обычно относят ко времени около 70 тыс. лет тому назад. Максимум трансгрессии соответствует ледниковым эпохам в более северных областях. Происходившие в это время в Средней Азии похолодание и увлажнение сопровождалось распространением древесной растительности. Огромные запасы влаги в горных массивах способствовали активности речных протоков. Огромная Праамударья протекала по Каракумам и впадала в Каспий.

Фаунистические комплексы, соответствующие этим природным изменениям, хорошо выделены на территории Казахстана. Ранний кошкурганский комплекс характеризуется распространением лесного слона. В зоне тугаев были представлены бизон, степной носорог-эласмотерий, лось и олень-марал. В степях водились два вида лошадей и верблюды. Хазарский фаунистический комплекс отражает пору потепления, затем дважды сменяющуюся периодами похолодания и оледенения в горных массивах. Распространяются трогонтериевый слон и малошерстистый мамонт. В луговых зонах представлены бизоны и олени.

Традиционно пора палеолита делится на три эпохи — палеолит ранний (нижний), палеолит средний и палеолит поздний, часто именуемый также верхним палеолитом, по уровню залегания соответствующих культурных напластований в многослойных памятниках. Раннепалеолитические местонахождения в Средней Азии сравнительно немногочисленны и, судя по всему, представляют две культурные традиции. Находки в восточных горных областях связаны с традицией преимущественно галечных орудий, характерной для соанских комплексов Индостана. Таково одно из первых галечных орудий, обнаруженное А. П. Окладниковым в урочище Он-Арча на Тянь-Шане. Целый ряд соответствующих

находок был сделан В. А. Рановым в погребенных почвенных слоях в Юго-Западном Таджикистане. Наиболее ранний из них — Кульдара, за которым, видимо, следуют материалы из Каратау 1. Здесь представлены галечные орудия, в частности чопперы и грубые скребла. Возраст находок в Кульдара, по геологическим данным, может достигать 800–900 тыс. лет. Каратау 1 и следующее за ним местонахождение Лахути 1, скорее всего, уже более позднего времени — около 300–200 тыс. лет. Все это — отдельные находки каменных изделий, удачно оказавшиеся в четком стратиграфическом положении и не связанные с длительным пребыванием палеолитического человека. Пещера Сельунгур в долине р. Сох в Южной Фергане, возможно, была местом более длительного обитания первобытного коллектива. По материалам, пока весьма незначительным, этот памятник также может быть включен в круг галечных культур. Пещера сама по себе достаточно обширна для устройства базового стойбища: ее высота у входа 25 м, а ширина в устье около 34 м. Среди находок имеются кости сибирского горного козла и барана. Представлены также кости оленя. Природное окружение может быть охарактеризовано как горные степи с участками лесной и кустарниковой растительности. Это укрытие вполне могло служить местом базового стойбища нижнепалеолитических охотников, но пока имеются лишь отдельные свидетельства его освоения древними людьми.

Иной облик носят каменные индустрии из местонахождений в западных прикаспийских областях Средней Азии. Отдельные чопперы и чоппинги здесь обнаружены в Копетдаге, и их возраст может быть столь же древним, что и из местонахождения Кульдара. Но преобладают в прикаспийских районах более поздние комплексы, где широко представлена техника двусторонней обработки каменных орудий, соответственно называемых бифасами (табл. 1, 1). Находки происходят из района Красноводского плато, где на южных склонах имеются выходы кремня из заузбойского складчатого района. Бифасы имели различные функции, в том числе их использовали в качестве скребел. В этой же технике изготовлены ручные рубила, важное орудие нижнепалеолитического человека. Это было тяжелое орудие клиновидной формы с заостренным концом, и другой конец служил для захвата рукой. Эти орудия устойчивой формы использовались в самых различных операциях, в том числе, видимо, и как наконечники ударного орудия типа копья. По европейской классификационной схеме эти группы изделий могут быть отнесены ко времени ашеля. Материалы этого типа найдены в Центральном Казахстане в районе Сары-Арка, где исследовались каменоломни и пункты, видимо, бывшие центрами обработки кремня и изготовления орудий, обычно именуемые мастерскими.

Исследователи справедливо отмечают, что бифасы, отсутствующие в горных районах на востоке Средней Азии, находят близкие аналоги в материалах Ближнего Востока. Возможны даже прямые связи с регионом Кавказа, поскольку предполагается, что в пору регрессий Каспия мог существовать сухопутный перешеек от Мангышлака к западному побережью Каспия.

Традиция кремневых индустрий с бифасами представлена и в равнинных районах, как об этом свидетельствует изучение памятника Кульбулак в Ташкентской области на берегу двух древних притоков р. Ахангеран. Здесь древние орудия расположены в слоях, разделенных стерильными почвенными прослойками. Сами слои нарушены, но не переотложены. К поре среднего и позднего ашеля относятся находки из слоев с 45 по 24. Среди двусторонне обработанных орудий есть скребла и наконечники копий и дротиков (табл. 2, I). Иногда оформление рабочего края носит зубчатый характер. В это время климат был влажным и теплым. Судя по костным остаткам, ашельские охотники Кульбулака добывали лошадей, оленей, туров, а также сибирского горного козла и кабана. Рядом с основным местонахождением обнаружен памятник Кызылалма, индустрия которого определяется как относящаяся к леваллуазской традиции. По системе, выработанной французскими исследователями, соответствующие комплексы должны иметь индекс леваллуа от 20 до 40%.

Более разнообразны материалы, характеризующие средний палеолит Средней Азии, или эпоху мустье, ориентировочно относящуюся ко времени от 100 до 30 тыс. лет тому назад. Здесь исследованы и пещеры, бывшие местами базовых стоябищ, и стоянки на открытых пространствах, видимо, выполнявшие сходную функцию, и отдельные местонахождения, в числе которых имеются места добычи и первичной обработки кремня. Классическим памятником среднеазиатского мустье остается пещера Тешик-Таш, открытая и полностью раскопанная А. П. Окладниковым в 1938 г. во время работы в составе Термезской археологической комплексной экспедиции. Она расположена в горах Байсунтау на юге Узбекистана в долине р. Тургундарья. Эта пещера, ориентированная на юг, была теплой в любые времена года. Большая и просторная, она служила местом стационарного обитания в течение нескольких сезонов. Здесь вскрыто пять культурных слоев, разделенных стерильными прослойками, что указывает на неоднократность обитания здесь мустьерских охотников. Для мустьерского времени весьма характерны нуклеусы дисковидной формы, с краев которых производилось скалывание пластин и отщепов, шедших на изготовление орудий или использовавшихся прямо без дополнительной обработки ретушью

(табл. 2, II). Основными орудиями с такой обработкой являются скребки, или скребла, которыми, в частности, обрабатывались шкуры добытых животных, и остроконечники, насаживавшиеся на древки древних копий и дротиков. Здесь найдено 55 скребков и остроконечников. Основным объектом охоты был сибирский горный козел, костные остатки которого принадлежали 38 особям. По одной особи представлены остатки лошади и оленя, по две — медведя и барса, шкуры которых, видимо, высоко ценились, но добывать их было отнюдь не просто со столь примитивным охотничьим оружием. В пещере Тешик-Таш было обнаружено и захоронение самого мустьерского человека: под верхним культурным слоем было расчищено погребение ребенка 8–9 лет, принадлежавшего к антропологическому типу неандертальцев, предшественников человека современного типа. Погребенный был обложен рогами горного козла, бывшего, как мы видели, основной добычей тешикташских охотников. В этой культурной практике, скорее всего, можно усмотреть истоки тотемических представлений, связанных с особым отношением к животному, обеспечивающему основной источник питания и становящемуся тотемом данной группы охотников или нескольких групп, объединяемых общими традициями, проявление которых археологи могут усмотреть в способах изготовления каменных орудий. Тешик-Таш был высокой теплой пещерой, ставшей излюбленным центром горных охотников мустьерского времени. Расположенная поблизости другая пещера, Амир-темир, напротив, была низкой и сырой, поэтому лишь изредка посещалась неандертальцами и была, скорее всего, промежуточной стоянкой, а не базовым лагерем.

Другим базовым лагерем среднеазиатских неандертальцев была приташкентская пещера Обирахмат, расположенная на одном из притоков р. Чаткал. Вход пещеры обращен на юг, что защищало его обитателей от холодных северных ветров. Высота пещеры около 12 м, ширина — 20 м. На постоянное использование в качестве места обитания указывает наличие 21 слоя. Удобным убежищем для долговременного обитания был и расположенный поблизости грот Ходжакент 2. Основной добычей обирахматских охотников, как и обитателей Тешик-Таша, являлся сибирский горный козел, кости которого составляют около 60% фаунистических остатков. Тридцатью процентами представлены кости оленя. Имеются остатки и кошачьего хищника, возможно, пещерного льва.

Видимо, неоднократно посещаемое базовое стойбище находилось и в районе Кульбулака, хотя шурфы не затронули собственно культурный слой нуклеарной части места обитания. Но весьма показательны, что

мустьерские изделия обнаружены в 24 слоях, разделенных стерильными прослойками. Исследователи отмечают общую преемственность с индустрией более ранних напластований Кульбулака. Обнаружено много скребел разных типов. Специфической локальной чертой является доминирование при вторичной обработке изделий выемчатой крупно- и мелкозубчатой ретуши.

Судя по всему, достаточно стабильным центром регулярного, по крайней мере сезонного, обитания было стойбище Кутурбулак. Оно расположено в долине р. Зеравшан и насчитывает пять слоев. На длительность обитания указывает и характер кремневого инвентаря, в частности сработанность нуклеусов. Сами кремневые орудия Кутурбулака достаточно характерны. Здесь имеются и дисковидные нуклеусы, и остроконечники, и скребла (табл. I, II). В отличие от тешикташских неандертальцев обитатели Кутурбулака были типичными равнинными охотниками. Около половины их добычи составляли лошади и около 20% — слоны. Добывались также тур, кулан и обитатель тугайных зарослей — бухарский олень. В долине Зеравшана имеется и другое местонахождение времени мустье — Зирабулак.

Локальные группы мустьерского общества достаточно широко освоили территорию Средней Азии. Их изделия обнаружены в пещере Аманкутан к югу от Самарканда. Низкая и сырая, она могла давать охотникам на азиатского муфлона, кости которого здесь составляют около 60%, лишь временный приют. В Юго-Западном Таджикистане была обжита площадка перед гротом Огзы-Кичик, где был получен достаточно выразительный материал времени мустье. Особый тип памятников представляют места добычи и первичной обработки кремня, которые А. П. Окладников образно назвал мустьерскими каменоломнями. Один из наиболее значительных таких памятников, Капчигай, расположен в Ферганской долине. Здесь у вершины одного из всхолмлений имеются пласты кремня превосходного качества. Массивные, грубо оббитые обломки камня могли служить «кирками» древних людей, добывавших материал, необходимый для изготовления орудий. Здесь же производилась и первичная обработка — подготавливали нуклеусы, с которых затем скалывали пластины и отщепы, шедшие на изготовление собственно орудий. Иногда здесь выделяли и сами орудия, в частности остроконечники. Сходные центры добычи камня были обнаружены и в горах Каратау в Бухарском оазисе.

В связи со значительным количеством памятников, в том числе с весьма представительными коллекциями, встал вопрос об их группировке в рамках археологической систематики. Уже А. П. Окладников отмечал близость индустрий ряда памятников, в частности Тешик-Таша, приташ-

кентских пещер и ряда местонахождений Южной Ферганы. В. А. Ранов предложил выделять в среднеазиатском мустье четыре варианта, исходя в значительной мере из общего впечатления от обнаруженных коллекций. Р. Х. Сулейманов предпринял попытку группировки памятников на основании статистических методов и предложил выделять для мустье особую культуру, названную им обирахматской, к которой он отнес помимо самого Обирахмата также Тешик-Таш, Ходжикент 2 и некоторые другие памятники. Продолжением этой культурной традиции узбекистанские исследователи считали памятники типа Кутурбулака. Судя по всему, это был основной тип мустьерской индустрии Средней Азии, и если применять термин «культура», то, как правильно отмечала З. А. Абрамова, ее следует именовать по эталонному и впервые открытому памятнику тешикташской. Вместе с тем по меньшей мере два памятника указывают на то, что со временем картина культурного районирования и систематизации примет более сложный характер. Так, совершенно ясно особое положение местонахождения Кара-Бура в Западном Таджикистане. Здесь достаточно многочисленные изделия, обнаруживаемые на возвышенности около р. Вахш, видимо, частично переотложены, но в целом составляют выразительную коллекцию с высоким процентом галечных орудий. На основании этого В. А. Ранов считает возможным говорить об особом варианте индустрии, так называемой мустьеро-соан. Действительно, специфика этой коллекции весьма велика, и вполне вероятно предположение о развитии индустрии этого типа на основе галечных традиций, восходящих в этом районе еще к начальной поре нижнего палеолита. Вторым памятником, отличающимся значительным своеобразием, является, бесспорно, Кульбулак, демонстрирующий к тому же устойчивое развитие одной технической традиции. Разумеется, новые открытия, как и последовательное применение «метода Борда» к массовым материалам с вычислением индексов и критериев сходства и различий, будут способствовать дальнейшему приближению к воссозданию сложной конкретной картины культурного развития неандертальских коллективов Средней Азии.

Для времени верхнего палеолита количество известных памятников, включая отдельные местонахождения, заметно сокращается. Был поставлен, видимо, несколько поспешно, даже вопрос о некоей «депопуляции» по сравнению с мустьерской эпохой. Скорее всего, определенную роль здесь сыграли трудности обнаружения древних стоянок и стоянок в условиях бурной деятельности водотоков и накопления гигантских толщ аллювия и делювия в пору природной активности хвалынского времени.

Черты технического прогресса, характерные в целом для поры верхнего палеолита, здесь налицо. Теперь нуклеусы приобретают правиль-

ную призматическую или коническую форму. С них скалываются достаточно тонкие пластины правильной огранки, идущие на изготовление орудий. Развешанные стоянки-мастерские, где протекала подобная деятельность, были обнаружены на Красноводском полуострове в урочище Янгаджа II. Тонкие и длинные пластины шли на изготовление концевых скребков, проколов и острий. На юге Ферганской долины достаточно выразительный материал начальной поры верхнего палеолита дает местонахождение Ходжа-Гор. Здесь представлены как призматические нуклеусы, так и весьма совершенные изделия самой пластинчатой индустрии. На ранних этапах верхнего палеолита еще не были изжиты старые традиции. Так, в верхнепалеолитических слоях Кульбулака имеются как призматические, так и архаические дисковидные нуклеусы.

Для поры верхнего палеолита известны и памятники, являющиеся остатками стойбищ длительного обитания, своего рода базовыми лагерями. Одним из них, скорее всего, была высокогорная стоянка Шугноу в Западном Таджикистане (табл. 1, III). Здесь выявлено три слоя, разделенные стерильными прослойками. Очажные пятна, обнаруженные во втором горизонте, указывают на относительную стабильность обитания. В нижних слоях кремневая индустрия более архаична и, видимо, как в верхнепалеолитическом Кульбулаке, еще бытуют мустьерские традиции. Во втором слое многочисленны призматические нуклеусы и нуклеусы, близкие к коническим. Среди пластин встречаются и микропластины. Имеются острия. Концевые скребки изготавливали на крупных, удлинённых пластинах. Добычей охотников, расположивших свой лагерь на участках высоких пойм и надпойменных террас, были лошади, быки и бизоны.

Видимо, целый куст подобных базовых стойбищ располагался в долине Зеравшана, почти в центре современного города, почему и получил наименование Самаркандской стоянки. Кремневая индустрия здесь носит как бы смешанный характер. Орудия изготавливали из мелких отщепов и ножевидных пластин, но сравнительно много и массивных галечных орудий (табл. 2, III). В этой части Зеравшанской долины имеются и отдельные местонахождения этого времени, видимо, промежуточные стоянки обитателей базового стойбища. Они были типичными охотниками равнин, и свыше половины их добычи составляли лошади. Около 20% приходится на кулана, или плейстоценового осла, и почти столько же — на зубра или тура. Среди добычи представлены также верблюд, благородный олень и степной баран. Благоприятное местоположение стойбища способствовало тому, что оно обживалось неоднократно в разные хронологические этапы в рамках верхнего палеолита.

Верхний палеолит сменяется в Средней Азии периодом, который по традиционной терминологии археологической периодизации именуется

мезолитом, или среднекаменным веком. В эту пору продолжала совершенствоваться техника скалывания пластин с нуклеусов, имевших обычно правильную геометрическую форму — призматическую или коническую. Техника эта достигает поистине филигранного совершенства, и появляются микропластины — миниатюрные и тонкие изделия, которые вставляются в паз рукоятки, изготовленной из кости или дерева. Появляются изделия геометрических форм, обычно в виде сегментов или треугольников. Эта форма позволяла использовать их также при изготовлении сложных орудий с наборным лезвием, в том числе наконечников стрел и гарпунов. Широкое распространение лука также было характерной чертой мезолитической эпохи. Наряду с этим изготовлялись и использовались достаточно крупные пластины верхнепалеолитического облика, что составляет характерную черту мезолита, особенно на ранних этапах.

Возраст среднеазиатского мезолита может быть ориентировочно определен, XI–VII тыс. до н. э. Это была пора крупнейших климатических изменений. Происходит общее потепление, ледники евразийского севера тают и отступают. В южных районах также наблюдается общее потепление и увлажнение. Эти изменения существенно сказались и на пустынных областях. В Кызылкумах в крупных впадинах образуются временные и постоянные озерные водоемы. Происходит также опреснение грунтовых и почвенных вод. Это благоприятно сказалось на растительном покрове и соответственно на распространении травоядных животных. Начинает широко осваивать эту нишу и человек, особенно с периода позднего мезолита.

Памятники Средней Азии поры мезолита достаточно многочисленны и разнообразны. Но в основном это остатки развеянных стойбищ и стоянок, и поэтому именуется местонахождениями, где концентрируются кремневые изделия, которые собраны археологами прямо с поверхности.

В Прикаспии наряду с подобными местонахождениями изучены также пещеры, дававшие приют мезолитическим локальным группам. Прикаспийские памятники отличаются и характером каменных индустрий, обнаруживающих определенные связи с кремневыми индустриями Ближнего Востока, подобно тому как это отмечалось для времени ашеля. Наиболее ярким памятником в этом районе является пещера Дам-Дам-Чешме 2, нижний 9-й слой которой относится, скорее всего, еще к поре финального верхнего палеолита. Слои с 8-го по 5-й характеризуют определенные этапы развития прикаспийского мезолита, отличающегося локальными чертами (табл. 3). Здесь налицо пластинчатая техника расщепления с элементами микролитоидности. Изделия геометрических форм представлены крупными трапециями и неравносторонними тре-

угольниками. В это время была обжита и другая пещера — Джебел (слои 7–8). В особую группу Г. Ф. Коробкова выделяет индустрию Дам-Дам-Чешме слоя 2 «4 верх». Для нее характерны вытянутые треугольники и сегменты, что близко напоминает кремневую индустрию Северного Ирака типа Зарзи. Локальные группы, находившие убежище в прикаспийских пещерах, были охотниками, и добычей им служили как обитатели степных пространств (кулан и джейран), так и горных отрогов (безрогий козел). Видимо, уже была одомашнена собака.

В Восточном Прикаспии известны многочисленные развешанные стоянки, которые по типу кремневой индустрии объединяются исследователями в различные типологические группировки. Это свидетельствует о сложном характере развития, о сосуществовании групп населения с различными традициями в кремневой индустрии. Видимо, через их посредство отдельные ближневосточные культурные импульсы могли достигать и более северных областей — Нижнего Поволжья и Южного Урала.

С конца мезолита начинают широко осваиваться равнинные пространства пустынь и полупустынь, в частности внутренние бессточные Кызылкумы и окраинные аллювиальные районы Празеравшана и древней дельты Амударьи. В Кызылкумах с этого времени устанавливается влажный и прохладный климат — так называемый льявляканский плювиал. Расположенные в Кызылкумах памятники типа Учацаи и Аяагитма отличаются большим количеством скребков, сделанных на пластинах и отщепках. Из геометрических орудий представлены асимметричные треугольники и трапеции, в том числе с вогнутой вершиной, именуемые археологами «рогатыми».

Достаточно широко была обжита и Ферганская долина, где, как и в Прикаспии, наряду с развешанными стоянками, концентрирующимися в ныне пустынных районах, в центре равнины существовали базовые стоянки в пещерах — Обишир на юге и Таш-Кумыр на севере. Характерной чертой индустрии обиширской культуры было сочетание микролитной техники и незначительных элементов галечных орудий. Основными заготовками для орудий почти поровну служили пластины средней величины и микропластины. Весьма многочисленны скребки на отщепках, в том числе миниатюрные микроскрепки. Из орудий геометрических форм в основном представлены сегменты.

Целый ряд мезолитических местонахождений представлен в Западном Таджикистане, где к этому времени относится второй слой поселения Туткаул. Его материалы близки в ряде отношений обиширской культуре. Галечных орудий сравнительно немного, также как и асимметричных треугольников. Мезолитические материалы известны и в Восточном Памире, где они объединены исследователями в маркансуйскую культуру.

ру. Здесь при изготовлении орудий предпочтение отдавалось не пластинам, а отщепам. Изделия геометрических форм вообще нетипичны. Видимо, изолированные группы высокогорных охотников придерживались особых культурных традиций, проявившихся и в характере кремневых индустрий. Считается, что к мезолитическому времени относятся наскальные рисунки, выполненные краской в урочище Зараут-Камар. Здесь, в частности, представлена сцена охоты на быков. С охотничьей магией, видимо, связаны и выполненные краской рисунки в гроте Шахты, расположенном на Памире на высоте 4200 м над уровнем моря. Однако изображенные здесь животные, поражаемые стрелами, — кабан и бык — отнюдь не обитатели высокогорья. Видимо, для культовых церемоний был преднамеренно выбран труднодоступный грот, подобно тому как это имело место и со знаменитыми верхнепалеолитическими пещерами-«святилищами» Европы.

По традиционной археологической систематике неолитом, или новым каменным веком, именуется время, когда произошли дальнейшие изменения в изготовлении каменных орудий, появилась и получила широкое распространение техника шлифовки, начали изготавливать керамику. Была сделана попытка жестко связать археологическое понятие «неолит» с хозяйственными изменениями, в частности с появлением земледелия и скотоводства. Но поскольку это два различных способа членения истории на периоды, основанные на разных критериях, особой ясности эти попытки не принесли и, несмотря на появление симбиозной терминологии (например, «докерамический неолит»), для археологической систематики не очень существенны.

По определению Г. Ф. Коробковой, для неолита Средней Азии наряду с использованием в каменных индустриях мезолитических традиций характерно применение новых технических приемов: стабильное шлифование, заточка лезвия, пикетаж и новые виды ретуши, в частности пальчатая и струйчатая. Как правило, неолитические культуры связаны и с появлением глиняной посуды. В принципе для неолита среднеазиатского региона характерно распространение пластинчатых индустрий с сильной тенденцией к микролитаидности, возобладавшей, например, в ферганских комплексах, и лишь в зонах, тяготеющих к горным массивам, проявляется галечная индустрия, что может быть в равной степени связано с культурными традициями и сырьевыми возможностями.

В пору неолита за терминологическим однообразием археологической систематики все в большей мере скрываются сложные культурные и хозяйственные процессы, ведущие к повышению локального разнообразия и в конечном счете к неравномерности исторического развития. С переходом в неолитическую эпоху племен Южного Туркмени-

стана к земледелию Средняя Азия резко разделилась на две культурно-хозяйственные суперзоны: оседлые земледельцы и скотоводы юга (Джейтун) и охотники, рыболовы и собиратели севера (Кельтеминар, Гиссар, Фергана). На юге эволюция месопотамского типа привела к быстрой смене уже в V тыс. до н. э. кремневой индустрии медной. На севере кремневые индустрии неолитического облика, постепенно деградируя, продолжают существовать почти до начала II тыс. до н. э.

Для джейтунской культуры, датирующейся в основном VI тыс. до н. э. и распространенной в подгорной полосе Южного Туркменистана, характерны: кремневая индустрия с сильным микролитовидным компонентом и геометрическими орудиями в форме сегментов и трапеций; однокомнатные дома, возведенные из цилиндрических глиняных блоков; плоскдонная глиняная посуда, украшенная несложной струйчатой или скобчатой росписью (табл. 4). Выделяются три этапа развития джейтунской культуры. На первом этапе (сам Джейтун, нижние слои Чопан-депе) широко распространены трапеции и сегменты, в расписной керамике преобладают скобчатые и струйчатые орнаменты. На втором этапе (верхние слои Чопан-депе) ведущей становится частосетчатая роспись, полностью заменяющая скобчатую, из которой она эволюционировала, впервые появляются точечные узоры. Наконец, на третьем этапе, ярко характеризующем материалом верхних слоев поселения Чагаллы-депе, появляются новые виды орнамента: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зигзаги, ветка дерева. Типичной заготовкой для кремневых орудий становятся не изящные пластины джейтунского типа, а пластины неправильных очертаний, массивные в сечении. Заметно сокращается число орудий геометрических форм, представленных исключительно трапециями. При строительстве домов наряду с глиняными блоками начинают использовать уплощенные кирпичи.

Памятники джейтунской культуры невелики по размерам. Площадь самого Джейтуна около 5000 м². Наиболее значительное поселение Чопан-депе имеет площадь около 2 га и, возможно, было древним центром для целой группы джейтунских общин. Дома возводились из глиняных блоков с овальным сечением в 10–25 см, изготовлявшихся с большой примесью самана. Возможно, такая форма блоков следовала небольшим деревянным бревнам, которые могли использоваться в более раннее время. На позднем этапе джейтунской культуры уже входит в употребление кирпич, ставший основным строительным материалом для сырцово-архитектуры на многие тысячелетия. Для домов джейтунской культуры характерна стандартная планировка. Они имели подквадратный план площадью от 13 до 39 м². Наиболее типичны дома площадью 20–30 м². Внутри дома находился большой прямоугольный очаг. Часть дома около

очага была отгорожена в особый хозяйственный отсек. На стене, противоположной очагу, находился выступ, в котором была устроена небольшая ниша. Тщательная отделка интерьера домов подчеркивала высокий уровень благосостояния, наступивший с переходом к земледельческо-скотоводческой экономике. Полы обычно покрыты известковой обмазкой и окрашены, так же как и стены, в красный или черный цвет. Общее число таких домов на полностью раскопанном поселении Джейтун — около 35.

Распространение орудий труда свидетельствует, что проживавшие в таких домах малые семьи вели самостоятельную хозяйственную деятельность, но их подсобные строения крайне малы. Судя по всему, существовали строения, функционально общие для всего поселения, как, например, зернохранилища. Символом единства обитавших в таких поселках общин были и строения, выполнявшие общественно-культурную функцию. Так, на поселении Песседжик-депе открыто святилище, повторявшее планировку жилого дома, хотя и в более значительных размерах, его площадь — 64 м². На стене, находящейся напротив очага, располагалась стенная роспись. Изображения животных (барсов и каких-то травоядных) сочетались с геометрическими фигурами и нанесены красной и черной краской на белую штукатурку, служившую общим фоном. К этому строению, которое с полным правом можно именовать святилищем, примыкал обширный хозяйственный участок. Здесь, в частности, располагались основания для зернохранилищ в виде параллельных отрезков стен. Эти строения могут свидетельствовать о том, что при общественно-культурном центре сосредоточивался резервный и семенной зерновой фонд. В этом отношении весь комплекс Песседжик-депе со святилищем и примыкающими строениями можно характеризовать как своего рода протохрамовый.

Орудийный комплекс джейтунской культуры достаточно характерен для неолитической эпохи. Заготовками для изготовления кремневых орудий служили пластины удлинённых пропорций со скошенными ретушированными верхними концами. Значительная их часть (от 25 до 35%) использовалась в качестве вкладышей жатвенных ножей. Костяная основа такого ножа найдена на Чопан-депе. Это был еще архаический жатвенный инструмент с прямым лезвием в отличие от более поздних серпов, приобретших в соответствии с новой функцией изогнутую форму. Из пластин такого типа изготавливали скребки, скобели и сверла. Довольно значителен процент микроизделий. В первую очередь это трапеции и на раннем этапе сегменты. Многочисленны микроскребки, в том числе приостренной формы, предназначавшиеся для особо тонких операций по обработке шкур. Наконечники стрел отсутствуют.

Метательным оружием, скорее всего, служили ядра для пращи, часто изготовлявшиеся из обожженной глины.

Распространены миниатюрные топорики и тесла, сделанные из шлифованного камня. Более грубы такие изделия, как каменные ступки, зернотерки, песты.

Достаточно разнообразны орудия из кости. Помимо обычных шильев это иголки с ушком, скребки специфического вида, сделанные из обломанных лопаточных костей. Трасологическое изучение показало, что эти скребки предназначались для обработки шкур. Глиняная посуда Джейтуна представляет собой древнейший керамический комплекс Средней Азии. Все сосуды вылеплены от руки ленточным способом, в глину подмешивалась крупнорубленая солома. Обжиг, видимо, костровый, невысокого качества: часто в середине черепков, особенно крупных сосудов, можно видеть черный спек. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась, в отдельных случаях можно говорить о лощении.

Стремление к благоустройству быта, характерное для раннеземледельческой эпохи, стимулировало распространение орнаментации глиняной посуды. На самом Джейтуне расписная керамика составляет около 11% всех находок глиняных сосудов. Роспись производилась красной краской, приобретающей после обжига различные оттенки, чаще всего темно-коричневый или каштановый. Фон — светло-терракотовый или желтовато-рыжий. Расписывали главным образом цилиндрические корчаги, являвшиеся, скорее всего, сосудами для хранения. Роспись в основном двух видов: волнистая или струйчатая и скобчатая, образующая несколько рядов вертикальных скобочек, что в целом напоминает плетеную корзину. Из редких видов орнаментации представлены контурные треугольники, которые позднее станут играть большую роль в расписной керамике поры энеолита.

Устойчиво представлены на джейтунских памятниках глиняные фигурки животных. Более редки антропоморфные изображения. Таков, в частности, торс небольшой женской статуэтки. Имеются и сравнительно крупные терракотовые изображения человеческих голов, возможно, использовавшиеся в качестве наделов. Аналогичные, хотя и более схематичные, фигурки-амулеты изредка вытачивали и из камня.

Представлены и различные украшения, свидетельствующие, так же как прочные дома и расписная керамика, о повышении благосостояния и бытовом благоустройстве. Таковы удлиненные бусы из трубчатых костей птиц, бусы и подвески из раковин, в том числе раковин каури. Имеется и бусина, сделанная из бирюзы. К числу украшений принадлежат также миниатюрные подвески из белого камня, сделанные в виде фигур животных. Памятники джейтунского типа известны и в Юго-Восточ-

ном Прикаспии в долине Горгана (Санги-Чакмак и др.), но наиболее полно они изучены на северной прикопетдагской равнине. Здесь даже наблюдается постепенное расселение джейтунцев в восточном направлении из района Ашхабада, где расположен и сам эпонимный памятник Джейтун. Восточные памятники (Монджуклы-депе, Чагаллы-депе, Гадыми), находящиеся в районе Меана — Чаача, образуют локальную группу, отличающуюся определенными чертами культурного и хозяйственного своеобразия.

Достаточно надежно устанавливается хозяйственная деятельность создателей джейтунской культуры. Это были земледельцы и скотоводы, дополнявшие свой мясной рацион активной охотой. Судя по найденным отпечаткам зерен, выращивались пшеница-однозернянка, голозерный и пленчатый ячмень, причем на самом Джейтуне, где подробные комплексные исследования были проведены советско-английской экспедицией в 1989–1991 гг., предпочтение отдавалось пшенице. Судя по всему, уже производили одноразовое орошение полей с использованием паводковых сезонных разливов. Постепенно отлаживались и приемы агротехники. Так, практиковалась двойная жатва: сначала срезались колоски, зерно которых использовалось как продукт питания, а затем — стебли, которые в измельченном виде подмешивали в глину при изготовлении блоков-кирпичей и посуды, а также, возможно, шли на корм скоту. Основу стада составляли козы и овцы, причем исследование возраста забоя животных позволяет говорить о мясомолочном направлении этого вида хозяйственной деятельности. Из диких животных добывался главным образом джейран, обитатель степных пустынных просторов, но изредка совершались и охотничьи экспедиции в Копетдаг, откуда доставлялись туши горного барана и безоарового козла. Во всех случаях джейтунцев сопровождали домашние собаки. Редки находки костей кабана и пушных зверей — волка, лисы и дикого кота, тушки которых, видимо, разделывались на месте добычи, а в базовый поселок доставлялись лишь сами шкуры.

По основным культурным стандартам джейтунская культура входит в обширный блок древневосточных раннеземледельческих обществ. Это прежде всего касается тщательного покрытия полов известковой обмазкой и окраски интерьера в красный или черный цвет, что восходит еще к традициям докерамического неолита Иерихона VIII–VII тыс. до н. э. Правда, сам тип однокомнатных домов Джейтуна полностью оригинален и отличен от строений этой эпохи в Месопотамии и Малой Азии. По такой особенности набора артефактов, как широкое распространение геометрических микролитов типа трапеций и сегментов, так же как и наличию ядер для пращи, Джейтун тяготеет к культурному ареалу па-

мятников типа североиракского Джармо. Там, так же как и в Джейтуне, не изготавливали кремневые наконечники стрел или дротиков. Видимо, стрелы оснащали наборными сложносоставными наконечниками в отличие от Восточного Средиземноморья, где превосходные наконечники этого дистанционного оружия образуют одну из характерных черт археологических комплексов.

Эти соответствия имеют определенное значение для рассмотрения проблемы происхождения джейтунской культуры. Ее кремневая индустрия практически идентична традициям такого прикаспийского памятника, как Джебел, и таков, видимо, был исходный местный пласт древнейшей земледельческо-скотоводческой культуры Средней Азии. Вместе с тем западные аналогии строительного дела, так же как и тяготение к восточному культурному ареалу круга Джармо, позволяют говорить о стимулированной трансформации и получении из западных областей ряда эталонов материальной культуры, исходных форм злаков и домашнего скота. Но это отнюдь не было прямое переселение каких-то групп, принесших устойчивый, идентичный метрополии набор типов артефактов. В этом отношении показательно использование такого архаического вида земледельческого орудия, как прямой жатвенный нож. В Джармо также бытовал серп с кремневыми вкладышами, но уже изогнутой формы. Во всяком случае, Южный Туркменистан оказался включенным в обширную ближневосточную нуклеарную зону, где активно шло формирование раннеземледельческих обществ и свойственного им культурного комплекса с естественными чертами местного своеобразия и вариативности.

Различие путей развития в пору неолита в среднеазиатском макрорегионе ясно проявляется уже на примере Восточного Прикаспия, где современники джейтунцев почти не выходили за стандарты и параметры, сформировавшиеся еще в пору мезолита. Между тем в период неолита, судя по имеющимся материалам, это была область активного культурогенеза. Об этом свидетельствует разнообразие культурных традиций, устанавливаемых на основе анализа кремневых индустрий.

В пещере Джебел к поре неолита относятся слои 5–3, где кремневая пластинчатая индустрия достаточно отчетливо продолжает традиции более ранних мезолитических напластований. В слое 5 еще встречаются небольшие симметричные трапеции. Со слоя 4 появляются двусторонне обработанные наконечники метательного оружия, а также наконечники так называемого кельтеминарского типа, изготовленные на пластинах с боковым уступом. В этом слое представлена и грубая лепная керамика остродонных форм. В слое 3 найдена сероглиняная керамика высокого качества, явно принадлежащая к числу импорта из районов

Северо-Восточного Ирана (памятники типа Шах-тепе), где уже процветала раннеземледельческая культура. Обитатели пещеры добывали на охоте джейранов и куланов, а в русле Узбоя, бывшего полноводным протоком, ловили сазана и осетровых. Грацильность костей мелкого рогатого скота, найденных в слое 4, позволила археозоологам предполагать начало domestikации коз. Об этом свидетельствуют и остеологические материалы верхних слоев грота Дам-Дам-Чешме 2. Однако это хозяйственное нововведение мало сказалось на общем характере культуры, сохраняющей архаический облик.

С этими культурными традициями прикаспийских пещер связаны и более северные памятники, представляющие собой развешенные стоянки и объединяемые Г. Ф. Коробковой в карабогазский комплекс. Здесь имеются трапеции. Видимо, именно вдоль восточного побережья Каспия шли культурные импульсы, достигавшие районов Нижнего Поволжья и далее Южного Урала.

О разнообразии в этом районе культурных традиций и, видимо, соответственно пестроте населения свидетельствуют памятники типа Оюклы, выделяемые в особую культуру поры раннего неолита. На развешенных стойбищах здесь наблюдается концентрация находок на площадках диаметром 6–10 м. Судя по нахождению в центре таких скопленных остатков очагов, это развешенные древние жилища. Кремневая индустрия — пластинчатая. Встречаются редкие микроострия и небольшие трапеции. Керамика, как остродонная, так и плоскодонная, отличается богатством и разнообразием орнаментаций. Прочерченные волнистые и зигзагообразные линии, полосы косых насечек и вдавления часто komponуются в прямоугольники.

Особую культурную группу образуют памятники, выделенные в свое время С. П. Толстовым в культуру, названную им нижеузбойской. Богатый и разнообразный материал этого круга дают стоянки Актам и Келькор. Специфическими изделиями являются крупные скребки подквадратной формы, сделанные на отщепах, и острия. На ранних этапах здесь, как и в Джебеле, были представлены геометрические микролиты в виде трапеций.

По сравнению с этой пестротой и многообразием неолитические комплексы, занимающие основную территорию Средней Азии, отличаются определенным единством, распространившимся на обширные территории. Таковы памятники кельтеминарского типа, выделенные С. П. Толстовым первоначально для древней дельты Амударьи и правобережного Хорезма. Сначала исследователи говорили о кельтеминарской культуре и ее локальных вариантах. В настоящее время предпочтение отдается понятию «кельтеминарская культурная общность», ооб-

единяющему несколько локальных культур (табл. 5). Кельтеминар является выдающимся феноменом первобытной Средней Азии. Население, оставившее памятники этого типа, впервые широко освоило аридные области пустынь и полупустынь, создало устойчивую хозяйственную и культурную систему, в немалой степени оказавшую воздействие на северных соседей. Сложившись, скорее всего, еще на грани VI и V тыс. до н. э., Кельтеминар достиг своего наивысшего развития в V–IV тыс. до н. э. В ряде отношений это было процветающее общество, достигшее на основе гомеостазиса оптимальных успехов в условиях присваивающей экономики. Недаром число памятников кельтеминарской культурной общности, от временных стойбищ и стоянок до поселков с четкими признаками устойчивости и в значительной мере оседлости, превышает тысячу.

Древние кельтеминарские племена освоили два типа экологических ниш. Прежде всего, это древние дельтовые участки Амударьи и Зеравшана, которые в пору мезолита и неолита были действующими водотоками. Таковы Акчадарьинская дельта в низовьях Амударьи и две системы старых русел Празеравшана — дарьясайская и махандарьинская. Дельтовые участки были хорошо обеспечены водой, имели тугайные леса и густые тростниковые заросли, изобиловали рыбой. Второй физико-географический тип районов, освоенных кельтеминарцами, — это внутренние зоны среднеазиатских пустынь: Каракумов и Кызылкумов. Здесь важнейшее значение имела водообеспеченность. В Каракумах древние стойбища располагались вдоль Узбоя, бывшего в ту пору обводненным руслом Амударьи. Во внутренних Кызылкумах местом сосредоточения населения были естественные понижения и впадины с мелкими озерами, в настоящее время засоленными. Установлено, что в VI–III тыс. до н. э. климат здесь отличался от современного, грунтовые воды стояли высоко и были пресными. Этот благоприятный для человека период по материалам Кызылкумов был даже назван льявляканским плювиалом по имени одной группы внутренних озер этой пустыни.

Наиболее ранние памятники в зоне Кельтеминара относятся к поре позднего мезолита — раннего неолита, когда, видимо, в VII тыс. до н. э., в условиях увлажнения началось ее широкое освоение. Такие памятники известны в районах Льявляканских озер и в древнедельтовом районе Дарьясай (Учащи 84, 85, 153, Аякагитма). В технике расщепления здесь представлены и крупные пластины и многочисленные микропластины правильной огранки. Много скребков на пластинах и отщепках. Из геометрических микролитов имеются мелкие треугольники и такая специфическая форма, как небольшие трапеции с выемкой на верхней грани, получившие условное название «рогатых» трапеций.

Для времени расцвета Кельтеминара выделяется ряд локальных группировок или отдельных культур. Наиболее яркие материалы дали памятники района Акчадарьи. Здесь расположены и древние поселения (Джанбас-кала 4, Кават 7, Стоянка Толстова), на которых обнаружены жилища. Весьма яркую картину дали раскопки джанбаскалинского дома, который погиб в результате охватившего его пожара. Ямы от столбов и остатки сгоревшего перекрытия позволяют достаточно определенно судить об его конструкции. По наиболее обоснованной реконструкции это была восьмиугольная в плане землянка с перекрытием в виде кубообразного сруба типа дарбаза. С целью утепления крыша была покрыта толстым слоем золы и песка или земли. Высота землянки достигала 4 м. В центре жилища находился большой стационарный очаг, видимо, игравший роль хозяйственного и идеологического центра обитавшей здесь общины. По периферии располагались многочисленные, часто сменявшиеся очаги хозяйственного назначения, видимо, служившие для индивидуальных нужд малых семей, из которых состояла эта община. В одном из домов Стоянки Толстова число таких «семейных» очагов достигало 8–10, что позволяет предположить обитание здесь 8–10 малых семей, или 40–50 человек.

На памятниках акчадарьинской дельты неплохо представлен керамический комплекс, тогда как на стоянках, расположенных в пустынной местности, хрупкая глиняная посуда легко разрушалась под действием природных факторов. Кельтеминарская керамика изготовлялась «от руки» с примесью дресвы, толченых раковин и песка. Сосуды имеют округлое или слегка приостренное дно. Распространены крупные сосуды с раздутым туловом, иногда со слегка выделенным горлом. Обычно выделяются в качестве особой формы чаши, именуемые исследователями ладьевидными сосудами. Характерной особенностью керамики раннего периода является богатая орнаментация. Орнамент наносился путем прочерчивания, вдавливания, насечек, с применением трубчатого штампа и ногтевых вдавлений. Представлено сплошное покрытие сосудов повторяющимися элементами, прежде всего елочкой или зигзагом. Более сложным композиционным приемом является членение поверхности на геометрические фигуры (ромбы, треугольники, прямоугольники), заполняемые прямыми и волнистыми линиями. Отмечено окрашивание стенок сосудов красной или желтой краской, а в одном случае краской проведена полоса под венчиком. В этом приеме можно усмотреть влияние традиций расписной керамики земледельческих оазисов Южного Туркменистана. На стоянке Кават 7, видимо, относящейся к переходному периоду от раннего Кельтеминара к позднему, обнаружен интересный керамический комплекс. Здесь имеется ряд сосудов со

сливами, в том числе весьма длинными, и сосуды с носиками. Эти формы, скорее всего, являются результатом южных воздействий, но уже не со стороны прикопетдагских оазисов, где такие формы или редки, или не представлены вовсе, а со стороны земледельческих общин Юго-Восточного Прикаспия типа Шах-тепе. Образцы высококачественной керамики попадали на неолитический север, как это было отмечено для пещеры Джебел.

Заготовками для изготовления кремневых орудий служили пластины средней величины и микропластины. Имеются выемчатые пластины с ретушью, концевые скребки. Многочисленны пластинчатые наконечники стрел с боковой выемкой так называемого кельтеминарского типа. Наряду с ними имеются и двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы. Из геометрических микролитов представлены низкие удлиненные треугольники и «рогатые» трапеции.

К кельтеминарской культурной общности принадлежит и верхнеузбойская культура. Ее памятники распространены по Верхнему Узбою и в районе Сарыкамышской котловины, бывшей в пору неолита полноводным озером. Здесь, в районе древней присарыкамышской дельты Амударьи, обнаружен кельтеминарский могильник Тумеккичиджик. Погребенные в вытянутом положении помещены в продолговатые ямы, иногда с небольшим подбоем. Отмечена посыпка охрой. Погребальный инвентарь сравнительно беден. Преимущественно это украшения из раковин, костяные бусы, подвески из клыков кабана. На обломках глиняных сосудов в могилы помещали кусок мяса. В каждой могиле имелись кремневые изделия. Все раскопанные 27 погребений находились в пространстве, обведенном кольцевым рвом, что подчеркивает принадлежность усопших к определенному коллективу, общине охотников и рыболовов. Сравнительно богатым набором украшений выделяются три мужских, три женских и одно детское погребение. Возможно, это указывает на особый социальный статус некоторых семей, члены которых выполняли специфические функции хозяйственного и идеологического лидерства.

Для внутренних Кызылкумов характерны памятники лявляканского типа. Здесь имеются мастерские по изготовлению украшений из бирюзы с соответствующим набором инструментов, прежде всего микросверл. Особую группу образуют и памятники Тузкана. Изготовление многочисленных кремневых орудий требовало большого количества регулярно поставляемого сырья. На восточной окраине Кызылкумов, в предгорьях в районе Учтута, открыта шахта по добыче кремня.

В целом при определенном локальном своеобразии четко выступают общие черты кельтеминарской культурной общности, наиболее от-

четливо проявляющиеся в кремневой индустрии. Аналогии с материалами Восточного Прикаспия позволяют заключить, что формирование Кельтеминара происходило, по крайней мере частично, за счет продвижения племен с традициями прибалханской группы памятников, столь выразительно представленной в верхних наслоениях Джебела. Показательны определенные отличия от кремневой индустрии Джейтуна, указывающие на разные культурные традиции. Таковы, в частности, отсутствующие в Джейтуне микролиты в виде треугольников и «рогатые» трапеции. Последние имеют ближайшие аналогии в памятниках Афганистана и, что особенно интересно, в раннеземледельческой неолитической культуре Мергар в Северном Белуджистане.

В восточных областях Средней Азии в пору неолита представлены две культуры, отличные от кельтеминарских традиций. В Ферганской долине распространены памятники центральноферганской неолитической культуры. Видимо, как и в Кызылкумах, здесь с VII–V тыс. до н. э. происходит повышение увлажненности, и районы, ныне представляющие собой солончаково-песчаные степи, заселяются неолитическими племенами. Здесь обнаружен целый ряд развешенных стойбищ, оставленных, скорее всего, бродячими охотниками и собирателями. Среди орудий труда имеются сравнительно редкие вкладыши серпов для срезания травы и диких злаков. Для кремневой индустрии характерна сильная микролитизация, что заметно отличает Фергану от кельтеминарских традиций. В неолите Центральной Ферганы ведущую роль играют микропластины и микроотщепы. Пластины и отщепы средней величины встречаются значительно реже. Для орудий характерна высокая степень миниатюризации. Большой частью это различные виды скребков, но имеются также наконечники стрел с двусторонней обработкой и проколки. В отличие от мезолитической обиширской культуры, к которой генетически восходит центральноферганский неолит, галечные орудия на равнинных стоянках отсутствуют. Там, возможно, не было в достаточном количестве исходного сырья.

Особая культурная традиция представлена в горных районах Западного Таджикистана гиссарской культурой, относящейся, как и Кельтеминар, в основном к VI–IV тыс. до н. э. и в определенной мере к III тыс. до н. э. (табл. 6). Сейчас известно около 300 местонахождений этой культуры. Стоянки располагались в боковых долинах крупных речных магистралей, как, например, Кафирнигана, часто у конусов выноса временных и постоянных протоков. Как показали раскопки одного из основных центров этой культуры, поселения Туткаул, ее развитие происходило на местной мезолитической основе, когда в индустрии представлена смешанная техника — пластинчатая с микролитовидными элементами и

изготовление галечных орудий. В дальнейшем происходит увеличение галечного элемента индустрии. Орудия из галечных отщепов и даже целой гальки составляют до 60–70% среди прочих орудий, придавая в целом культуре весьма архаический вид. Для кремневых орудий в качестве заготовок использовались также пластины средних размеров. Изредка встречаются трапеции и укороченные сегменты. Как и Кельтеминар, эта горная культура не дает яркого генетического продолжения.

По мере развития полевых исследований почти наверняка возрастет число локальных комплексов, отличающихся от охарактеризованных групп неолитических памятников. Так, по Среднему Зеравшану, в районе Самарканда, в северных предгорьях Зеравшанского хребта изучен ряд стоянок неолитических охотников на степных животных (бык-тур, дикая лошадь, джейран, степной осел). Это стоянки Сазаган I и II, где найдены призматические и конические нуклеусы. Имеются галечные орудия, наконечники стрел, скребки на отщепах. Значительное число микропластинок сближает эту кремневую индустрию с неолитом Центральной Ферганы. Из створок раковин изготавливали небольшие овальные бусы.

Таким образом, в эпоху неолита в Средней Азии в культурах, развивавших сходные традиции кремневых индустрий, произошло резкое разделение по способам хозяйственной деятельности. Это в конечном счете сказалось и на общем облике культуры, и на темпах исторического развития. Первые опыты по использованию меди и разведению домашнего скота, отмечаемые у неолитических племен севера, не меняли их общего архаического облика. Кардинальные изменения вне зоны оседлоземледельческих оазисов юга происходят лишь с распространением принципиально новых культурных комплексов степной бронзы.

Глава 2

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ИХ КУЛЬТУРА

Неолитическая революция и качественно новая эпоха в развитии культуры и общества. Три периода развития раннеземледельческих обществ на юго-западе Средней Азии. Сложение крупных центров (Намазга-депе, Алтын-депе). Расцвет художественной культуры в период позднего энеолита и интенсификация межрегиональных связей (Кара-депе, Геоксюр I).

Неолитическая джейтунская культура стала исходной точкой дальнейшего прогрессивного развития для юго-запада Средней Азии. Это была начальная фаза эволюции раннеземледельческих обществ, в рамках которых при благоприятных условиях формировались основы первых цивилизаций. В этом отношении Южный Туркменистан, где сложилась джейтунская культура, следовал закономерностям, типичным для всего Древнего Востока — от Египта до Индии и Китая. Правда, в Южном Туркменистане с его ограниченными природными ресурсами и в отличие от Месопотамии не столь благоприятной климатической ситуацией этот процесс происходил более замедленными темпами.

Раннеземледельческие общества характеризуют значительные успехи во всех сферах деятельности — от экономики и культуры до интеллектуального процесса. Недаром переход к земледелию и скотоводству характеризуется как один из кардинальных рубежей в истории человечества. Г. Чайлд даже назвал этот переход «неолитической революцией». Р. Брейдвуд предпочитал более социологизированную формулировку, говоря о «революции производства пищи» (Food-Production Revolution).

Для раннеземледельческих обществ как эпохального типа культуры характерны три показателя: прочные жилые дома, парадная глиняная посуда как отражение налаженного, процветающего быта и мелкая антропоморфная и зооморфная скульптура. Разумеется, в конкретных об-

ществах эти показатели отражались в местном наборе артефактов, имели региональную или даже локальную специфику. Так было и у раннеземледельческих обществ Средней Азии.

Основным центром интенсивного развития раннеземледельческих обществ была северная подгорная равнина Копетдага, старая метрополия джейтунской неолитической культуры. Здесь происходило постепенное развитие соответствующих культурных комплексов, в основном путем спонтанной трансформации, хотя и при наличии связей, порой интенсифицирующихся с соседними регионами. Продолжалось расселение древних общин в восточном направлении, начавшееся еще в пору джейтунского неолита. Увеличение численности населения вело к формированию крупных центров и целых кустовых систем поселков разной величины. Происходит постепенное усиление локальных различий, что приводит уже в пору среднего энеолита к формированию двух локальных культурных провинций. В 1980-х гг. И. Н. Хлопиным в долине р. Сумбар в Западном Копетдаге была раскопана целая серия могильников, часть из которых относилась к различным периодам энеолитической эпохи. В значительной мере по чертам культурного своеобразия они тяготеют к комплексам раннеземледельческой эпохи Северо-Восточного Ирана. Еще более примечательным стало открытие в 1976 г. на Верхнем Зеравшане неподалеку от Пенджикента поселения Саразм с великолепной расписной керамикой энеолитического времени. Отдаленное не на одну тысячу километров от ойкумены раннеземледельческих обществ юга Средней Азии и по существу выдвинутое своеобразным форпостом в мир охотников и рыболовов с архаической культурой неолитического облика, это поселение имеет особое значение для изучения широкомасштабных культурных взаимодействий IV–III тыс. до н. э.

Раннеземледельческие поселения, стабильно существовавшие на одном и том же месте в течение не одного тысячелетия, дают прекрасные и четкие стратиграфические колонки смены культурных напластований. Кроме того, расписная керамика, неизменный компонент раннеземледельческого культурного комплекса, дает возможность детально проследить культурную эволюцию и культурные связи в условиях частой смены модных стандартов мотивов и композиций. Все это позволило выработать для культуры раннеземледельческих обществ юга Средней Азии детальную периодизацию и способствовало успеху разработки вопросов археологической систематики. Это проявилось уже при первых раскопках памятников этого времени, которыми стали работы американской экспедиции в 1904 г. на Анау к востоку от Ашхабада. Здесь, на более раннем Северном холме, немецким археологом Г. Шмидтом были выделены комплексы, названные соответственно Анау IA, Анау IB

и Анау II. В 1952 г. отряд Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством видного отечественного ученого Б. А. Куфтина проводил широкомасштабные работы на памятниках этого круга. На самом крупном памятнике Намазга-депе была установлена стратиграфическая колонка с выделением комплексов Намазга I, II, III, IV, V и VI. Из них два первых соответствовали Анау IB и Анау II, тогда как комплекс Намазга III, весьма яркий и выразительный, остался вне рамок анауской стратиграфической колонки. В 1955–1963 гг. было проведено широкомасштабное изучение именно раннеземледельческих памятников — Кара-депе и поселений Геокюрского оазиса. Стратиграфическая последовательность устанавливалась в шурфах, заложенных на Кара-депе и поселении Геокюр I, где фиксация шла в основном по условным горизонтам в 50 см (ярусам). В 80–90-е гг. XX в. стратиграфическая последовательность слоев поры энеолита изучалась на поселениях Алтын-депе и Илгынлы-депе уже по строительным горизонтам, отражающим микрохронологию, восходящую к этапам реальной жизни древних людей, перестраивавших свои дома и строения.

В целом раннеземледельческая эпоха может быть датирована для юга Средней Азии V — началом III тыс. до н. э. и подразделяется на три периода, относимые соответственно к раннему, среднему и позднему энеолиту. В пору раннего энеолита наиболее ранним является комплекс типа Анау IA. Для этого комплекса как устойчивого сочетания различных типов артефактов характерны небольшие поселения, однокомнатные и многокомнатные дома из сырцового кирпича размером 40–50 × 20 × 10 см, конические терракотовые пряслица, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-проколки, керамика с одноцветной темно-коричневой росписью по красному или красновато-желтому фону с ведущей формой — полусферической плоскодонной чашей. Роспись располагается преимущественно в виде бордюров с использованием в композиции геометрических фигур, главным образом треугольников с сетчатым заполнением. Напластования комплексов типа Анау IA имеют мощность от 3 до 4 м, подстилаются материалами джейтунской культуры и перекрываются комплексами типа Намазга I.

Территориально памятники типа Анау IA делятся на две группы — западную и восточную, имеющие некоторые различия и в сфере материальной культуры. Для западных памятников характерна роспись темно-коричневым или черным по красному фону, для восточных основным является красновато-желтый или светлый фон. Для расписной керамики западного района характерно использование мотива ромба с внутренним сетчатым заполнением. На восточных памятниках роспись на керамике разворачивается в одном направлении, образуя своего рода

бордюры. В широких масштабах раскопаны поселения восточной группы Чакмаклы-депе и Монджуклы-депе. Оба поселка разделяли на две части узкие улицы. В Монджуклы-депе вдоль улиц расположены подквадратные в плане дома, напоминающие планировкой джейтунские строения. Обнаружены скорченные погребения, носящие следы посыпки охрой. На Чакмаклы-депе налицо тенденция к объединению отдельных домов в многокомнатные массивы. Выделяется центральный дом, состоящий из двух комнат, стены одной из которых были окрашены в красный цвет.

Несмотря на распространение медных изделий, частично используются и кремневые орудия с чертами микролитоидности. Однако в отличие от джейтунских памятников геометрические микролиты здесь отсутствуют. В комплексах типа Анау IА представлены глиняные фигурки животных.

В материальной культуре комплекса Анау IА можно наблюдать сочетание традиций и инноваций. Налицо определенная, в том числе стратиграфическая преемственность с памятниками джейтунского типа. Она проявляется в строениях, прямоугольный сырцовый кирпич появился на поздних этапах джейтунской культуры. Определенная преемственность может быть отмечена в толстостенной керамике с примесью в глине самана, в сохранении глиняных конусообразных фишек. Важнейшей технологической инновацией было использование медных изделий, относительно многочисленных, в том числе такого крупного орудия, как наконечник дротика. Новыми являются массивные каменные мотыги и тонкостенные чаши с примесью в глине песка и с дробной геометрической росписью, не характерные для джейтунской традиции. Важны инновации в антропологических материалах, где как будто имеется череп с дравидоидными признаками, что совершенно нехарактерно для местного населения, представленного, в том числе в памятниках Анау IА, длинноголовой расой средиземноморского типа. Скорее всего, имела место инфильтрация определенной группы населения, видимо, из Северо-Восточного Ирана, давшего во взаимодействии с аборигенами и их культурными традициями новый археологический комплекс.

Как и комплекс Анау IА, к поре раннего энеолита относятся комплексы, содержащие материалы типа Намазга I (табл. 7). Для них, как и для Анау IА, характерны небольшие поселки, состоявшие из однокомнатных и многокомнатных домов, медные булавки с выделенной головкой, терракотовые фигурки стоящих пышнотелых женщин, керамика с примесью в глине самана и росписью темно-коричневым по красному или зеленовато-белому фону. Из керамических форм характерны круп-

ные горшки шаровидной формы или с подкосом у дна, обычно именуемые корчагами, и чаши полусферической формы с вогнутым дном. Пестрота орнаментов времени Анау IА уступает место строгим контурным треугольникам. Иногда встречаются профильные изображения животных, в основном козлов, с закинутыми на спину крупными рогами. Мощность культурных напластований с материалами типа Намазга I уменьшается с запада на восток, видимо, отражая постепенное расселение общин из основного центра их обитания. Так, на Анау эти слои имеют не менее 10 м, на Кара-депе и Намазга-депе эта цифра снижается до 7–7,5 м. На Алтын-депе соответствующие слои имеют толщину 5 м, а в Геоксюрском оазисе в районе древней дельты р. Теджен, крайней точке расселения общин времени Намазга I, всего 2 м, что составило три строительных горизонта.

Судя по всему, стабильная земледельческо-скотоводческая экономика обеспечивала устойчивый образ жизни и достаточно надежное благосостояние. Помимо расселения общин, осваивающих новые территории, увеличение численности населения вело к формированию более значительных центров, чем небольшие поселки, характерные для джейтунской культуры или для раннего энеолита времени Анау IА. Так, поселение Кара-депе в пору Намазга I занимает площадь почти 10 га, становясь крупным центром. Практически исчезают кремневые орудия. Но вместе с тем сравнительно невелико количество медных изделий, обнаруженных в ходе раскопок. В основном это шилья и проколки. Видимо, сложность получения исходного сырья вела к тому, что пришедшие в негодность изделия тут же отправлялись в переплавку. Прочно устанавливается обычай устройства погребений на территории самого поселка. В Анау были обнаружены детские погребения в скорченном положении в сопровождении небольших наборов бус из белого камня, бирюзы, сердолика и просверленных раковин. В одно из погребений были помещены медные и свинцовые пронизки. Характерной чертой комплекса являются терракотовые фигурки полногрудых женщин с подчеркнутой стетатопигией. Из фигурок, обнаруженных на Кара-депе, одна украшена росписью: ожерелья с двумя спускающимися на спину лентами и двойной зигзагообразный знак на бедрах. Ягодицы другой статуэтки имеют косые насечки, сделанные по сырой глине. Статуэтки, найденные на памятниках восточной группы, также воспроизводят стоящих женщин с подчеркнутой стетатопигией. Здесь ягодицы имеют многочисленные наколы, также сделанные до обжига.

Декорация посуды на крупных поселениях была более разнообразной, чем простые геометрические фигуры. На Кара-депе на одном сосуде изображена лошадь или кулан, на Намазга-депе воспроизведены козлы с загнутыми к спине рогами.

Жизнь стабильно благоустроенного общества, видимо, была достаточно монотонной. Во всяком случае, на протяжении времени существования строений, оставивших многометровые культурные напластования, не происходит заметных изменений в орнаментации глиняной посуды. По материалам Кара-депе отмечаются лишь изменения в цветовой гамме. В наиболее ранних слоях роспись производилась по красному фону. Затем предпочтение стало отдаваться зеленовато-белому цвету, а на позднем этапе опять предпочтение было отдано краснофонной расписной керамике.

К поздним этапам существования комплекса Намазга I относится поселение Дашлыджи-депе в Геоксюрском оазисе, раскопанное полностью. Небольшой бедный поселок занимал площадь 1600 м². Помещения группируются в несколько хозяйственных комплексов. Центром каждого из них была жилая комната площадью от 6 до 12 м². Имелся в поселке и особый центр, видимо, общий для всех его жителей. Это был однокомнатный дом площадью 28,5 м², значение которого подчеркивалось не только размерами, но и окраской пола на первом этапе в красный, а затем в черный цвет. Традиция таких функционально особых строений восходит к поре существования джейтунской культуры, и в пору Намазга I представлена на ряде памятников. Особенно эффектным является дом из двух смежных помещений, раскопанный на Яссы-депе в районе Каахка. У стены одного из помещений располагался массивный очаг, а вдоль стены другого шла своего рода колоннада из деревянных столбов. Стены помещений были расписаны красной и черной краской. Орнамент был образован геометрическими фигурами — ромбами и треугольниками, причем некоторые по контуру были инкрустированы белыми гипсовыми вставками (табл. 7). Часть таких строений с росписью в интерьере была обнаружена при разведочных раскопках и на Северном холме Анау. Скорее всего, это были центры общепоселкового значения, вероятно, игравшие роль святилищ.

Происхождение комплекса Намазга I — Анау IB, судя по всему, связано с дальнейшим развитием местных традиций. Гончарное дело с приверженностью к обильной примеси в глине самана возвращает к джейтунским традициям. Роспись на керамике по сравнению с посудой Анау IA более укрупнена и масштабна, но сохраняется такой элемент, как геометрическая фигура с сетчатым заполнением. Слои с керамикой Намазга I располагаются непосредственно над остатками строений с керамикой типа Анау IA. Надо полагать, что произошли смена стиля росписи и установление новых канонов, сохранявшихся, судя по мощности культурных напластований, в течение длительного времени. Такая сме-

на достаточно типична для раннеземледельческой эпохи, причем отдельные мотивы и композиции являлись заимствованными. Для времени Намазга I об особых заимствованиях говорить не приходится. Это была типичная спонтанная трансформация культуры раннеземледельческих местных общин.

Следующий археологический комплекс по стратиграфическому положению определяется как Намазга II — Анау II и относится к поре среднего энеолита. В это время происходит очередная смена моды в керамической росписи, но эта смена дала разные результаты в центральной части прикопетдагской равнины и на ее востоке. Можно даже говорить о наличии двух керамических провинций. Поэтому используется такой термин, как «время Намазга II», тогда как сам комплекс Намазга II как типологическое определение служит для характеристики археологических комплексов центрального района. Для керамики типа Намазга II характерна роспись геометрическими фигурами с сетчатым заполнением, объединенными в композиции преимущественно фризового построения. Роспись полихромная, в рисунках по желтому фону используется как темно-коричневая или черная краска, так и красная. Полихромия эта характерна для небольших чаш и других видов бытовой столовой посуды, тогда как крупные хумы лишены этой пестроты. На востоке распространена керамика типа Ялангач, где геометрические фигуры сравнительно редки. Предпочтение отдавалось сравнительно простому узору из нескольких рядов линий, параллельных венчику, иногда соединяемых поперечными черточками, а на ранних этапах — небольшими треугольниками. Хумы расписывались крупными угловыми шевронами и реже массивными вертикальными пиловидными линиями.

В центральном районе соответствующие напластования в относительно широких масштабах изучались на Кара-депе. Здесь были вскрыты части многокомнатных массивов с таким характерным строительным приемом, как обкладка стен хозяйственных закровов крупными фрагментами керамики. На поздних этапах времени Намазга II при сохранении элементов орнаментов и композиционных приемов роспись становится монохромной и использование красной краски прекращается. Сравнительно широко представлены в росписи линейные удлиненные фигуры козлов. Довольно многочисленны погребения, впускавшие в подстилающие строительные остатки из более верхних горизонтов. Могилы располагались рядами, порой встречается обкладка из сырцового кирпича, отпечатки плетенки и подсыпка красной охрой. В погребениях помимо костей животных многочисленны бусы, преимущественно в ожерельях, возле шеи и реже в виде диадемы на лбу и наборных браслетов

на запястьях. Наиболее распространены бусы из сердолика и лазурита. В одном случае представлена золотая бусина, в другом наборе в ожерелье была включена гипсовая бочонковидная бусина с обкладкой из серебряной фольги.

Лучше изучены памятники восточного района, где была распространена керамика ялангачского типа. Примечательно, что сюда поступала импортная посуда с полихромной росписью из центрального района, регулярно встречающаяся в ходе раскопок, будучи как бы единичными вкраплениями в местную посуду с монотонной и примитивной орнаментацией.

Целая группа памятников этого времени изучена в Геоксюрском оазисе, где располагается само поселение Ялангач-депе, давшее эталонный набор артефактов. Центральный памятник оазиса Геоксюр 1, видимо, в это время был уже крупным центром, вокруг которого группировались мелкие поселки. Это был боковой район древней дельты Теджена, и здесь отмечено начало ирригационных работ, обеспечивающих регулярное орошение полей. Интересную планировку выявили раскопки небольших поселков — самого Ялангач-депе, а также Муллали-депе. Они по периметру были ограждены обводной стеной толщиной около 0,6 м, возведенной из сырцового кирпича. В стену были включены овальные в плане строения, которые, будучи соединенными прямыми отрезками стены, в плане придавали поселку вид укрепленного пункта с круглыми башнями. Однако функционально эти круглые строения были жилыми помещениями с бытовыми очагами. Круглопланные дома имелись и на территории самих поселков наряду с обычными домами прямоугольных очертаний. На Ялангач-депе найдено относительно большое количество различных медных изделий, в том числе часть топора, рабочая часть которого была обработана путем закаливания. Достаточно характерными оказались и женские фигурки, изображавшие в основном крупных пышнотелых женщин, у которых массивные выступающие груди заменяли плечи и отсутствующие руки. Статуэтки украшены росписью, передающей шейные украшения и различные рисунки на бедрах, в том числе солярные диски.

В центре поселка Ялангач-депе располагался относительно крупный дом, явно выполнявший особые, скорее всего, общепоселенческие функции. Площадь этого прямоугольного строения 37 м², изнутри стены тщательно оштукатурены. В центре располагался на невысокой платформе прямоугольный очаг. На стене налепом выполнена фигура в виде перевернутой буквы «Ш», покрытая коническими по профилю углублениями.

Исследования в Геоксюрском оазисе доставили материалы, характеризующие преимущественно небольшие поселки ялангачского времени,

поскольку соответствующие слои на центральном поселении Геоксюр I перекрыты более поздними напластованиями и изучались только в процессе стратиграфической шурфовки. Значительные центры поры среднего энеолита изучены в восточном районе в ходе раскопок Илгынлы-депе и Алтын-депе, расположенных соответственно у пос. Чаача и Меана, неподалеку от эпонимных речек. При этом если на Алтын-депе слои среднего энеолита перекрыты многометровой свитой более поздних культурных напластований, то на Илгынлы-депе эти слои в основном образуют кроющий слой, лишь местами перекрываемый одним-двумя горизонтами поры позднего энеолита. Установлено, что на заключительных этапах бытования керамики ялангачского стиля поселение выросло в южном направлении и стало занимать площадь 14 га. Материальная культура Илгынлы-депе, как это и характерно для более значительных центров, заметно богаче и разнообразнее по сравнению с небольшими поселками Геоксюрского оазиса (табл. 8). Довольно частыми находками являются медные изделия, среди которых помимо обычных шильев и ножей имеются наконечники копий и дротиков, в том числе с черешком, загнутым на конце при насадке на древко. Уникальной находкой для столь раннего времени является проушной топор, причем была найдена и терракотовая форма, предназначенная для отливки подобных изделий. Для времени позднего Ялангача становятся типичными женские статуэтки, частично теряющие более раннюю тяжеловесность, хотя и сохраняющие различные знаки, нарисованные на бедрах, в том числе солярные символы и фигуры козлов. Более тщательно сделанные фигурки имеют опущенные вниз руки, небольшую шапочку на голове. Глазницы и рот переданы углублениями, что позволило их условно назвать «поющими жрицами». Широко представлена и каменная скульптура. Как правило, это плоские идольчики подтреугольных очертаний с небольшими бугорками груди и более тщательно проработанной головой. В одном случае в рот вставлен кусочек охры, видимо, в соответствии с обычаем красить губы, распространенным у жителей поселка. Каменные ступочки, пестики и палетки для измельчения и растирания охры весьма многочисленны среди орудий труда, обнаруженных на Илгынлы-депе. Здесь же имеется серия орудий, при помощи которых осуществлялись различные этапы изготовления каменных идолов.

Застройка Илгынлы-депе довольно обычна для раннеземледельческих памятников с разделением хозяйственно-жилых массивов узкими улочками. Здесь же, на территории поселка, устраивались и погребения, как правило, безынвентарные. На окраине открыта и коллективная гробница в виде овальной ямы, в которую были помещены останки девяти человек.

Важным открытием в ходе раскопок на Илгынлы-депе стало обнаружение подквадратных домов, имевших обычно одно парадное помещение и два узких подсобных. Их общая площадь варьирует от 22 до 60 м². Внутри они имели глиняные скамьи, окрашенные в красный цвет, и дисковидные очаги-алтари. Стены были также окрашены, причем в ряде случаев отмечена и сюжетная роспись — змеи, ползущие в сторону дерева. При забрасывании этих домов соблюдался определенный ритуал с возжиганием огня и оставлением целого ряда ценных предметов, в числе которых в одном случае был медный проушной топор, в другом — терракотовая модель для его отливки. Не приходится сомневаться, что эти строения функционально продолжают традицию общинных домов-святилищ, также обычно с богато оформленным интерьером, восходящую еще к поре джейтунского неолита. Судя по наличию в одном строительном горизонте ряда таких парадных домов, можно предполагать, что они предназначались для нескольких, возможно, родственных семей, проживающих компактно и могущих разместиться на скамьях во время соответствующих церемоний.

Есть все основания полагать, что культура поры среднего энеолита подгорной равнины развивается на основе спонтанной трансформации с отчетливыми чертами преемственности. При этом в западном районе для столовой посуды произошла определенная смена стиля с внедрением полихромных фризов. В восточных районах налицо более упрощенный рисунок из параллельных линий, который формируется из композиции, составленной рядами контурных треугольников. Постепенно расстояния между отдельными фигурами удлиняются, сами треугольники мельчают, и складывается довольно скромный рисунок, составленный одними линиями с редкими треугольничками или черточками в качестве соединительных элементов.

Период позднего энеолита ориентировочно датируется концом IV — началом III тыс. до н. э. и в основном характеризуется комплексами времени Намазга III. Это было время расцвета культуры раннеземледельческого общества, что нашло прямое отражение в самом наборе и разнообразии типов артефактов. К числу новых типов, появившихся в Южном Туркменистане именно в эту пору, относятся печати, сосуды, выточенные из алебаstra, терракотовые коробочки, стены которых украшены резным орнаментом и которые условно именуется «реликвариями». Инновации в терракотовой скульптуре связаны с появлением мужских статуэток, обычно воспроизводящих стоящие персонажи с двухпрядной бородкой, и изящных фигур сидящих женщин с дополнительными деталями, выполненными налепом, а не росписью, как это было в предшествующее время, в раннем и среднем энеолите. Маркирующим

для периода, как это обычно для раннеземледельческой эпохи, является блок типов орнаментированной керамики. В западном районе распространяется керамика типа Намазга III с густой, часто рельефной на ощупь росписью темно-коричневой краской по зеленовато-белому фону, воспроизводящей фигуры пятнистых животных — барсов, козлов и птиц, в том числе орлов с распростертыми крыльями. Геометрическая орнаментация отличается использованием мотивов крестов, полукрестов и пиловидных линий в измельченном варианте, придающих всей орнаментации как бы ковровый характер (табл. 9, I, II). На востоке распространяется расписная керамика геоксюрского стиля. Здесь характерны крупные фигуры крестов в ромбовидных картушах, те же полукресты и пиловидные линии, но крупные и выразительные (табл. 9, III, IV). Широко используются для рисунка две краски — черная и красная. Фигуры козлов и других четвероногих в геоксюрской полихромии стилизованы под стиль росписи: они или изломаны под углом, или, как, например, козлы, соединены с фигурой полукреста, помещенной в нижней части туловища животного. Кардинальные различия в типах расписной керамики позволяют говорить о двух керамических провинциях — восточной с керамикой геоксюрского стиля и западной с посудой стиля Кара-депе. Однако в других наборах типов артефактов нет столь значительных различий, хотя, например, в Геоксюре более широко распространены коллективные гробницы-толосы, тогда как на Кара-депе доминируют одиночные захоронения. Поэтому с точки зрения археологической систематики речь должна скорее идти не о двух культурах, сколь ни велика была бы разница в расписной керамике, а о двух локальных вариантах одной культуры.

Кара-депе принадлежит к числу памятников, на которых строения верхнего слоя раскопаны в достаточно широких масштабах. Здесь четко выделяется структура больших многокомнатных домов, состоящих из исходных ячеек в виде жилой комнаты с отопительным очагом и подсобного хозяйственного отсека. Всего под общей крышей были объединены от 6 до 8 таких исходных блоков, причем имелись также общий хозяйственный двор, общая кухня и общее зернохранилище, помост которого поддерживали отрезки стен из сырцового кирпича, обеспечивавшие вентиляцию. Такие дома-массивы отделялись один от другого узкими улочками или сплошными стенами. Скорее всего, такие дома были местом обитания большесемейной или домово́й общины, объединявшей несколько малых семей, обитавших в исходных планировочных блоках. В центре Кара-депе располагался целый комплекс, который можно рассматривать как культовый. Он объединял два подквадратных строения с очагами-подиумами, обширный хозяйственный двор и анфиладу

хозяйственных строений. Квадратные помещения были первоначально определены как внутренние дворики. После раскопок в Геоксюрском оазисе стало ясно, что это не внутренние дворики, а два подквадратных в плане святилища с очагами-подиумами. В обширном дворе находилось основание помоста-зернохранилища. По существу перед нами своего рода протохрамовый комплекс с помещениями для запасов, общих для всего поселения. Наличие двух идентичных по планировке святилищ с прямоугольными очагами-подиумами может быть связано с их посвящением божественной паре — мужскому и женскому небожителям. В районе этого центра была найдена массивная фигура быка, выточенного из алебаstra, обычная для символики мужского божества.

Среди находок на Кара-депе наиболее многочисленна расписная, богато орнаментированная керамика. На раннем этапе элементы орнамента (пиловидные линии, фигуры полукрестов) еще укрупненные (комплекс Кара 1Б), в то время как позднее представлен классический комплекс поры расцвета керамики типа Намазга III (слой Кара 1А). Расписывались главным образом чаши и горшки с невысоким горлом и отогнутым венчиком. Небольшим числом образцов представлена керамика серого или черного цвета, изредка украшенная нарезным процарапанным орнаментом. Среди женских терракот наиболее художественные образцы изображают персонаж с широкими подквадратными плечами. Налепами переданы шейные гривны, S-образные украшения по обе стороны головы и широкая коса на спине. Часто торс декорирован овальными налепами. Такие же широкие плечи имеет стоящая мужская статуэтка с цилиндрическим основанием. Две узкие пряди бороды как бы охвачены шейным украшением. Налепом передана косая перевязь. У целой фигурки на голове воспроизведена шапочка, окрашенная в красный цвет. Отдельно найденная головка от другой статуэтки этого типа имеет шлем с наушниками. Возможно, эти особенности передают образы, связанные в одном случае с культово-идеологическими функциями воспроизведенного персонажа, в другом — с военными.

Получают распространение сосуды, выточенные из алебаstra белого или реже розового цвета. Наиболее распространены приземистые острореберные сосуды с невысоким горлом, стенки которых иногда покрывались рельефными горизонтальными полосами. Имелись также горшочки и высокие сосуды с гофрированными стенками. Входят в употребление плоские печати, изготовлявшиеся из гипса, керамики и камня. Узор на них повторяет орнаментальные мотивы керамической росписи с использованием крестов и полукрестов. В одном из углов у них имелось отверстие, видимо, предназначавшееся для подвешивания. На Ближнем Востоке такие изделия в раннеземледельческих комплексах

представлены начиная с самых ранних этапов, как, например, в малоазийском Чатал-Гуеке конца VII — начала VI тыс. до н. э., но на юге Туркменистана распространяются лишь в пору позднего энеолита.

В восточном районе жилые строения были раскопаны на поселении Геоксюр I, представляющем раннюю фазу керамики геоксюрского стиля, и на Чонг-депе, где распространена расписная керамика поздней фазы. На Геоксюре I, как и на Кара-депе, многокомнатные массивы разделялись узкими улочками и включали в свой состав несколько планировочных узлов из жилой комнаты и подсобного помещения. Помимо общей кухни и двора такие дома-массивы имели общее помещение с круглым очагом-алтарем, видимо, выполнявшее функцию святилища. По окраинам поселения, площадь которого достигала уже 12 га, располагались участки некрополей, состоявших из коллективных усыпальниц, возведенных из сырцового кирпича в виде овальных в плане сооружений, перекрытых ложным куполом. Эти гробницы содержали от 3 до 10 скелетов взрослых особей. Как показали раскопки Илгынлы-депе, традиция коллективных гробниц зародилась по меньшей мере в пору среднего энеолита. Иногда некрополи обводились общей стеной и внутри разделялись на участки, в которых располагались одна-две гробницы.

В материальной культуре восточного района помимо керамики, имеющей столь характерные локальные черты, остальные группы артефактов мало отличаются от находок, сделанных на Кара-депе. О продолжающихся связях между двумя основными районами обитания раннеземледельческих общин свидетельствуют находки импортной керамики на востоке: на самой ранней фазе это посуда с монохромной росписью типа Намазга II и на поздней фазе времени Чонг — уже классической посуды карадепинского стиля.

На другом крупном центре восточного района Алтын-депе позднеэнеолитические слои изучались в более ограниченных масштабах. Обжитая территория Алтын-депе в период позднего энеолита увеличивается по меньшей мере на одну треть. Поскольку соседнее Илгынлы-депе постепенно пустеет именно в пору ранней фазы Геоксюра, следует считать, что переселение его жителей на главный центр района способствует развитию такого урбанизационного признака, как концентрация населения. Вновь освоенная территория была ограждена стеной из сырцового кирпича, имеющей по наружной стороне подквадратные башни-контрофорсы. В большом стратиграфическом раскопе вскрыты два горизонта (Алтын 10, 9), содержащие керамику постгеоксюрского стиля, развивающую традиции керамического комплекса Чонга. Здесь довольно обычны находки импортной посуды карадепинского стиля. Особый интерес представляют оттиски печатей штампов на глине, свидетель-

ствующие об их использовании в функции печатей, хотя не исключено, что они одновременно играли и роль амулетов.

Уже на начальных этапах изучения южнотуркменистанских комплексов поры позднего энеолита было обращено внимание на явления инновации в материальной культуре и на западные иранские и даже месопотамские аналогии ряду культурных явлений. Так, терракота Кара-депе находит определенные аналогии в шумерской пластике убейдского времени, хотя для Южного Туркменистана это, скорее всего, повторение более ранних традиций. Резко увеличивается репертуар зооморфных мотивов, где помимо традиционного образа козла распространяются пятнистые животные и птицы, что прямо указывает на связи с традициями комплексов таких иранских памятников, как Сиалк III и Гисар IB–II. Мотив геоксюрского креста также может иметь глубинные истоки в традициях расписной керамики Месопотамии, хотя прямых аналогий всему геоксюрскому керамическому комплексу ни в Иране, ни в Месопотамии не наблюдается. Все это, так же как и появление новых групп артефактов, в частности печатей, привело к заключению об инфильтрации групп населения из более западных областей, инкорпорированных в местную среду. Особенно широкие подвижки предполагались для Геоксюра, поскольку там смена керамики ялангачского стиля богатой полихромией была особенно разительна, что заставило В. И. Сарияниди прямо говорить о миграции со стороны. Вместе с тем ряд обстоятельств указывал на явления селекции и культурной ассимиляции. Так, зооморфные сюжеты круга Сиалка-Гисара на Кара-депе нанесены на лепные сосуды традиционных местных форм, тогда как на иранских памятниках соответствующие фризы наносились на посуду иного характера, в частности на вазы на высокой ножке. При этом вся посуда Сиалка — Гисара сделана на гончарном круге, тогда как в Южном Туркменистане, как на западе, так и на востоке, посуда по-прежнему лепилась ручным способом. Характерна и трансформация самого образа пятнистого хищника-барса. На керамике Кара-депе соответствующее животное сохраняет пятнистость, но его кургузая фигура имеет мало общего с изящными удлинненными пропорциями барсов Сиалка и Тепе Гисара. Детальное изучение культурных напластований Илгынылы-депе выявило целый спектр культурной преемственности между комплексами типа Ялангача и культурой геоксюрского времени. Сохраняется традиция возведения парадных домов-святилищ, причем постепенно отдельные элементы, например скамьи, деградируют. Сначала исчезает обязательная окраска глиняных скамей в красный цвет, а затем сходят на нет и сами скамьи. Однако сохраняются и широко бытуют в памятниках геоксюрского круга дисковидные алтари-очаги. Сохраняется традиция и частичного предания огню оставляемых культовых строений.

Продолжаются основные группы керамики ялангачского комплекса, и лишь полихромные чаши вносят качественно новую черту в керамические наборы. Налицо и определенная эволюционная преемственность в теракотовой скульптуре: идет замена деталей, наносимых краской, на лепами. Происходит это постепенно: на первых порах в раннем Геоксюре сохраняются тяжелые массивные женские статуэтки со знаками на бедрах, нанесенными росписью. Судя по всему, не приходится говорить о существенной смене в составе населения, что, впрочем, редкое явление для оседлоземледельческой среды. Однако инновации, которые стали особенно заметны на первых этапах изучения памятников позднего энеолита, налицо, и есть все основания говорить о стимулированной трансформации. Механизмом такой трансформации могла быть и частичная миграция, принесшая такие новые типы артефактов, как печати и каменные сосуды, а также некоторые зооморфные сюжеты. Однако в целом оба керамических стиля, и карадепинский, и геоксюрский, глубоко своеобразны. Аналогичные орнаментальные композиции, основанные на сочетании таких элементов, как кресты, полукресты и пиловидные линии, как некоего стилистического единства, неизвестны в соседних областях. Скорее всего, перед нами типичная эпохальная смена стиля и моды (столь характерная для орнаментированной посуды раннеземледельческих обществ) на основе спонтанного порога мутации. Истоки перемен в Южном Туркменистане могли быть связаны с заимствованием мотивов, складывающихся в таких производствах, как ткачество, ковроделие и плетение, где чисто технические процессы вели к формированию двухсторонних композиционных схем, особенно четко просматривающихся в геоксюрской орнаментике.

Вместе с тем, как показывают исследования, геоксюрский феномен имел достаточно широкое региональное и даже интеррегиональное значение. Это нашло прямое воплощение в открытии раннего поселения Саразм на Верхнем Зеравшане к западу от известного согдийского Пенджикента, знаменитого центра согдийской цивилизации. Застройка Саразма носит рассредоточенный характер, и руины древних строений находятся на различных всхолмлениях, отражая стратиграфию разных эпох. В ранних комплексах, к которым автор раскопок А. Исаков относит Саразм I и Саразм II, представлена типичная геоксюрская керамика с полихромной росписью. Среди строений выделяются комнаты особой функциональной значимости, с круглыми алтарями-очагами, идентичными таким объектам в Геоксюре I или на Чонг-депе. Стены одного из таких помещений украшены полихромной росписью, полностью повторяющей орнаментальную стилистику геоксюрской керамики. Нет никаких сомнений в том, что перед нами община или группа общин, переселившихся из Южного Туркменистана и принесшая свои традиционные компоненты

материальной культуры. Правда, несколько странно отсутствие терракотовой скульптуры. Это перемещение произошло уже на ранней фазе геоксюрского периода, поскольку на Саразме найдена и группа сосудов с монохромной росписью типа позднего Намазга II в карадепинском исполнении. Отдельные находки фрагментов геоксюрской керамики в дельте Мургаба могут указывать на пути продвижения геоксюрских мигрантов. Но комплекс Саразма не ограничивается одним геоксюрским компонентом. Здесь также имеется значительный процент расписной керамики северобелуджистанского типа, которая отличается от геоксюрской посуды не только по рисункам, но и по технологии: эти сосуды изготовлены на гончарном круге. Перед нами своего рода скрещение традиций, важный центр и перекресток связей раннеземледельческой эпохи. Естественно, возникает вопрос о побудительных причинах подобных масштабных перемещений. Судя по имеющимся данным, основой хозяйства обитателей Саразма была та же земледельческо-скотоводческая экономика, что и в других частях раннеземледельческой ойкумены. Вместе с тем в самом Саразме весьма многочисленны, причем на протяжении всего времени обживания этого района, различные металлические изделия. Рудные источники, в том числе такие важные, как оловянные, имелись в горных массивах, окаймляющих с юга Ферганскую долину, в том числе и в Зеравшанском хребте, непосредственно выходящем на район Саразма. Наиболее вероятное объяснение феномена Саразма состоит в заключении, что именно рудные богатства привлекли сюда раннеземледельческих первопоселенцев, основавших своего рода базу их дистрибуции. Этим может быть объяснено и заметное богатство материальной культуры в принципе достаточно рядового раннеземледельческого поселка, сложившегося на левом берегу р. Зеравшан. Наиболее ранним по стратиграфическому положению в Саразме является комплекс погребений, заключенных в кольцевую обкладку из камня. В пределах такого обвода два одиночных захоронения, два парных и одно коллективное. В коллективном погребении лежали молодая женщина, мужчина и подросток. Вероятно, все усопшие были покрыты покрывалом, расшитым бисером из белого мелового известняка. Было найдено более 10 тыс. бисерин. Богато был расшит и женский головной убор. В районе головы находились разнообразные бусины: 48 золотых, 166 лазуритовых, 48 бирюзовых и 1159 сердоликовых. На руках были надеты два браслета из морских раковин, явно принадлежащих к числу предметов индостанского импорта. Позднеэнеолитические комплексы Саразма были своего рода исходной точкой взаимодействия разных культурных традиций, ярко представленных в этом районе и позднее в пору бронзового века.

Поселок геоксюрских мигрантов на Верхнем Зеравшане отнюдь не был единственным свидетельством широкомасштабных воздействий,

исходящих из южнотуркменистанского центра раннеземледельческих обществ. Воздействия стилей расписной посуды, основанных на фигурах крестов и полукрестов, отмечают и в Южном Афганистане на поселении Мундигак в период III. Определенные переключки подобной орнаментики имеются и в северобелуджистанских комплексах типа Кветта. Получены и прямые свидетельства продвижения геоксюрских общин в южном направлении. Типичная геоксюрская расписная керамика составляет до 27% всей расписной посуды, обнаруженной в нижних слоях поселения Шахри-Сохте в иранском Сеистане. Можно считать, что импульсивное развитие южнотуркменистанских общин способствовало не только формированию высокохудожественной культуры с выразительными произведениями искусства, но и оказало значительное воздействие на окружающие области путем прямого движения энергичных мигрантов. При этом необходимо отметить исключительную стойкость художественной традиции

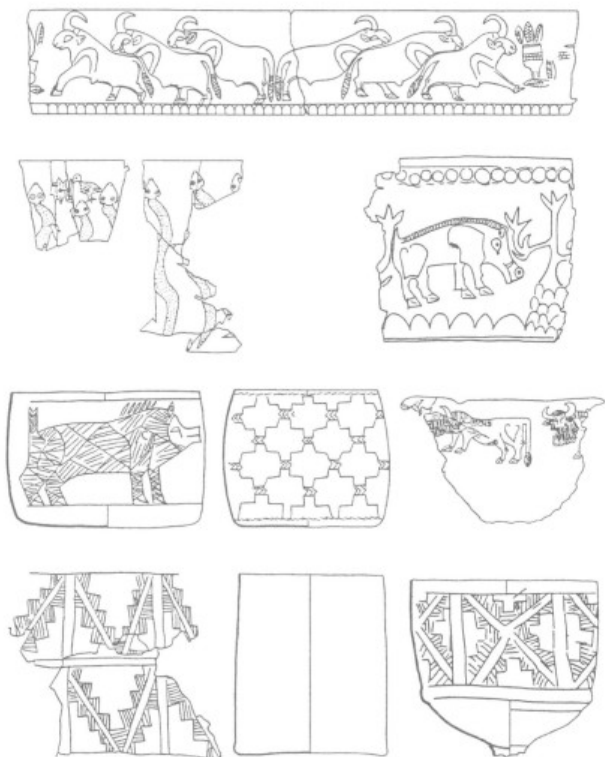

Рис. 2. Золотые и серебряные изделия из Фулолскогоклада бронзового века. Южная Бактрия

орнаментики стиля Кара-депе и Геоксюр, что, возможно, частично объясняется и его определенной культовой значимостью. В Фулолском кладе бронзового века, найденном в Северном Афганистане, часть золотых сосудов орнаментирована в стиле, являющемся прямой репликой южнотуркменистанских композиций поры позднего энеолита (рис. 2).

Северная подгорная равнина Копетдага на протяжении нескольких тысячелетий была основным центром самостоятельного культурного развития с четко выраженными местными особенностями, отражавшимися в наборе артефактов, переживавшем естественные временные изменения.

Тем временем на крайнем западе самого Копетдага в долине р. Сумбар развитие культуры тяготело в значительной мере к культурному ареалу Северо-Восточного Ирана с такими памятниками, как Шах-тепе и Тепе Гисар. Для этого ареала на определенном этапе стала характерной приверженность к изготовлению глиняной посуды серого или черного цвета в результате применения особого обжига с использованием задымления.

Об этих локальных особенностях свидетельствуют раскопки могильника Пархай II в долине Сумбара, осуществлявшиеся И. Н. Хлопиным. Здесь отмечена стойкая традиция устройства округлых в плане полуподземных склепов, как правило, служивших для коллективных захоронений. Вход в гробницу закрывался выкладкой из сырцового кирпича или каменной плитой. Здесь исследован именно обособленный некрополь, расположенный в стороне от мест расселения, которые пока не обнаружены. На основе типологии артефактов И. Н. Хлопин сгруппировал гробницы в несколько периодов, обозначенных им как Юго-Западный Туркменистан (ЮЗТ) VII–II. Вероятно, предложенная группировка потребует определенных уточнений. Наиболее ранними являются периоды ЮЗТ VII и ЮЗТ VI. В комплексах этого времени представлена как серая керамика, так и посуда с несложной росписью, в том числе с рядами треугольников, заполненных косой штриховкой. Вместе с тем довольно многочисленны и серые сосуды. Явным отличием от традиций подгорной полосы является широкое распространение ваз на высоких ножках (табл. 10, I, II). Оба эти явления — и серая посуда, и вазы на ножках — имеют близкие параллели в комплексе Гисар IA. Это позволяет синхронизировать период ЮЗТ VII, в какой-то мере и ЮЗТ VI с Гисаром IA и соответственно с Намазга II, где в отличие от контурных треугольников времени Намазга I как раз типичны ряды треугольников, заполненных косой штриховкой. Из медных изделий в ранних комплексах Пархай II представлены шилья и булавка с расплющенной головкой. В гробницах нередко на руках погребенных были браслеты из бус, сде-

ланных из кальцита, лазурита, агата и сердолика, что также близко обычаям, практиковавшимся в подгорной полосе в пору Намазга II. Булавки с биспиральной головкой, широко распространяющиеся в гробницах Пархая II уже в период, выделяемый И. Н. Хлопиным как ЮЗТ VI, типичны для погребений слоя Гисар IIБ. Это заставляет предположить именно для этих гробниц, но необязательно для всего комплекса, более позднюю датировку — времени Намазга III и даже Намазга IV. Видимо, можно будет со временем более четко сгруппировать гробницы, соответствующие времени Намазга III, поскольку в Пархее имеются серые сосуды с процарапанным орнаментом, аналогичные найденным в слоях Кара-депе. Следует подчеркнуть, что, несмотря на бесспорные аналогии с Гисаром и Шах-тепе, сумбарские памятники носят отчетливую печать своеобразия. Здесь не получили распространения изображения животных — от барсов до козлов, столь типичные для Гисара и воздействовавшие на керамику карадепинского стиля. В орнаментации керамики раннего Пархая II преобладает простая геометрическая роспись, постепенно деградирующая. Не получил распространения и гончарный круг, господствовавший в одновременных комплексах Тепе Гисара. Весьма своеобразной является и традиция овальных погребальных камер, использовавшихся как коллективные гробницы. В Северо-Восточном Иране все погребения одиночные и находятся, как и в подгорной полосе, на территории самих поселков. Правда, открытие коллективного погребения в слое конца среднего энеолита на Илгынлы-депе, где усопшие также были помещены в овальную яму, показывает, что эта практика могла быть распространена и за пределами Юго-Западного Копетдага.

Таким образом, эпоха раннеземледельческих обществ на юге Средней Азии, приходящаяся по археологической периодизации на пору энеолита, характеризует постепенное нарастание потенциала в экономике, культуре и идеологических установках. Это находило прямое отражение в наборах типов артефактов. Позволяются крупные населенные центры, приобретающие, во всяком случае по демографическим параметрам, предурбанизационные черты. Формируется устойчивая направленность культурных связей и прямых контактов с культурами южных соседей, прежде всего Ирана, Афганистана и Северо-Западного Индостана. Все это стало основой для становления в пору бронзового века более сложной социокультурной системы и получило в эту эпоху дальнейшее развитие.

Глава 3

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ФУНДАМЕНТ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ

Развитие южных общин по месопотамскому пути. Формирование протогородских центров и городского образа жизни. Стандартизация материальной культуры. Организационно-управленческий путь политогенеза: храмовые городки. Связи с великими цивилизациями Индостана и Месопотамии. Перемещение центров интенсивного развития в долину Мургаба (Маргиана) и на Среднюю Амударью (Бактрия). Храмовые комплексы и вопрос о жреческой олигархии. Первые земледельцы и скотоводы на Нижнем Зеравшане (Заман-баба).

Направленное развитие раннеземледельческого общества юго-запада Средней Азии, повторяя месопотамский тип эволюции, постепенно вело к формированию высокоразвитых структур, представляющих собой ранние формы цивилизации древневосточного облика. В эпоху бронзового века этот процесс уже не ограничивался сравнительно небольшой территорией северной подгорной равнины Копетдага, но и распространился в основном в результате перемещения уже сложившихся культурных стандартов и эталонов на весь юг Средней Азии. Возникают локальные очаги урбанизированных культур в дельте Мургаба, Древней Маргиане, и по среднему течению Амударьи, Древней Бактрии. В подгорной полосе плавное спонтанное развитие в этом направлении рисует уже комплекс типа Намазга IV, относящийся в основном к середине III тыс. до н. э. с определенными уточненными датировками в пределах 2800–2300 гг. до н. э. Для комплекса Намазга IV, могущего быть отнесенным к периоду ранней бронзы, характерна

расписная керамика, продолжающая трансформируемые традиции геометрической росписи карадепинского и геоксюрского стилей, с введением такого нового мотива, как изображения деревьев или хлебных колосьев и относительно реалистичные крупные изображения козлов с выделенными глазницами. Начинает использоваться гончарный круг, и с расширением его применения роспись на посуде деградирует и сокращается. Распространяются медные стержни (с присадкой к меди мышьяка) со сложной фигурной головкой и выточенные из белого мраморовидного известняка небольшие светильники цилиндрической формы. Культурные слои, содержащие материалы этого типа, составляют на разных памятниках и при разном числе строительных горизонтов мощности от 4 до 7 м. В определенной мере сохраняются различия в культуре западной и восточной групп памятников, хотя они все более нивелируются, явно следуя тенденции к интеграции урбанизирующегося культурного комплекса.

В восточной группе памятников слои ранней бронзы впервые были выявлены на поселении Хапуз-депе, расположенном в долине р. Теджен на ее правобережье к югу от Геоксюрского оазиса поры энеолита. Нижние наслоения этого памятника как раз содержат расписную позднеэнеолитическую керамику типа Чонг-депе, отражая, видимо, процесс переселения на юг обитателей Геоксюрского оазиса по мере его запустения. После полного заброса геоксюрской группы поселений Хапуз-депе остается единственным центром раннеземледельческой культуры на среднем Теджене. Его площадь достигает 10 га. Керамика, относящаяся ко времени Намазга IV, достаточно ярко характеризует тип посуды, бытовавшей в восточной провинции, и его предложено так и именовать хапузским. Роспись производилась коричневой или почти черной краской по красному или желтоватому фону. Геометрические мотивы, включая фигуры многоступенчатых крестов, явно продолжают традиции росписи геоксюрского стиля с постепенным измельчением деталей, ведущего как бы к ковровому рисунку. Постепенно все большее распространение получает гончарный круг. Открыто коллективное захоронение, видимо, располагавшееся в особой погребальной камере. В верхних слоях обнаружены гончарные двухъярусные печи, возможно, входившие в употребление уже на поздних этапах бытования комплекса Намазга IV.

Материалы близкого культурного облика выявлены и на Алтын-депе, который уже в пору позднего энеолита сформировался как крупный центр (табл. 11). Строения, располагавшиеся на вершине холма, образованном многометровой толщей культурных наслоений, в ряде случаев ограждались массивными стенами из сырцового кирпича толщиной от 2 до 5 м

с пилястрами по внешнему фасау. Однако такие стены отнюдь не образовывали общего четкого плана, по сути дела, огибая отдельные массивы, разделенные лощинами. Вместе с тем центральный въезд в населенный центр был оформлен монументальными воротами, имевшими в ширину 15 м. Это пространство было разделено продольными стенами на три прохода — два по краям, узких, видимо, для пешеходов, и центральный, более широкий, от 4 до 5 м, с вымосткой из камня и крупных кусков массивных сосудов. Этот центральный проезд явно предназначался для транспортных средств. Как показывают находки, по крайней мере со времени позднего Намазга IV получают распространение глиняные модели четырехколесных повозок, запряженных верблюдами. По краям ворота были оформлены массивными башнями-пилонами, декорированными пилястрами. Сама планировка показывает, что это — парадно оформленный въезд в формирующийся город, а не защитное фортификационное сооружение.

На основном стратиграфическом раскопе Алтын-депе ко времени Намазга IV относятся пять строительных горизонтов (Алтын 4–8). Здесь вскрыт участок поселения, имевший массивную внешнюю стену. За стеной располагались строения, большой хозяйственный двор и различные захоронения, в том числе в погребальных камерах. Дома в нижних слоях небольшие, состоящие из двух помещений — жилого и подсобного. В слоях Алтын 5 и 4, относящихся к завершающим этапам ранней бронзы, представлены дома анфиладного типа, несколько комнат которых развернуты фронтально. В большой центральной комнате одного такого дома открыт прямоугольный очаг со столбиками по углам, расположенный в центре и, возможно, игравший роль алтаря. В стенах таких центральных комнат устраивались ниши, в том числе в одном случае сделанные в форме полукрестов. Возможно, в подобных домах располагались семьи, выполнявшие и культовые функции.

В керамическом комплексе отчетливо наблюдается постепенное увеличение числа сосудов, сделанных с помощью гончарного круга, и параллельно — сокращение посуды, украшавшейся росписью; идет определенная деградация и самих орнаментов. Как и в Хапузе, основные мотивы геометрической росписи продолжают традиции расписной посуды геоксюрского стиля. Это — многоступенчатые кресты в ромбовидных картушах, пирамидки и треугольники с зубчатым внешним краем. Мотив дерева с ветвями также стилизован зубчатым краем поднимающихся вверх ветвей. Роспись производилась преимущественно по красному фону и реже по зеленоватому. Последнее более характерно для западной, собственно намазгинской, группы памятников. Как и в позднеэнеолитических наслоениях, довольно многочисленны кубовидные ко-

робочки, покрытые резным орнаментом из крестов и полукрестов с частым заполнением углубленной части фигур красной и черной краской. Продолжают бытовать плоские пуговицеобразные печати из камня и глины, но появляются и печати, имеющие на тыльной стороне выступ со сквозным отверстием. Судя по расположению этих предметов в могилах, они носились у пояса. Женские терракотовые фигурки также продолжают старые традиции, во всяком случае, во введении дополнительных деталей, в том числе прически с помощью наклепов. Сами фигурки становятся более грубыми и массивными, а к концу периода появляются и уплощенные статуэтки, предвосхищающие тип, распространившийся в пору развитого бронзового века. Новым типом артефактов являются выточенные из камня обычно беловатого цвета с желтоватыми прожилками светильники цилиндрической формы. Они имеют сверху небольшое углубление, как правило, задымленное, прикрывавшееся крышечкой с просверленным отверстием. Такие предметы обычно встречаются в погребениях, и, видимо, они играли определенное значение в обрядовой практике. Среди погребений имеются и коллективные захоронения в специальных погребальных камерах. Тщательные стратиграфические наблюдения позволили установить и наличие могил катакомбного типа. Примечательно, что относительным богатством инвентаря отличаются одиночные женские погребения, возможно, захоронения служительниц культа. Проведенные металлографические анализы показали, что металлические предметы изготавливались из меди с примесью мышьяка, а медные украшения и предметы туалета имели добавки серебра и свинца. Найдена булавка с биспиральным навершием, возможно, принадлежащая к числу предметов импорта из района Западного Копетдага, где такие изделия типичны для коллективных гробниц этого времени.

Намазга-депе как крупный центр превосходит своими размерами Алтын-депе, но соответствующие наслоения здесь изучены гораздо хуже. Четко вырисовывается керамический комплекс, где так же, как и на Алтын-депе, постепенно увеличивается число сосудов, изготовленных с помощью гончарного круга быстрого вращения, что стимулировало появление остросереберных форм сосудов. Местные отличия, типичные для всей западной группы памятников, составляет почти полное отсутствие краснофонной керамики. Роспись производилась в основном темно-коричневой краской по зеленовато-белому фону. Она еще более измельчена по сравнению с восточной посудой и развивает больше традиции карадепинского, а не геоксюрского стиля. Стремление к измельченности проявляется, в частности, в замене фигур многоступенчатых крестов квадратами и ромбами с зубчатым внешним краем. Довольно

многочисленны изображения деревьев как отдельно, так и как составной элемент сложной композиции. Пятнистые барсы, столь типичные для керамики Кара-депе, исчезают. Сохраняющиеся фигуры птиц и козлов имеют четко прорисованные глаза, ранее не выделявшиеся на общем силуэте, сплошь залитом однотонной краской. Серые сосуды, в том числе кубки, единичные на Алтын-депе, здесь довольно многочисленны. Серая посуда иногда имеет процарапанный орнамент.

Еще в большей мере это свойственно Ак-депе под Ашхабадом, что явно связано с использованием традиций серой керамики, типичной для Западного Копетдага как одного из локальных центров массива «культуры серой керамики» круга иранских Гисара и Шах-тепе. Черепок этих сосудов серый, поверхность темно-серая, иногда почти черная, особенно когда поверхность сосудов лощеная. Как правило, керамика имеет резной орнамент из волнистых линий, идущих вертикально или горизонтально, и треугольников с внутренней штриховкой. Приверженность посуде серого цвета сказалась на мелкой пластике, где фигурки женщин и животных имеют тот же цвет.

Совершенно ясно, что комплекс типа Намазга IV складывается на основе пласта позднеэнеолитических традиций и отражает процесс спонтанной трансформации. Технологический прогресс в керамическом деле и в металлообработке стимулировал постепенное обособление производств, становящихся все более профессиональными ремеслами. Все это, как и развитие монументальной архитектуры, демонстрируемое парадным въездом на Алтын-депе, свидетельствует о движении по пути урбанизации.

Эти предпосылки были полностью и впечатляюще реализованы в период развитой бронзы, когда в Южном Туркменистане были распространены комплексы типа Намазга V. Этот комплекс, четко выделенный при раскопках эпонимного памятника, характеризуется высококачественной нерасписной керамикой с такими формами, как ваза на ножке и конические чаши с уступом под венчиком, уплощенными женскими терракотами с пышной прической и процарапанными знаками на расставленных в стороны руках и металлических печатях с геометрическими и зооморфными сюжетами и петелькой-ручкой на оборотной стороне (табл. 12). Традиционная дата бытования комплекса типа Намазга V определяется как 2300–1800 гг. до н. э., хотя имеются и аргументы в пользу более длинной хронологии.

Керамика изготовлялась исключительно с помощью гончарного круга быстрого вращения и обжигались в двухъярусных горнах при температуре до 1000°. Исключение составляли кухонные котлы с носиком-сливом, по-прежнему лепившиеся «от руки». Тонкостенные сосу-

ды отличались высоким качеством, а формы, при оптимальном использовании возможностей гончарного инструмента, большим изяществом, особенно в столичных центрах, где, видимо, трудились особо одаренные мастера.

По типологической классификации выделяется 24 типа основных керамических изделий с рядом вариантов в пределах каждого типа. Это разнообразие отражает благоустроенный быт обитателей основных центров, налаженный быт нового образа жизни, который с определенным основанием можно назвать городским. Об этом же свидетельствует само качество тонкостенных сосудов, стенки которых имеют толщину в несколько миллиметров, изящество и изысканность форм. Таковы, например, биконические или шаровидные сосуды на высокой ножке, особенно характерные для керамических наборов Намазга-депе. Именно на Намазга-депе в первую очередь распространены сосуды с черепком зеленовато-белого цвета, в меньшей мере характерные для Алтын-депе. Там, как и в ряде небольших поселений, более характерна керамика с красным или розовым черепком и светлой поверхностью. Характерной чертой комплекса керамики типа Намазга V является почти полное отсутствие у сосудов ручек и редкое использование носиков или сливов. По существу, лишь небольшие сосуды шаровидной формы имеют небольшие носики и напоминают современные чайники. Находки в детских погребениях позволяют считать их своего рода поильниками. Иногда встречаются части зооморфных сосудов, в том числе сливы, оформленные в виде голов животных. Но в целом керамику поры развитой бронзы характеризует своего рода изысканный конструктивизм.

Довольно разнообразна глиняная пластика. Среди скульптурок животных преобладают схематизированные изображения, в которых, однако, легко узнаваемы различные породы скота и фигурки собак, имеющих купированные уши и хвост. Последнее указывает на утверждение определенных стандартов для породы овчарок, охраняющих стада, подобных тем, которые и сейчас сохранились у местного населения. Это полностью подтверждается изображением пастушеских собак на серебряном кубке этой эпохи, найденном в Афганистане и воспроизводившем сцену, связанную со скотоводческой деятельностью. Судя по частым находкам глиняных моделей колес с выступающей двухсторонней втулкой, глиняные модели повозок были обычным элементом бытовой культуры. В передней части моделей изображалась голова верблюда, что прямо указывает на использование этого животного как тягловой силы. Иногда, судя по таким моделям, верблюды ходили в парной запряжке. Костей лошади ни на Алтын-депе, ни на Намазга-депе не обнаружено.

В пору Намазга V сложился устойчивый тип терракот, воспроизводящих женские персонажи. Это фигурки, по стилю совершенно отличные от объемных статуэток раннеземледельческой эпохи. Плоское изображение передает общие абрисы женской фигуры с широкими бедрами и тонкой талией. Особое значение придавалось верхней части, где голова на высокой шее снабжалась змеевидными косами, спускающимися по обе стороны, и переданными наклепами крупными глазами. Статуэтки, как правило, имели широкую наклепную косу, спускающуюся по спине, головные уборы различных типов, в том числе в виде высокой раструбообразной короны. Различного вида украшения передавались процарапанными линиями. Это разного рода ожерелья и пояса в несколько рядов на бедрах. В богатых женских погребениях встречаются такие пояса, составленные из бус. На плечах многих фигур процарапаны знаки, встречающиеся также и на тулове. В отдельных случаях различные виды знаков сочетаются с определенными иконографическими признаками, будь то головные уборы или шейные украшения. Было высказано предположение, что эти особенности отражают образы различных женских божеств покровителей неба, водной стихии или растительного мира. Для Алтын-депе особенно характерны знаки в виде «треугольника с ресничками», часто с крестообразным навершием, типологически восходящим к фигуре полукрестов расписной керамики поры ранней бронзы. Возможно, таков был символ божественной покровительницы того центра, руины которого представляет собой Алтын-депе.

Металлические изделия немногочисленны, но достаточно разнообразны. Видимо, ценность металлов вела к постоянной переплавке пришедших в ветхость металлических изделий, которые даже в погребальных комплексах немногочисленны. Оловянистые бронзы крайне редки, преобладают сплавы меди с мышьяком и свинцом. Примечательно распространение изделий из серебра, в том числе и массивного тесла с двумя цапфами. Возможно, в данном случае мы имеем дело со стремлением сохранения концентрированных ценностей. В раннем Шумере, когда серебро получает тенденцию к использованию как всеобщего эквивалента, такое значение концентрированного богатства приобретали серебряные украшения, хранящиеся в доме.

Двулезвийные ножи и оружие типа кинжалов имеют черешковое закрепление и, как правило, лишены осевого ребра. Распространены зеркала с небольшой ручкой и стрезни типа булавок с лопаточкообразным навершием, иногда заменяемым изображением головки животного.

Особую группу металлических изделий составляют печати с ушком на оборотной стороне. Аналогичной формы изделия изготовлялись так-

же из камня и глины и, судя по находкам в погребениях, носились у пояса. Обычно печати имеют высокий рельеф, и по типам изображений варьируют фигуры крестов и реже пирамидок, которые обычны для керамической росписи начиная с позднего энеолита. Выделяются печати зооморфного типа, воспроизводящие орлов с распростертыми крыльями, травоядных и барсов. Порой в комбинированный рисунок вмонтированы воспроизведения извивающихся змей. В одной богатой могиле обнаружена серебряная печать в виде трехглавого дракона, отлитая по утраченной модели с последующей подработкой деталей.

Широкие раскопки Алтын-депе выявили сложную внутреннюю структуру этого центра, разные участки которого функционально дифференцированы. Выделяется на северной окраине квартал гончаров, где сосредоточено около 50 двухъярусных горнов. Центральное положение занимал культовый комплекс, с внешней стороны оформленный как многоступенчатая башня, явно следующая канонам месопотамских зиккуратов. В пределах этого комплекса располагался целый погребальный ансамбль, скорее всего, принадлежавший служителям культа. Он состоял из четырех анфиладно расположенных помещений. В центре первого располагался культовый очаг с лежащими рядом сосудами для возлияний и особый пристенный помост, где были сосредоточены ценные приношения. Помимо многочисленных ожерелий из лазуритовых, сердоликовых и золотых бус здесь найдены две печати. Одна из них, выточенная из лазурита, имеет типичную для Алтын-депе форму многоступенчатого креста. Другая сделана из белого камня, несет изображение свастики и явно принадлежит к числу изделий, импортированных из ареала хараппской цивилизации долины Инда. Особый интерес представляют золотые головы волка и быка. Последняя имела инкрустацию из бирюзы, передававшую глаза и лунообразную вставку во лбу. Инкрустированная плакетка из камня, найденная здесь, также несет изображение лунного серпа. Семантическая связь лунного серпа с божеством луны хорошо известна по материалам Месопотамии. Возможно, что культовый центр Алтын-депе был также посвящен лунному божеству мужского рода, поскольку здесь совершенно отсутствуют находки женских терракот.

Поселение, судя по всему, имело и достаточно сложную социальную структуру. По типам застройки и инвентаря коллективных усыпальниц, продолжающих традицию погребальных камер ранней бронзы, выделяются три имущественно дифференцированные группы населения. Высшее положение здесь занимали обитатели «квартала знати», застроенного просторными домами четкой прямоугольной планировки. Все эти обстоятельства указывают на то, что для эпохи развитой бронзы

Алтын-депе представлял собой сложный организм, возможно, своего рода храмовый городок верховного божества, которому был посвящен культовый центр. Погребальный ансамбль жрецов, открытый на Алтын-депе в культовом центре, по богатству инвентаря занимает первое место среди погребальных сооружений памятника. Несмотря на широкие раскопки и массовые находки как коллективных гробниц, так и индивидуальных погребений, здесь не обнаружено богатых захоронений светских лиц, хотя могилы со своего рода престижным инвентарем, как, например, культовые жезлы, выточенные из камня, и представлены. Среди археологических материалов практически отсутствует вооружение, кроме стрел с кремневыми наконечниками. Судя по всему, в обществе преобладал организационно-управленческий путь политогенеза, характерный для начальных этапов развития государственности, например Месопотамии. Поливное земледелие требовало четкой организации труда, чем и занималась жреческая корпорация, превращая храмовые комплексы, как об этом свидетельствуют документы древнейших архивов Урука, в своего рода центр хозяйственного управления и регулирования. В этом отношении у степных обществ древних кочевников явно доминировал военно-аристократический путь политогенеза.

Материальная культура ярко характеризует высокий уровень жизни и в целом позволяет говорить, что перед нами местная цивилизация древневосточного облика, хотя и занимающая окраинное положение по отношению к основным центрам тогдашнего культурного мира. При этом наряду с влиянием месопотамских эталонов, в том числе в глиптике, весьма заметны связи с хараппской цивилизацией. В богатых погребениях и в небольшихкладах найдены импортные изделия из слоновой кости, в том числе палочки с нанесенными на них кружками, возможно, служившие для гадания. Найдена при раскопках «квартала знати» также печать с двумя знаками хараппской иероглифической письменности (табл. 12).

Другим важным, видимо, также городским центром в подгорной полосе было Намазга-депе, материальная культура которого по ряду признаков выглядит даже более богатой по сравнению с Алтын-депе. Идентичные материалы дали и небольшие поселения, видимо, сельские центры.

Вместе с тем время развитого бронзового века было периодом, завершающим энергичное прогрессивное развитие этой области, уходящее истоками в раннеземледельческий неолит Джейтуна. Приближалась пора стагнации и упадка. Основные центры, как и многие мелкие поселения, в конце этого периода забрасываются. Раскопки Ал-

тын-депе показывают, что это происходило постепенно, без следов каких-либо видимых катаклизмов. Сначала запустевает восточная часть памятника, где располагались «квартал знати» и культовый центр, затем город забрасывается полностью.

Материалы, выделяемые как этап позднего Намазга V (слои, обозначенные на Алтын-депе как Алтын 0–2), характеризуются сокращением числа керамики с черепком намазгинского типа, появлением таких форм, как керамические подставки и сосуды на четырех ножках.

Со времени упадка оазисов на северной прикопетдагской равнине центр импульсивного развития все более перемещается на восток, в дельту Мургаба. Как уже отмечалось, здесь обнаружены развеечные поселения поры позднего энеолита. Возможно, здесь существовали и обжитые пункты времен ранней бронзы. Во всяком случае, в могильнике Заман-баба, расположенном в низовьях Зеравшана, найдена часть расписного сосуда типа позднего Намазга IV, который мог попасть в эту отдаленную от основной метрополии область только по путям, ведущим через древнемургабскую дельту.

Формирование комплекса Намазга V представляет собой достаточно явственный образец спонтанной трансформации. Основное развитие происходит на основе культурного пласта поры ранней бронзы с реализацией в типах артефактов технологических (в керамике) и идеологических (в типах терракот) новаций. Определенное стимулирующее значение играло воздействие эталонов высокоразвитых цивилизаций, прежде всего Месопотамии. Но в целом в комплексе материальной культуры число таких формопроявлений не столь уж велико.

На подгорной равнине комплекс типа Намазга V сменяется комплексом Намазга VI, представляющим собой завершающий этап в основной стратиграфической колонке Южного Туркменистана. Для керамики Намазга VI характерно исчезновение сосудов с черепками зеленовато-белого цвета, появление серой керамики и сосудов красного цвета, иногда с залощенной поверхностью. Распространены вазы на ножках и исчезают кубки конической формы. Довольно типичны хумчи с шаровидным туловом и с выкружкой ниже ребра, отделяющего придонную часть сосуда. В целом налицо не только сокращение числа форм сосудов, но и их огрубление. Сохраняющиеся подставки все чаще украшаются различными процарапанными знаками. Процарапанные линии и знаки наносятся и на сосуды других форм. К числу негативных явлений можно отнести практическое исчезновение печатей и почти полное отсутствие антропоморфной пластики.

Эти черты определенной деградации в материальной культуре соответствуют и общему упадку. Так, Алтын-депе в это время полностью

забрасывается, как и основная территория Намазга-депе, где обжитой остается только северная часть, так называемая вышка. Слои с комплексом типа Намазга VI представлены и на ряде небольших поселений, в том числе на Южном холме Анау, где в соответствующих наслоениях обнаружено значительное число бронзовых изделий; на Теккем-депе около Намазга-депе и на Елькен-депе, где соответствующий комплекс обозначен как Елькен I. Примечательно, что появляются могильники, расположенные отдельно от поселения, что порывает с многотысячелетней традицией раннеземледельческой эпохи, когда погребения и целые гробницы стремились расположить на территории самих поселков, в непосредственном соседстве с жилыми постройками. Таков могильник Янги-кала, где погребенные располагались в грунтовых ямах в сопровождении 1–4 сосудов и различных бронзовых изделий (булавки с ажурной головкой, кольца, налобные пластинки-диадемы, ушные подвески). Найдены также терракотовые статуэтки, едва ли не единственные в комплексах поздней бронзы в подгорной полосе. Примечательной чертой культурного слоя поселений этого времени являются находки керамики степной бронзы, часто весьма в значительном числе, как, например, на Теккем-депе. Это позволяет предполагать проникновение степняков, на первых порах сохранявших определенные керамические традиции, в среду населения оседлых оазисов. Включение степняков со своими традициями в состав оседлого населения могло повлиять и на распространение устройства могильников вне пределов собственно поселения. Традиционно комплекс типа Намазга VI датируется серединой II тыс. до н. э. с распространением в значительной мере на всю вторую половину этого тысячелетия. В подгорной полосе в его генезисе налицо черты преемственности или спонтанного развития, как и бесспорные свидетельства упадка, запустения и определенной дезинтеграции высоко развитой культуры времени Намазга V.

Все это выглядит особенно контрастно по сравнению с расцветом оседлой культуры, имеющей все признаки цивилизации, в бассейне Мургаба и далее по Средней Амударье, куда теперь перемещается центр импульсивного развития. В дельте Мургаба памятники эпохи бронзы впервые были открыты в 1950-х гг., когда было предложено выделять два этапа времени Намазга VI — ранний, названный Аучин, и поздний, типа Тахирбай 3. Последующие исследования привели к открытию десятков других поселений, широко изучавшихся В. И. Сарияниди, который предложил ранний этап именовать типом Гонур, а поздний — типом Тоголок. И. С. Масимовым был открыт целый оазис наиболее ранних поселений, и соответствующий комплекс по эпонимному памятнику получил наименование Келлели (табл. 14, I).

Как показывает тщательный типологический анализ, проведенный Б. Н. Удеумрадовым, комплекс Келлели можно относить к поре позднего Намазга V, синхронизируя его со слоями Алтын 0–2 (Удеумрадов, 1993). Это, в частности, видно по распространению такой диагностирующей формы как керамические подставки, часто имеющие нацарапанные знаки. Вместе с тем налицо и ряд признаков местной специфики керамического комплекса. Например, наличие таких форм, как плоские блюда и бокалы на ножке. Сам оазис Келлели, состоящий из восьми памятников, занимает пространство около 23 км².

В составе группы памятников имеются два довольно значительных по площади — Келлели 1 (6,3 га) и Келлели 3 (4 га). Раскопки показали, что главным центром поселения Келлели 3 была квадратная в плане крепость со сторонами, равными 128 м, и с шестью прямоугольными башнями на каждой из сторон. Внутрь вели четыре въезда, что может предполагать и крестообразную уличную планировку. По обе стороны от въездов находились прямоугольные помещения, могущие выполнять функцию крупных привратных башен. Приверженность к четкой квадратной планировке оказалась для мургабских поселений достаточно устойчивой.

В том же оазисе на поселении Келлели 4 раскопан квадратный в плане дом со стороной, равной около 30 м. Двойные стены с внутренним коридором дополнял наружный ров, также повторяющий четкие очертания квадрата. Обводной коридор разделен поперечными стенками на отдельные отрезки. По обе стороны центрального входа, как и в крепости Келлели 3, возведены два прямоугольных помещения. Во внутренней застройке намечается группировка по отдельным секциям, состоящим из 2–3 комнат. Наличие таких построек имеет принципиально важное значение. Такая структура резко отличается от ульеобразной традиционной застройки как крупных, так и мелких центров эпохи энеолита и бронзового века. При этом такая несколько хаотичная застройка, судя по всему, существовала и в других поселениях Келлелинского оазиса, как, например, Келлели 6 и, возможно, за пределами квадратных обводов поселений Келлели 3 и 4. Скорее всего, как это и предполагает автор раскопок, квадратный дом на Келлели 4 был резиденцией элитной части обитателей поселения. Поселения подгорной полосы традиционно теснились на вершинах стихийно разраставшихся холмов, образованных толщами культурных наслоений. Это затрудняло придание их обводам четких, правильных очертаний. Когда это представлялось возможным, как, например, в пору позднего энеолита на Алтын-депе, внешняя стена имела четкие прямые очертания и прямоугольные башни-пилястры. На вновь осваиваемых плоских такырах нижнемургабской

дельты складывались особо благоприятные возможности для изначальной регулярной планировки. Не исключено, что и сам планировочно-фортификационный канон мог сложиться не без влияния стандартов, принятых в соседних областях. Например, в Хараппе, тесные связи с которой характерны для поры развитой бронзы, квадратные и прямоугольные крепостные обводы были достаточно широко распространены. Группировка поселений в оазисе с иерархической структурой их типов, скорее всего, отражает и определенную социально-политическую структуру. Можно предположить, что в располагающемся на одном из протоков мургабской дельты келлелинском оазисе формировался тот тип общественного организма, который на Древнем Востоке известен как номовый, или город-государство. Но, разумеется, это были лишь первые шаги по путям подобного социополитического развития.

Помимо керамики другие виды артефактов также обнаруживают поразительную близость памятников подгорной полосы с материалами комплекса типа Келлели. Таковы плоскостные женские терракотовые статуэтки, часто со сложными головными уборами. Это касается и бронзовых печатей с ушком на оборотной стороне, воспроизводящих как крестообразные мотивы, так и фигуры животных. Печать, где в вихревой розетке объединены головы птиц, практически идентична аналогичному изделию с Алтын-депе. Как и в Алтын-депе, характерно наличие импортных хараппских изделий. На одном из поселений в оазисе Келлели была найдена импортная хараппская печать с изображением свастики.

Судя по всему, именно в пору позднего Намазга V происходит устойчивое систематическое освоение нижнемургабской дельты оседлой культурой, привнесшей сюда урбанизированные стандарты. Материалы этого времени найдены в целом ряде других памятников, в том числе в нижних слоях поселения Гонур-депе, ставшего затем своего рода местной столицей. Принципиальная генетическая связь с прикопетдагской метрополией не вызывает сомнений, хотя налицо и явная местная специфика, естественная для групп населения, находившихся друг от друга в достаточном отдалении. Позднее эти различия возрастают, и на Мургабе формируется блестящая местная цивилизация, контрастно превосходящая памятники прикопетдагской равнины, культура которой становится все более бедной и убогой.

Это становится очевидным уже в пору существования комплекса типа Гонур, который по основной археологической колонке можно относить ко времени раннего Намазга VI (табл. 14, II). В мургабской керамике этого времени характерными становятся такие формы, как кубки на ножке, биконические горшки приземистых очертаний, горшки эллипсоидной формы. Появляется серая керамика. В культурных наслоениях, как

и на подгорном Теккем-депе, встречаются фрагменты лепной посуды степного типа. Ярким компонентом археологического комплекса становятся печати новых типов. Вместе с тем исчезают женские терракоты, типичные для комплексов типа Намазга V, в том числе и для келлелинского. В литературе было предложено наименование, общее для памятников бронзового века Мургаба и Средней Амударьи, — «бактрийско-маргианский археологический комплекс». С точки зрения археологической систематики, это понятие едва ли является перспективным. Скорее всего, следует говорить об отдельных археологических группах памятников или культур Маргианы (долина Мургаба) и Бактрии (Средняя Амударья). При этом в Маргиане с точки зрения археологической систематики мы имеем на данном этапе исследования трехчленную группировку комплексов Келлели — Гонур — Тоголок, а для Средней Амударьи — два локальных варианта, видимо, одной культуры: Сапалли — для правобережья и Дашлы — для левобережья.

Характерным компонентом археологического комплекса времени Намазга VI в Маргиане становятся тяжелые биконические бусы, выточенные из камня и иногда именуемые пряслицами. Их поверхность часто украшена резным орнаментом, в том числе в виде концентрических окружностей. Для позднего периода времени Намазга VI в достаточно четком археологическом контексте выявлены соответствующие материалы на поселении Тахирбай 3. Керамика имеет черепок розового или красноватого цвета при желтовато-белом или зеленовато-белом ангобе. Изредка встречается серая керамика. Ведущими формами являются вазы на ножках, горшковидные хумча и керамические подставки. Специфическим вариантом ваз являются сосуды с рельефными поясками на тулове самой вазы и в верхней части ножки (табл. 14, III). Этот комплекс получил затем наименование тоголокского, и кроме указанных форм здесь отмечены сосуды с носиком, завершающимся длинным сливом, явно следующие керамическим традициям одновременных комплексов Ирана, представленных в Южном Туркменистане комплексом культуры Сумбар.

В период существования комплексов типа Гонур и Тоголок дельта Мургаба, к которой исследователи применяют термин античных географов, Маргиана представляла собой страну, занятую несколькими процветающими оазисами, центром которых, как и оазиса Келлели, были крупные поселения. Утвердившаяся в пору Келлели планировочная идея в виде квадрата или прямоугольника широко используется в строительстве и архитектуре маргианских поселений. Так, в группе поселений Аджикуи наиболее крупный из памятников Аджикуи 8 имел прямоугольную крепость с внешними стенами шириной 1 м. Квадратная в

плане крепость отмечена и в центре другого оазиса — на поселении Аучин. Столичным центром всей области низовьев Мургаба был Гонур-депе с функцией культурного и идеологического лидерства, нуклеарная часть которого имеет площадь около 20 га. По его периферии, как и на Алтын-депе, сконцентрированы гончарные печи, указывающие на существование кварталов мастеров-керамистов.

Поселение Гонур-депе имеет обширный некрополь, занимавший площадь около 10 га и располагавшийся обособленно к западу от основного массива поселения. Типы захоронений здесь весьма разнообразны. Около одной четверти усопших захоронены в овальных или подпрямоугольных ямах и имели небогатый инвентарь в виде одного-двух керамических сосудов. Перед нами прямое продолжение погребальной традиции, существовавшей в подгорной полосе многие тысячелетия в эпоху энеолита и бронзового века. Почти три четверти захоронений представлены катакомбными захоронениями, когда собственно погребение совершалось в погребальной камере или в подбое, устроенном вдоль одной из стен могильной ямы, и закрывалось одним или двумя рядами сырцовых кирпичей. Этот тип захоронений отмечен как единичный на Алтын-депе в наслоениях времени Намазга IV, но получил почти повсеместное распространение на юге Средней Азии в пору позднего бронзового века. Другие типы захоронений более редки. Таковы погребения, состоявшие из разрозненных костей, совершавшиеся в прямоугольных ямах со стенками, прокаленными докрасна в результате длительного обжига. По внешнему виду они напоминают каменные ящики, представленные в могильниках разных культур, и в частности в памятниках степной бронзы. Контакты с последними широко отмечены в материалах времени Намазга VI в ряде областей, в том числе и в Маргиане. Особую небольшую группу составляют гробницы, сложенные из сырцового кирпича. Коллективные погребения в камерах, устроенных из сырцового кирпича, были известны в пору Намазга IV, да и в более раннее время в подгорной полосе. Но там они, судя по всему, устраивались на дневной поверхности и служили для коллективных захоронений, иногда весьма многочисленных. Погребальные камеры Гонура, наоборот, устраивались под землей и к ним, иногда через небольшой вестибюль, вел пологий спуск. В камерах захоранивали всего нескольких человек, скорее всего, членов малой, или индивидуальной, семьи. Гробницы эти ограблены, но даже уцелевшие объекты, например золотые бусины и печати, указывают на престижный облик погребального инвентаря. Вероятно, это были усыпальницы жреческой и светской элиты. На Алтын-депе в наслоениях поры Намазга IV отмечены одиночные захоронения женщин в сопрождении относительно богатого и разнообразного инвентаря, в том

числе выточенных из мрамора светильников, что позволило предположить, что это были служительницы культа. Скорее всего, институт жриц сохранял свое значение и на Гонур-депе, где они были полноправными членами жреческой корпорации.

Четкие квадратные очертания свойственны и монументальным строениям, в которых есть основания усматривать культовые центры. Так, на поселении Тоголок 1 монументальное здание, имеющее обводные стены и подквадратный план (около 30 × 30 м), было возведено на небольшом естественном всхолмлении. В отличие от Келлели здесь уже по внешнему краю расположены не квадратные, а круглые башни. Основное строение вписано в более широкий обвод внешней стены изломанного периметра. В юго-западной части Гонура вскрыт многокомнатный комплекс, также находящийся внутри более обширного внешнего обвода. Четкой планировкой отличается монументальный комплекс на поселении Тоголок 21, видимо, игравший роль общемаргианского культового центра. Мощные стены основного центрального прямоугольника имеют круглые угловые башни и полукруглые вдоль стен. Второй внешний обвод, стены которого менее монументальны, также имеет башни круглой и полукруглой формы. Наконец, имеется и третий обвод, башни которого имеют ту же форму. В пределах этих комплексов найдены очаги, которые можно рассматривать как алтари и явные свидетельства происходивших там культовых возлияний. Весьма показательна особая роль огня, на которых возжигался огонь. Она сохранялась в специальных отсеках, подобно тому как это практиковалось в более поздних храмовых центрах Средней Азии, связанных с культом огня в системе зороастрийских верований. Учитывая монументальный характер, есть основание именовать эти маргианские архитектурные комплексы храмами. Видимо, как и храмовые центры Месопотамии, они выполняли также хозяйственные функции, являясь местом сосредоточения разного рода продуктов. Об этом, в частности, свидетельствуют строения и сооружения из параллельных отрезков стен, которые есть основания рассматривать как фундаменты для зернохранилищ. Впервые такое сопряжение святилищ и зернохранилищ отмечено еще в пору неолитической джейтунской культуры на поселении Песеджик-депе.

Как и в подгорной полосе, в долине Мургаба в период поздней бронзы появляются некрополи, расположенные обособленно от поселений. Таков помимо Гонура тахтабазарский могильник на Среднем Мургабе, относящийся, видимо, к самым ранним этапам развития гонурского комплекса, если не к переходу от Келлели к Гонуру. В одиночных захоронениях помещались керамические сосуды, бронзовые печати и разного рода

изделия, в том числе черешковые кинжалы с небольшим осевым ребром. Наряду с такой новой традицией сохраняются и погребения, совершенные непосредственно на территории поселка, как это отмечено для Тахирбая 3. Сложные процессы в интеллектуальной жизни, в том числе, видимо, и в культовой практике, отражает и такой тип артефактов, как печати. В период Намазга VI в дельте Мургаба наряду с перегородчатými печатями, традиционными для Алтын-депе и представленными в комплексе Келлели, распространяются ажурные металлические печати, цилиндрические печати месопотамского типа и оригинальные местные образцы глиптики: выточенные из камня плакетки обычно подквадратной формы с поперечно просверленным отверстием для продевания шнура (рис. 3). Репертуар изображений на этих печатях исключительно разнообразен и отражает как традиционные местные образы, так и следование некоторым переднеазиатским стандартам. Так, здесь имеется стоящий герой, держащий в руках двух поверженных хищников; многочисленны изображения змей, часто сплетающихся в сложные узоры или воспроизведенные в сценах с другими животными. При определенных иконографических и сюжетных ближневосточных аналогиях эта иконография в целом достаточно самобытна и, скорее всего, как и хра-

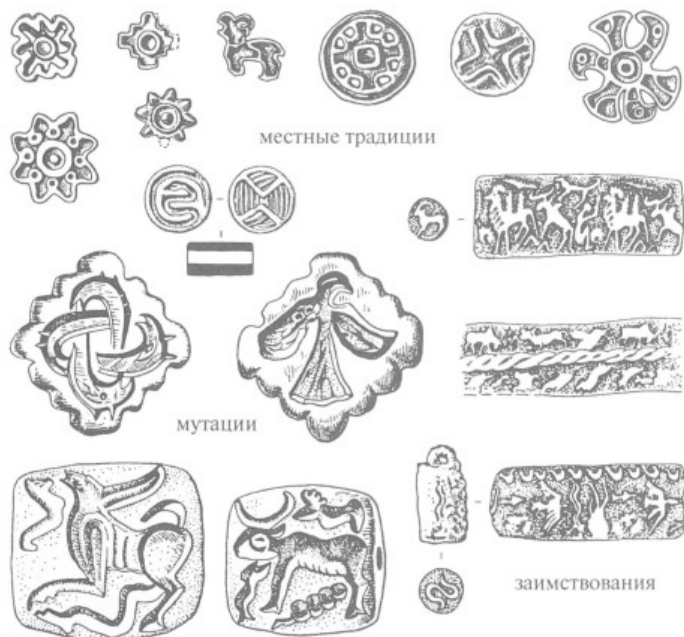

Рис. 3. Печати бронзового века. Маргиана

мовые комплексы, отражает активную жизнедеятельность в сфере идеологии. К числу подобных объектов относятся и культовые сосуды, по бортику которых располагались схематично вылепленные фигурки людей и животных (табл. 14, III). В воспроизведенных здесь сценах, как правило, активно участвуют змеи, чей культ, судя по росписям святых Илгынлы-депе, восходит в Южном Туркменистане еще к периоду энеолита.

Важной чертой культуры Маргианы времени Намазга VI являются феномены, связанные с культово-идеологической сферой, — монументальные храмовые комплексы и сложный репертуар иконографии, представленной в глиптике и явно отражающей богатую религиозную и мифологическую традиции. Вероятно, и политически речь должна идти не о светском, а о теократическом правлении, когда жреческая корпорация могла обитать в особых резиденциях, обособленных стенами с башнями от рядовых горожан. В таком случае маргианские центры урбанистического облика можно трактовать, как и Алтын-депе времени Намазга V в подгорной полосе, как храмовые городки. Храмовые комплексы играли роль лидирующих хозяйственных и идеологических центров. Оазисы Маргианы бронзового века как предтечи городов-государств развивались по пути олигархической теократии.

Комплексы, крайне близкие по многим показателям, были распространены и по среднему течению Амударьи, где на правом берегу соответствующие памятники объединены в культуру Сапалли. А. Аскарковым проделана большая работа по археологической систематике и выделены, главным образом на основании типов керамики, четыре последовательно развивающихся комплекса, получившие соответственно наименования Сапалли, Джаркутан, Молали и Бустан.

Эталонным памятником является полностью раскопанное поселение Сапалли (табл. 15). Здесь центральное место занимало квадратное в плане сооружение размером 82 × 82 м, повторяющее тип, сложившийся на Мургабе в пору позднего Намазга V, но с более усложненной системой обводных коридоров. Они представляют собой узкие, не соединяющиеся помещения, по два с каждой стороны, имеющие обособленные проходы внутрь комплекса. Внутреннее пространство первоначально представляло собой достаточно обширный двор, но потом все более тесно застраивалось жилыми и хозяйственными строениями. Планировочно они объединяются в восемь массивов-блоков, разделенных как сплошными стенами, так и узкими проулками, нередко всего лишь метровой ширины. В пределах этих блоков выделяются комплексы, состоявшие из нескольких комнат. Иногда имелись и помещения, игравшие роль мастерских для домашних промыслов. Это укрепленное квадратное стро-

ение имело и своего рода обжитую округу, примыкавшую к внешним стенам. Осматривая раскопанный памятник, автор этих строк отметил наличие круглых башен у центрального входа.

В Сапалли четко сохранена традиция территориального объединения хозяйственно-жилых массивов и захоронений. Повсюду под полами располагались погребения в катакомбах или подбоях. Погребенных обычно сопровождали керамические сосуды, но имеются также различные бронзовые изделия, украшения, небольшие бронзовые кувшинчики с высоким горлом, видимо, косметического назначения. Иногда встречаются кенотафы, причем «отсутствующего» покойника заменяет захоронение барана. Возможно, кенотафы сооружались в память погибших на стороне воинов. Во всяком случае, показательно, что в одном из кенотафов находилось бронзовое копье. В дальнейшем эта тенденция усиливается. Так, если в могильнике Джаркутан, где раскопано несколько сот захоронений, на раннем этапе, соответствующем обживанию основного горизонта времени Сапалли, число кенотафов составляет немногим более 2%, то для поздних могил, соответствующих по времени этапу Молали, их процент достигает 12. В целом особо богатых погребений не обнаружено, хотя, например, в одной гробнице были помещены 32 глиняных сосуда. Налицо тенденция помещать более обильный инвентарь в женские захоронения.

Керамический комплекс Сапалли во многом перекликается с керамикой комплекса Келлели, хотя отдельные формы, как, например, бокалы на ножках, тяготеют к керамическим наборам Маргианы времени Намазга VI. К маргианской глиптике времен Намазга VI тяготеет и каменная печать в форме многоступенчатого креста, на одной стороне которого вырезаны переплетающиеся змеи, а на другой — крестообразно соединенные протомы льва, кошачьего хищника, кабана и горного козла. Можно отметить парадный проушной топор и зеркало с ручкой, оформленной в виде подбоченившейся фигуры так, что саму голову образовывало лицо смотрящегося в это овальное зеркало.

Правобережье Амударьи было в это время достаточно широко освоено, и поселения бронзового века группируются в несколько оазисов, привязанных к источникам орошения. Центром одного из оазисов было поселение Джаркутан, где четко выделяется второй хронологический комплекс, следующий за Сапалли. Здесь преобладают сосуды с поверхностью красного цвета. Более высокими становятся ножки ваз. Само поселение имеет рассредоточенную планировку. Его центральная часть представляет собой почти правильный квадрат площадью 4 га. Здесь располагалось замкнутое строение размером 42 × 42 м, обнесенное стеной с башнями. Внутренняя застройка этого сооружения отличается

утилитарностью, здесь нет больших парадных залов. Вероятно, это резиденция какой-то элитарной семейной группы, лидирующей на Джаркутане. Имелись на поселении и места сосредоточения керамического производства. Значительную часть окружающих этот центр всхолмленный занимает обширный некрополь, теперь уже располагающийся, как могильник Янги-кала, вне застроенной жилой части. Здесь же находился и культовый комплекс в обводе стен, образующих правильный прямоугольник размером 45 × 60 м. Архитектурно он выглядит менее выигрышно, чем «столичный храм» Маргианы, но функционально содержит те же компоненты, в том числе специальное помещение для хранения священной золы из культовых алтарей. Обширный выгороженный участок площадью почти 30 м² после заполнения золой был замурован и покрыт глиняной обмазкой. Имеются в этом комплексе и основания для помоста зернохранилища. В обширном джаркутанском некрополе заметны некоторые изменения в погребальном обряде. Появляются могилы с каменной обкладкой и захоронения по обряду кремации. Эта практика абсолютно нехарактерна для южных традиций оседлоземледельческих культур и, скорее всего, как и находки в культурном слое керамики и бронзовых украшений степного облика, свидетельствует о проникновении в среду обитателей сапаллинских поселений инокультурных пришельцев.

На следующем, молалинском, этапе происходит некоторое обеднение керамического комплекса, из которого исчезают бокалы на ножках и конические чаши, восходящие еще к сосудам комплекса Намазга V. Изменяется форма ножек ваз, которые принимают как бы раздутые очертания и именуется местными археологами балясиновидными.

На завершающих этапах развития культуры Сапалли вырабатывается сложный заупокойный ритуал с использованием огня, как об этом свидетельствуют раскопки могильника Бустан VI. Захоронения совершались в катакомбах, подбоях, а также в овальных и прямоугольных ямах. Все могилы на поверхности отмечены каменными выкладками, в чем можно видеть следование традициям зоны евразийских степей. Представлены обряды как ингумации, так и кремации. С последней был связан особый сакральный центр, включающий камеры для кремации, кострища многократного использования и алтари. Среди последних удастся выделить алтари для возлияний, алтари для ритуальных трапез и алтари-жертвенники. Лишь гончарная посуда свидетельствует о давних местных традициях, тогда как почти все заупокойные установления и ритуалы кардинально изменяются.

Эти памятники Правобережной Бактрии рисуют достаточно четкую картину эволюции массовой материальной культуры, но в целом выгля-

дят несколько провинциально по сравнению с материалами памятников, расположенных на левом берегу этой водной артерии, где российско-афганской экспедицией был открыт комплекс типа Дашлы. Особенно яркую картину художественной культуры Древней Бактрии бронзового века рисуют находки из погребений, сделанные во время хищнических раскопок. Здесь первой ласточкой в этом отношении были сосуды из драгоценных металлов Фулолского клада, в них явственно проступали черты воздействия новошумерской тореvтики (см. рис. 2). Последующие находки, в том числе обнаружение двух серебряных кубков, одного с изображением сцены пахоты, другого — выпаса стад, дополняют эту картину. Столь же богата и разнообразна глиптика Левобережной Бактрии.

Основой развития этих блестящих культур Маргианы и Бактрии были традиции местных культур круга Намазга V и даже их предтечи. Это касается и типа квадратных строительных массивов, и крепостей, и набора основных керамических форм, и перегородчатых печатей с ушком на оборотной стороне. Столь же бесспорно мощное восприятие переднеазиатских традиций, в первую очередь в сфере глиптики и тореvтики.

Можно вспомнить, что культовые сосуды с изображением по бортику людей и животных, в том числе змей, были распространены еще в пору позднего энеолита Южного Туркменистана, а для ранней бронзы блестяще представлены культовыми сосудами на четырех ножках могильника Пархай II (табл. 10, III). Поэтому едва ли новации переднеазиатского круга следует объяснять исключительно приходом значительных масс нового населения, хотя проникновение групп людей, игравших роль коммивояжеров и культуртрегеров, вполне вероятно. Западные, особенно месопотамские, эталоны отвечали культурным и интеллектуальным запросам местного общества, активно продвигающегося по пути цивилизации. Менее впечатляющей в сфере материальной культуры, но потенциально, видимо, еще более важной является инфильтрация степного населения. Мощный пучок инноваций, о чем ярко свидетельствует новая школа глиптики, а также монументальные храмовые комплексы, приверженные культу священного огня, могли быть стимулированы культурным и этническим синтезом наследия высокоразвитых стандартов древневосточного облика и традиций обширного мира верований, мифов и обрядов, практиковавшихся в степной зоне Евразии.

В то время когда на юге Средней Азии в среде обитателей оседлых оазисов активно шло развитие урбанизированных культур и формирование цивилизации, определенные изменения начали совершаться и в северной зоне, несколько тысячелетий остававшейся территорией безраздельного господства неолитических культур охотников и рыболовов.

Эти изменения естественным образом начались в контактной зоне в низовьях Зеравшана, наиболее близко находившейся к высокоразвитым культурам юга и расположенной на путях традиционных связей южных центров с форпостом раннеземледельческих обществ на Верхнем Зеравшане в Саразме. Открытые в низовьях Зеравшана поселение и могильник Заман-баба дали наименование целой культуре, хотя другие памятники, кроме этих эталонных центров, пока остаются неизвестными. Хронологическое положение Заман-бабы обычно определяется как конец III — первая треть II тыс. до н. э. Были предприняты попытки омолодить эту дату на основании находок прямоугольных сосудов с двумя внутренними отделениями, условно именовавшихся «кормушками», в комплексах круга Сапалли и Дашлы. Но это, скорее всего, указывает на определенные традиционные связи, имеющие генетический характер. находка в комплексе Заман-баб части расписного сосуда позднего Намазга IV и прямые соответствия типам бус в материалах времени Намазга V едва ли позволяют предполагать особо позднюю датировку. Тем более если опираться на синхронизацию типов артефактов, то следует иметь в виду, что плоскостная статуэтка из Заман-бабы типологически ближе всего терракотам круга Намазга V, тогда как в период Намазга VI, чему в основном соответствует комплекс Сапалли, изготовление подобных терракот прекращается. На поселении Заман-баба раскопана длинная землянка, в которой располагались очаги и ямы, обманные раствором глины с саманом.

Для некрополя Заман-баба наиболее характерны могильные ямы с подбоям катакомбного типа, хотя имеются и простые ямные погребения. При преобладании одиночных могил представлены и парные разнопольные захоронения. В могилы помимо керамики помещались стрелы, от которых сохранились кремневые наконечники, разнообразные бусы, металлические зеркала и изделия типа лопаточек, также весьма распространенные в южных культурах эпохи бронзы. Глиняная посуда сделана «от руки» и отличается хорошим обжигом, производившимся в специальных горнах. Характерны крупные яйцевидные сосуды с округлым или приостренным дном, полусферические чаши, а также горшковидные сосуды, дно которых обычно было уже плоским. Металлические изделия в основном изготовлены из мышьяковистой бронзы. На относительное богатство указывает состав украшений, найденных в некоторых могилах. Таковы золотые бусы, серебряные трубочки, бусы из лазурита, агата, сердолика и бирюзы. Бусы в виде фигуры многоступенчатого креста, скорее всего, являются прямым импортом из зоны южных оседлых общин, где они находят аналогии в материалах Гисара III.

Находки костей домашних животных и отпечатков зерен пшеницы и ячменя в глиняной обмазке позволяют характеризовать эту культуру как скотоводческо-земледельческую. В общем плане здесь представлены традиции архаического севера в виде землянок, круглодонной керамики, парных погребений, наряду с чем беспорен и южный импорт, включая сами основы хозяйственной деятельности, что также является прямым результатом южных влияний. Вместе с тем генезис культуры, столь резко отличающейся от местного неолита кельтеминарского облика, как и ее последующие судьбы, не вполне ясны. Сравнительно высокий уровень благосостояния можно объяснить расположением на трассе активного обмена и продвижения отдельных групп людей из южных областей, от Маргианы до Гисара в Северо-Восточном Иране. К сожалению, облик культуры Саразма, давшего блестящий комплекс раннеземледельческого энеолита, для эпохи бронзы не вполне ясен. Жизнь на этом поселении явно продолжалась, осуществлялось сырцовое строительство, о далеко уходящих контактах свидетельствуют находки превосходной серой лощеной керамики типа Гисар III.

Таким образом, можно заключить, что основные районы среднеазиатского юга образовывали блок близкого культурного развития, в который наряду с блестящими цивилизациями Бактрии и Маргианы входили и подгорная полоса Южного Туркменистана, превратившаяся, правда, в отсталую периферию, и тяготеющая к южным стандартам культура низовий Зеравшана.

К иной культурной среде относился Юго-Западный Туркменистан, что достаточно отчетливо проявилось еще в пору энеолита. В эпоху бронзы здесь проходили окраинные рубежи особой культурной провинции с центром в Северо-Восточном Иране, где также происходило развитие цивилизации, по социологическим и культурным параметрам близкое процессам, наблюдаемым в Маргиане и Бактрии. Так, на Тепе Гисар в комплексах Гисар III имеются богатые гробницы воинов, распространяются цилиндрические печати. На Тюренг-тепе центральный холм облицовывается кирпичом, образуя монументальную платформу, а о накоплении сокровищ свидетельствуют прекрасные образцы торевтики, включая золотой кубок с изображениями новшумерского стиля в составе так называемого Атрабадского клада. Это была явно одна из составляющих обширного пояса, который можно условно именовать протобактрийским блоком древних цивилизаций. Юго-запад Туркменистана не составлял особо развитого центра по сравнению с культурной системой Гисар-Тюренг-тепе. Вместе с тем раскопки И. Н. Хлопиным могильников в районе Кара-Калы позволили наметить цепочку непрерывного раз-

вития местной культуры, общий уровень которой мало в чем уступал такому центру, как Алтын-депе в его массовом проявлении.

Как показывают раскопки могильника Пархай II, длительное время сохраняется традиция больших коллективных захоронений в склепах и приверженность к изготовлению керамики серого цвета. По типу булавок с биспиральной головкой ряд гробниц комплексов, выделяемых И. Н. Хлопиным в периоды Юго-Западный Туркменистан IV и V (ЮЗТ IV и V), могут быть синхронизированы с иранским Гисаром IIБ и через него со временем Намазга IV. Такая булавка найдена в одном из погребений времени Намазга IV на Алтын-депе. Керамика Юго-Западного Туркменистана этого времени изготовлена без помощи гончарного круга и имеет серый, иногда прямо черный цвет. В погребальных камерах в результате последовательных захоронений насчитывается 20–30 погребенных, а в двух склепах их число достигает 60. Яркий комплекс времени ранней бронзы дают материалы, выделенные в комплекс ЮЗТ IV. Здесь также имеются булавки с биспиральным навершием, а среди бус есть лазуритовая пронизка. Серая керамика ручной лепки включает биконические сосуды, конические чаши, сосуды с носиком, сосуды типа графинов. Поверхность их часто украшена процарапанным орнаментом или орнаментом, переданным лощением. Наряду с геометрическими узорами имеется изображение дерева и стоящих по обе стороны козлов. Весьма своеобразными являются четырехугольные сосуды на ножках, представлявшие собой переносные культовые предметы. По краям они украшены скульптурными изображениями голов животных, на стенках наклепами часто воспроизводятся извивающиеся змеи (табл. 10, III).

Определенные изменения происходят в пору бытования комплексов ЮЗТ III и II, которые можно отнести ко времени Намазга V. Число погребенных в камерах сокращается. Обычно это 6–7 человек, но иногда и всего 2–3 погребенных. Видимо, начинают меняться традиции совершения коллективных, своего рода родовых гробниц. Появляются и первые могилы, устроенные по типу катакомб. Серая керамика по-прежнему изготавливается путем ручной лепки, но формы ее достаточно совершенны. Таковы кубки, конические чаши, появляются различного вида чаши со сливом (табл. 13, I). В погребениях появляется оружие — черешковые кинжалы и, возможно, наконечники копий, также имеющие черешковый насад. Прямым продолжением этой линии развития является могильник, выделенный И. Н. Хлопиным в особую сумбарскую культуру (период ЮЗТ I по его систематике). Здесь прочно утверждается катакомбный погребальный обряд с одиночными захоронениями. Серая керамика, сделанная с помощью гончарного круга, имеет прямые иранские аналогии, в том числе в могильниках

типа Хурвин. По южнотуркменистанской систематике это может быть время Намазга VI, возможно, даже его поздний этап типа Тоголок-Молали. Характерными чертами керамического комплекса становятся одноручные кувшины, что совершенно несвойственно для керамической традиции восточных групп памятников, и разнообразные сосуды с носиками и сливами, в том числе с комбинацией носика и длинного клювообразного слива (табл. 13, II). Из бронзовых изделий представлены серьги в виде простых колец, сравнительно редкие пластинчатые браслеты и булавки с ажурной головкой типа найденных в могильнике Янгикала. Бронзовый туалетный флакон идентичен аналогичным изделиям культуры Сапалли в правобережной Бактрии. Наличие оружия — бронзовых наконечников стрел, дротиков, копий, кинжалов с осевым ребром — примечательно для эпохи усиливающихся военных противостояний, о чем свидетельствуют укрепления поселений Маргианы и увеличение числа кенотафов в бактрийских некрополях. Имеются в Сумбаре и каменные булавы. Этот комплекс как бы завершает линию особого развития, характерную для области Западного Копетдага, начиная с поры энеолита, и как части обширной культурной провинции, охватывающей иранский Северо-Восток.

Глава 4

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ: КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В СИТУАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ

Формирование в степной зоне Евразии обществ с элитой вооруженных колесничих. Продвижение этих обществ на юг в Тянь-Шань (Арпа), в низовья Амударьи (Тазабагъяб) и в долину Зеравшана (Зард-чахалифа, Дашти-Козы). Сложение синкретических культур и комплексов в Западном Таджикистане (вахшская культура). Взаимодействие с оседлыми оазисами и включение степняков в состав городского населения южных цивилизаций.

В эпоху бронзового века сохраняется разделение среднеазиатского региона на две большие культурно-хозяйственные зоны, хотя характер обществ, входящих в эти зоны, существенно меняется по сравнению с более ранними периодами. На юге, как можно видеть, на основе спонтанной эволюции раннеземледельческого общества при усиливающихся связях с великими древневосточными цивилизациями, что, конечно, имело немалое стимулирующее значение, формируются общества урбанистического облика, осваивающие новые территории в дельте Мургаба и по среднему течению Амударьи. Обширные пространства, занятые племенами охотников, рыболовов и собирателей, чей гомеостазис почти не нарушался на протяжении нескольких тысячелетий, осваиваются новыми культурами, принадлежащими к пастушеско-земледельческому типу, археологические комплексы которых можно условно именовать степной бронзой. Этот тип сформировался в обширной зоне евразийских степей и по крайней мере с III тыс. до н. э. демонстрирует

активное развитие, достигшее своего пика во II тыс. до н. э., особенно в его первой половине. Формирование этого культурного типа было связано со сложением в евразийских степях особого, степного образа жизни, что нашло прямое проявление в наборе типов артефактов, изучаемых археологами. Особенно показателен в этом плане курганный погребальный обряд, связанный со стремлением отметить места последнего успокоения примечательными знаковыми признаками и сохранявшийся на протяжении многих тысячелетий. Памятники этого типа распространены и на значительной части территории Средней Азии, сменяя, практически без признаков преемственности, культуры неолитического облика. Основные компоненты заметно отличны от культурных стандартов урбанистического юга. Глиняная посуда изготовлялась ручной лепкой и достаточно хрупка, уступая превосходной гончарной посуде юга. Насечки, процарапанная или штампованная орнаментация и по мотивам, и по технологии отличны от традиционных приемов гончарства раннеземледельческой эпохи. По сравнению с сырцово-архитектурой юга упрощенным выглядит и домостроение, развивающее традиции полуземляночных жилищ, которые, видимо, наиболее соответствовали природно-климатической ситуации и производственным возможностям обществ, основанных на традициях степного образа жизни.

Наиболее устойчивые пространственные и территориальные группировки памятников этого круга выявлены в северных областях среднеазиатского региона. Это, скорее всего, связано с прямым продвижением сюда групп населения из нуклеарных областей культур степной бронзы. Таковы памятники Семиречья, выделявшиеся Е. Е. Кузьминой в особый вариант (или культуру) андроновского типа. Устойчивую общность образуют памятники тазабагъябской культуры, сосредоточенные в низовьях Амударьи. В горных долинах Западного Таджикистана, где обильный травостой особенно благоприятствовал выпасу стад, а близость урбанизированных центров создавала условия для определенной культурной стимуляции, складываются комплексы с яркими чертами культурного синтеза, образцом чего является вахшская культура. Отдельные погребения, поселения, развеванные следы временных стоянок практически заполняют всю территорию Средней Азии, достигая на юге границ урбанизированных культур.

Памятники, относящиеся к кругу культур степной бронзы, обнаруженные на территории Киргизии, достаточно разнообразны. Это небольшие могильники, отдельные погребения, более редкие остатки поселений и клады бронзовых изделий, относящиеся уже к поре финальной бронзы. Наиболее ранними являются памятники федоровского типа по

классификации древностей степной бронзы, принятой для евразийских степей и относящиеся, опять-таки по «степной хронологии», к XVI–XIV вв. до н. э. Эталонные материалы были открыты А. Н. Бернштамом на Тяньшаньском высокогорье на высоте 3600 м над уровнем моря. Могильник расположен в долине р. Арпа, по имени которой и получил наименование весь комплекс (табл. 16, II). Могилы представляют собой прямоугольники, обложенные поставленными на ребро камнями. Обычно они разделены еще дополнительной поперечной стенкой той же конструкции. В отдельных случаях над могилой сооружался небольшой курган с насыпью из земли и мелкой гальки. В могилах имелось зольное пятно и обгоревшие кусочки костей, указывающие на обряд кремации. Инвентарь немногочислен — глиняные сосуды и бронзовые несомкнутые браслеты и пронизки. Сосуды украшены богатым гребенчатым орнаментом. Это треугольники, вертикальные зигзаги и особенно характерные для посуды федоровского типа меандры. Отдельные находки керамики этого типа известны и в других пунктах Киргизии. Высокогорное расположение могильника позволяет заключить, что он оставлен населением, практиковавшим отгонное скотоводство, и, скорее всего, связан с зоной летних выпасов.

К более позднему времени относится группа памятников, которые Е. Е. Кузьмина предложила выделить в особый, семиреченский, вариант культуры андроновского типа, также распространенный на смежных территориях Казахстана. Здесь сохраняется традиция использования камня для погребальных памятников, сооружаются обкладки и каменные ящики, но обряд погребения уже смешанный: наряду с кремацией представлены и обычные захоронения. Видимо, это отражает черты, общие для памятников позднефедоровского типа (атасуйский этап, по классификации археологов, изучающих казахстанские комплексы) Центрального Казахстана, когда отмечается проникновение в федоровскую среду более западных (алакульских) традиций и, видимо, населения. Для семиреченского варианта характерно преобладание неорнаментированной керамики. Имеющийся орнамент нанесен небрежно, что заметно отличает его от глиняной посуды Арпы. Это косые ряды насечек, типа елочки, зигзагообразные линии, заштрихованные треугольники и ромбы. Один из изученных могильников, Джезыкечу, расположен на южных склонах Тяньшаньского горного массива в изолированном районе, что опять-таки позволяет предполагать развитие отгонного скотоводства. Из металлических изделий представлены бронзовые и серебряные серьги с раструбом, иногда покрытые золотой фольгой, массивные несомкнутые браслеты, бусы и бляшки, нашивавшиеся на одежду (могильники Таш-Тюбе II, Таш-Башат, Беш-Таш). Женское погребение с одеждой с

большим количеством таких нашивавшихся на одежду бронзовых украшений было найдено в Южном Казахстане на могильнике Он-Агаш. Известен и целый ряд плохо сохранившихся поселений, где жилищами служили прямоугольные в плане полуземлянки. На развешенных стоянках найдены и образцы керамики с наклепным валиком. А. Н. Бернштам считал возможным выделить в особую, наиболее позднюю для эпохи бронзы группу керамику с поселений Каинды и Джаильма, украшенную насечками, орнаментом из кружков и небольшими бугорками под венчиком, сопоставляя ее с комплексами карасукского круга. Это не получило поддержки у других исследователей, хотя позднее хронологическое положение комплекса этого типа вполне вероятно.

К поздней или даже к финальной бронзе, к последней трети II — началу I тыс. до н. э. относятся клады бронзовых предметов, представленные целым рядом находок (Сокулук, Шамши и др.). Наибольшим богатством и разнообразием предметов отличается клад из Шамши. Здесь 27 предметов представляют 20 разных археологических типов бронзовых изделий. Таковы прежде всего два вислообушных топора, в том числе один, у которого проух снизу утолщен валиком. Топоры этого типа еще В. А. Гордцовым были названы туркестанскими. Имеются в составе клада серпы-косари, тесла, черешковый наконечник копья, четыре зеркала, крючки, шило и булава с ажурной головкой, выполненная в стиле изделий, характерных для южных культур урбанистического облика, если прямо не импортированная из этой зоны. Небольшой клад, названный Вторым Каракольским, состоит из пяти бронзовых кинжалов, образующих одну типологическую группу. Их характеризуют длинные клинки с ребром, укрепление верхнего края лезвия при переходе к рукоятке выкружкой и навершия в виде фигур животных. В двух случаях, когда эти изображения сохранились, — это лошади, в одном — горный баран. Близкие кинжалы найдены в Турбино, где в трех случаях изображены горные бараны, и в Сейме, где дважды повторена фигура лошади. В Восточном Казахстане найден кинжал, где воспроизведены две противостоящие фигуры лошадей. Исследователи считают, что во всех случаях воспроизводится один и тот же тип несколько приземистого коня с густой гривой и длинным хвостом, что считается типичным для породы, распространенной в горных и предгорных районах и именуемой киргизской. Проблема генетических соответствий богатой бронзовой индустрии Турбино — Сеймы, как известно, породила значительные дискуссии, но при любых вариантах ее решения видно, что северные области среднеазиатского региона входили в эту зону активного культурогенеза и культурных связей.

В определенной мере к семиреченскому варианту тяготеют южно-ферганские могильники Вуадиль и Карамкуль, относящиеся, скорее все-

го, уже к финальным этапам поздней бронзы. Значительное число развееванных поселений и временных стойбищ с материалами степной бронзы было обнаружено в западной части Ферганской долины, где их даже предлагалось выделить в особую кайраккумскую культуру. Судя по всему, на крупных поселениях, культурный слой которых почти не сохранился, в центре больших жилищ располагались стационарные очаги. Важным родом деятельности обитателей этих поселений была добыча медной руды в Нурекском рудном месторождении, где рудные пласты практически выходят на поверхность, и изготовление бронзовых изделий. В числе соответствующих находок имеется и каменная форма для отливки вислообушного топора так называемого туркестанского типа.

Отдельные находки погребений и изолированных артефактов известны и для Ташкентского района. Погребения совершались по обряду трупоположения под курганной насыпью. Из вещей следует отметить браслеты с литыми рожками.

Большим богатством материала отличается второй археологический комплекс степного типа, названный С. П. Толстовым по первым находкам тазабагьябской культурой Хорезма. Характерной чертой комплексов тазабагьябского типа является керамика, вылепленная ленточным способом с примесью в тесте раковин или дресвы, с поверхностью светло-коричневого или кремового цвета. Ведущей формой являются открытые горшки с плоским дном. Более редки узкогорлые сосуды, близкие по форме к кувшинам. Орнамент преимущественно резной, использование для его нанесения гребенчатого штампа отмечено в немногих случаях. Орнаментация относительно бедная и представлена почти исключительно орнаментальными поясами на горле и плечиках сосудов. Характерны ряды наклонных линий, елочка, незамкнутые треугольники (табл. 16, III). Ряды равнобедренных треугольников обычно заполнены косой штриховкой. Изредка встречаются валики под венчиками.

Весьма значительно число тазабагьябских поселений, и характер их расположения также весьма примечателен. Они концентрируются главным образом в южной части древней Акчадарьинской дельты на правобережье Амударьи по боковым протокам, из которых выводилась вода для орошения полей. Это развитие ирригационного земледелия, пусть еще в архаических формах, уникально для круга культур степной бронзы. Одним из крупных памятников является поселение Кокча 15. Жилищами служили крупные дома полуземляночного типа со столбовой конструкцией, стенами и, видимо, перекрытием, сооруженными из переплетенных веток, обмазанных глиной. Размеры наиболее крупного дома с удлиненным коридорообразным входом около 11 × 12 м. Напротив

входа находился крупный стационарный очаг прямоугольной формы. Дома поселка расположены свободно, будучи разбросанными среди арыков и полей, следы которых прослеживаются достаточно отчетливо. Помимо бесспорного земледелия было распространено и скотоводство, причем более половины костных остатков принадлежит мелкому рогатому скоту. На втором месте стоит крупный рогатый скот, единично представлены свинья, верблюд и лошадь. Примечательна находка на одном из поселений глиняной фигурки лошади. Мелкая пластика в принципе нехарактерна для культур степного круга, и в данном случае, скорее всего, перед нами воздействие южных оседлоземледельческих традиций. Правда, там лошадь не была известна, и распространение ее в Средней Азии как раз и приходится на время расцвета степной бронзы и продвижения ее носителей из евразийских степей в южном направлении. Отдельные фрагменты превосходной гончарной посуды, явно изготовленной в урбанистических центрах юга, изредка встречаются на тазабагъябских поселениях. Найдены глиняные льячки и каменные формы для литья, в том числе для изготовления крупного втульчатого наконечника копья. М. А. Итина считает возможным выделить среди нескольких десятков тазабагъябских памятников развеянные стойбища, керамику которых она прямо называет андроновской. Незначительная мощность культурного слоя таких стойбищ позволяет заключить, что их обитателями были подвижные скотоводы.

Известны и могильники тазабагъябской культуры. Таков некрополь Кокча 3, где раскопано около ста захоронений. Это просто грунтовые могилы без каких-либо признаков курганной насыпи или каменных обкладок. Видимо, гробницы все-таки имели какие-либо наземные признаки, например жерди, по которым могли опознаваться при повторном подхоранивании. Погребенные лежат на боку в скорченном положении, головой преимущественно на запад с небольшими отклонениями. При этом четко соблюдается разделение по полу: мужчины захоронены на левом боку, женщины — на правом. Большинство погребений одиночные, но имеются и парные захоронения, в которые были помещены мужчина и женщина. Ряд захоронений были совершены одновременно: это отмечено и в аналогичных погребениях ряда других культур и породило достаточно эффектную гипотезу о становлении патриархальной доминанты с насильственным захоронением женщин при усопшем главе семьи. Однако для могильника Кокча 3, как, впрочем, и для других могильников степной зоны, в ряде случаев четко устанавливается неодновременность захоронений. Поэтому наиболее обоснованным заключением может быть тезис об утверждении прочных традиций значимости индивидуальной семьи, что было перенесено и на погребальную практику.

Эта тенденция не стала всеобщей, что и неудивительно, учитывая исключительную консервативность такого идеологического явления, как погребальный обряд.

Инвентарь погребений могильника Кокча 3 небогат. Это преимущественно глиняные сосуды того же типа, что и на самих тазабагъябских поселениях, бронзовые шилья и украшения. Среди последних выделяются весьма разнообразные височные подвески, устойчиво повторяющейся формы (табл. 16, III).

Близкие аналогии тазабагъябских комплексов круга степных культур сомнений не вызывают и были отмечены еще С. П. Толстовым. Одно время особое значение придавалось аналогиям с памятниками срубной культуры, или культурной общности. Новая археологическая систематика памятников степной бронзы позволяет более детализировано говорить об аналогиях с зоной срубно-алакульских контактов. Такие связи обнаруживает и сам тип восьмеркообразных ушных подвесок, которые некоторые исследователи даже склонны считать типично среднеазиатскими. Более осторожно, видимо, следует говорить о вхождении в срубно-алакульский культурный ареал. Видимо, таково же, а именно северо-западное, и происхождение самих тазабагъябских комплексов, проявление в которых локальной специфики неудивительно, будучи результатом длительного местного развития после первичного проникновения степных группировок. Эти степные контакты, вероятно, неоднократно возобновлялись и были перманентными. Сами тазабагъябцы постепенно осваивали окраины Восточного Приаралья, зону Инкардарьи, дельты одного из ответвлений сырдарьинской водной артерии. Навстречу им могли продвигаться из Центрального Казахстана и собственно андроновские племена. Показательно, что нет никаких признаков связей с местными культурными традициями. В свое время С. П. Толстов предложил выделить суярганскую культуру, помещая ее между Кельтеминаром и Тазабагъябом. Однако широкие исследования не выявили сколько-нибудь четких и ярких памятников Суяргана как особого культурного комплекса. Лепная глиняная посуда, украшенная насечками, относимая к так называемым суярганским памятникам, отнюдь не обладает особой спецификой. Вполне вероятно заключение о том, что памятники, выделяемые как раннесуярганские, не что иное, как угасающие кельтеминарские традиции, тогда как более поздние вполне вписываются в круг тазабагъябских древностей. Расцвет Тазабагъяба относится ко второй половине II тыс. до н. э., тогда как его истоки, скорее всего, уходят в середину этого тысячелетия.

Памятники круга степной бронзы известны и в долине Зеравшана, а Н. А. Аванесова даже сочла возможным говорить об особом зеравшан-

ском варианте памятников круга степной бронзы. Правда, в данном случае речь скорее идет о территориальной группировке, чем об устойчивом единстве в рамках археологической систематики. Это обуславливается и пока еще единичным характером соответствующих памятников.

Появление в этой области памятников круга степной бронзы или обнаруживающих достаточно явные соответствующие аналогии относится к сравнительно раннему времени. Таким ранним памятником является гробница Зардчахалифа, открытая в верхнем течении Зеравшана неподалеку от эталонного памятника среднеазиатской первобытности поселения Саразм. Она обнаружена в ходе хозяйственных работ, и можно лишь говорить, что это была крупная могильная яма, возможно, имевшая частичную каменную обкладку. Рядом со скорченным костяком, ориентированным головой на северо-запад, располагался скелет барана. В состав погребального инвентаря входили 32 предмета, в том числе три сосуда, сделанные на гончарном круге и явно принадлежащие к числу артефактов урбанистической культуры Сапалли, золотые и бронзовые украшения, включая стержень с навершием в виде фигуры лошади. Булавки и стержни с подобными зооморфными навершиями хорошо известны для урбанизированных культур юга, но изображения лошади там отсутствуют, и уже это может указывать на степные связи. Подтверждением этого является находка шести костяных пряслиц, идентичных находимым в степных могильниках типа Синташты и относящихся к первой трети II тыс. до н. э. Богатство инвентаря явно указывает, что перед нами представитель древней элиты, возможно, степного происхождения, но уже в значительной мере ассимилированный южными культурными традициями, что нашло отражение и в изготовлении стержня с навершием в виде лошади (табл. 16, I), подобно тому как греческие торевты выпускали продукцию, отвечавшую запросам скифской знати.

То, что эта зона обладала особой притягательностью для степняков, подтвердило открытие ниже по течению р. Зеравшан поселения Тугай, исследованного Н. А. Аванесовой. Здесь найдены прямоугольная полуземлянка и следы металлического производства. Судя по всему, именно рудные богатства верховьев Зеравшана привлекали сюда различные группы иноземного населения уже начиная с энеолитической эпохи. Лепная керамика Тугая орнаментирована в технике насечек и мелкозубчатой гребенки с наличием среди мотивов незамкнутых треугольников и треугольников, заполненных косыми насечками. При определенной и естественной местной специфике круг аналогий уводит в памятники степной зоны петровского типа, датируемые второй четвертью II тыс. до н. э. Имеются среди находок и фрагменты сосудов, сделанных на гончарном круге, явно принадлежащих к гончарной продукции центров урбани-

стической культуры. Но это, как и на тазабагъябских поселениях, единичное явление, и набор артефактов в целом в отличие, скажем, от Зард-чахалифа, полностью степного облика.

То, что явления подобного культурного симбиоза для Верхнего Зеравшана были обычными на протяжении едва ли не всего II тыс. до н. э., подтверждают раскопки могильника Дашти-Козы, расположенного выше по течению реки и ориентировочно датирующегося последней третью II тыс. до н. э. Здесь найдена керамика степного круга, сопоставимая с посудой развитого Тазабагъяба, и ряд украшений того же культурного тяготения, в том числе золотые серьги с раструбом, подобные находимым в гробницах Семиречья. Погребения совершены по обряду ингумации, но, судя по всему, были подбойно-катакомбными, более следуя обрядам культуры Сапалли, чем собственно степным традициям. Вместе с тем культ огня не характерен для погребальной обрядовой практики оседлых культур юга. Во всех могилах Дашти-Козы есть следы кострищ, а на площади некрополя открыты большие ямы со следами неоднократного разведения огня. Несколько погребений с керамикой степного типа найдены в районе Муминабада, в подгорном районе к востоку от Самарканда. Среди украшений здесь имеются височные кольца с раструбом, сделанные из бронзы и обтянутые золотой фольгой. В целом погребения достаточно богатые. В них помещены по два и в одном случае даже шесть браслетов, найдены зеркала с петелькой на обратной стороне, множество бус и бисера, которыми, судя по всему, обшивали одежду.

Несколько отличен облик культуры низовьев Зеравшана, где исследованы небольшой могильник Гурдушт и ряд разветвленных поселений. Здесь нет серег с раструбом, а имеются восьмеркообразные височные кольца, такие же, как и в могильнике Кокча 3. Керамика также весьма близка тазабагъябским комплексам, и М. А. Итина не без основания связывает освоение этого района с продвижением сюда населения из низовьев Амударьи. Судя по всему, последние становятся важным центром Древней Средней Азии, чему могло способствовать и развитие, наряду с традиционным скотоводством достаточно эффективного поливного земледелия. Разветвленные стойбища в низовьях Мургаба, как и отдельные находки лепной керамики на оседлых поселениях в Маргиане и в подгорной полосе, свидетельствуют о продвижении сюда населения с тазабагъябскими традициями и, видимо, даже о включении пришельцев в среду обитателей оседлых центров.

Это активное взаимодействие двух культурных миров, продолжавшееся, судя по всему, едва ли не все II тыс. до н. э., привело и к появлению своего рода синкретичных археологических культур. Примером

этого является вахшская культура Западного Таджикистана. Здесь налично прямые свидетельства непосредственного проникновения населения с традициями культур степной бронзы.

На территории Юго-Западного Таджикистана открыто значительное число могильников, отдельных погребений и поселений, связанных с распространением в Средней Азии памятников типа степной бронзы. В значительной мере это комплексы двухкомпонентного характера, свидетельствующего о симбиозе степных и урбанистических традиций, своего рода синкретические культурные образования. Но имеются и «чистые» местонахождения артефактов именно степного круга. Помимо отдельных находок лепной степной керамики, разбросанных от района Нурека до нижнего течения р. Вахш, такова стоянка в колхозе Кирова в той же Вахшской долине. Это, безусловно, свидетельствует о распространении групп населения, устойчиво придерживающихся своих «степных» традиций на достаточно обширной территории. Вместе с тем основную массу памятников составляют памятники синкретического характера, где свидетельства степных связей в материальной культуре достаточно явственны, но не являются единственным четким компонентом.

Их группировку предложил А. М. Мандельштам по результатам исследований, проведенных на раннем Тулхарском могильнике в долине р. Кафирниган, где более позднюю группировку образуют уже курганные комплексы поры древних кочевников предкушанского времени. Наиболее ранняя, выделенная этим исследователем группа представлена ограниченным числом погребальных объектов, но исключительно выразительна. Это были захоронения по обряду трупосожжения с отчетливыми проявлениями ритуальной роли огня, что нехарактерно для южных культур раннеземледельческого или урбанистического облика и находит прямые параллели в обычаях, установившихся в среде степных племен Центрального Казахстана. Это небольшие ямы, в одном из углов которых находилось углубление, заполненное золой, угольками и обломками кальцинированных костей. Рядом располагались выложенные из камня фигуры свастики (что опять-таки ведет в мир степной символики) и овал с четырьмя спицами. В заполнении ям находились небольшие обломки невыразительных глиняных сосудов.

Вторая группа погребений названа «ямами со спуском», а значительное число предметов, связанных с захоронениями, позволило поставить вопрос о выделении особой археологической культуры, названной бишкентской. Погребения здесь скорченные, совершенные по обряду ингумации, но следы культа огня в погребальных церемониях бесспорны. В саму могильную яму вел своего рода пологий коридор, где находи-

лись кости жертвенных животных, в основном барана, и обложенные камнями углубления, заполненные золой и угольками. Иногда сами могилы обложены камнями, что придает им вид каменных ящиков, уводя опять-таки в погребальные традиции степняков. Среди посуды преобладает неорнаментированная лепная керамика, представленная сравнительно простыми формами — горшками с округлым туловом и невысокой горловиной, открытыми мисками и небольшими цилиндрическими сосудами. Имеется небольшое число сосудов, сделанных на гончарном круге, явно принадлежащих к числу импортных предметов. Достаточно разнообразны и бронзовые изделия — ножи, кинжалы, зеркала, так называемые бритвы и булавки. Здесь также просматривается связь с южными традициями урбанизированных культур. Такова булавка с биспиральной головкой и тип зеркала с ручкой в отличие от «степных» зеркал, которые имели на оборотной стороне ручку петлеобразной формы. Видимо, перед нами один из этапов или вариантов соединения обрядовых и культурных традиций двух зон — степной и урбанистической.

В полной мере такое сочетание проявилось в погребениях третьей группы с катакомбными захоронениями. Они оказались в Западном Таджикистане весьма многочисленными и с полным основанием выделены в особую вахшскую культуру. Здесь синкретизм или двухкомпонентность выступают во всех сферах — от погребального обряда до набора типов артефактов в материальной культуре. Известен ряд могильников этой культуры, из которых наиболее полно раскопан могильник Тигровая балка в нижнем течении р. Вахш. Сами погребения совершались в катакомбах, что представляет собой прямое следование традициям урбанизированной культуры Сапалли. Глубокие входные ямы плотно забиты камнями, тогда как в сапаллинских некрополях, обычно расположенных в местности аллювиальных равнин, такая практика не наблюдается. Курганные насыпи над этими гробницами — также чисто степная черта. Это касается и каменных оградок в виде кольца, идущих по основанию насыпей, а часто, так же как второе кольцо, и в некотором отдалении. Крупные курганные насыпи диаметром 40–50 м, скорее всего, сооружались над захоронениями представителей местной элиты. Под каменными обкладками, образующими обводные кольца, в таких курганах располагались части туш жертвенных животных, ритуальные очаги и следы каких-то возлияний. Черты двухкомпонентности достаточно отчетливы и в керамических наборах, где преобладающая по количеству лепная керамика следует типам форм, выработанных гончарами культуры Сапалли.

Та же двухкомпонентность отмечена и на изученных поселениях (Тегузак, Тандырйул, Кангурттут). Постройки здесь возводили на основа-

ниях из камня. Камнем же обкладывали и основания легких построек, возможно, типа юрт, от которых сохранились лишь кольца из врытых в землю, поставленных на ребро камней. Одно крупное сооружение размерами 14 × 6 м, открытое на Тегузаке, видимо, играло роль культового центра, связанного с активным возжиганием огня. Оно заполнено угольками, золой, прокаленной землей, а посередине располагалось прямоугольное возвышение, обмазанное глиной, возможно, игравшее роль алтаря. Керамический набор включает импортную гончарную посуду, местные лепные аналоги этим импортным формам и типичную посуду степного облика, украшенную резным и штампованным орнаментом, нанесенным мелкозубчатой гребенкой. Среди орнаментальных мотивов представлены горизонтальный зигзаг, горизонтальная и вертикальная елочка, равнобедренные и косоугольные треугольники. На поздних этапах появляются и сосуды с налепными валиками. В могильнике Кумсай количество сосудов, сделанных на гончарном круге, и керамики степных традиций примерно равно. Интересна находка в Кангуртуте глиняной фигурки коня. В целом, как отмечают исследователи, керамика степного облика из западнотаджикистанских памятников в основном следует федоровской керамической традиции, повторяя в этом отношении культурную направленность, характерную для семиреченского варианта. В определенной мере это касается и форм бронзовых изделий, в частности серег с раструбом, идентичных находкам, сделанным в могильнике Дашти-Козы на Верхнем Зеравшане. Комплексы круга вахшской культуры, судя по всему, существуют едва ли не всю вторую половину II тыс. до н. э., смыкаясь с распространением комплексов раннежелезного века типа Яз I.

Судя по материальной культуре, в Западном Таджикистане сошлись две линии распространения населения со своими специфическими традициями. С юго-запада расселялись носители культуры Сапалли, в полной мере представляющие культуру урбанизированного облика, тогда как с севера и, возможно, с северо-запада непрерывно проникали носители культур степного облика. Природные условия зоны, осваиваемой этим населением, в первую очередь способствовали развитию скотоводства, которому благоприятствовали отгонные угодья с богатым травостоем.

Таким образом, материалы, характеризующие памятники степной бронзы на территории Средней Азии как в чистом виде, так и в виде компонентов синкретических культурных образований, свидетельствуют о важных событиях, происходивших в сфере культурогенеза. Во-первых, совершенно ясно, что эти комплексы на территории Средней Азии, так же как и их носители, имеют пришлый характер и их истоки уходят

в обширную метрополию евразийских степей. При этом если освоение мигрантами районов Киргизии, Ферганы и, видимо, Западного Таджикистана было связано в основном с центральноказахстанскими традициями федоровского типа, то в более западных областях, в частности в Хорезме, налицо связи, уходящие в области Поволжья и Западного Урала. В Западном Туркменистане открыты несколько могил, как будто бы имеющих прямые аналогии в круге памятников срубного типа, но в чистом виде эти связи, видимо, не играли в среднеазиатском регионе большой роли.

Во-вторых, во всех областях, где распространяются в Средней Азии комплексы степного круга, налицо почти полный разрыв с местными неолитическими традициями, хотя, например, памятники гиссарского типа иногда почти прямо смыкаются с комплексами степного типа в хронологическом положении. Вполне вероятно, что в состав вновь формирующихся центров, например хорезмского, вошли потомки кельтеминарского населения, но архаические культурные традиции этого неолита, длившегося в течение тысячелетий как бы по замкнутому кругу, не имели никакого значения для более развитой культуры и для племен, достигших своего рода вершин при степном образе жизни, в том числе в развитии металлургии и металлообработки.

В-третьих, степные группы, достигая границ южных оазисов, судя по всему, сами включаются в состав местного населения, но уже подвергаются почти полной ассимиляции высокоразвитой культурой аборигенов. Эти процессы, протекавшие как перманентное явление на протяжении, видимо, всего II тыс. до н. э., ставшие особенно интенсивными в его второй половине, естественнее всего сопоставлять с расселением индо-иранских племен, что впервые было предложено А. Н. Бенштамом. А. М. Мандельштам даже допускал дальнейшую конкретизацию, сопоставляя ранний комплекс Тулхара с продвижением индоязычного населения, тогда как в более поздних культурах был склонен видеть ираноязычные племена. Однако такая детализация едва ли может быть проведена на одних археологических материалах, во всяком случае, на современном уровне знаний.

Четвертое обстоятельство связано с такой сложной сферой, как идеологические представления и обрядность. В предыдущей главе отмечалось, что для монументальных храмов Маргианы эпохи бронзы характерно особое отношение к золе от алтарей, которая бережно хранилась на специальных участках культовых комплексов. Это явно связано с культом священного огня, как это было характерно для тех же среднеазиатских храмов огня от Тахти-Сангина до Пенджикента. Ничего подобного ранее не наблюдалось в местной оседлой среде, хотя там из-

учались многочисленные святилища с алтарями, на которых возжигался огонь. Вполне вероятно, что эта культово-обрядовая инновация с особым отношением к огню на алтаре и образующейся при этом «священной» золе связана с культовой значимостью огня в мире степных племен, что хорошо представлено в ряде погребальных традиций в этой зоне. Подобные инновации достигли и Средней Азии. Достаточно назвать могильник Дашти-Козы, где кострище имелось в каждой могиле, а на территории некрополя вне гробниц имеются многочисленные следы кострищ. Культовый центр, открытый в Западном Таджикистане, — Тегузак — вообще был связан с культом огня. Не исключено, что соединение различных культовых традиций — южной, с монументальной храмовой архитектурой и с обыденными алтарями, и особого отношения к огню в северном степном мире и послужило своего рода целевой специализации маргианских храмовых комплексов как предтечи храмов огня эпохи зороастрийских установлений. В формировании последних вообще могли играть заметную роль интеллектуальные связи с культурным наследием мира степняков, входящих в состав населения урбанистических центров юга.

Глава 5

ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. МИДИЙСКОЕ И АХЕМЕНИДСКОЕ ВРЕМЯ

Кризис южных цивилизаций бронзового века и перепад в процессе культурогенеза. Комплексы типа Яз I и доминанта военно-аристократического пути политогенеза. Встречная ассимиляция в традиционных центрах урбанистических культур юга. Второй цикл урбанизации и формирование новых стандартов материальной культуры. Культурная трансформация оседающих степняков и воздействие южных стандартов и эталонов в Древнем Согде. Сложение городской культуры Древнего Хорезма.

К числу памятников раннего железного века в Средней Азии традиционно относят материалы первой трети I тыс. до н. э. В соответствующих наслоениях действительно встречаются вещи, сделанные из железа, сначала весьма редкие. В целом это удобное понятие археологической классификации, прилагаемое к целому ряду комплексов и культур, имеющих специфические временные признаки в наборе артефактов. Сходным образом понятие «ранний железный век» (РЖВ) используется для соседних регионов, например для Ирана, и далеко не всегда коррелирует с находками именно железных объектов в массовых сериях. В Иране ранний железный век подразделяется на три этапа, именуемые в англоязычной литературе горизонтами: первый — «горизонт ранней серой западной керамики» (РЖВ I = 1300–1000 гг. до н. э.), второй — «горизонт поздней серой керамики» (РЖВ II = 1000–800 гг. до н. э.) и третий — «горизонт красной керамики» (РЖВ III = 750/700–550 гг. до н. э.), во многом соответствующий мидийскому времени.

Для Средней Азии времени раннежелезного века можно пользоваться древними наименованиями реально существовавших здесь культурно-исторических областей. Так, в ахеменидских надписях VI в. до н. э. упоминаются такие «страны», как Парфия, Согд, Арея, Бактрия, Хорезм. В Бехистунской надписи Дария I отдельно названа и Маргиана, административно, видимо, включавшаяся в бактрийскую сатрапию. Четыре из них: Согд, Маргиана, Арея и Хорезм — упоминаются в раннем гимне в честь Митры «Михр-Яште». «Михр-Яшт» принадлежит к числу гимнов-яштов явно дозораострийской эпохи. Скорее всего, в пору раннего железного века основные оседлые области Средней Азии и прилегающие к ним степные районы были заселены племенами иранской языковой ветви. Недаром в имеющихся топонимах и гидронимах середины I тыс. до н. э. нет названий, восходящих к иной лингвистической традиции.

Исторические события, разворачивавшиеся в это время в Средней Азии, и соответственно процесс культурогенеза, прямым образом отраженный в наборах типов археологических объектов, развивались по довольно сложному сценарию. Урбанистические культуры юга Средней Азии, процветавшие на территории, вошедшей в состав Маргианы и Бактрии, постепенно угасают, их традиции во многом прерываются. Начинается новый цикл движения по пути урбанизации, воплощавшийся уже в комплексах принципиально иного вида. Одновременно идет распространение урбанизационных процессов в северном направлении, охватывая долины Кашкадарьи и Зеравшана, территорию Древнего Согда. Параллельно усиливается феномен оседлости в среде потомков скотоводов бронзового века, происходит своего рода синтез северных и южных традиций, четко выступающий в Древнем Согда. Вне областей урбанизационных процессов в зоне степняков начинается формирование раннекочевнических обществ и соответствующих им археологических комплексов.

Примечательно, что в пору раннего железного века сохраняется значительное своеобразие крайних юго-западных областей Южного Туркменистана, традиционно, как в пору энеолита и бронзового века, тяготеющих к североиранскому кругу памятников. Здесь была распространена культура архаического Дахистана, названная так по имени средневекового наименования этой области, восходящего, скорее всего, к названию племени дахов, обитавших здесь в древнюю эпоху. Для нее характерен керамический комплекс, состоящий из трех групп посуды, различающейся по цвету черепка: серой, красной и зеленовато-белой или светло-желтой. Типичными формами являются чаши на трех ножках (триподы), сосуды со сливами, в том числе с длинными, продолжающими-

ми коленчато изогнутый носик, и приземистые одноручные кувшины (табл. 13, III). На памятниках встречаются железные крицы и шлаки, но сами железные изделия не обнаружены. Устойчив набор бронзовых наконечников стрел — двухперых втульчатых и черешковых трех видов: листовидных, пирамидалевидных и трехперых. Не исключено, что большинство этих типов относится уже к завершающим фазам существования культуры. Слои этой культуры достигают толщины 8 м, но внутренняя эволюция в рамках устойчивого керамического комплекса слабо прослеживается. По раскопкам на Изат-кули отмечено, что идет постепенное сокращение удельного веса красной керамики и резкое увеличение светло-глиняной посуды. И серая, и красная керамика обычно залощены. Датировка культуры определяется от конца (или последней трети) II тыс. до VII–VI вв. до н. э., что в целом соответствует хронологии раннежелезного века Ирана.

Основным местом сосредоточения памятников является Мисрианская равнина в Юго-Западном Туркменистане. Отдельные небольшие поселения встречены на западе северной подгорной равнины Копетдага (Беурме, Бами), где они практически граничат с памятниками круга Яз I, и в западном Копетдаге (Пархай-депе в долине Сумбара). Широкое освоение Мисрианской равнины было связано с проведением магистрального оросительного канала из р. Атрек, тянувшегося, судя по расположению памятников, 50–60 км. Развитая оросительная сеть каналов, сохранившихся за счет многократных выбросов грунта при их очистке в виде валов, повсеместно наблюдается около поселений культуры архаического Дахистана. Большинство памятников представляют собой небольшие поселки или даже отдельно расположенные многоквартирные дома. В наиболее полно изученном древнем оазисе Бенгуван площадь поселков колеблется от 1000 м² до 1 га. Более значительны крупные поселения, обычно концентрирующиеся около более высокого центрального бугра или укрепленной крепости (Мадау, Изат-кули, Тангсикылджа, Чиалык-депе). Но сами укрепления достаточно архаичны. Так, подквадратная крепость Чиалык-депе имеет правильную пахсовую стену двухметровой толщины. Отмечены центры керамического производства. Основная масса глиняной посуды изготовлялась на гончарном круге и превосходно обожжена. Необычайно велик формат сырцового кирпича, хотя он и сохраняет традиционные для культур этого круга прямоугольные очертания, новые размеры делают его весьма громоздким: 70–90 × 42–50 × 7–9 см.

Происхождение культуры архаического Дахистана достаточно определено. Уже на начальной стадии ее исследования были отмечены генетические связи с такими памятниками Северо-Восточного Ирана, как

Тепе Гисар и Шах-тепе. Позднее И. Н. Хлопиным были открыты могильники в долине Сумбара, позволившие выделить культуру поздне-бронзового века, получившую наименование сумбарской. Видимо, Западный Копетдаг был одним из районов, откуда пришли первопоселенцы на Мисрианскую равнину, проведя там мощные оросительные каналы. Возможно, они продолжали устраивать могильники в местах исконного обитания — их некрополи на Мисрианской равнине пока не обнаружены. Если ориентироваться на сведения исторической географии середины I тыс. до н. э., то район распространения культуры архаического Дахистана можно отнести к стране Гиркания, чье название упоминается в авестийской традиции.

Восточнее Гиркании располагались Парфия, в состав которой входила подгорная равнина Копетдага, и Маргиана, находившаяся в бассейне Мургаба. Здесь также распространены памятники поры раннего железа, но их культурный облик кардинально отличен от комплексов культуры архаического Дахистана. Сходные комплексы распространены и по среднему течению Амударьи, на территории Бактрии, что позволяет говорить о целом южном поясе культурных комплексов этого типа. Соответствующие материалы характеризуются как бы возобновлением весьма древних традиций в виде керамики ручной лепки с расписной орнаментацией и были выделены еще при раскопках Южного холма Анау, где соответствующий слой был назван «эпохой варварской оккупации». Наиболее четко и полно соответствующие материалы были выделены при раскопках поселения Яз-депе в дельте Мургаба, где они составляют наиболее ранний комплекс данного памятника — Яз I (табл. 17). Этот комплекс характеризуется распространением керамики ручной лепки с примесью в тесте дресвы и шамота. Обычно сосуды желтоватого цвета, но также имеется керамика с черной залощенной поверхностью, налицо и небольшая группа керамики, сделанной на гончарном круге из хорошо отмученной глины, не содержащей видимых примесей. Специфический облик комплексу придает расписная керамика, количество которой невелико — от 3 до 6%. Роспись производилась по ангобу зеленовато-белого цвета, который иногда приобретал желтые или кремовые оттенки. Роспись наносилась красновато-коричневой или коричневой краской. В комплексе также представлены бронзовые наконечники стрел: втульчатые двухперые и черешковые, а также двухперые с двумя опущенными жальцами.

В дельте Мургаба памятники этого типа группируются в несколько оазисов, располагавшихся на водных протоках, частично, возможно, уже превращавшихся в искусственные каналы. Центром оазисов были поселения с цитаделью. Так, цитадель Яз-депе представляет собой мону-

ментальное сооружение площадью около 1 га. В ее основании находится мощная платформа восьмиметровой высоты, сложенная из прямоугольного сырцового кирпича. Большая часть цитадели была занята некрупными, видимо, хозяйственными постройками, тогда как в южной части располагалось массивное здание, вероятно, бывшее, во всяком случае частично, двухэтажным. Значительную часть первого этажа образовывали три ряда узких помещений, аналогичных складским строениям дворцовых комплексов на Ближнем Востоке. Рядом располагался крупный прямоугольный зал, имевший вдоль стены полукруглый массивный выступ. Здание было частично забутовано. Рядом с цитаделью простирался жилой массив собственно поселения, которое в целом занимало площадь около 16 га. Другим крупным центром с цитаделью в дельте Мургаба было Арвали-депе.

В подгорной полосе Копетдага, традиционной метрополии раннеземледельческой культуры, памятники с материалами типа Яз I либо располагались на поселениях эпохи бронзового века, и тогда соответствующие слои четко перекрывали более ранние напластования (Южный холм Анау, Елькен-депе, Улуг-депе), либо, как Яшиллы-депе у Гяурса, формировались на ранее необжитой территории. В подгорной полосе, так же как и в дельте Мургаба, отмечены массивные платформы, сложенные из сырцового кирпича. На Улуг-депе, расположенном у Душака, мощность платформы достигает 10 м. Она была устроена на вершине высокого холма, образованного культурными наслоениями поры энеолита и бронзового века. Довольно сложную структуру имеет Елькен-депе. Подобно тому как Яз-депе было, судя по всему, на определенном этапе столичным центром Маргианы, Елькен-депе играло аналогичную роль для Северной Парфии. Его цитадель, многоугольная в плане, занимала площадь около 1,5 га. В ее основании находился холм, образованный культурными слоями позднебронзового века с материалами типа Намазга VI. На вершине этого холма также была сооружена платформа из сырцового кирпича. Эту центральную структуру охватывало кольцо рядовых строений, что в целом занимало площадь около 12 га. По внешнему краю кольца шла стена шириной 6 м с внутренним коридором. Стены, обрамляющие коридор, имели толщину около 2 м. За пределами этой нуклеарной части располагались отдельные всхолмления, видимо, представляющие собой обособленно стоящие многокомнатные дома-усады. На востоке зона распространения памятников этого типа достигала берегов Амударьи. Здесь материал типа Яз I обнаружен в нижних слоях поселения Одей-депе, расположенного в 30 км к западу от Чарджоу. В античное время это был крупный центр, но размеры территории, обжитой в пору раннего железа, еще не установлены.

Керамические материалы типа Яз I практически идентичны для Мургаба и прикопетдагской равнины. Основную массу керамики составлял небольшой набор форм светлоглиняных сосудов ручной лепки. В основном это горшковидные кубки. Выделяется кухонная керамика, где заметный процент составляют жаровни в виде диска с невысоким бортиком. Кухонные котлы иногда имели небольшой слив и вертикальную ручку, порой украшались наклепным валиком с защипами, сделанными пальцами. По материалам самого Яз-депе от 10 до 16% керамического комплекса составляет лепная посуда с черепком серого цвета, снаружи имеющая глубокий черный цвет и обычно залощенная. Из форм здесь представлены горшковидные кубки, чаши с одной ручкой, хумы и хумча, иногда на кольцевом поддоне. Маркирующая комплекс группа сосудов с росписью также представлена незначительным процентом в общей массе керамики. Расписывались главным образом различные виды горшковидных кубков, иногда имеющих высокий кольцевой поддон, а также хумы и хумча с венчиками, отогнутыми наружу. Мотивы росписи однообразны и сводятся к ряду треугольников, обращенных вершиной вверх и образующих фриз в верхней части сосуда. Внутри треугольники порой имеют сетчатое заполнение. Специфической чертой росписи маргианской посуды является такой элемент композиций, как параллельные линии, заполненные внутри крупными точками. Сам комплекс, открытый на Яз-депе, судя по всему, представляет собой позднюю фазу уже сложившейся культуры. Ранняя фаза, видимо, представлена в нижних слоях этого времени на Елькен-депе, где много краснолощеной керамики, и на Улуг-депе, где в росписи керамики начальной фазы довольно много контурных треугольников.

Комплекс бронзовых изделий времени Яз I немногочислен и однообразен, что частично, видимо, объясняется отсутствием могильников, да и просто захоронений, которые пока обнаружить не удалось. На самом Яз-депе помимо бронзовых наконечников стрел — это однолезвийный нож с длинным, слегка отогнутым черешком, шилья и пробойники, браслет и овальные бляшки с петелькой. В слоях времени Яз I весьма многочисленны биконические ядра для пращи из обожженной глины. Встречаются и каменные ядра с прекрасно отшлифованной поверхностью.

Проблема генезиса комплексов типа Яз I активно обсуждается в научной литературе. На первый взгляд особенно впечатляющим выглядит разрыв с древними местными традициями той территории, где расположены памятники раннего железного века. Безусловно, кардинальным образом сменился в основных чертах керамический комплекс. Изменения затрагивают как технологию, поскольку теперь в отличие от пред-

шествующих комплексов типа Намазга VI подавляющая часть посуды изготавливается путем ручной лепки без помощи гончарного круга. Сменяется и основной набор форм. Помимо этого, утраты коснулись и сферы, связанной с идеологией и художественной культурой. Полностью исчезают печати любых форм и типов. То же касается и мелкой терракотовой скульптуры. В пору поздней бронзы угасает традиция изготовления женских статуэток, а теперь исчезают и мелкая зооморфная пластика, и схематические антропоморфные фигурки. Естественно, что при наиболее простом миграционном подходе возникали заключения о приходе со стороны новых племен, полностью изменяющих традиции местной культуры. Высказывались даже соображения о том, где следует искать истоки этого нового комплекса — прежде всего на территории Ирана. Однако надо прямо сказать, что и в иранской археологии нет никаких материалов, позволяющих проследить эволюционное формирование подобных археологических комплексов. С другой стороны, цепочки определенной преемственности с местных урбанистических культур, развивавшихся в пору поздней бронзы на территории Парфии, Маргианы и Бактрии, могут быть прослежены. Они вполне естественны, поскольку в областях стабильного обитания оседлых земледельцев крайне редки абсолютная смена состава населения и его культуры. Этого не происходило даже в пору тотальных погромов типа монгольского завоевания. Преемственность наблюдается и в местах обитания: целый ряд поселений времени Яз I располагается на тех же местах, что и поселения бронзового века, прямо перекрывая соответствующие культурные напластования (Елькен-депе, Улуг-депе). Соответственным образом сохраняются и строительные традиции сырцово-кирпичной архитектуры вплоть до формата сырцового прямоугольного кирпича размером около 50 × 25 см, который бытовал в южных областях Средней Азии уже в течение многих тысячелетий. Ремесленная посуда, сделанная с помощью гончарного круга, отнюдь не исчезает полностью, хотя ее процент в керамических наборах весьма невелик. Сохраняется определенная преемственность и в таких формах, как кубки, горшковидные сосуды и плоские жаровни. В комплексах Яз I встречаются сделанные на гончарном круге подставки, бывшие одной из ведущих форм керамического комплекса Намазга VI. Было высказано предположение, что появление новой формы, горшковидных сосудов на высоком кольцевом поддоне, как бы соединило две формы — горшковидный сосуд и помещавшуюся под ним подставку.

Поскольку значительные изменения в материальной культуре отражают определенные изменения в составе населения, вырабатывающего новые потребности и своего рода ценностные ориентации, следует

заклучить, что в пору раннежелезного века такие изменения происходили в оседлых оазисах юга Средней Азии. Деградация определенных ремесленных традиций, в том числе в гончарном деле и глиптике, могла быть связана с общим угасанием урбанистических эталонов в пору упадка традиционных социокультурных систем. Видимо, продолжалась инфильтрация в оседлую среду групп населения из мира степняков, безусловные начала которой можно было наблюдать еще в пору бронзового века, когда развернулась культурная и, судя по данным антропологии, этническая ассимиляция. Определенные «степные» соответствия можно видеть и в комплексах круга Яз I. Это и найденные на Яз-депе трехдырчатый роговой псалий, и форма бронзовых однолезвийных ножей, и бронзовые бляшки с петелькой. Явно с этим кругом традиций связаны и налепные валики с пальцевыми вдавлениями, помещавшиеся на плечики кухонных котлов. Относительно орнаментальных схем расписной керамики вполне вероятно высказавшееся мнение о влиянии орнаментации, наносимой на глиняные сосуды степного круга. Например, в Тазабагъябе орнамент, образованный фризами из треугольников, заполненных косой штриховкой и расположенных в одну или две полосы, является одним из ведущих. Северными традициями могла быть навеяна и форма горшковидных кубков. Скорее всего, в результате изменений состава населения нормативы и склонности нового пласта стали господствующими и в обществе, и гончарное дело южных оазисов выработало соответствующие стандарты и эталоны. Вполне вероятно, что на данном этапе передвижение групп населения было организовано под водительством лидеров, размещавших свои резиденции в укрепленных центрах. Соответственным образом был разработан прием возведения сырцовых платформ, что было вполне в рамках возможностей местного строительного дела. Не исключено, что широкое распространение этого приема было связано и с соответствующей военно-политической ситуацией столкновений и противоборств отрядов, вооруженных стрелами и пращами.

Сходного типа комплексы обнаружены в областях по среднему течению Амударьи, соответствующих территории Бактрии. Таково на левом берегу Амударьи Тилля-тепе. Здесь представлены два характерных компонента культуры этой эпохи: мощная платформа из сырцового кирпича и расписная керамика ручной лепки. В амударьинском левобережье выявлены два оазиса этого времени. На правом берегу Амударьи, в Северной Бактрии, основным изученным памятником является поселение Кучук-тепе. В первой итоговой публикации здесь выделялись три последовательных комплекса, соответственно получивших наименование Кучук I, II и III. Кучук I представляет собой местный вариант куль-

туры яздепинского типа. Позднее предлагалось и более дробное стратиграфическое членение кучукских материалов, но деление на основные три комплекса сохраняет при этом свое значение. Здесь также имеется платформа из сырцового кирпича и расписная керамика ручной лепки. Найден бронзовый листовидный наконечник стрелы с прожилкой посередине пера. Своеобразием бактрийского локального варианта этой культуры эпохи раннего железа является почти полное отсутствие серой лощеной керамики и ряд особенностей в мотивах росписи, в частности относительно широкое распространение контурных треугольников и наличие фигур животных. Материалы этого типа отмечены на ряде памятников амударьинского правобережья. Видимо, в это время формируется Миршадинский оазис, центром которого со временем стало крупное городище Кызыл-тепе. Здесь наиболее ранние слои также дают комплекс с резким преобладанием посуды ручной лепки и наличием расписной керамики (Кызыл I). Однако крупный центр в это время еще только начинал формироваться. Своеобразием северобактрийских памятников этого времени является наличие каменных серпов типа чустской культуры Ферганы. Эти бесспорные северные связи, скорее всего, обусловлены, как в Бактрии и Маргиане, инфильтрацией в местную среду племенных групп, приносящих с собой специфические культурные традиции, отразившиеся и на типах артефактов.

Археологический комплекс с расписной керамикой этого периода выявлен и на северо-западе Средней Азии, на территории Ферганской долины. Он получил наименование чустской культуры, относящейся к первой трети I тыс. до н. э. с определенным, но надежно пока не установленным заглублением во II тыс. до н. э. Первоначально создавалось впечатление о формировании в Средней Азии целого блока культур «поздней расписной керамики». Однако теперь можно считать установленным, что комплексы памятников типа Яз I и Чуст различны, причем чустская культура тяготеет не к южным областям, а к району Восточного Туркестана.

Памятники чустской культуры распространены на востоке и на севере Ферганской долины. На востоке они особенно многочисленны. Здесь находится и крупнейшее поселение чустской культуры — Дальверзин.

Для чустской культуры характерна лепная керамика, в том числе с черной геометрической росписью по интенсивному красному фону, бронзовые однолезвийные ножи с длинной рукояткой, завершающейся овальным навершием, и плоские каменные серпы (табл. 31, I). Практиковалось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Именно Восточная Фергана представляла для этого наилучшую природную среду и, судя по многочисленности памятников, была густо заселена. Сами памятники

обычно невелики и занимают площадь около 1 га. Однако имелись и более значительные центры, как, например, Чуст площадью в 4 га. Весьма значительна площадь Дальверзина — 25 га. Само поселение не имеет в плане четких геометрических очертаний. Строительное дело представляет собой сочетание разных традиций — наряду с наземными домами существовали и полуземлянки. В ряде случаев использовался и сырцовый кирпич крупного прямоугольного формата (50–45 × 22 × 14–24 см). Такое положение весьма показательно для уровня строительного дела, только начинающего переход к устойчивому строительству из стандартного сырцового кирпича. В этом отношении характерна комбинированная конструкция одного из участков обводной стены Дальверзина, где в основании идет глинобитная платформа, далее — утрамбованная земля и лишь затем — кирпичный панцирь. На других участках применялась кладка паховыми блоками. Часть городища, в которой иногда стремятся видеть цитадель, выделена отдельной стеной. Но ни по постройкам, ни по материалу культурный слой здесь почти не отличается от наслоений на других участках памятника. Безусловно, стремление оградить поселение связано с необходимостью обороны, но это была еще весьма архаическая стадия фортификации, возможно, соответствовавшая производственным возможностям чувского общества. В этом отношении показательно само поселение Чуст. Оно с трех сторон окружено саями, а с четвертой стороны простирается болото. Оставшийся открытым узкий участок был перегороден стеной трехметровой толщины, возведенной из сырцового кирпича. На всех памятниках чувской культуры весьма многочисленны ямы.

Вся керамика изготовлена способом ручной лепки, причем иногда применялся матерчатый шаблон. Распространены миски, иногда с уступом у стенок, образующим перехват, чаши, горшковидные сосуды и кувшинчики со сравнительно высоким горлом. Весьма характерны расширяющиеся кверху бокалы. Именно они наряду с чашами чаще всего расписывались по красному ангобу. Мотивы росписи ограничиваются геометрическими фигурами, в основном треугольниками, как контурными, так и с сетчатой внутренней штриховкой. Широко распространен прием нанесения зубчатого рисунка прямо под венчиком. Часто узоры спускаются ко дну сосуда треугольными шевронами или лентами с внутренней, более дробной орнаментацией. На поселении в г. Ош, расположенном у подножия горы Сулейман-Тоо, среди расписной керамики имеются два образца с фигурами горных козлов. Количественно расписная керамика, как и в комплексах типа Яз I, весьма немногочисленна.

Достаточно разнообразны бронзовые изделия, изготовлявшиеся на месте, как об этом свидетельствуют находки каменных литейных форм. Среди них можно отметить серпы, однолезвийные ножи, долота, втуль-

чатый наконечник копья упрощенного вида, двухлопастные черешковые наконечники стрел. Имеется и роговой трехдырчатый псалий. Весьма специфичны каменные серпы, встречающиеся в изобилии и предназначенные, как это показал трасологический анализ, для уборки урожая.

Происхождение чустской культуры окончательно не выяснено. Она представляет собой устойчивый сложившийся комплекс и не имеет никаких связей с местными неолитическими племенами архаических охотников и собирателей. В принципе ее компоненты отличны от типов артефактов памятников круга Яз I, что особенно заметно по расписной керамике с иной цветовой гаммой и иными формами. Близкие керамические комплексы обнаружены в Восточном Туркестане, и, возможно, Чуст входит в один достаточно обширный ареал. О тяготении к восточным традициям свидетельствуют и каменные серпы, являющиеся типичным орудием оседлоземледельческих памятников Китая вплоть до времени существования иньской цивилизации включительно.

Чустские памятники, комплексы южного пояса типа Яз I, поселения культуры архаического Дахистана образуют типологически близкий блок оседлых культур, хотя и представляющих различные культурные традиции. Как и в эпоху бронзы, с ними сосуществовали в северных районах Средней Азии памятники со «степными» традициями, хотя в их среде уже активно идет процесс культурной трансформации. В наиболее чистом виде сохраняет «степные» традиции Хорезм, где амирабадская культура представляет собой как бы консерват, сформировавшийся на основе Тазабагьяба и еще мало затронутый переменами, происходящими, например, в Трансоксиане. В Амирабаде традиционно сохраняется система расселения, типичная для Тазабагьяба. Это обычно оазисы, вытянутые вдоль русла, из которого выводились оросительные арыки. Детально исследовано поселение Якке-Парсан 2. Это было именно поселение, и едва ли развешанные остатки подобных памятников следует именовать стоянками. Линейно расположенные жилища этого поселения представляли собой полуземлянки, заглубленные в грунт до 1 м. Площадь таких подпрямоугольных в плане домов составляла от 90 до 110 м². Стены возводились из дерева и камыша и обмазывались глиной. Внутри располагались многочисленные небольшие ямы и очаги, но центр неизменно занимал большой, видимо, постоянно функционирующий очаг. Скорее всего, это были зимние жилища, тогда как в летнее время функционировали более легкие наземные строения. Всего в поселках амирабадской культуры насчитывалось до 15 домов, и они занимали площадь почти 2 га. Судя по всему, увеличиваются демографические параметры Древнего Хорезма. Датировка Амирабада ориентировочно определяется IX–VIII или X–VIII вв. до н. э.

Керамический комплекс, по существу, развивает тазабагъябские традиции, что видно как по формам горшковидных сосудов, так и по приемам нарезного, реже — штампованного орнамента. Узоры предельно упрощены. В основном это косые или перекрещивающиеся насечки, расположенные прямо под венчиком. Тщательно выделана посуда, определяемая как столовая, хотя она, как и вся керамика, ручной лепки. Поверхность чаш окрашивалась в красный цвет и тщательно лощилась. Вырабатывается форма крупных сосудов для хранения типа хумов, также тщательно выделявавшихся. Примечательна находка каменных форм для отливки наконечников стрел и серпа. Оба вида изделий найдены и при раскопках древних жилищ. Наконечники стрел двухперые с двумя видами насада — с выступающей втулкой и с черенком.

Памятники степного круга, в основном андроновского типа, были распространены и по среднему течению Сырдарьи в Ташкентской области, насколько об этом можно судить по находкам бронзовых изделий. Здесь к первой трети I тыс. до н. э. относится культура, названная бургулюкской, демонстрирующая примечательную культурную трансформацию. Выделивший бургулюкскую культуру А. И. Тереножкин отнес ее к VI–IV вв. до н. э., но позднее не без оснований было предложено углубить ее до IX–VII вв. до н. э. Предлагается также выделять ранний комплекс, Бургулюк I, но его четкая обособленность по набору типов артефактов еще нуждается в уточнении. Во всяком случае, не приходится сомневаться, что Бургулюк восходит к достаточно раннему времени в своих ранних формопроявлениях и входит в круг комплексов первой трети I тыс. до н. э.

Соответствующие памятники выделены в Ташкентском оазисе по среднему течению р. Ахангаран. Поселения, располагавшиеся в пониженных болотистых местах речных долин и в низовьях небольших водотоков, невелики по размерам, и самое крупное из них (Туябугуз 1) едва достигает 2 га. Состояли поселки из ряда жилых строений, преимущественно полуземлянок, вытянутых вдоль русла водотока. Стены в основном представляли собой плетеный каркас, обмазанный глиной. Последняя технология постепенно все шире входит в практику домостроительства. Некоторые землянки имеют внутренние перегородки из пахсы. Отмечена и кладка из сырцового кирпича неустоявшегося формата. Эти шаги безусловно связаны с утверждающейся оседлостью в образе жизни.

Достаточно выразителен керамический комплекс бургулюкской культуры, хотя он и не отличается особым разнообразием (табл. 30, II). Вся керамика ручной лепки в основном плоскодонная. Посуда изготовлялась путем ленточной лепки и порой на матерчатом шаблоне. Широко

распространены полусферические чаши светло-желтого цвета. Весьма специфична такая форма, как шаровидный сосуд с носиком с одного края и небольшой ручкой на противоположной стороне. Подобные кухонные котлы порой достигали значительных размеров. Имеется небольшое количество и расписной керамики. Наряду с простыми, иногда пересекающимися полосами основным мотивом являются треугольники, частично силуэтные, частично заполненные внутри кривой сеткой или точками. Достаточно разнообразны бронзовые изделия. В их числе имеются серпы и ножи разных видов, в том числе в виде бритвы. Представлены и листовидные черешковые наконечники стрел.

Некоторое время исследователи придавали особое значение аналогии материалов Бургулюка с чувстской культурой, допуская даже прямые миграционные воздействия. Но по основным типам артефактов и их признакам общего сравнительно мало. Отличен набор форм сосудов, причем основной вид изделий, расписывавшихся чувстскими мастерами, — высокие бокалы — здесь отсутствует. Отлична и цветовая гамма, поскольку в Бургулюке нет типичной для Чуста росписи по красному фону. Отличны и мотивы росписи. В Бургулюке они более упрощены, без детализации, характерной для чувстской орнаментации. Нет здесь и серпов из камня, столь широко представленных в ферганских памятниках. Скорее, речь должна идти о спонтанной трансформации обитавших в Ташкентской области во второй половине II тыс. до н. э. племенах степного круга, как это уже предполагалось археологами Узбекистана. Развитие земледельческо-скотоводческой экономики с вероятным началом искусственного орошения в виде его лиманной формы стимулировало упрочение оседлого образа жизни с присущими ему культурными стандартами, в частности сырцового строительства. Украшение глиняной посуды орнаментами, выполненными красками взамен резных и штампованных узоров, характерных для посуды степной бронзы, вполне соответствовало своего рода духу времени, который ярко проявился в керамических комплексах Северной Парфии, Маргианы и Бактрии. Тем более что ряд орнаментальных мотивов, в частности фризы из крупных силуэтных треугольников, вполне могли быть навеяны южными образцами.

Видимо, в сходном направлении шла и культурная трансформация в более южных областях, в долинах Зеравшана и Кашкадарьи, входивших в состав Согда, наименование которого мы находим уже в ранних частях Авесты. В специальной литературе область в междуречье Амударьи и Сырдарьи часто именуется Трансоксианой исходя из названия Амударьи, передаваемого в античной географической литературе как Окс. Это слово явно восходит к древнему наименованию, сохраняющемуся и сейчас в названии р. Вахш. Согдийская культура поры раннежелезного

века только-только становится известной благодаря экспедиционным исследованиям археологов Узбекистана. Памятники, где обнаружены соответствующие культурные комплексы, как правило, обживались и позднее, в середине I тыс. до н. э., когда культура обнаруживает четкие признаки преемственности с более ранним периодом. Это весьма важно для культурогенеза, но осложняет широкие раскопки более ранних культурных напластований. Поэтому соответствующие материалы пока несколько отрывочны, но уже они позволяют говорить об определенной специфике культуры Трансоксианы первой трети I тыс. до н. э., которую с полным основанием можно именовать древнесогдийской, подобно тому как комплекс типа Кучук I характеризует культуру Древней Бактрии.

Отмечается широкое освоение в этот период территории бассейна Кашкадарьи, т. е. районов Южного Согда. Здесь отмечено более 20 соответствующих памятников, группирующихся в несколько оазисов, располагавшихся вдоль саев, стекающих с Зеравшанского и Гиссарского хребтов, или по нижнему и среднему течению Кашкадарьи. В состав одного из таких оазисов входило городище Ёр-курган, где в нижних слоях, обозначенных как Ёр I, выявлен комплекс лепной керамики, причем некоторые сосуды имели несложную роспись. Посуда, сделанная с помощью гончарного круга, в этих наслоениях отсутствовала, что могло быть вызвано и ограниченностью площади раскопок в пределах разведочных шурфов. Во всяком случае, в это время Ёр-курган уже уверенно обживается и в дальнейшем, в середине I тыс. до н. э., становится крупнейшим центром Кашкадарьинского Согда. Такая же преемственная последовательность отмечена и на других памятниках. Так, в нижних слоях Дар-тепе в раскопе на центральном бугре выявлен слой с лепной керамикой, в число которой входили котлы с ручками, сфероидальные горшки и хумча, также имеющие ручки петлевидной формы. На верхних уровнях этих культурных слоев обнаружен крупный железный нож. Видимо, в это время важным центром было поселение Сангир-тепе, где уже налицо укрепленная цитадель, к которой примыкала обжитая территория, образовавшая холмы аморфной планировки. Структурно такое сочетание цитадели и жилого массива прямым образом напоминает центр Древней Маргианы — Яз-депе.

Сходного характера комплексы выявляются и в бассейне Зеравшана, на территории Самаркандского Согда. Отдельные находки лепной керамики представлены на Афрасиабе, где для раннего времени, явно предшествовавшего ахеменидскому периоду, выявлен участок обводной стены, сложенной из крупного сырцового кирпича, имевшего в сечении батонообразную форму. Прямоугольный стандарт соответствует строи-

тельным модулям южных культур (57–60 × 27–30 × 8–10 см). На кирпичах были сделаны знаки, напоминавшие цифру 8. Аналогичные кирпичи были выявлены и на городище Кок-тепе, бывшем крупным центром, площадью 23 га в нуклеарной части, хотя, судя по всему, и без сплошной застройки. Из подобных кирпичей на центральном холме Кок-тепе была сложена платформа двухметровой высоты. Здесь знаки на кирпичах, сделанные пальцами, имели форму буквы «о», иногда с дополнительной линией наверху. Для раннего периода обживания выделяются два слоя, причем в раннем из них обнаружены жилища в виде полуземлянок. Керамический комплекс включает лепную керамику, в том числе полусферические чаши, иногда имеющие роспись. По подсчетам из 60 определяемых сосудов 12 имели орнаментацию, нанесенную красновато-коричневой краской. Преобладают силуэтные треугольники, аналогичные мотивам росписи на керамике Бургулюка. Судя по имеющейся информации, в Согде в пору раннежелезного века шел процесс формирования оседлой культуры, начинающей использовать сырцовое домостроительство. Показательна тенденция устройства кирпичных платформ для центральных построек, что явно следует канонам культур южного пояса. Скорее всего, именно использованием канонов южных, в данном случае бактрийских, керамических комплексов, следует объяснять и появление расписной посуды. Правда, ее упрощенная орнаментация едва ли дает основания для заключения о передвижении из Бактрии значительных масс населения с соответствующими устойчивыми традициями. Отрывочность материала затрудняет рассмотрение вопросов культурогенеза. Скорее всего, как и в Ташкентском оазисе, происходил активный переход к оседлому образу жизни племен, проникших сюда еще в пору распространения в Средней Азии культур степной бронзы. Начало ирригационного земледелия стимулировало развитие оседлости с присущими ей культурными стандартами, которые уже были широко представлены в соседней Бактрии. Примечательно, что в Кашкадарьинском Согде выделяется группа поселений, лишенных следов сырцовой архитектуры, которые исследователи склонны связывать с их принадлежностью подвижным скотоводам. Наличие значительных стад может объяснять и появление, также, видимо, с этого времени, обширных укрепленных центров — убежищ, лишенных внутри обвода стен сплошной застройки. Таково городище Кок-тепе, таковы, видимо, и ранний Афрасиаб, и крупный центр Северной Бактрии — городище Кызылтепе. Естественно, появление крупных центров, использующих новые культурные стандарты, в первую очередь в строительном деле, было важным проявлением процессов урбанизации.

В то время когда на юге разворачивался второй цикл урбанизации, в глубинах Азии бурно развивались события, результаты которых имели

кардинальное значение для всей зоны евразийских степей, да и Средней Азии, прежде всего в сфере культурогенеза и этногенеза. Это было сложение ранних кочевых обществ древних кочевников, взаимодействие с которыми, протекавшее в различных, часто антагонистических, формах, имело в ряде отношений определяющее значение для оседлых культур и цивилизаций. Истоки этого процесса восходят еще к племенам степной бронзы, которые на поздних этапах все активнее развивали подвижные формы скотоводства. Это кардинальным образом сказывалось на жизненном укладе, да и на всей культуре, включая идеологические императивы. Маркирующим стало массовое освоение верхового коня, этого неотъемлемого составляющего жизни кочевников. В материальной культуре, изучаемой археологической наукой, эти изменения отразились в известной триаде, получившей наименование скифской: наборе конской упряжи, специфическом вооружении и ярком искусстве так называемого звериного стиля.

Классическим эталонным памятником, охватившим все спектры этой триады, является гробница Аржан (рис. 4), расположенная в Туве и отно-

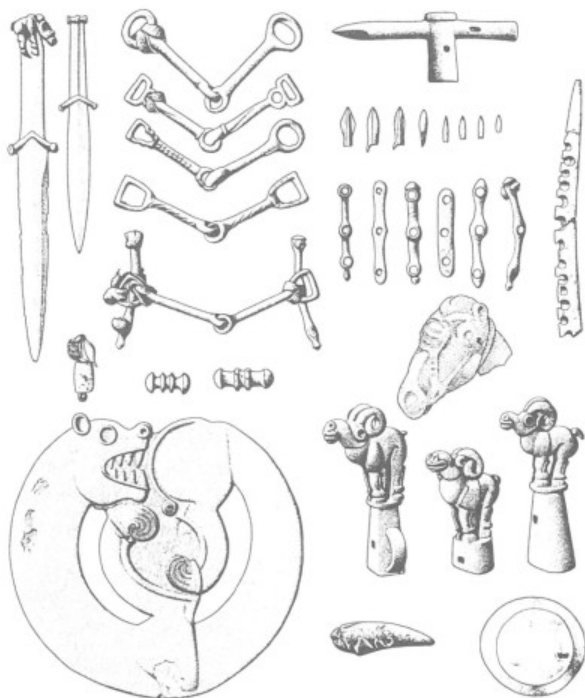

Рис. 4. Археологический комплекс Аржана

сящаяся к VIII в. до н. э. Это была начальная пора яркой эпохи ранних кочевников. Аржан представляет собой гробницу лидера древних номадов. Окруженное каменной кладкой наземное сооружение образовывало правильный круг диаметром 120 м. Центральная камера, куда были помещены мужчина старческого возраста и зрелая женщина, была сооружена из бревен. Вокруг нее размещались радиально расположенные трапециевидные камеры, построенные из того же материала. В них находились 15 погребенных — все, кроме одного, старческого возраста, и 13 групповых захоронений коней. Хотя гробница основательно ограблена еще в глубокой древности, найденные здесь предметы достаточно выразительно представляют всю «скифскую триаду». Это и конские удила, и псалии, и бронзовые втульчатые, главным образом двухперые, наконечники стрел, и превосходные художественные бронзы — бляха со свернувшимся хищником и навершия с фигурами стоящих козлов. Имеются материалы, свидетельствующие о распространении раннекочевнических комплексов в других районах азиатских степей, в том числе и в северных областях Средней Азии.

К этому кругу явлений исторически и культурно явно примыкает могильник Тагискен в Восточном Приаралье. Группу монументальных гробниц, расположенную в северной части возвышенности Тагискен (так называемый Северный Тагискен), традиционно относят к IX–VIII вв. до н. э., хотя возможно, что наиболее поздняя гробница с импортной керамикой типа Яз II в какой-то мере захватывает и VII в. до н. э. Это были монументальные гробницы с пышным погребальным обрядом, явно принадлежавшие высшему, элитному слою воздвигнувшего их общества. В их культурном комплексе сочетаются не только вещи различных культурных провинций, но и различные культурные традиции. Совершенно четкая южная традиция отражена в самих возведенных гробницах, которые с полным правом именуют мавзолеями. Они возведены из прямоугольного сырцового кирпича формата $48 \times 32 \times 10-12$ см, следуя в этом отношении стандартам оседлых культур южного пояса от Елькен-депе до Яз-депе. Трудно судить, кто именно был архитектором, планировавшим эти строения, но строители, во всяком случае на организующем уровне, скорее всего, были выходцами из оседлых оазисов юга. Ранняя группа гробниц имеет по внешней стороне форму квадрата с размером стороны до 18 м, тогда как внутри гробница образует круг диаметром 14 м. Восемь кирпичных колонн образовывали прямоугольную камеру. В образовавшемся обводном коридоре шло кольцо из деревянных колонн, что предположительно должно было имитировать жилище. Все сооружение в соответствии с традицией кремации предавалось огню. Хотя сами гробницы ограблены,

ясно, что они содержали достаточно разнообразный погребальный инвентарь, в числе которого были бронзовое оружие и золотые украшения (табл. 18). В состав оружия входили бронзовые черешковые наконечники копий и втульчатые двухперые наконечники стрел. Обнаруженные в одной из гробниц около 100 бронзовых гвоздей использовались, судя по аналогии с алтайскими курганами Пазырыка, для закрепления на стенах тканей и ковров. Весьма примечательна глиняная посуда, представленная в особенно большом количестве в наиболее позднем мавзолее, который имел кольцевую планировку и внутри, и по наружным стенам. Здесь число помещенных в гробницу сосудов достигало 60. Андроновские традиции этой керамики видны уже по мотивам орнаментации фестонами, треугольниками, ромбами, меандрами. Наконец, представлены сосуды, сделанные с помощью гончарного круга, явно изготовленные ремесленниками далекого юга — Бактрии или Маргианы. Примечательно, что в их числе имелся и крупный хум, транспортировка которого через пустыни, степи и водные преграды за многие сотни километров явно потребовала немалых усилий. Исследователи справедливо отмечают, что сама идея столь сложных погребальных конструкций соответствует канонам, установившимся в степях в пору существования комплексов типа Бегазы — Дандыбай. Однако там строительным материалом служил камень, здесь же явно использование строительной техники оседлого юга, откуда были доставлены и сосуды, сделанные с помощью гончарного круга.

То, что перед нами элитный некрополь, гробницы вождей достаточно высокого ранга, возможно, даже племенных объединений, не оставляет никаких сомнений. Представлен в культуре Тагискена и амирабадский компонент. Это неудивительно, поскольку амирабадские стоянки известны по берегам древних речных артерий Жаныдарья и Сырдарья, в зоне которых и расположена возвышенность Тагискен. Труднее оценить степень подвижности оставившего эти памятники общества, хотя при этом не следует исключать высокую степень номунизма. Если обратиться к авестийской традиции, повествующей о противоборстве правителей южных «царств-стран» с племенами «тура», в которых исследователи стремятся видеть общее обозначение кочевников, то здесь представлен интересный эпизод. После долгого противостояния племени туров их вождь Франграсьян был убит на берегу глубокого оз. Чайтаста, которое едва ли может быть чем-то иным, кроме Арала. Разумеется, не следует проводить жесткое сопоставление эпической традиции и конкретных археологических реалий, но и некрополь, и сам сюжет отражают взаимодействие степного мира и оседлых оазисов — «царств» далекого юга.

Таковы в краткой характеристике археологические комплексы Средней Азии поры раннежелезного века и некоторые аспекты их культурологической интерпретации. Судя по всему, продолжающаяся инфильтрация северных групп населения и ассимиляционные процессы, происходившие в среде южных оазисов в результате таких подвижек, привели к резким перепадам в культурных традициях и к формированию культурных комплексов нового типа круга Яз I — Кучук I. Определенное однообразие и бедность этих комплексов художественными объектами не должны закрывать того обстоятельства, что одновременно разворачивается второй цикл урбанизации. Крупные центры Парфии и Маргианы в этом отношении особенно показательны. Идет воздействие и распространение этих новых эталонов и стандартов на районы Трансоксианы. Именно в этой среде, которая объединяла древние Парфию, Маргиану, Бактрию и Согд, идет новый цикл политогенеза. Он протекает в обществе воинственных лучников, лидеры которых на юге уже воздвигали укрепленные монументальные резиденции. Шло формирование первых «царств-стран», известных по Авесте. Кстати, судя по всему, это была та среда, в которой складывалась одна из великих мировых религий — зороастризм. Наряду с урбанизацией, двигающейся во втором цикле с юга на север, продолжалось взаимодействие и, видимо, давление северных народов, предвосхищая взаимоотношения оседлых цивилизаций и кочевых объединений, наложившие неизгладимый отпечаток на последующую культурную, политическую, да и этническую историю всего среднеазиатского региона.

Практически с наступлением железного века Средняя Азия превращается из региона, прошлое которого освещают одни лишь безмолвные памятники материальной культуры, в область, о которой все в большей мере появляются свидетельства письменных источников. Таковы и древние надписи политического характера, и хозяйственные документы, и сочинения древних авторов, носящие общий характер, и, наконец, даже монеты. Их письменные тексты, которые достаточно лапидарны, тем не менее имеют большое значение как твердо устанавливаемый реальный факт, а не цветистые повествования древних писателей, излагавших события с разной долей неизбежного субъективизма. На Древнем Востоке в VII–VI вв. до н. э. утверждают свою мощь новые государства, основанные ираноязычными племенами, — Мидия, а затем Ахеменидская держава. Области Средней Азии прямым образом вовлекаются в орбиту политических и военно-политических событий своего времени.

Через ахеменидское посредничество античный мир впервые узнал об этих отдаленных областях цивилизованного мира. В этой информации особое значение придавалось Бактрии, что породило легендарную

традицию о могущественном Бактрийском царстве доахеменидской эпохи, куда будто бы совершали походы ассирийские владыки. В принципе не приходится сомневаться, что активные владельцы оазисов, сидевшие в укрепленных цитаделях уже в первой трети I тыс. до н. э., стремились к созданию более значительных объединений. Военно-аристократический путь политогенеза, о котором свидетельствуют и мощные древние укрепления, и авестийская традиция, безусловно, способствовал формированию достаточно крупных политических структур.

Археологические материалы ясно показывают, что время VII–IV вв. до н. э. было эпохой прочного утверждения урбанизированных начал во всех основных центрах оседлой культуры Средней Азии. Страны, называвшиеся в списках подвластных владений Ахеменидов, — Бактрия, Парфия, Согд, Маргиана, Хорезм — к этому времени становятся мощными центрами городской цивилизации. Знаменательно поразительное единство материальной культуры этого времени. Формат прямоугольного сырцового кирпича, так называемая баночная керамика, ведущей формой которой были высокие сосуды с подкошенной придонной частью, втульчатые наконечники стрел, сначала двухперые, а затем трехперые, неизменно повторяются во всех больших и малых памятниках от Бактрии до Хорезма. С утверждающимся городским образом жизни материальные эталоны урбанизированного общества были восприняты единодушно и повсеместно. Небольшие локальные различия, пока еще плохо изученные, отнюдь не меняют общей картины поразительного культурного единства, за границами которого из числа областей развитой оседлости остается одна лишь Фергана.

Археологически для мидо-ахеменидского времени опорным памятником остается Яз-депе в Маргиане. Сама Маргиана в списках ахеменидских царей не фигурирует как отдельная «страна», нет ее и в перечне податных округов Ахеменидов, приводимых Геродотом. Но прославило Маргиану сопротивление ахеменидскому диктату в 522 г. до н. э., во время бурных событий первых лет царствования Дария I. Маргианское восстание было жестоко подавлено, причем всех историков поражает число убитых, сообщаемое официальной версией Бехистунской надписи, — 55 000 человек при 6500 пленных. Даже если делать поправку на вполне вероятные преувеличения, не приходится сомневаться, что развернувшиеся столкновения были и кровопролитными, и разрушительными. В конце соответствующего текста, повествующего о маргианских событиях, Дарий I сообщает: «Вот что мною сделано в Бактрии». Скорее всего, Маргиана входила в состав этой сатрапии или, как полагают некоторые исследователи, была подчинена ее сатрапу в благодарность за учиненный им разгром мятежных маргианцев.

Поселение Яз-депе, бывшее, судя по всему, столичным центром Маргианы в пору раннего железного века, продолжало существовать и позднее, и произведенные раскопки позволили выделить здесь еще два комплекса, расположенные над слоями с артефактами эпохи раннего железа. Эти комплексы получили наименование Яз II и Яз III.

Цитадель на мощной платформе, сооруженной из сырцового кирпича, функционировавшая в пору Яз I, в это время была уже в запустении, но жизнь на самом поселении продолжалась. Слои Яз II в разных местах имеют мощность от 2 до 3 м и содержат остатки строений из сырцового кирпича.

Керамика отличается высоким качеством, глина хорошо отмучена, снаружи сосуды покрывали беловатым ангобом. Почти вся посуда в отличие от комплекса Яз I изготовлена на гончарном круге, а лепные сосуды с росписью, составлявшие специфическую черту этого наиболее раннего комплекса маргианского поселения, здесь полностью отсутствуют. Ведущими формами становятся цилиндроконические сосуды с подкошенной придонной частью. Близкую форму имеют и крупные сосуды для хранения — хумы и хумча. Они по существу развивают форму хумов комплекса Яз I, но получают подкос в придонной части. Хумы имеют характерный крючкообразный профиль венчика. Такой же венчик имеют крупные чаши также с резким подкосом ко дну. Иногда на светлый ангоб черной краской наносили знаки. Ранние формы баночных или цилиндроконических сосудов имеют более грубые, как бы архаические, формы. Затем подкос ко дну приобретает вогнутую выкружку, более рельефным становится ребро на переходе ко дну (табл. 19, I). Из оружия в слоях представлены двухперые бронзовые наконечники стрел с выступающей втулкой.

В слоях Яз III раскопана часть многокомнатного массива, возведенного из сырцового кирпича размером $52 \times 28 \times 12$ см. Керамика этого комплекса продолжает традиции предшествующего времени с небольшими вариациями (табл. 19, II). Крючкообразные профили венчиков крупных сосудов сменяются венчиками в виде уплощенного валика. Цилиндроконические сосуды за счет более низкой части, идущей ниже ребра, становятся более приземистыми. Чаши теряют ребро и становятся просто сферическими. Появляются небольшие тарелочки с отогнутым бортиком. Распространяются трехперые бронзовые наконечники стрел со скрытой втулкой. Известны железные изделия — тесла и проушные топоры, возможно, боевые. При первой публикации для комплекса Яз II была предложена дата 650–450 гг. до н. э. и для Яз III — 450–350 гг. до н. э. Уже в первой рецензии на это издание И. М. Дьяковым было предложено удревнить соответствующие даты по меньшей

мере на пятьдесят лет. Последующие работы по изучению комплексов этого типа в Средней Азии в принципе подтверждают тенденцию к удревнению, возможно, даже более значительному. Однако система хронологии базируется на классификационных схемах, выработанных для наконечников стрел довольно отдаленных степных районов. Датированные импортные предметы (печати или монеты) в соответствующих слоях среднеазиатских памятников пока не обнаружены. Наиболее надежны поздние привязки, поскольку по данным разных регионов устанавливается доживание или частичное переживание баночных форм в пору «классической античности» III в. до н. э.

Уже такой материал, как керамика, свидетельствует о полном утверждении принципов ремесленного производства с применением для массовой продукции гончарного круга быстрого вращения в отличие от комплекса Яз I, где процент гончарной посуды весьма невелик. Происходивший в пору раннего железного века как бы «шаг назад» в сфере керамического производства был изжит. Это полностью соответствует уверенному развитию оседлости, связанной с ирригационным строительством, и развитию городской жизни. В этом отношении баночная керамика является проявлением в сфере артефактов урбанизации как культурного процесса, охватывающего все новые области материальной культуры.

Это было неразрывно связано с развитием самих поселений, что хорошо видно на примере новой столицы Маргианы — Древнего Мерва. Ею становится поселение на территории огромного городища Гяур-кала с не менее внушительной цитаделью Эрк-кала. Есть основания полагать, что сюда был проведен магистральный канал из Мургаба, именованный у арабоязычных географов каналом Разик. Новым городским центром становится городище Эрк-кала, где соответствующие слои занимают площадь почти 16 га. Внешний обвод всего центра образовывала крепостная стена поистине грандиозных размеров. Ее постепенно наращивали и в парфянское время, и в пору раннего Средневековья, когда сам древний город, городище Эрк-кала стал, по существу, цитаделью нового суперцентра, площадь которого в рамках крепостных стен Гяур-кала составляла уже почти 4 км². Самая ранняя стена Мерва середины I тыс. до н. э. была сооружена из пахсы, имела толщину 7 м и высоту 10 м. Затем последовали новые фортификационные работы, и первоначальная стена стала как бы цоколем новой. Наряду с пахсой теперь уже используется сырцовый кирпич того же крупного прямоугольного формата, что применяли и на Яз-депе. Находки биконических керамических ядер для пращи указывают на вооружение защитников, а крючкообразные венчики — на относительно раннюю дату по яздепинской хро-

нологии. В пределах пространства, обнесенного столь мощной стеной, отдельные, видимо, престижные, здания располагались на высоких платформах, сооруженных из сырцового кирпича, продолжая традицию, установившуюся в пору раннежелезного века.

Здания, находившиеся на этих платформах, перекрыты строительными остатками более поздних времен, что затрудняет их изучение. Одна из таких платформ, расположенная в Эрк-кале, имела высоту 8 м. Наиболее мощная постройка располагалась в центре Эрк-калы и, скорее всего, представляла собой цитадель города, нуклеарную часть которого образовывала сама Эрк-кала. Основная платформа, сооруженная здесь, имела высоту 15 м. Непосредственно на платформе располагалась крупная монументальная постройка с керамикой типа Яз II. Ее стены сохранились на высоту до 2,5 м. На такую же высоту сохранились мощные стены здания, перекрывавшие это раннее строение и относящиеся, судя по находкам керамики, ко времени Яз III. Все эти постройки, будучи забутованными, стали основанием уже наиболее позднего в этом месте здания сасанидо-арабского времени, в котором были найдены разнообразные документы на арабском, пехлеви и даже один согдийский текст.

Начинала осваиваться и территория за пределами этого городского ядра — слои мидо-ахеменидского времени встречены в разных пунктах на расстоянии до 200 м от Эрк-калы, причем все они лежат на материке, свидетельствуя о первичности обживания данной территории. Таким образом, древний центр здесь имел уже трехчастную структуру — главное монументальное здание на мощной платформе, основное ядро, охваченное капитальными обводными стенами Эрк-калы, и достаточно обширный пригород, который, будучи обнесенным стенами в селевкидское время, и стал городищем Гяур-кала. При шурфовке слоев в этом пригороде был установлен перерыв в обживании, отмеченный наслоениями песка и иловатых натеков. Это не без оснований сопоставляется с бурными событиями восстания VI в. до н. э., когда, кстати, были заброшены и многие поселения в ближней и дальней округе столичного Мерва. Эти поселения группировались в оазисы, вытянутые вдоль русел каналов, и многие из них имели свои локальные центры урбанистического облика. Аэрофотосъемка даже выявила цепочку из нескольких крепостей, идущих по границе оазиса, видимо возведенных ахеменидским руководством.

Практически идентична маргианской материальная культура подгорной полосы Копетдага, которую с полным основанием можно именовать теперь Северной Парфией. Слои этого времени имеются на Южном холме Анау, который в эту пору, как и в более ранний период, пред-

ставлял собой небольшое поселение. Баночная керамика с подкосом в придонной части, выделенная как комплекс Анау IV, отличается здесь лишь эпизодическим использованием красного ангоба, что нехарактерно для маргианских памятников. Обнаружены сделанный из железа нож и бронзовый серп, а также трехперый бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой. Определенную специфику составляет форма кувшина с ручкой, что совершенно нехарактерно для керамических комплексов Маргианы. Новый оазис, связанный с проведением системы каналов, в эту пору формируется к северу от ст. Баба-Дурмаз.

Важнейшим центром Северной Парфии было городище Елькен-депе, которое уже в пору раннежелезного века приобретало облик местной столицы. В мидо-ахеменидское время его фортификация была резко усилена. Склон центрального холма, скрывавшего наслоения еще поры Намазга VI, был покрыт глинобитным панцирем, ближе к вершине была сооружена стена со стрелковой галереей. Толщина основной стены достигала 6,6 м. За ней на самой вершине возвышенности была устроена платформа из сырцового кирпича высотой 4 м. По ее краю проходила еще одна оборонительная стена. Были укреплены и фортификационные сооружения внешнего кольца стен, охватившего, как и в маргианской Эрк-кале, нуклеарную часть поселения. За пределами этого обвода располагались отдельные всхолмления, видимо, являющиеся остатками отдельных домов и усадеб. Основные формы керамики, так же как и бронзовые двухперые и трехперые наконечники стрел, практически аналогичны маргианским находкам. Автор раскопок определяет соответствующий комплекс как Елькен III, не предлагая в отличие от стратиграфии Яз-депе более детализированного членения. Определенную специфику, как и на Южном холме Анау, составляет употребление красного ангоба. Уникальный для среднеазиатских комплексов двуручный кувшинчик явно является импортным и находит ближайшие аналогии в маннейско-урартской посуде.

В принципе те же черты материальной культуры мы находим и на соответствующих памятниках Северной Бактрии. Это культурное единство по сравнению с порой раннежелезного века только возрастает.

Впервые комплекс этого типа выявлен М. М. Дьяконовым в ходе экспедиционных исследований в долине р. Кафирниган. Он выделен в нижнем слое городища Калаи-Мир и получил наименование Кобадиян I. Для него характерна баночная керамика с белым или желтоватым ангобом. Уплощенная форма венчиков крупных сосудов и другие детали позволяют синхронизировать его с комплексом Яз III. Из железных изделий найдены обломок ножа и игла. Имеются также бронзовые двухперые наконечники стрел с выступающей втулкой. Комплекс этого типа отме-

чен в нижних слоях ряда других памятников долины р. Кафирниган. Была освоена и соседняя долина р. Вахш. Здесь материал типа Кобадиян I был обнаружен в нижних слоях поселения Болдай, где выявлено два строительных горизонта этого времени. Из числа находок помимо керамики можно отметить трехперый бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой. В этой местности располагался небольшой оазис, для орошения которого был проведен канал длиной 10 км.

Процветающим земледельческим центром становятся районы амударьинского правобережья по долинам р. Сурхандарья и Ширабаддарья. Здесь выявлено около 40 памятников мидо-ахеменидского времени, группирующихся в восемь ирригационных районов. Центром одного из таких оазисов было городище Кызыл-тепе, где установлена и стратиграфия. Если нижние слои содержат материал типа Яз I, то два последующих комплекса, Кызыл II и Кызыл III, соответствуют двум последующим комплексам яздепинской колонки. В комплексе Кызыл II сосуды типа хумов и хумча имеют крючкообразный профиль венчика, тогда как в комплексе Кызыл III, как и в Яз III, профили венчиков приобретают вид уплощенного валика. Само городище, прямоугольное в плане, занимает обширное пространство 30 га, но внутри лишено сплошной застройки. Мощные стены, окружавшие эту территорию, были сложены из сырцового кирпича и достигали десятиметровой толщины. Стена имеет в основании глинобитный монолит, над которым идет пахсовая кладка. Стремление к мощности фортификационных сооружений здесь напоминает установки строителей укреплений маргианской Эрк-калы. Судя по всему, городище выполняло, в частности, функцию убежища. Капитальные строения были сосредоточены в ряде пунктов, отмеченных в настоящее время оплывшими буграми, содержащими остатки сырцовых строений, группирующихся в юго-западной части. Подквадратный в плане бугор, видимо, скрывающий сооружение, игравшее роль цитадели, имеет размеры 30 × 30 м при десятиметровой высоте.

В том же миршадинском ирригационном районе, где находится городище Кызыл-тепе, изучались отдельно стоящие дома-усадыбы, расположенные тремя группами. Из них наиболее полно изучена усадьба Кызылча 6. Она представляет собой подквадратную в плане постройку размером около 30 × 30 м с внутренним двором. Обособленность усадьбы как замкнутой планировочной единицы подчеркивается фундаментальными внешними стенами, достигающими трехметровой толщины. Все постройки возведены из прямоугольного сырцового кирпича, бывшего, однако, маломерным: 40 × 20 × 12 см. Можно отметить, что на центральном городище оазиса Кызыл-тепе кирпич также прямоугольный, но более крупных размеров: 58–64 × 29–32 × 12 см. Вдоль двора

идут прямоугольные помещения — жилые и хозяйственные, где найдены в большом числе обломки крупных хумов, предназначавшихся для хранения запасов. В жилых помещениях имелись небольшие пристенные суфы и отопительные очаги. Отдельное помещение использовалось как кухня. Позднее к усадьбе были пристроены два внешних больших двора. Усадьба Кызылча 6 существовала длительное время, что отмечено и частичными перестройками. Материал соответствует комплексам Кызыл II и Кызыл III. В стенах жилых помещений были устроены ниши, в которых располагались грубо вылепленные светильники. Керамика имеет, как это характерно для Северной Бактрии, покрытие светло-желтоватым ангобом. Найдены двухперые бронзовые втульчатые наконечники стрел и немногочисленные ядра для пращи. Это были или просто подобранные камни соответствующей формы, или ядра из необожженной глины. Видимо, в отличие от столичного центра Маргианы городища Эрк-кала в этой провинциальной усадьбе военная функция не имела исключительного значения. Зато довольно многочисленны орудия для обработки продуктов земледельческого труда в виде ступок и зернотерок. Разнообразные серпы, изготовленные из железа, бронзы и выточенные из камня, по форме идентичны каменным серпам чувстской культуры Ферганы. Наличие таких серпов в комплексах рассматриваемого времени составляет специфическую черту памятников Северной Бактрии.

Прямую преемственность с культурой поры раннего железа демонстрируют материалы поселения Кучук-тепе. Здесь располагалось овальное здание, вознесенное на платформу четырехметровой высоты. Верхние слои, обозначенные исследователями как Кучук III и Кучук IV, содержали типичную баночную керамику (табл. 19, III). Тенденция к замене венчиков крючкообразного профиля на венчики в виде уплощенного валика здесь та же, что и на Яз-депе. Найдены каменные серповидные ножи чувстского типа и обломки псалий, сделанных из рога благородного оленя. Производившиеся исследования остеологического материала позволили заключить, что почти половину стада составлял мелкий рогатый скот, за которым следовал по удельному весу крупный рогатый скот (15%) и свиньи (12,5%).

Особую историко-культурную провинцию в этом керамическом единстве урбанизированных комплексов середины I тыс. до н. э. образовал Древний Согд. Там уже в пору раннего железного века отчетливо проявились тенденции развития с использованием эталонов, выработанных южными соседями. Впервые соответствующие материалы были выделены на его столичном центре городище Афрасиаб А. И. Тереножкиным, который определил их как комплекс Афрасиаб I. Венчики хумов

в виде уплощенных валиков и приземистые формы баночных сосудов с подкосами в придонной части (табл. 27) явно соответствовали керамике типа Яз III. Со времени этого открытия количество соответствующих материалов заметно увеличилось. Исследователи намечают в общих пределах своего рода микрокомплексы, но в целом основная масса керамики близка первоначально выделенному комплексу Афрасиаб I. Лишь на городище Кок-тепе, в слое, определяемом как Кок-тепе II, имеется выразительный комплекс, содержащий такую диагностируемую форму посуды типа Яз II, как венчики хумов, имеющие крючкообразный профиль. Судя по всему, именно материалы Кок-тепе, где в нижних напластованиях выделен достаточно устойчивый комплекс более архаического облика, рисуют процесс становления в Согде баночной посуды, явно следующей южным, скорее всего бактрийским, эталонам.

Древний Афрасиаб является широко известными руинами крупнейшего центра, который играл столичную роль не только для Самаркандского Согда, но и всего Согда в целом. Эта функция, видимо, восходит еще к мидо-ахеменидской эпохе. Во всяком случае, открытые остатки оборонительных сооружений этого времени определяют границы обширной территории, занимавшей площадь 219 га. Правда, это не была территория, сплошь занятая застройкой, и в самих размерах этого центра, скорее всего, проявилось доминирование функции убежища. Устройство оборонительных сооружений было в данном случае весьма сложным делом, поскольку новый центр формировался не на плоской равнине, как это было с маргианской столицей Эрк-калой, а на нарушенной по краям оврагами и промоинами. Устройство стен поперек этих оврагов или по их краям, огибая эти естественные перепады рельефа, придавало общему плану городской территории вид нерегулярного овала. Вместе с тем видно, что сооружению и поддержанию этих обводов придавалось особое значение, отражающее примат функции убежища. Стены достраивались, подновлялись, ремонтировались. Как установлено последними исследованиями, наиболее ранние стены Афрасиаба были сооружены из блокообразных кирпичей, имевших в соответствии с эпохальными строительными стандартами прямоугольные параметры — 57–60 × 27–30 × 8–10 см. На кирпичи пальцами нанесены метки, напоминающие очертаниями цифру 8. Эта практика зародилась в Южном Туркменистане еще в пору раннеземледельческих обществ и достаточно широко представлена в среднеазиатских памятниках древнего времени. Сходного типа знак был нанесен на аналогичные кирпичи на Кок-тепе. Со временем на обоих памятниках применяется уже сырцовый кирпич правильных геометрических очертаний, но близкого прямоугольного формата. На Кок-тепе в пределах обводных стен находились строе-

ния пока еще малоизученные, но располагавшиеся, как и престижные здания Маргианы и Бактрии, на особых, правда невысоких, платформах.

Скорее всего, Самаркандский Согд был достаточно широко освоен в рассматриваемое время, но число выявленных памятников пока невелико. Довольно активно обживалась ближайшая округа согдийской столицы. Так, к югу от Афрасиаба, в Лолазоре, отмечены слои середины I тыс. до н. э. с характерной керамикой — с венчиком в виде уплощенных валиков. Найдены трехперые втульчатые наконечники стрел и бронзовые шлаки, указывающие на развитие металлургического производства. Весьма важно обнаружение русел древних каналов, являющихся материальным свидетельством развития ирригации.

Трехперые втульчатые наконечники стрел и отдельные железные предметы, в частности серп и лопаточка, найдены при раскопках самого городища Афрасиаб. Широкое освоение оседлой культурой и утверждение урбанистических начал характерно и для южного, или Кашкадарьинского, Согда. Здесь, как и в других крупных оазисах, формируется столичный центр, которым является городище Ёр-курган, где первое поселение относится еще к поре раннего железа. Венчики хумов крючкообразного профиля указывают на наличие слоев времени Яз II. Исследователи выделяют ранние керамические комплексы Ёр-кургана, обозначая их как Ёр II и Ёр III. К концу этого периода сооружается обводная стена и городище приобретает прямоугольные очертания, занимая площадь 40 га. В условиях плоского рельефа центру Кашкадарьинского Согда, как и бактрийскому Кызыл-тепе, был придан четкий, геометрически правильный план. Культурные слои типа Ёр II отмечены в целом ряде пунктов внутри этого крепостного обвода, но существование цитадели или престижных зданий на платформе пока остается неясным.

Примечательно широкое освоение южносогдийских территорий. Здесь известно до 20 памятников мидо-ахеменидского времени, концентрирующихся в несколько оазисов в предгорьях и по среднему и нижнему течению Кашкадарьи. На ряде памятников в подгорных районах сырцово-глинобитная архитектура получает слабое развитие. Видимо, это были районы преимущественно со скотоводческим развитием хозяйства. Центр одного из таких подгорных районов, Сангир-тепе, имеет укрепленную нуклеарную часть и примыкающие всхолмления, указывающие на рассредоточенное расселение. На поселении Дар-тепе выделяются центральный бугор и примыкающее поселение общей площадью около 10 га. При раскопках найден железный нож. Видимо, наряду со столичным Ёр-курганом идет формирование целого ряда небольших урбанизирующихся центров. Среди памятников имеются и небольшие усадьбы наподобие бактрийской Кызылча 6, но пока ни одна из них не раскопана. Бухарский Согд, располагавшийся по нижнему течению Зеравшана, для данного пе-

риода изучен еще в меньшей степени. Керамика середины I тыс. до н. э. пока обнаружена лишь на ряде небольших памятников.

Достаточно представительные материалы дает пятая область урбанизуемых культур — Древний Хорезм. Здесь открыто два крупных укрепленных центра — Калалы-гыр и Кюзели-гыр. Городище Кюзели-гыр застраивалось с учетом рельефа холмистой местности и поэтому имеет в плане подтреугольные очертания с размерами около 1000 м в основании и 400 м по высоте этого треугольника. Городище хорошо укреплено, а его размеры и слабая внутренняя застройка свидетельствуют, что одним из его главных предназначений была, как и в ряде одно-временных центров Бактрии и Согда, функция убежища. В истории оборонительных сооружений прослеживаются два периода. В первый период употребляется прямоугольный сырцовый кирпич формата $52 \times 26 \times 10$ см и возводятся полукруглые башни. На втором этапе башни становятся прямоугольными, а прямоугольный кирпич сменяется квадратным размерами $40 \times 40 \times 10$ см. В центре городища располагалось плохо сохранившееся крупное здание, в котором раскопан большой парадный зал площадью 285 м^2 . Это, бесспорно, монументальное здание, но его несколько хаотичная планировка привела исследователей к выводу, что это была, скорее всего, резиденция «варварских» правителей, а не администратора, опирающегося на выверенные замыслы архитектора ахеменидской дворцовой школы. Керамика баночных форм следует тем же стандартам, что и посуда других основных областей Средней Азии. То же следует сказать и о трехперых бронзовых втульчатых наконечниках стрел. Из железных изделий примечательна находка серпа.

Другим крупным центром было городище Калалы-гыр I, имеющее прямоугольную планировку с размерами 1000×700 м. Внутри территория почти не застроена, что повторяет характерную особенность таких больших укрепленных убежищ. Здесь также имелось монументальное строение, правда, расположенное не в центре, а у одной из обводных стен. В нем найдены каменные базы, на которых, видимо, покоились деревянные колонны. Особенно интересна находка гипсовой формы для отливки головы грифона, видимо, для архитектурных деталей, что в принципе следует традициям ахеменидской архитектуры. Исследователи здания считают, что оно не было достроено. Формат кирпича в Калалы-гыр I уже, как и в верхнем слое Кюзели-гыр, квадратный. Это обстоятельство, скорее всего, указывает на сравнительно позднюю датировку в рамках ахеменидского времени, если даже не за его пределами. В керамике отсутствуют характерные для раннего времени венчики хумов с крючкообразным профилем, что позволяет синхронизировать хорезмские комплексы этого типа с Яз III.

Тщательные работы по изучению древних ирригационных сооружений свидетельствуют, что именно в середине I тыс. до н. э. в Хорезме были проведены первые крупные магистральные каналы. Созданная разветвленная сеть способствовала формированию целого ряда оазисов, состоявших из нескольких некрупных поселений, главным образом усадеб. Одна такая усадьба, Дингильдже, была полностью раскопана. В принципе здесь повторяется картина, наблюдаемая в оазисах Бактрии на усадьбах типа Кызылча 6. Усадьба представляет собой почти правильный прямоугольник размерами 60 × 48 м с внешней обводной стеной толщиной 2–2,4 м. Восточная часть усадьбы занята большим многоквартирным домом, основная часть внутри ограды использовалась как двор. Керамика, обнаруженная в усадьбе, принадлежит к той же свите комплексов баночной посуды, типичной для середины I тыс. до н. э. Ряд признаков, в частности наличие группы сосудов, сделанных на круге, но имеющих несложный расписной узор, скорее всего, указывает на наиболее позднее положение коллекции из Дингильдже в рамках этого комплекса. Об этом свидетельствует и использование при строительстве квадратного сырцового кирпича форматом 43 × 40 × 10 см. Многочисленные находки зернотерок и курантов как во дворе, так и в помещениях указывают на активную деятельность по обработке продуктов земледелия. Об этом говорит и находка железного серпа. Обнаружены бронзовые трехперые наконечники стрел с выступающей втулкой и черешковые. На сравнительно высокий уровень благосостояния обитателей усадьбы указывают довольно многочисленные находки украшений. Таковы бронзовые браслеты, кольца, височные подвески и бусы. Имеются и предметы немалой художественной ценности: бронзовая бляшка с изображением головы льва, бронзовый перстень-печать и скарабей из халцедона. Видимо, правы исследователи, заключившие, что усадьба принадлежала достаточно элитной семье с челядью, осуществлявшей хозяйственную деятельность. Сам тип усадьбы Дингильдже наряду с керамикой и бронзовыми наконечниками стрел является дополнительным свидетельством определенного культурного единства основных оседлых областей Средней Азии в рассматриваемое время. Характерной особенностью хорезмского керамического комплекса этого времени является использование наряду со светлым ангобом также ангоба красного цвета. Это отличает глиняную посуду Хорезма от керамики других регионов, за исключением Парфии, где также представлены красноангобированные сосуды.

Происхождение комплексов типа Яз II-Кучук IV является ярким образцом спонтанного развития. Они формируются на основе более ранней культуры поры раннего железа в Маргиане, Парфии и Бактрии. На-

лицо и территориальная преемственность, сохранение традиций в строительном деле — от формата прямоугольного сырцового кирпича до возведения мощных платформ для особо значимых строений. Достаточно четкую эволюционную линию развития можно установить и для керамических комплексов с учетом неизменного перепада в основных формах, последовавшего за массовым использованием гончарного круга. Резкие ребра на переходе к придонной части как раз удачно использовали возможности гончарного круга быстрого вращения.

Еще более поразительно утверждение тех же культурных стандартов, отраженных в типах артефактов в северных областях, в Согде и Хорезме. Высказывалось предположение, что это «керамическое единство» связано с границами такого политического образования, как доахеменидская Бактрия. Решение, при имеющихся источниках, самой проблемы существования доахеменидской Бактрии, а тем более ее границ, представляет немалые трудности. Скорее всего, здесь нашел отражение процесс урбанизации как культурологическое явление с распространением стандартных эталонов и образцов. Эти эталоны, прежде всего керамические, были выработаны именно в среднеазиатском регионе и не имеют ничего общего с керамическим комплексом мидийской или ахеменидской метрополий. Это было зримое проявление феномена урбанизации, развивавшегося в то время, когда начались политические контакты с Мидийской, а затем Ахеменидской державами. Вхождение Согда, Парфии, Бактрии, Маргианы в состав державы, основанной Киром, не изменило их культурного облика. Повсеместно продолжается спонтанная трансформация, развиваются местные традиции повседневного бытия. В Согде эти процессы легли на подоснову культурного и общественного развития, начавшегося еще в пору раннежелезного века в комплексах типа Кок-тепе или Сангир-тепе. Сложнее дело обстоит с Хорезмом, где амирабадская культура первой трети I тыс. до н. э. практически не обнаруживает генетических проявлений в комплексах баночной керамики. Видимо, в Древнем Хорезме одновременно осуществлялось строительство разветвленной ирригационной сети, крупных укрепленных центров и распространение керамических комплексов баночной керамики. Вполне вероятно, что в этом определенную организующую роль сыграла ахеменидская администрация, хотя сам процесс, скорее всего, начался еще до вхождения Хорезма в новое политическое образование. Во всяком случае, амирабадское население быстро адаптировалось к новым стандартам и эталонам.

Глава 6

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ПАРФИИ И МАРГИАНЫ

Старая Ниса — резиденция Старших Аршакидов и эллинистические компоненты культурного комплекса парфянской элиты. Укрепленные усадьбы сельской знати в Северной Парфии. Зороастризм в массовой народной традиции. Мерв — урбанистический суперцентр Древнего Востока. Маргиано-бактрийские культурные связи. Памятники кочевников в Северной Парфии.

Юго-западные области Средней Азии в древности были тесно связаны с историей и культурой Парфянской державы, входя в нуклеарную часть ее первоначальной метрополии. Правда, это была ее незначительная часть, ограниченная северной прикопетдагской равниной и примыкающими пустынно-степными пространствами, естественной средой активной жизнедеятельности номадов. Со временем в состав Парфянской державы вошла и долина Мургаба, носящая, по меньшей мере с ахеменидского времени, наименование Маргианы. В относящемся к I в. н. э. дорожнике Исидора Харакского называются и менее значительные пространственные подразделения, в частности Парфиена и Апаварктикена, бывшие особыми административными единицами, скорее всего, сатрапиями. Начало парфянской эпохи, как и начало Греко-Бактрии, традиционно относят к 250 г. до н. э., а начало официальной аршакидской эры, названной по имени правящей династии, по синхронизации с другими календарными системами надежно датируется 74 г. до н. э.

Обычно в археологической литературе древности Парфиены и Апаварктикены рассматриваются совместно в рамках такого понятия, как Северная Парфия, хотя уже сейчас как будто нащупываются и локальные различия в культуре этих двух провинций Парфянской державы. В северопарфянском керамическом комплексе почти не представлены бокалы

на ножке, столь характерные для более восточной Бактрии. Предпочтение отдавалось одноручным кувшинам, как крупным, так и небольшим, тарелочкам, мискам и флягам разных вариантов. Практически отсутствует орнаментация, в археологическом комплексе нет и мелкой терракотовой скульптуры, столь оживляющей культуры древних цивилизаций Средней Азии. Вместе с тем здесь на ранних этапах повторяется такая характерная черта процесса культурогенеза, как следование эллинским стандартам, отчетливо выступающая в Бактрии.

Это хорошо видно на примере Старой Нисы, являющейся эталонным памятником для раннепарфянской культуры III–I вв. до н. э. Городище площадью 17 га располагалось на естественном всхолмлении, которому был придан план правильного пятиугольника, обнесенного стенами из сырцового кирпича, дополнительно укрепленными подквадратными башнями. Сырцовый кирпич, из которого были воздвигнуты все эти сооружения, имел квадратную форму того стандарта, в среднем $40\text{--}42 \times 40\text{--}42 \times 13\text{--}14$ см, который традиционно сохранялся на протяжении всей парфянской эпохи. Возможно, эта крепость была возведена уже при первых Аршакидах, однако значительное строительство в ее пределах развернулось, скорее всего, во время правления Митридата I (171–138 гг. до н. э.), подлинного основателя парфянского могущества. О том, что Ниса в это время активно функционировала как административный центр, свидетельствует дата наиболее раннего найденного здесь остракона — 151 г. до н. э. Итоговая надпись, сделанная на подобном черепке, сохранила нам и имя этого парфянского центра — Митридаткерт («сделанный Митридатом»). Сам текст, связанный с учетом винных запасов царской резиденции, гласит: «В крепости Митридаткерт, в винном складе, называемом Новым, вина и уксуса хумов 160, пустых — 8. В винном складе, называемом (имя не ясно), вина и уксуса хумов 316, пустых 16, всего 500».

Наиболее ранними постройками в Старой Нисе можно считать первоначальный вариант парадного квадратного зала и сокровищницу, расположенную в северной части крепости, которая дополнительно была отделена особой стеной, охраняющей и саму сокровищницу, и расположенные рядом склады. Эти материалы ярко характеризуют ранний этап культурогенеза Парфянской державы, отличающийся, как и ранняя Бактрия, сильными воздействиями эллинистических традиций.

Парадное строение — квадратный зал — имел размеры 20×20 м и был возведен на двухметровой платформе, сложенной из сырцового кирпича. По своей планировке с четырьмя внутренними несущими колоннами он явно продолжает традиции восточной архитектуры, где квадратные четырехколонные залы были популярны, в том числе и в храмовом строи-

тельстве. Сами колонны были возведены из лекального жженого кирпича. Терракотовыми были и те элементы архитектурного декора, которые, судя по находкам во вторичном залегании, можно отнести к первому периоду существования этого зала. Таковы терракотовые плиты с изображениями 12-лепестковой розетки и пальметты. Они, скорее всего, были частью наборного фриза (табл. 21), перемежаясь с плитами, лишенными украшений и имеющими оформление в верхней части прямоугольными зубцами. Колонны имели капители, близкие коринфскому ордеру, составленные из терракотовых акантовых листьев, имевших в высоту до 40 см. Существовали и более крупные образцы размером до 70–80 см, вероятно, от капителей центральных несущих колонн. Стены были декорированы прямоугольными в плане пилястрами, выше которых, видимо, шла опоясывающая галерея. Судя по находкам фрагментов голов статуй воинов явно эллинистического художественного стиля и с чисто эллинскими деталями оформления головных уборов, видимо, уже в ранний период на внутренней галерее находились глиняные статуи.

Квадратный зал был составной частью большого монументального комплекса строений, располагавшегося в центре всего городища. Через посредство целого ряда комнат и коридоров к нему примыкало мощное башнеобразное сооружение, сложенное из сырцового кирпича и имевшее общие размеры 20 × 20 м при семиметровой высоте. Следует иметь в виду, что весь комплекс располагался на платформе, которая в данном месте имела высоту 4,5 м. Эта центральная башня была окружена двойным обводом коридоров со сводчатыми перекрытиями. Над ними располагались сооружения второго этажа, также, видимо, имевшие коридорообразную планировку. Эти верхние строения практически не сохранились, но находки в строительных завалах, образовавшихся в ходе их ремонта, показывают, что здесь имелись глиняные статуи, а стены украшала многоцветная живопись. Наряду с геометрическими мотивами прослеживаются части батальных сцен, где изображены эпизоды конного боя. Весьма выразительны и женские головки. Вопрос о назначении этого монументального комплекса Старой Нисы затруднен полным разрушением его верхней части. Допускалось, что там находился алтарь и в целом тогда данное сооружение можно было воспринимать как храм огня. Действительно, планировка комплекса с системой обводных коридоров и двумя башнеобразными строениями по обе стороны центрального входа близка планировке аналогичных сооружений. Раскопки бактрийского храмового комплекса Тахти-Сангин четко свидетельствовали, что два башнеобразных сооружения по сторонам главного прохода были «атешгахами», или местами расположения алтарей огня, дополняющих большой алтарь центрального зала. Однако в Старой Нисе такого зала нет, он заменен массивной башней,

возможно, соответствующей функционально центральному залу с его главным алтарем.

Обводные коридоры имеются и у другого строения центрального монументального комплекса Старой Нисы. Его основным элементом был круглый зал диаметром 17 м. Из различных предположений о его назначении наиболее осторожной является общая формулировка о его принадлежности к сакральной архитектуре.

Основное здание сокровищницы имело подквадратный план размером около 60 × 60 м. Оно представляло собой четыре анфилады прямоугольных помещений, окружающих квадратный двор с колонным портиком. Каждое из помещений имело идущие вдоль длинных стен суфы, на которых располагались различные объекты, концентрируемые в сокровищнице. Все двенадцать продолговатых помещений (по три с каждой стороны) были соединены проходами, но наружу вел выход лишь из одного из них. Планировка сокровищницы с хранилищами, располагавшимися по периметру квадратного двора, близка плану сокровищницы бактрийского Айханума и, строго говоря, следует планировочной традиции квадратных усадеб ахеменидской Бактрии. Сама сокровищница, как и аналогичное сооружение Айханума, была ограблена в древности, причем грабители проникли внутрь, разобрав крышу. Кое-какие вещи, либо потерянные, либо пришедшие в негодность, сохранились почти в каждой комнате и позволяют судить о своеобразной специализации отдельных хранилищ. В одной комнате явно хранились деньги в монетной форме: там были найдены две тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евтидема, закатившиеся под суфу и незамеченные грабителями. В другой комнате хранились мраморные статуи, представляющие собой произведения одной из восточно-эллинистических школ. Таковы, в частности, бюст и головка Афродиты, стоящая статуя Деметры. Целая комната явно была забита посудой из золота и серебра, о которой опять-таки можно судить лишь по уцелевшим обломкам. В их числе серебряная ручка, изображающая крылатого сфинкса. Имеются фигурки Афины и Эрота с руками, скованными золотыми кандалами, а также нахохлившегося орла.

Наиболее значительную коллекцию образуют изделия из слоновой кости, также хранившиеся в отдельно отведенной для этого комнате. Видимо, их сохранность уже не представляла большого интереса для последних посетителей сокровищницы, и все они были свалены в беспорядочную кучу. Вероятно, были и ритоны, сделанные из драгоценных металлов, от которых найдены мелкие детали (ножки животных, обломки рогов), но распроститься с такой добычей посетители не желали. Не исключено, что часть ритонов обветшала уже за время хранения в сокровищнице, и местами видны следы древних ремонтов в виде попы-

ток обхватить покореженное тулово серебряной проволокой. По стилистическому решению ритоны, как и большинство других предметов из сокровищницы, явно относятся к раннему времени, поре Старших Аршакидов, после которых сокровищница едва ли пополнялась правителями, устремившими свое внимание на запад, в сторону Месопотамии и Сирии, где разворачивалась конфронтация с Римской державой. Некоторые исследователи считают ритоны произведениями парфянских косторезов, другие предпочитают видеть в них произведения греко-бактрийской школы. Но как бы то ни было, эти предметы, найденные в значительном количестве, ярко отражают тот культурный синтез эллинских и ориентальных начал, который столь характерен для культурогенеза Средней Азии III–II вв. до н. э. Сама форма сосудов для вина в виде рога является традиционно восточной. В равной мере в нижней части, где находится отверстие для выхода вина, изображались фигуры существ в основном восточного репертуара. Однако в деталях оформления ритонов Нисы сильны эллинские мотивы. Патрубки нижней части ритонов прямо за венчающей фигурой оформлены, как и коринфские капители, пышными акантами. Сами венчающие фигуры весьма разнообразны по тематике. Здесь и восточные образы — крылатые грифоны и человекобыки. Целая группа сосудов имеет завершающие фигуры в виде кентавров, похищающих женщин. При этом чисто античном сюжете кентаврам приделаны пышные крылья, как и у восточных грифонов, что вписывалось в общий художественный стиль, но не соответствовало традиционному облику кентавров в греческой мифологии. Чисто греческим мотивом является изящная фигурка обнаженной женщины, держащей в руках амфору, в которой проделаны отверстия для сцеживания вина. Античная тематика доминирует в скульптурных фризах, венчающих ритоны. В основном это фигуры олимпийских божеств, трактовка которых опять-таки претерпела трансформацию по сравнению с античными канонами. В этом отношении особенно характерна Афродита, воспроизведенная в виде приземистой, достаточно полной дамы. Но как бы то ни было, и вещи из сокровищницы, и детали архитектурного убранства парадного зала ярко выражают эллинские начала, органически включенные в парфянскую практику. Не случайно на монетах ранних парфянских правителей часто можно было видеть титул «филэллин», хотя помимо чисто культурологических аспектов имелось в виду прежде всего политическое воздействие на жителей греческих городов Месопотамии, присоединенных к парфянским владениям.

Если сама Ниса представляла собой что-то вроде визитной карточки парфянской знати, то за ее стенами в пределах северной прикопетдагской равнины протекала несколько иная жизнь. По массовым материаль-

лам выделяются два керамических комплекса: раннепарфянский (II–I вв. до н. э.) и позднепарфянский (I–III вв. н. э.). Набор посуды здесь принципиально отличен от набора баночных форм, характеризующих керамические комплексы середины I тыс. до н. э. Возможно, как и в Бактрии, это произошло не без косвенного воздействия эллинских норм бытовой благоустроенности, хотя в отличие от Бактрии прямое следование греческим прототипам в керамике Северной Парфии не столь заметно (табл. 20, I). Ведущими формами являются чаши с плавно отогнутым наружу венчиком, одноручные кувшины и конические бокалы, но без высокой ножки (табл. 20, I). Представлены и крупные двояковыпуклые фляги. Как в ранних комплексах Бактрии, налицо определенный процент черноглиняной керамики, иногда, правда, имеющей серый цвет.

Памятников с яркими урбанистическими чертами в Северной Парфии не так много. Они отражают традицию возведения центров правильной прямоугольной планировки, явно обустройстваемых под эгидой центральных властей. Таково Геоктепинское городище, подквадратное в плане, занимающее площадь около 9 га. Правильной планировкой отличается и городище Куня-Каахка, башни которого несколько неожиданно имеют в плане подтреугольную форму. Зато в Северной Парфии весьма многочисленны различные поселения сельского типа: от фундаментальных усадеб до разбросанных построек. Судя по всему, эта область оставалась местом сосредоточения оседлоземледельческого населения, которым она стала уже в пору энеолита в V–IV тыс. до н. э. Нередко усадьбы, отличающиеся замкнутой планировкой, расположены группами. Так, в местности Гарри-Кязриз отмечено восемь оплывших бугров парфянских усадеб, раскинувшихся на территории 12 га.

Активная жизнь отмечена и на Старой Нисе для времени I в. до н. э. — I в. н. э. Парадный квадратный зал перестраивается. К западу от парадного зала теснятся многочисленные помещения, среди которых выделяются строения с колонными портиками. Предполагается, что это были дворцовые постройки бытового характера. Их завершал обширный хозяйственный двор, внешняя стена которого возвышалась над ложиной, отделявшей весь монументальный дворцово-храмовый комплекс от северной группы зданий, скрывающейся за отдельным обводом и включавшей помимо сокровищницы многочисленные винные склады.

Квадратный зал подвергся коренной реконструкции. Его центральные колонны были заменены мощными счетверенными конструкциями, также сложенными из лекального жженого кирпича, сделанного в виде сегментов. Вдоль стен пилястры заменили полуколонны, сложенные из такого же лекального кирпича, но менее значительных размеров. Весьма многочисленны терракотовые элементы архитектурного декора,

о назначении которых не всегда можно судить с полной уверенностью. Зубцы со стреловидной прорезью, скорее всего, как в монументальной башне, венчали внешний обвод стен. Интересны терракотовые плиты, условно именуемые метопами и имеющие в центре изображения, окаймленные стреловидными прорезями разных форм (табл. 21). Среди центральных изображений имеются как выполненные в рельефе (львиная маска; дубинка, так называемая палица Геракла, налучье-горит), так и прорезные или переданные углублениями (розетка; полумесяц; якорь, имевший, судя по изображениям на парфянских монетах, определенную геральдическую символику; овальное отверстие, возможно, символизирующее солнечный диск). Правда, не вполне ясно, где размещались фризы, составленные столь выразительными деталями.

Второй ярус в квадратном зале образовывала галерея, где находились глиняные статуи, имевшие в высоту 2,1–2,4 м. Остатки деревянных стоек позволяют говорить о высоте галереи второго яруса 3 м. Встречены обрывки стенной росписи, в основном достаточно скупого исполнения, как, например, меандр и бегущие волюты, которые, видимо, должны были подчеркивать четкость архитектурного решения интерьера, но отнюдь его не подавлять. Крупные живописные панно не предусматривались (рис. 5).

Глиняная скульптура квадратного зала изготовлялась на основе деревянного каркаса, скрепляемого железными штырями. Формирующий скульптуру тонкий глиняный слой окрашивался, а в ряде случаев покрывался позолотой. Статуи были разрушены, по крайней мере частично, еще в древности, когда пострадали в первую очередь головы. Возможно, это были преднамеренные действия. Часть обломков статуй, в том

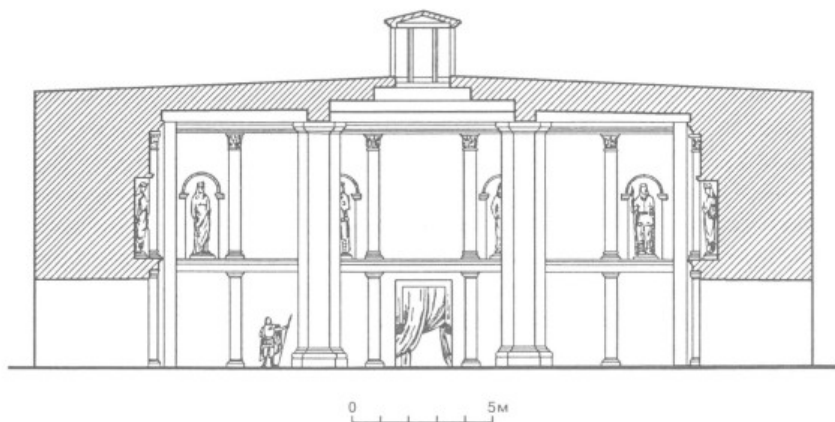

Рис. 5. Квадратный зал Старой Нисы. Реконструкция Г. А. Пугаченковой

числе крупный женский торс, рухнули на уже накопившийся на полу строительный завал, возможно, в результате землетрясения. Часть обломков была нарочито перемещена, в том числе один мужской торс оказался лежащим перед центральным входом. Вместе с тем ряд обломков, в том числе мужские головы, были перенесены в угловое помещение, расположенное рядом с залом.

Вопрос об образах, которые воплощают эти статуи, затруднен прежде всего большой фрагментарностью имеющегося материала. Нет ни одной полной фигуры, и обломки, происходящие из раскопок разных лет, частично утрачены, частично разрушены. Исследователи решают этот вопрос в соответствии со своими воззрениями о функциях этого центрального парадного зала старонисийского комплекса. Г. А. Пугаченкова считала, что это сооружение с внутренней полезной площадью в 400 м², явно функционально занимавшее ведущее положение во всем комплексе монументальных построек, предназначалось для торжественных приемов. Соответственно сами статуи рассматривались как воспроизведение или богов, или обожествленных предков аршакидской династии. В. Н. Пилипко, производивший исследование периферийных частей этого комплекса и обнаруживший в одной из угловых комнат уже за пределами зала специально сложенные обломки древней скульптуры, относится к подобной трактовке с определенным скепсисом. В частности, его смущает отсутствие специального места для трона, что в принципе, видимо, и не обязательно, поскольку парадное сидалище могли приносить сюда во время соответствующих приемов как конструкцию из деталей, выточенных из слоновой кости, в изобилии обнаруженных в одном из помещений сокровищницы (табл. 20, III). Относительно скульптуры В. Н. Пилипко полагает, что статуи могли изображать парфянские и синкретические божества, а также не исключает возможности воспроизведения мифических героев или реальных исторических лиц, что, в принципе, мало отличается от общей осторожной формулировки, предложенной Г. А. Пугаченковой. Голова воина в эллинистическом шлеме, найденная В. Н. Пилипко, так же как фрагменты панциря, обнаруживавшиеся на всех этапах раскопок этого комплекса, в целом корреспондируют с фигурой Марса, как он воспроизведен в сонме олимпийских божеств на фризах ритонов Старой Нисы. Вместе с тем можно отметить, что при раскопках 1930-х гг. была найдена ныне не сохранившаяся нога сидящего персонажа, находившаяся в вытянутом положении, что явно соответствует ортодоксальному изображению сидящего лучника на реверсе парфянских монет (табл. 37, 6–7), в чем не без оснований видят персонаж, символизирующий основателя или основателей династии. Разумеется, по имеющимся материалам трудно судить, был ли воин

в шлеме воспроизведением бога войны или одного из сподвижников аршакидских династов, так же как и заключить, кем были женщины, чьи изображения достаточно широко представлены в скульптуре квадратного зала. Пока нет даже косвенных оснований искать в них воспроизведения каких-либо божеств. Квадратный зал Старой Нисы имеет существенные отличия в планировке по сравнению с ортодоксальной храмовой архитектурой. Для культовых комплексов характерны центральные четырехколонные залы с алтарем в центре, куда вел только один вход. Квадратный зал был как бы проходным: прямо напротив центрального парадного входа располагался другой проход, видимо, использовавшийся для повседневных нужд. Третий проход в боковой стене вел в соседнее коридорообразное помещение, названное по облицовке стен «красным коридором». Видимо, справедливой остается общая формулировка Г. А. Пугаченковой о наличии в скульптурных персонажах образов обожествленных предков (быть может, в семейном окружении, как это, видимо, было в хорезмийском дворце на Топрак-кале) и каких-либо иных священных особ. Трактовка зала как храма или иного культового объекта едва ли убедительна. Скорее всего, следует говорить о парадном зале Митридаткерта, который был пышно отреставрирован и фактически переделан. Большие ремонтные работы были произведены в других частях центрального монументального комплекса Старой Нисы. В обводных коридорах башнеобразного сооружения обновлена живопись, причем фрагменты сменяемых панно были сброшены вместе с другим строительным мусором. В этих же завалах найдены многочисленные терракотовые зубцы со стреловидными прорезями, которые, скорее всего, украшали верхние части наружных стен (табл. 21). Это происходило в пору наивысших успехов аршакидского государства в военно-политической ситуации в Передней Азии. Апогеем стал разгром легионов незадачливого триумвира Красса под Каррами в 55 г. до н. э. и последующее поселение пленных легионеров в долине Мургаба, в Маргиане, которую античный мир мог считать затерянной окраиной цивилизованной ойкумены. Разумеется, нет оснований для прямых хронологических сопоставлений этих и подобных событий и завершения формирования монументального храмово-дворцового комплекса на Старой Нисе, но эпохально это вполне могли быть явления одного плана.

Трудно судить, пополнялась ли в эту пору сокровищница, где столь блестяще представлены художественные вещи эллинистической эпохи. Но контроль за этим строением сохранялся. Около заложенных проходов найдены буллы с оттисками печатей, принадлежавших лицам, осуществлявшим соответствующий контроль и проверку. Это были не отдельные персонажи, а своего рода комиссии, поскольку на одной булле

обнаруживаются разные печати числом до семи, видимо, подразумевающие коллективную ответственность за совершаемые действия и заключения. В самих изображениях на геммах, чьи оттиски сохранились на этих буллах, представлены как восточные, так и эллинистические сюжеты. Имеются здесь изображения Зевса, Афины и Афродиты. Нарядом с сюжетами, излюбленными восточной традицией: единоборство героя или царя с чудовищем или хищником; священное дерево, по обе стороны которого располагаются животные; сцены конной охоты, столь популярные в кочевой среде, откуда вела свое происхождение правящая династия Аршакидов (табл. 20, III). Ряд изображений, скорее всего, указывает на сопричастность обладающих данными печатями лиц к официальной иерархии, поскольку они пользуются сюжетами роулистной легитимности. Это и Ника, венчающая царя, а также Ника, парящая над фигурой конного государя, что может указывать на время Артабана III (10–38 гг. н. э.), реверс монет которого воспроизводит подобную сцену.

Примечательно другое обстоятельство. Как можно видеть, в элитарной культуре парфянских Аршакидов, в той мере, в какой она представлена на Старой Нисе, эллинистические компоненты достаточно сильны и примечательны. Это касается и архитектурного декора, и модуля колонн, и несомненных воздействий эллинской скульптурной традиции, что ярче всего видно по голове воина. Вместе с тем на печатях, чьи оттиски сохранились на буллах у дверей царской сокровищницы, лишь в одном случае владелец носил греческое имя — Арсиной. В 23 других случаях имена чисто иранские, а точнее — парфянские, выполненные тем модифицированным арамейским письмом, которое было приспособлено к парфянскому языку. Именно парфянской была и официальная документация парфянской Нисы, которая была важным центром организационной и хозяйственной деятельности аршакидской администрации, по крайней мере для Северной Парфии, а может быть, и в более широких пределах. Записи и документы на таких непрочных материалах, как папирус или пергамент, разумеется, как правило, не сохраняются, и Ниса не была в этом случае приятным исключением. Первичные записи, а иногда и своего рода черновики здесь делались на крупных обломках толстостенных сосудов, обычно хумов. Сотни таких текстов — первичных и учетных документов, обнаруженных при раскопках на Старой Нисе, стали для истории и культуры Парфии не менее важным открытием, чем величественная архитектура и блестящие произведения художественной культуры. С точки зрения культурогенеза наиболее важны два обстоятельства. Первое — несмотря на филэллинский налет в декоре нисийской резиденции и, добавим, несмотря на греческие легенды парфянской эмиссии поры Старших Аршакидов, деловым языком

повседневного обихода был собственно парфянский язык. Его воспроизведению через арамейские идеограммы учились поколения местных чиновников, чьи учебные упражнения также обнаружены на некоторых черепках. Во-вторых, имена собственные как низших клерков, так и лиц более высокого административного положения не только имеют прозрачную иранскую (т. е. парфянскую) этимологию, но и во многих случаях отражают зороастрийский пантеон, так же как использование зороастрийского календаря. Скорее всего, можно говорить в известном смысле о поголовном зороастризме древних обитателей Парфии. В нисийских документах упоминается и жрец «храма огня», чему, если ориентироваться на строения, раскопанные на Старой Нисе, более всего соответствует башня с мощной системой обводных коридоров.

Парфянский язык и письменность на арамейской основе отнюдь не были исключительной прерогативой столичного центра. Находки надписей на черепках свидетельствуют об относительно широком распространении грамотности в Северной Парфии, да и в Маргиане. Даже в крепости Игды-кала, расположенной в сердце Каракумов, на Узбое, обнаружены черепки с надписями, указывающими на принадлежность сосудов определенному лицу.

Широкое распространение получила не только грамотность, но и система административного учета и контроля. Отдельное подквадратное в плане здание с внутренним двором размером около 20 × 25 м было расплано на Коша-депе под Бабадурмазом. По периметру двора шли помещения преимущественно хозяйственного назначения. В принципе, такая замкнутая планировка характерна еще для усадеб ахеменидского времени Бактрии. Большое количество зернотерок свидетельствует о том, что здесь в числе прочего производился помол муки. Эту хозяйственную функцию подтверждает и найденный здесь острак с хозяйственным текстом. Как и в Старой Нисе, все подлежало строгому учету. В документе перечисляют, от кого и сколько поступило муки грубого помола. Видимо, это был целый хозяйственный комплекс различных строений или каких-либо иных приспособлений для хранения запасов. Другой острак содержит перечень долгов по поступлению муки, а на обороте находится, вероятно, черновой текст в виде письма некому Фарначу с пожеланием «благополучия тебе и управителю». Видимо, речь должна идти об определенной иерархии должностных лиц, и не лишено вероятия предположение автора раскопок В. Н. Пилипко о том, что здесь вскрыта часть какого-то центра с управленческими функциями. О своего рода благосостоянии обитателей этого центра может свидетельствовать и находка зооморфного сосуда, выполненного в виде коня и являющегося функциональным аналогом изящным ритонам царской сокровищницы.

Усадьбы парфянского времени, широко представленные в Северной Парфии, отличаются преимущественно кустовым расположением. Раскопанные объекты имеют мощные внешние стены, подчеркивающие замкнутость и обособленность данной общественной ячейки.

Подобные усадьбы существовали на протяжении всей парфянской эпохи. К позднепарфянскому времени относится Чокан-депе, где общие размеры здания составляют 56×40 м. Посередине комплекса, как обычно, находился внутренний двор. Внешние стены, имевшие толщину 1,8–2,4 м, усилены прямоугольными башнями. Примечательны находки различных железных изделий: кинжала, однолезвийных ножей, трехперых черешковых наконечников стрел. Небольшие бронзовые монеты весьма близки позднему чекану Маргианы, если вообще не являются собственно маргианской эмиссией. В керамических наборах позднепарфянского времени (табл. 20, II), относящихся к первым векам нашей эры, исчезает серая посуда, менее тщательна внешняя отделка, редки ангобирование и лощение. Тяжеловесными становятся и формы сосудов, кувшины более приземисты. Иногда отмечается орнаментация волнистыми линиями. Сравнительно редко встречаются и открытые чаши.

Несколько иным путем шло развитие культуры соседней Маргианы. Различными были основные культурно-экономические ориентиры Северной Парфии и Маргианы. Северная Парфия в основном оставалась зоной трудолюбивых земледельцев и землевладельцев, чьи усадьбы известны в числе около 150. Контраст этой сельской жизни составляет царская резиденция Старой Нисы. В Маргиане очень рано начинают доминировать урбанистические черты, апофеозом которых стало формирование своего рода макрополиса — маргианской столицы. Повсеместно развивается интенсивная ремесленная деятельность, так же как, видимо, и торговля, как об этом свидетельствуют раскопки одного из центров, расположенного на периферии нуклеарной зоны, Гебеклы-депе.

Первоначально Маргиана, скорее всего, входила в состав Греко-Бактрийского царства и была присоединена к аршакидской Парфии при Митридатe I (171–138 гг. до н. э.), хотя некоторые исследователи допускают и более поздние датировки. В Старом Мерве действительно найдены монеты греко-бактрийского чекана, и, видимо, не случайно в материальной культуре прослеживаются, как и в культуре Бактрии, хотя и в меньшей мере, определенные эллинистические воздействия. Взлет Мерва как мощного урбанистического центра претерпел качественный рубеж еще до образования Греко-Бактрии при Антиохе I, своего рода строителе селевкидских владений на Востоке (Антиох, сын Селевка,

соправитель отца на Востоке с 293 г. до н. э., единый монарх в 280–262/1 гг. до н. э.). Античный источник сообщает, что пораженный плодородием Маргианы Антиох велел оградить оазис стеной от возможных нападений кочевников. Остатки этой глинобитной стены обнаружены на севере Мервского оазиса. Она действительно охватывает основные населенные центры, и за ее пределами остаются запустевшие памятники эпохи бронзового века и раннего железа. Скорее всего, эта деятельность Антиоха связана с его пребыванием в ранге соправителя отца, Селевка I, с подчинением ему всех восточных сатрапий. В это время селевкидским правителем осуществлялись активная градостроительная деятельность и денежная эмиссия, в которой старались учесть традиционные интересы местного населения. Следует полагать, что деятельности Антиоха I обязан своим переустройством и столичный центр Маргианы — Древний Мерв. В середине I тыс. до н. э. его центром было городище Эрк-кала, за пределами которого в ряде мест также возникали различные строения. Теперь вся эта территория была охвачена гигантским квадратом стен, так что внутреннее пространство составило около 4 км². Лишь один угол города был скошен там, где проходил магистральный канал, в Средние века называвшийся Разик. Судя по всему, к моменту устройства стен большого Мерва канал уже существовал, и не было оснований менять его русло. Стена была возведена из кирпича квадратного формата размером около 40 × 40 × 10 см, который в это время в Средней Азии повсеместно сменяет старый формат кирпичей прямоугольной формы. Перед стеной была устроена протейхизма, призванная затруднять подведение осадных орудий. Этот прием эллинской фортификации с этого времени получает в Средней Азии сравнительно широкое распространение.

Ранний керамический комплекс Мерва, пройдя стадию сосуществования форм более ранней «баночной» керамики и новых форм, в III–I вв. н. э. дает уже набор, типичный для древних цивилизаций Средней Азии этой поры, обнаруживая определенные параллели с культурой Бактрии. Это и неудивительно, учитывая весьма вероятное вхождение обеих областей в состав одного политического образования. Как и в Бактрии, здесь имеется определенный, правда очень небольшой, процент сосудов черного и серого цвета с лощеной поверхностью. Черепок большинства сосудов характеризуется глиной хорошей отмучки и имеет розовый, коричневый или красноватый цвет. Налицо тарелочки с клювовидным венчиком, восходящие к форме греческих «рыбных блюд». Представлены бокалы на невысокой кольцевидной ножке (табл. 22) и такая новая для «баночной» традиции форма, как кувшины с двумя ручками. Как и в других центрах древних цивилизаций Средней Азии, за исклю-

чением, как мы видели, Северной Парфии, в Маргиане широко распространена мелкая терракотовая скульптура, в основном воспроизводящая женские образы. К раннему времени относятся статуэтки обнаженных женщин со скрещенными ногами и фигуры статных стройных матрон, задрапированных в ниспадающие складками тяжелые эллинистические одежды (табл. 22).

Видимо, после присоединения к владениям Аршакидов городская стена надстраивается и достигает теперь 10-метровой толщины. Гигантский Мерв имел еще обводную стену охватывающую его пригороды, где располагались отдельные усадьбы и мелкие поселения. Руины этой стены, частично сохранившейся, носят название Гилякин-Чильбурдж, и пространство в ее пределах составляет почти 40 км². Этот мегаполис имел мало себе равных на всем Востоке.

Естественно, что на остальной территории Маргианы в пределах территории, охваченной стеной Антиоха, не было других значительных городских центров, все поглощала огромная столица. Известные маргианские городки имели крепостные стены и подпрямоугольную или подквадратную планировку. Таковы Дурнали, Старый Кишман и крепость Чильбурдж. Городище Кырк-депе почти повторяло в уменьшенной копии план столичного центра. В плане оно представляет собой квадрат со стороной, равной 300 м. В центре одной из сторон расположена овальная в плане цитадель разросшегося городского центра. Имелось в Маргиане и немало неукрепленных поселений. Работы на одном из них, Джин-депе, выявили застройку несколькими многокомнатными домохозяйствами, группирующимися вокруг почти квадратного обширного двора. Поселение было, в частности, важным центром интенсивного керамического производства — здесь раскопано много гончарных горнов двухъярусной конструкции и больших размеров.

В I в. н. э. в условиях общего ослабления аршакидского государства и усиления сепаратизма в Маргиане выдвигается местная династия, возможно, в какой-то форме признававшая сюзеренитет центра. Один из правителей, возможно основатель династии из боковой ветви Аршакидов, носил имя Санабар. Выпускалась собственная монета. Она представлена исключительно многочисленным бронзовым чеканом. Обратная сторона этих монет повторяет общепарфянский тип: там изображен сидящий лучник. Но специфическим признаком мервского монетного двора стала буква «П», расположенная ниже находящегося в руках лука (табл. 22).

Судя по всему, территория Гяур-калы в это время была густо застроена. На стене Эрк-калы, обращенной к городу, было воздвигнуто здание престижного характера. С учетом высоты стены и платформы, устроен-

ной в его основании, оно было вознесено на 26-метровую высоту. Его центр образовывал квадратный зал площадью в 64 м², окруженный обводными коридорами. Почти в центре Гяур-калы раскопан сложный комплекс, связанный с различными ремесленными производствами, в том числе с металлургическим. Следует отметить вообще многочисленные находки в Мерве и по всей Маргиане железных криц. Античные источники сообщают о существовании особого сорта маргианской стали. Производственный комплекс в центре Гяур-калы имел и парадные помещения. В одном из них найдена капитель, на которой изображена фигура, возвышающаяся над кущей акантовых листьев (табл. 22). Такое сочетание различных персонажей и коринфизированных капителей хорошо известно по материалам Бактрии, но там эти архитектурные детали изготавливали из известняка, тогда как мервская капитель гипсовая.

Керамика первых веков нашей эры в Мерве характеризуется некоторым огрублением форм. Исчезают тарелочки с клювовидным венчиком. Отсутствуют столь характерные для Бактрии высокие бокалы. Распространены чаши с округлым туловом на кольцевом поддоне, двуручные кувшины. На плечики горшков иногда наносился процарапанный волнистый орнамент. В терракоте в это время распространяются фигурки, изображающие стоящую женщину в эллинизированных одеждах, драпирующихся складками, держащую в согнутой руке овальное зеркало (табл. 22). Были популярны и изображения всадников, причем с особой детализацией передавалась конская амуниция, в частности седла.

Определенным образом может быть охарактеризована и маргианская глиптика. На найденных в самом Мерве геммах-инталиях есть и чисто эллинистические сюжеты, как, например, стоящий Геракл. Из животных чаще всего изображался козел, но есть также фигуры львов, коней и скорпиона. Традиционным восточным иконографическим сюжетом является воспроизведение двух козлов, расположенных по обе стороны дерева (табл. 22).

Интересную коллекцию отпечатков гемм дали раскопки поселения Гебеклы-депе на севере Маргианы. Этот укрепленный пункт находился уже за стеной Антиоха и представлял собой, видимо, что-то вроде торговой базы мервской администрации. Здесь в центре здания располагалось несколько больших парадных комнат, тогда как по их сторонам шли коридоры, возможно, имевшие складское назначение. Здесь под полом одного из коридоров найдено большое количество глиняных булл, сохранивших отпечатки самых различных гемм позднепарфянского времени. Отпечатки делались по сырой глине, причем на буллах видны следы веревок, которыми, видимо, обвязывались тюки с товарами. Возможно, печатались и свитки. Все печати были в отличие от гемм Старой

Нисы анэпиграфные, что, видимо, указывает на относительно невысокий ранг их владельцев, которыми могли быть и купцы, хозяева товаров, и чиновники, пропускающие торговые караваны через крайнюю точку маргианских владений. Из официозных сюжетов на оттисках есть изображения царя, сидящего на троне. Но более распространены простые изображения. Есть фигура коня, стоящего перед алтарем, — образ, достаточно популярный в искусстве парфянского круга. Есть изображения животных и тамгообразных знаков. Отсутствие надписей на геммах отнюдь не свидетельствует о низкой грамотности древних маргианцев. На том же Гебеклы-депе, в самом Мерве и на других памятниках найдены фрагменты сосудов с парфянскими надписями, обычно указывающими имена владельцев.

В самом Мерве к позднепарфянскому времени, скорее всего к первой трети III в. н. э., относится обширный квартал мукомолов, располагавшийся около северных ворот города и продолжавший функционировать некоторое время после падения династии Аршакидов. Здесь найдено огромное количество каменных жерновов и хумов для хранения производимой продукции. Планировочно здесь выделяется около 10 домохозяйств, состоящих из жилых и производственных помещений. Тесная городская застройка вела к тому, что собственно дворы здесь отсутствуют, их заменяют небольшие световые дворики.

Для керамики III–IV вв. н. э., периода, захватывающего уже и время господства раннесасанидских правителей, характерно изменение цвета черепка, вероятно, в результате изменения режима обжига. Теперь черепок имеет зеленовато-серый цвет. Характерной формой становятся появившиеся еще в предшествующее время глубокие тарелки с отогнутым бортиком, на который наносился резной орнамент, как это имело место и в керамике Бактрии позднекушанского времени. Характерной особенностью маргианской керамической продукции являются многочисленные и разнообразные узкогорлые кувшинчики. Заметно грубеет и терракота, которая теперь представляет собой не малую объемную скульптуру, а плоские плитки, на которых оттискиваются изображения женщин: фигуры последних скрыты тяжелыми одеждами, сплошь обшитыми овальными украшениями.

Культурогенез Маргианы рисует достаточно отчетливую картину спонтанной трансформации высокоразвитой урбанизированной культуры, в которой на раннем этапе на уровне массовых находок ощутимы эллинистические традиции, потом постепенно изживаемые.

Рассмотренные археологические материалы характеризуют высоко развитую оседлую культуру урбанистического облика. Между тем хорошо известна тесная связь аршакидской Парфии с миром кочевников.

Это отмечено уже с самого начала образования этого государства. Сообщается, что номады, возглавляемые вождем по имени Аршак и кочевавшие вдоль р. Ох (обычно отождествляемой с современным Тедженом), вторглись в Парфию и подчинили ее своей власти. Определенные взаимодействия с миром номадов отмечаются на протяжении всей политической истории Аршакидского государства. Так, во время восточного похода Антиоха III в 209 г. до н. э., когда последний энергичный селевкидский правитель пытался восстановить былые границы своего государства, потерпевший поражение Аршакид бежал и укрылся у кочевников апасиаков. В последней трети II в. до н. э. аршакидской династии пришлось столкнуться с сильным давлением кочевников, именуемых в античных источниках саками. В упорном противостоянии погибли два парфянских царя, и лишь Митридату II (123–88 гг. до н. э.) удалось снять это напряжение, в частности поселив кочевников в области на востоке Ирана, которая так и стала носить наименование Сакастана. В противостоянии с Римом парфянские правители нередко опирались на помощь контингента, который античные авторы называют «большим скифским войском». Наконец, когда умелые интриги римского руководства, казалось бы, расшатали аршакидскую династию, к власти пришел Артабан III (10–3 гг. н. э.), с которого ведет линию дом Младших Аршакидов. Сам Артабан, как сообщается, воспитывался среди кочевого племени дахов, обитавших, скорее всего, в Юго-Восточном Прикаспии, в области, позднее названной Дахистаном. В ознаменование соответствующей поддержки и, видимо, подчеркивая свои политические ориентиры, Артабан III на реверсе монет, выпускаемых им, воспроизводит себя не сидящим на троне, а в виде всадника, венчаемого Никой.

Представители этих кочевых групп, скорее всего, вливались в состав парфянского населения и, будучи ассимилированными высокоразвитой оседлой культурой, будь то придворная филэллинская среда или рядовые формопроявления, не оставили в культуре оседлых памятников сколько-нибудь четких следов пребывания, если не считать таковыми распространение керамических уплощенных вьючных фляг. Однако раскопки погребальных памятников подтверждают прямое присутствие номадов на собственно парфянских землях. Правда, курганные могильники в зоне интенсивного земледелия в большинстве своем были уничтожены еще до начала активных археологических изысканий, а оставшиеся постигла эта участь уже в последние годы. Тем не менее известно о существовании в подгорной полосе цепочек из 3–4 курганов. На двух могильниках, Хаскяриз и Кызылчекма, было раскопано несколько курганов, насыпи которых имели в диаметре около 30 м. Сами погребения были совершены по обряду, широко распространенному в эту пору у

среднеазиатских кочевников, в катакомбах. Длинные железные мечи указывают ориентировочно на раннесарматское время, III–I вв. до н. э. Часть керамических сосудов явно местных форм, но часть имеет аналогии в Хорезме, отражая, видимо, широкий круг связей подвижного населения. В одной из фляг был обнаружен красноватый осадок вина, настоенного на кишмише.

Более многочисленны памятники вне зоны собственно Северной Парфии, фактически уже на ее северных границах. Они, в частности, тянутся вдоль Узбоя, бывшего, скорее всего, в это время обводненным руслом. Погребальные сооружения достаточно своеобразны: это каменные склепы, в разрушившемся виде напоминающие курганы. Обнаруженные скудные материалы, в частности железные кинжалы, по аналогиям со степной зоной могут быть отнесены к IV–II вв. до н. э. Наиболее значительный могильник Дордуль состоит из таких разрушенных склепов и курганов с каменно-земляными насыпями. Из камня возводились и достаточно сложные сооружения, в которых можно усматривать культовые центры по наличию там алтарей. На одном таком центре, Ичанлы-депе, в верхней части комплекса, располагалась площадка размером 5 × 6 м, выложенная из камня, со следами многочисленных возжиганий огня. Имеются и части туш животных, видимо, приносившихся в жертву, в том числе конские копыта и части конских черепов. Следует отметить, что на Узбое находится и небольшая крепость Игды-кала, где, судя по всему, стоял парфянский гарнизон. Здесь были обнаружены фрагменты сосудов с парфянскими надписями, указывающими имена владельцев. Такова, видимо, одна из форм взаимодействия оседлого и кочевого миров, на которые опиралась аршакидская Парфия.

Глава 7

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Греко-бактрийский форпост эллинизированной культуры. Проникновение юечжей, начало предкушанского культурного синтеза. Эллинистические импульсы в массовой культуре. Кушанское государство как урбанистическая цивилизация. Распространение буддизма как одно из отражений прогресса в интеллектуальной сфере. Упадок городов и культурная стагнация с последующей дезинтеграцией.

Памятники Древней Бактрии имеют эталонное значение для культурогенеза и для исторических судеб всего центральноазиатского региона в целом в древнюю эпоху. Важнейшим рубежом как культурогенеза, так и политической истории было утверждение в Бактрии эллинистических начал, последовавшее за успехами восточного похода Александра Македонского. Здесь процветают подлинные очаги эллинской культуры и начинается сложный процесс их взаимодействия с ориентальными началами. Проходят разные степени синтеза и взаимной ассимиляции, завершающиеся в кушанскую эпоху мощным интеграционным потоком.

Государство, существовавшее здесь с 250 до 140–130 гг. до н. э., историки с полным правом именуют Греко-Бактрийским царством, характеризуя его как «империю на эллинистическом дальнем востоке». Кочевые объединения, сокрушившие Греко-Бактрию, проходили в течение почти двухсот лет сложный путь культурной, политической и этнической ассимиляции и адаптации, завершившийся формированием Кушанской державы. Это была одна из четырех великих держав, образующих целый пояс, протянувшийся от Атлантического до Тихого океана. Наиболее западная и наиболее известная из них — это Римская империя, далее с востока к ней примыкает Парфянское государство, за ним следует Кушанская держава, включавшая в свой состав помимо Бакт-

рии и северо-запад Индостана. Это были два важнейших экономических и культурных центра этой империи. Наконец, восточным соседом Кушанского государства был ханьский Китай, с которым кушаны вели небезуспешную борьбу за преобладание в Восточном Туркестане.

Разумеется, все эти явления и процессы впечатляюще отразились в материальной культуре и в археологических комплексах, объединяющих разные виды материальной культуры в устойчивые типы артефактов. Стратиграфические раскопки на городище Старого Термеза, на Дальверзине, Яване и Зар-тепе позволили достаточно надежно установить последовательность развития соответствующих комплексов. Устойчивые комплексы дали также широкие горизонтальные раскопки ряда памятников, материалы которых на основании стратиграфических колонок твердо ложатся в общую схему археологической систематики. Первой схемой такой археологической систематики была работа М. М. Дьяконова, предложившего выделение комплексов Кобадиян I, II, III, IV и V. Кобадиян I содержал, как это уже указывалось, материалы с «баночной» керамикой ахеменидского времени. Нет полной уверенности в разделении комплексов Кобадияна II и III, так же как и в отнесении первого из них к весьма раннему времени. Позднекушанские комплексы в схеме М. М. Дьяконова выявлены достаточно убедительно. Для настоящего времени в бактрийской археологии утвердилась четырехчленная схема развития комплексов. Так, для Дальверзина на основании суммирования стратиграфических наблюдений, сделанных на ряде раскопов, Г. А. Пугаченкова и Е. Г. Некрасова выделяют четыре периода: Дальверзин I — греко-бактрийский комплекс, III–II вв. до н. э.; Дальверзин II — кушано-юечжийский комплекс, конец II–I вв. до н. э.; Дальверзин III — конец I–II вв. н. э. и Дальверзин IV — позднекушанский, или кушано-сасанидский, комплекс III–IV вв. н. э. Схема, предложенная А. В. Седовым, отличается по существу лишь терминологически. У него за греко-бактрийским комплексом (ГБ) следует кушано-бактрийский археологический комплекс (КБ), подразделяющийся на «более мелкие комплексы»: КБ I = I–II вв. до н. э., КБ II = II — середина IV в. н. э. и КБ III — середина IV — V вв. н. э. Правда, эта схема изложена пока лишь в тезисном порядке. Видимо, из нее напрасно исключена как самостоятельное формопроявление пора, соответствующая Дальверзину II схемы Пугаченковой и Некрасовой. Это был не только важный исторический этап, но и, что существенно именно для археологической науки, пора утверждения устойчивого набора артефактов определенного вида. Исходя из принципов, предложенных во введении, едва ли следует наделять археологические комплексы (в отличие от исторических периодов) названиями, отражающими именно историческую терминологию в отличие от вы-

бора эталонных памятников. Поэтому в томе итогового труда «Археология СССР», посвященного древним государствам Кавказа и Средней Азии, для комплексов, соответствующих Дальверзину II–IV, были предложены наименования «халчаянский», «дальверзинский» и «зартепинский». К сожалению, для наиболее раннего периода, именуемого всеми исследователями греко-бактрийским, пока нет памятника с бытовой культурой, позволяющего использовать его как эталонное наименование для всего комплекса.

Исторически греко-бактрийский период, строго говоря, следует начинать со времени похода Александра Македонского, и уж во всяком случае со времени вхождения Бактрии в состав государства Селевкидов, что, видимо, произошло около 306 г. до н. э. При этом для восточных владений Селевкидов особое значение имело правление сына Селевка Антиоха, который уже при жизни отца был утвержден как его соправитель на Востоке, что и отразилось в выпуске монет, содержащих имена обоих династов. С 293 г. до н. э. Антиох стал соправителем отца, главой всех областей, лежащих к востоку от Евфрата, а в 280–262/1 гг. до н. э., после смерти отца, он уже действовал как единый монарх всей державы. Антиох I стремился активно поддержать стабильное развитие восточных сатрапий. Здесь в ряде мест были построены либо, как это часто бывало, кардинально перестроены городские центры. Выше уже говорилось об Антиохии, бывшей столице Маргианы. Упоминаются Антиохия Яксартская и Антиохия Тармита, явно соответствующая современному Термезу. В денежной эмиссии Бактрии при Антиохе наряду с основным аттическим весовым стандартом была выпущена серия монет по весовому стандарту, условно именуемому нумизматами восточным, в чем нельзя не усмотреть стремления учесть менталитет местной торговой среды.

После отпадения Бактрии от Селевкидов, что произошло около 250 г. до н. э., здесь правил ряд государей, часто, видимо, выходцев из военной среды, из которых помимо первого греко-бактрийского царя Диодота и последнего Гелиокла надо упомянуть Евтидема, его сына Деметрия и энергичного, напористого Евкратиды. Греко-бактрийские правители начали продвижение за Гиндукуш, подчиняли области с индийским населением, что привело к выпуску двуязычных монет. Целый ряд правителей, властвующих над областями, лежащими к югу от Гиндукуша, так и именуется греко-индийскими царями. Между 140 и 130 гг. до н. э. Греко-Бактрия была сокрушена нашествием объединения кочевых племен, именуемых в китайских источниках юечжами. Из их среды и вышел основатель кушанской династии Кадфиз I. Кушанское руководство продолжило традиционное военно-политическое продвижение на юг, что

в конечном итоге и завершилось образованием обширной державы, которую с определенными основаниями можно именовать индо-бактрийской. Наиболее известен из числа правителей этой державы Канишка, утвердивший собственную эру, о начале которой шли многочисленные дискуссии. В настоящее время, особенно после открытия многострочной надписи Канишки в Рабатаке в Южной Бактрии, правление Канишки можно достаточно уверенно относить к первой трети II в. н. э. После правления ряда царей, часто именуемых исследователями «великими кушанами», связь бактрийского региона с другими центрами Кушанского государства как будто ослабевает, чему способствовало завоевание Бактрии, которая, видимо, уже стала носить название Тохаристан, Сасанидами, утвердившими на Среднем Востоке новую мощную державу. Все эти процессы и события нашли определенное отражение как в жизни отдельных центров, особенно городов, изучаемых археологами, так и в самом составе археологических комплексов как устойчивых наборов типов артефактов.

Керамический комплекс правобережной Бактрии греко-бактрийского времени характеризуют прежде всего уплощенные тарелки с оттянутым наружу венчиком, явно следующие типу так называемых рыбных блюд греческой керамики. Имеются образцы такой посуды с серым цветом черепка. Несколько отличается керамика соответствующих слоев городища Дальверзин, что исследователи склонны относить за счет провинциализма. Посуда покрыта светло-охристым или красноватым ангобом, а керамика с серым черепком отсутствует. Имеются одноручные кувшины и кубки овальной формы (табл. 24, 1). Исследователи отмечают заметные отличия этого керамического набора от «баночной» керамики середины I тыс. до н. э. Но, видимо, в Бактрии еще не выявлены комплексы, носящие черты переходного формирования новых типов посуды наряду с использованием традиционных форм, что отмечено для Маргианы и Согда. Отсутствие широких раскопок наслоений греко-бактрийского времени позволяет охарактеризовать археологический комплекс этого времени в основном по керамике. Так, не вполне ясен вопрос о распространении в это время искусства малых форм в виде терракотовых статуэток. На основании стилистических характеристик предполагалось, что к этому периоду могут относиться или восходить фигурки стоящих обнаженных женщин с вытянутыми вдоль тела руками, иногда с венком на голове. Однако такие находки в надежном археологическом контексте пока неизвестны. Традиция такого статуарного типа явно сохраняется и позднее, как об этом свидетельствует, например, аналогичная фигурка из Тепаи-Шах. Но там изображение более тяжеловесно, как бы индианизировано, и к тому же имеет, как это характерно для индийской

скульптуры, браслеты на предплечьях. Характерным признаком нового археологического комплекса становится кирпич квадратной формы со стороной около 40 см, появляющийся по крайней мере во II в. до н. э. и сменяющий традиционный прямоугольный стандарт, бытовавший в Бактрии еще в бронзовом веке.

Число известных памятников со времени I тыс. до н. э. заметно сокращается. Особое внимание уделялось укрепленным центрам на переправах через Амударью: самому Термезу, судя по всему, бывшему столицей Северной Бактрии, и Кампыр-тепе. На ряде памятников, в том числе и на Дальверзине, наряду с сырцовыми постройками отмечены углубленные в грунт землянки. Возможно, это были места обитания первых строителей, возводивших со временем более солидные постройки.

Судя по объектам материальной культуры, к региону правобережной Бактрии тяготеют памятники по среднему течению Амударьи. В принципе, в письменных источниках нет строгой характеристики пространственных пределов Бактрии, и некоторые авторы полагали, что ее северной границей было течение Амударьи. Однако массовый археологический материал свидетельствует о бесспорном культурном единстве и левобережных, и правобережных областей, восходящем еще к эпохе бронзового века. К памятникам правобережной Бактрии явственно тяготеет, по крайней мере с греко-бактрийского времени, и район Средней Амударьи. Это видно по керамике нижних слоев Мирзабек-кала. Это было подквадратное в плане укрепленное поселение, занимавшее площадь 4 га. В левобережной Бактрии, на самом берегу Амударьи, открыто поселение Айханум, являющееся руинами города Александрия-на-Оксе. Так передавали греки местное название Амударьи, звучавшее как Охш. Айханум в целом — это типично греческое поселение с такими сооружениями, как гимнасий, дворец, сокровищница, мавзолеи и храмы. Признаки симбиоза, использования местных традиций весьма незначительны, хотя, как свидетельствуют собственные имена, приводимые в греческих текстах, найденных в этом городе, в числе его обитателей были и бактрийцы, видимо, образовывавшие эллинизированный пласт местного населения. Правда, для кладки строений использовался сырцовый кирпич, что совершенно нехарактерно для эллинских традиций, к тому же прямоугольного формата, который был распространен в Бактрии, да и во всей Средней Азии, в середине I тыс. до н. э. Эллинистическая по облику и стилю скульптура часто изготовлялась из местных материалов: гипса и глины, что опять-таки связано с местными, незлинскими традициями.

Выдающимся открытием отечественной археологии стали раскопки поселения Тахти-Сангин, также расположенного на берегу Амударьи,

но уже на ее правом берегу. В цитадели расположенного здесь городища в конце IV — начале III в. до н. э. был возведен храмовый комплекс, затем неоднократно перестраивавшийся и просуществовавший как действующий культовый центр вплоть до III–IV вв. н. э. Первоначальная постройка по планировке представляет собой типичное культовое сооружение восточной архитектуры, известное как «храм огня». Его центр образовывал квадратный четырехколонный зал размером 12 × 12 м с восьмиколонным портиком. С трех сторон центральный зал окружали удлиненные коридорообразные помещения. По двум углам портика-айвана в замкнутых помещениях находились алтари огня, дополнявшие деятельность центрального алтаря, располагавшегося в основном зале. Первоначально здание было построено из традиционного для Бактрии на протяжении многих столетий сырцового кирпича. Но сам формат кирпича изменился — вместо прямоугольного он стал подквадратным. Кирпич Тахти-Сангина довольно крупный: 50 × 50 × 14 см. Позднее квадратный кирпич Бактрии стал более мелким. Своеобразным памятником архитектурного симбиоза являются каменные колонны. Их базы имели торовидную форму на двухступенчатом основании — ордер, типичный для ахеменидской архитектуры. Но венчали эти «восточные» колонны капители с волютами ионического ордера.

Тахтисангинский культовый центр неоднократно перестраивался и расширялся и в целом представлял собой довольно сложный комплекс, заключенный в отдельный обвод мощных стен, имевших толщину 7 м и укрепленных по периметру полукруглыми башнями. Основное назначение комплекса не вызывает особых сомнений. Это был храм огня с четкой структурой, включающей в свой состав подквадратный четырехколонный зал, расположенный перед ним айван, обводные коридоры и, перед фасадом, угловые башнеобразные помещения, в которых, как и в центральном зале, располагались алтари, неоднократно подновлявшиеся дополнительными обмазками. Зола из алтарей огня тщательно сохранялась, что является одной из характерных черт этого типа культовых строений. В центральном зале вдоль одной из стен было устроено 20 ям, в которые эта зола помещалась. Хранилища золы в виде ям или специальных оградок имелись и в других помещениях, в том числе достаточно большие — целые цистерны.

Несмотря на неоднократные ограбления, происходившие еще в глубокой древности, в храме сохранилось немало ярких объектов материальной культуры, в том числе имеющих выдающуюся художественную ценность. Здесь, как и в Александрии Оксианской, имелись статуи, сделанные из гипса и глины, а затем раскрашенные или даже позолоченные. В коридорах, в ямах, сделанных в полу или в специальных отсе-

ках, помещены вещи, представляющие собой приношения храму, культовые вещи, пришедшие в негодность или утратившие свое значение. Показательно, что найдено очень много оружия — от обычных наколечников стрел и мечей до пластинок от панцирей.

Однако в определенной мере назначение комплекса было полифункционально. В ходе раскопок был найден каменный алтарь, увенчанный бронзовой фигурой селена Марсия. Надпись, сделанная на греческом языке, гласит: «По обету посвятил Атросок Оксу». Это указывает, что одной из функций храма было посвящение божественному покровителю амударьинских вод, чье имя Вахш в греческой передаче звучало как Окс, а до наших дней сохранилось в наименовании одного из основных притоков Амударьи, у места впадения которого в главное русло был возведен тахтисангинский храм. Б. А. Литвинский не без оснований говорит, что в данном случае налицо сочетание культа огня и культа воды, что нашло отражение в целом ряде представлений и образов зороастрийской религиозной и обрядовой традиции. Таким образом, было выяснено, что весь храмовый комплекс также посвящен божеству, покровителю амударьинских вод, по имени которого была названа и левобережная Александрия. Само имя донатора чисто бактрийское и означает «полезный [богу] огня». Исключительно важно, что в пору явной доминанты эллинских традиций в культуре Бактрии, что блестяще продемонстрировали раскопки Айханум, почти прямо напротив этого греческого города был построен по восточным канонам монументальный храм, посвященный местному божеству. Вполне вероятно, что это было одно из мероприятий (независимо от того, при чьем правлении оно осуществлялось), вписывающихся в ориенталофильскую политику, проводимую Антиохом.

Имеется еще один аспект, связанный с интерпретацией приамударьинского храмового комплекса. В числе прихрамовых сокровищ здесь имеются и художественные предметы, относящиеся к V–IV вв. до н. э. К их числу относится, например, сделанная из слоновой кости обкладка акинака с изображением льва, держащего в пасти небольшую фигурку оленя. В этой связи нельзя не вспомнить находку так называемого Амударьинского клада, сделанную в XIX в. Исследователи храма Окса на Тахти-Сангине не без оснований полагают, что этот клад связан с сокровищницей храма. Возможно даже более сложное допущение, что этот клад — часть сокровищ сложившегося, как это отмечал Р. Гиршман, из постепенных приношений, но более раннего, еще не найденного или не сохранившегося храма Окса, который сменил комплекс, построенный в конце IV — начале III в. до н. э.

Важнейшим периодом в развитии культуры Древней Бактрии было время после падения Греко-Бактрии вплоть до образования Кушанской

державы. По системе Г. А. Пугаченковой и Е. Г. Некрасовой, это время бытования комплекса, который они именуют кушано-юечжийским, имея в виду, что в китайских источниках племена, сокрушившие Греко-Бактрию, названы юечжами. Предводители кочевых племен, судя по сообщению тех же источников, первоначально утвердились к северу от Амударьи, на территории, которую современные исследователи именуют Северной Бактрией. Здесь расположились пять владений юечжей и находилась их столица. Новые владетели выпускали собственную монету, подражавшую монетным типам наиболее значительных греко-бактрийских царей. Так, широко распространены крупные монеты, чеканенные по образцу тетрадрахм последнего правителя «большой Греко-Бактрии» Гелиокла с изображением на оборотной стороне стоящего Зевса. На одной из групп этих монет, возможно, наиболее поздней, Зевса заменяет изображение коня. Другая довольно устойчивая серия выпускалась по образцу оболов Евкратиды. Судя по всему, одновременно существовали владения, управляемые династиями греческого происхождения, и, во всяком случае в левобережной Бактрии, они выпускали собственную монету, следуя эллинистическим канонам и традициям. Самостоятельный монетный тип в среде правящих пришельцев был выработан при правителе, имя которого несколько условно читается как Герай. Здесь на оборотной стороне мы видим образ конного государя. Несмотря на определенную пестроту политической организации, этот период «юечжийской Бактрии» стал временем хозяйственного и культурного подъема, что прямым образом отразилось в археологических материалах.

Комплекс этого времени по наиболее яркому памятнику есть основания именовать халчаянским (табл. 24, II). Для него характерно появление в керамике бокалов на ножке двух основных видов — колоколовидных и рюмкообразных. Предполагалось, что колоколовидные бокалы представляют собой более раннюю форму, но полного подтверждения это наблюдение не получило. Распространяются разнообразные кувшины, в основном одноручные. Их особую разновидность представляют собой приземистые кувшины с широким дном. Крупные сосуды покрывались преимущественно светлым ангобом, бокалы, часть чаш и кувшинов — красным различных оттенков. Серая керамика составляет около 5%. Орнаментация сравнительно редка: процарапанные волнистые линии и единичные штампы. Халчаянское время — пора формирования собственно кушанской культуры, основные типы артефактов которой, трансформируясь, берут начало именно в эту раннюю пору. Так, получают относительно широкое распространение терракотовые фигурки. Сохраняется (или возникает) тип фигурки, изображающей стройную стоящую обнаженную женщину. Другой популярный женский образ воспроизводит стоящую фигуру в тяже-

лых одеждах с цветком граната или чашей, а иногда с зеркалом в руках. Появляются статуэтки всадников и костяные палочки с фигурными наконечниками, обычно именуемые в литературе «стилями», но, скорее всего, являющиеся обычными булавками (табл. 23, 24).

Идет формирование и кушанского археологического комплекса в его раннеурбанистическом варианте. По долинам рек складываются целые оазисы, для орошения которых проводятся магистральные каналы. Таков канал Занг, орошавший ангорскую группу памятников. Именно к этому времени можно с уверенностью относить появление поселений городского типа, планировка которых явно указывает на организующее начало центральных властей. Таково, например, городище Зар-тепе, бывшее столичным центром ангорской группы памятников. Оно имеет квадратную форму с цитаделью в одном из углов и мощные крепостные стены, фланкированные полукруглыми башнями. Городище Кей-Кобад-Шах — один из опорных памятников, на которых М. М. Дьяконов вырабатывал предложенную им стратиграфическую колонку, наоборот, имеет прямоугольную планировку, и его фортификационному канону, четко соблюдаемому по многим пропорциям, свойственны прямоугольные башни с выступом-пилястром в одном из углов. Сырцовый кирпич сохраняет квадратный формат, но менее значителен по размерам: имеет в стороне от 32 до 35 см.

К этому периоду относится и формирование городища Дальверзин как крупного престижного центра, в котором Г. А. Пугаченкова предлагает видеть общеюечжийскую столицу, упоминаемую китайскими источниками. Более раннее городище, относящееся ко времени существования Греко-Бактрии, дополнительно укрепляется и превращается в мощную цитадель Дальверзина. Планировочно она вписывается в общий прямоугольник обводных стен города, который теперь занимает площадь размером 650 × 500 м.

Достаточно значительным центром был и Халчаян, хотя здесь пока не выявлено четкой общей планировки. Здесь открыт загородный дворец-резиденция, украшенный первоклассной скульптурой (рис. 6). Пла-

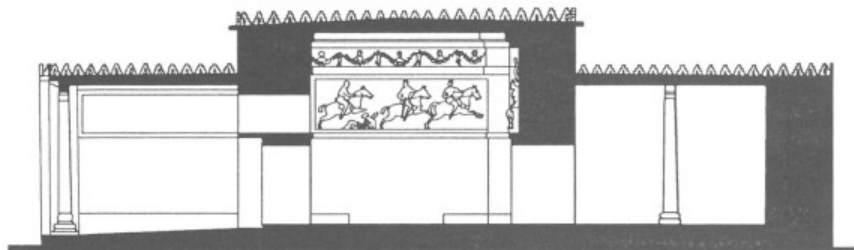

Рис. 6. Дворец в Халчаяне. Реконструкция Г. А. Пугаченковой

нировочно дворец, видимо, повторяет богатый жилой дом с открытым четырехколонным айваном, за которым располагался прямоугольный парадный зал. Небольшое подквадратное помещение с двумя колоннами находилось за этим парадным помещением и трактуется как тронный зал. Головы правителей, воспроизведенных в украшавшей дворец скульптуре, с повязкой, перехватывающей волосы, близко напоминают голову правителя на монетах Герая. Другой тип монументального сооружения представляет комплекс, открытый на городище Саксанохур, истоки которого, возможно, еще восходят к греко-бактрийскому периоду. Этот комплекс, определяемый как дворцово-храмовый, принадлежит к числу построек дворцового типа с обрамлением по периметру строениями и коридорообразными помещениями. Использованные капители имеют уже не ионический облик, а представляют собой коринфизированные образцы с пышной кущей акантов.

Централизованное начало прослеживается и в организации небольших поселений в сельской округе. В этот период появляются подквадратные в плане поселки, окруженные стенами, явно построенные по единому принципу (Мирзакуль-тепе).

Весьма примечательны и погребальные сооружения, традиции которых в значительной мере продолжают и в кушанское время. Для оседлого населения таковы прежде всего вытянутые погребения, значительное число которых было обнаружено при раскопках могильника Тупхона. Погребальный инвентарь немногочислен и ограничивается глиняными сосудами, из которых наиболее примечательны бокалы на ножке, и различными украшениями, в том числе бусами в виде бутылочки, имеющими аналогии в мире кочевых племен евразийских степей. Наиболее интересен факт помещения в рот некоторых усопших небольших монет — оболов чекана Герая и местных подражаний оболам Евкратиды. Этот обычай прямо коррелирует с эллинской традицией, связанной с представлением о реке Стикс, отделяющей подземный мир, для переезда через которую необходимо было выдать перевозившему усопшего персонажу определенную плату. Исследователи не без оснований отмечают, что соответствующие представления о водной преграде между двумя мирами бытовали и в восточной среде. Это могло способствовать адаптации подобного обряда к местной среде. Примером западных связей, отразившихся в погребальной практике, были захоронения в керамических гробах, практиковавшиеся в Месопотамии и, скорее всего, попавшие в Бактрию через парфянскую среду. Другим видом захоронений были погребения в специально построенных погребальных камерах, одна из которых была подробно изучена в окрестностях Дальверзина. Это было многокамерное сооружение, разделенное на две

части узким коридором. По обе стороны коридора располагалось по четыре склепа со сводчатым перекрытием. Захоронения в склепах как бы рисуют трансформацию погребального обряда. В двух склепах первоначально на полу находились вытянутые погребения. Основной пласт погребений представлял собой груды расчлененных и перемешанных костей, явно помещенных сюда уже в очищенном виде. Найдена была здесь и разнообразная керамика, в том числе кубки, кувшины и миски. Среди различных украшений имеются бусы, железные и костяные браслеты, перстни, зеркала и костяные булавки, именуемые «стилями». В коридоре отмечены следы заупокойных тризн. Близкая, но четырехкамерная гробница была раскопана на Тепаи-Шах. Здесь помимо других предметов были найдены, как и в одиночных захоронениях Тупхона, монеты, в том числе оболы Герая и подражания оболам Евкратида. Характер этих построек не оставляет сомнений. Это были специальные сооружения, куда помещали предварительно очищенные кости усопших. Это позволяет считать их наусами — костехранилищами, типичными для определенной степени развития зороастрийских религиозных представлений. Этот обряд в Бактрии был распространен достаточно широко, что подтверждает прочную связь основного бактрийского населения с зороастрийскими представлениями.

На территории Северной Бактрии открыты и могильники иного типа, отражающие традиции, привнесенные из мира степных кочевников. Таковы два могильника в долине Кафирнигана — Аруктау и Тулхар.

Здесь под небольшими курганными насыпями располагались подбойные могилы с небогатым инвентарем. В его состав входили кубки на ножке, приземистые кувшины, а также кое-какие украшения, железные мечи и наконечники стрел (табл. 33, II). А. М. Мандельштам, открывший эти памятники, с полным правом видел в них некрополи тех кочевых племен, которые, опрокинув Греко-Бактрию, утвердились на берегах Амударьи. Судя по всему, кочевники проникали и в среду оседлого населения, где шел активный процесс культурной и, видимо, этнической ассимиляции. Захоронения по аналогичному обряду в подбойных могилах, но без курганных насыпей, которые, будучи незначительными, могли и не сохраниться, обнаружены около городища Айртам на берегу Амударьи. Среди погребенных отмечена примесь монголоидных элементов, что может быть объяснено только идущим процессом метисации. Все эти материалы явственно указывают, что в Северной Бактрии в пору существования комплексов халчаянского типа шел процесс спонтанной культурной трансформации с включением в местную среду инокультурных стандартов как привнесенных мигрантами, так и прошедших сложный путь влияний и заимствований. Наряду с возлей-

ствием эталонов, восходящих к эллинским традициям, в том числе и в переднеазиатской модификации, и прямым воздействием культурных норм кочевой степи, возможно, развиваются и связи, цепочки которых уходят в сторону индийского субконтинента. Вполне вероятно, что к этому времени восходит первое проникновение буддизма, хотя мощное воздействие этого вероучения на местную среду относится уже к следующему периоду.

Этот период связан с формированием и расцветом Кушанской державы. О начале этого процесса долгое время судили только по скудным данным китайских источников, которые корректировались нумизматическими материалами. В настоящее время в числе источников все более заметную роль играет и собственно кушанская традиция, представленная памятниками монументальной эпиграфики. Традиционно повторяемый текст китайской исторической хроники гласит, что кушанский правитель присоединил четыре других юечжийских владения, воевал с Парфией и начал расширять свою державу в южном направлении. Далее сообщается, что его сын продолжил дело отца и завоевал Индию. Нумизматы выделили чекан правителей, носивших близкие имена. Один — Куджула Кадфиз, именуемый Кадфизом I, и второй — Вима Кадфиз, названный соответственно Кадфизом II. На оборотной стороне монет Кадфиза II как свидетельство индийской ориентации помещено изображение бога Шивы с быком Нанди. Однако монетные коллекции задавали еще одну загадку. В коллекциях широко представлены монеты раннекушанского типа, на которых нет имени правителя, но есть претенциозный титул «царя царей великого спасителя» Сотера (Мегаса). Эти монеты относили к чекану правителя, названного «безымянным царем». Были сделаны многочисленные предположения о том, кто был автором этого анонимного чекана. М. Е. Массон предлагал считать эту группу монет, где, кстати, на оборотной стороне, как и у Герая, изображен конный государь, чеканом основателя кушанского могущества Кадфиза I. Сейчас в Южной Бактрии, в местности Рабатак, открыта многострочная надпись кушанского правителя Канишки, который перечисляет своих непосредственных предков. В этой надписи между Куджулой Кадфизом и Вимой Кадфизом помещен ранее неизвестный властитель по имени Вима Такту, называемый некоторыми исследователями Вимой II. Возможно, именно ему принадлежат монеты «безымянного царя», широчайшим образом распространенные в Северной Бактрии, и именно он специально подчеркнул принятием нового реверса свою тесную связь с всаднической опорой основателей новой державы.

Наибольшую известность из кушанских правителей получил сын Вимы Кадфиза Канишка, при патронаже которого в Кашмире был про-

веден Четвертый буддийский собор. По одной из систем оценки кушанской династийной хронологии, предложенной уже после открытия надписи в Рабатаке, время правления Кадфиза I относят к 41–80 гг. н. э., а правление Канишки — к 101–120 гг. н. э. Наследниками Канишки были Хувишка и Васудева. Позднее сходные имена носили еще ряд кушанских правителей, которых стараются различать в первую очередь нумизматы, присваивая им порядковые имена вплоть до Канишки III. Однако былая мощь империи уже клонилась к закату, и недаром именно период первых пяти, а как теперь выясняется, и шести монархов, исследователи не без оснований именуют великокушанским. Расцвет культуры, в том числе и художественной, градостроительства и в целом уровня жизни времени Великих кушан ярко проявился в сериях археологических артефактов.

Археологический комплекс этого времени по наиболее яркому памятнику автор этих строк предложил именовать дальверзинским (табл. 25). В керамике дальверзинский комплекс в принципе не дает новых форм по сравнению с предыдущим периодом. Более того, число вариантов основных керамических типов сокращается, отмечается значительная стандартизация ведущих форм. Преобладают сосуды с черепком красновато-коричневого цвета, но имеются и отдельные экземпляры серой керамики. В самом Дальверзине широко распространены бокалы с колоколовидным туловом, а также двуручные кувшины. Новую форму представляет собой невысокий кубок на сплошной ножке. Многочисленны различные терракотовые статуэтки от всадников до женских персонажей, среди которых был популярен образ сидящей матроны с различными атрибутами в руках. Распространяются также терракотовые статуэтки, изображающие музыкантов, прежде всего женщин, играющих на лютнях и арфах. Маркирующим элементом археологического комплекса являются усеченно-конические пряслица, выточенные из камня, и терракотовые ткацкие грузила в виде удлиненных пирамид со сквозным отверстием наверху. Иногда на этих грузилах встречаются штампы. Набор типов артефактов великокушанского времени, с точки зрения автора этих строк, отражает определенную историческую реальность, которую, учитывая терминологию, применяемую культурологами, есть основания именовать кушанским культурным комплексом. Он связан в первую очередь с кушанским городом, с расцветом городской культуры и городского образа жизни (рис. 7). Соответствующий набор типов артефактов отражает происходящую урбанизацию, которую в данном аспекте следует рассматривать в первую очередь как культурный процесс. Как известно, на первой стадии урбанизации происходит концентрация значительного потенциала — как культурного, так экономи-

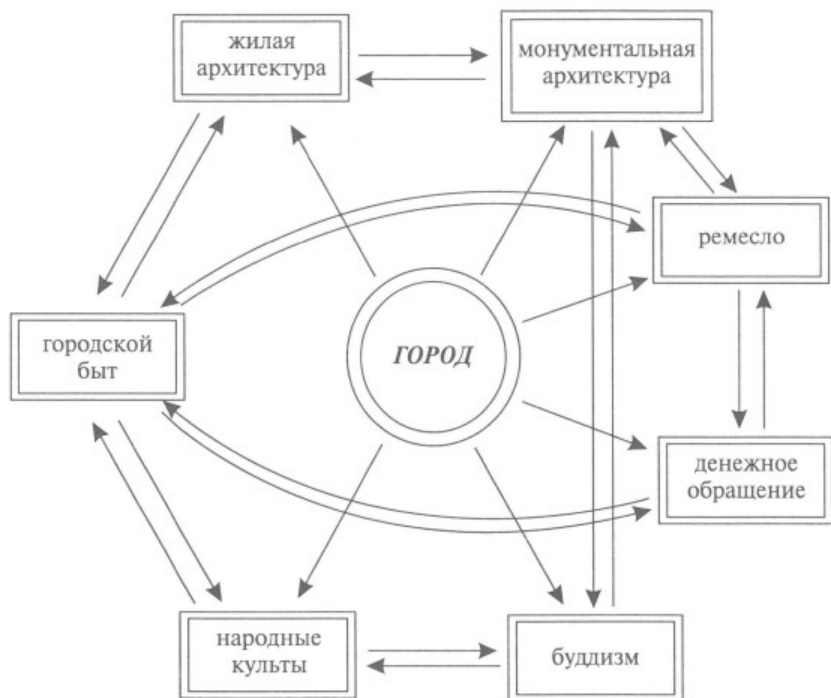

Рис. 7. Кушанский культурный комплекс

ческого и интеллектуального, в отдельных, как правило, крупных центрах. На второй стадии происходит своего рода экспансия культурных стандартов, широко охватывающих и сельскую округу, хотя порой высокие эталоны там бывают представлены в огрубленном, провинциальном виде. Археологические материалы Северной Бактрии ярко иллюстрируют это явление, пышным цветом процветавшее в период бытования археологического комплекса дальверзинского типа.

Решительное утверждение городских начал (рис. 7) в кушанской Бактрии нашло прямое отражение уже в характере расселения и типах памятников. В настоящее время выявлено около 200 памятников кушанского времени. Они группируются в оазисы, центрами которых становились поселения городского типа. Эта система, как уже отмечалось, сложилась еще в юечжийский период. На один город приходилось 6–7 поселений сельского типа, не считая усадеб, которые, как правило, разрушены в процессе активного землепользования, особенно в XX в. Наиболее густо была заселена долина Сурхана. Отдельные центры, как, например, Джандавлат, в плане представляют собой более аморфную

структуру, сложившуюся за счет естественного разрастания населенного центра. Но, как правило, границы городских поселений заранее определялись четкими геометрическими параметрами крепостных стен, что явно было результатом планируемого градостроительства. Так прямоугольный план имеет городище Дальверзин, четкий квадрат характерен для Зар-тепе. Возможно, даже планировалось строительство целиком городских центров с регулярной уличной сеткой. Такое городище с развитой фортификацией, относящееся к позднекушанскому времени, но так и оставшееся неосвоенным, открыто в Вахшской долине (Кухнакала). Внутри город, как правило, разделяла прямая центральная улица. Наряду с наличием площадей и водоемов, как это отмечено для Дальверзина, в целом застройка носила достаточно плотный характер. Кроме рядовых домов горожан известны и монументальные домостроения городского патрициата, что выявлено для Дальверзина. Здесь дома городской знати имели центральный четырехколонный зал, выход из которого в конечном итоге вел в многоколонный айван, следуя традиции, отмеченной еще для халчаянского дворца. Находки в таких домах-резиденциях подчеркивают состоятельность и высокий уровень благосостояния их обитателей. Так, в одном из домов на полу были найдены выточенные из слоновой кости шахматные фигурки слона и быка-зебу. Поскольку весь дом погиб в огне, остались невывезенными, а может быть и забытыми, и более значительные сокровища. В узкой тупиковой комнате, которая затем была к тому же еще и заложена, оказался зарытым в засыпку между двумя ремонтными полами кувшин с золотыми вещами. В их числе были золотые бруски с надписями кхарошти, указывающими на вес, с припиской «дано для бога Митры». Лица, старавшиеся скрыть это сокровище, добавили к нему еще дисковидные золотые слитки, браслеты, гривны и серьги, а также своего рода «золотой лом», состоявший из ниток, проволочек, пластинок и трубочек. Разумеется, это была экстраординарная ситуация, но нельзя не признать, что в целом быт древних горожан достиг значительной степени благосостояния. Организационное начало проявилось не только в оформлении планов городов с правильными четкими геометрическими параметрами.

Небольшие, явно сельские поселения также часто имели квадратную планировку и обводные стены, которые не были особенно мощными и выполняли, скорее всего, фискально-административные функции. Таково поселение Мирзакуль-тепе площадью около 1 га на окраине современного г. Термез. В пределах его внутренней застройки выделяются комплексы из жилых и хозяйственных комнат. На поселении сосредоточивались значительные запасы сельскохозяйственной продукции, хранившиеся в больших хумах, которых здесь найдено несколько десятков. В некоторых

из них обнаружена мука. Огромное количество бокалов, составляющих около четверти всех керамических находок, позволяет рассматривать поселение как центр если не производства, то уж, во всяком случае, хранения винодельческой продукции. Другим подобным поселением, подвергавшимся раскопкам, является Шор-тепе. Эти четко спланированные сельские центры отличаются от поселков, которые образовывались скоплением стихийно располагавшихся жилищно-хозяйственных комплексов. Таким было поселение Ак-курбан, занимающее пространство размером 80×70 м. Здесь выделяются 5 хозяйственно-жилых комплексов, видимо, принадлежавших отдельным семьям, входившим в состав этой сельской общины. Было высказано предположение, что спланированные сельские центры типа Мирзакуль-тепе и Шор-тепе сооружались как места обитания искусственно создаваемого властями в административно-фискальных целях некоего подобия общин, как это практиковалось, например, в ахеменидском государстве.

Золотой клад, найденный в одном из престижных домов Дальверзина, разумеется, является экстраординарным образцом богатства горожан кушанской эпохи. Вместе с тем раскопки показывают, что городской образ жизни и рядовых горожан отличался высокой степенью состоятельности и, во всяком случае, благоустройства. В этих домах достаточно многочисленны материальные свидетельства такого городского образа жизни — от превосходных керамических сосудов до терракот, десятков монет и даже случайно забытых бронзовых изделий.

Особо следует подчеркнуть высокую степень грамотности населения кушанской Бактрии. Судя по всему, использование той или иной системы письменности было одной из черт образа жизни определенных слоев городского населения Бактрии первых веков нашей эры. Сохранял значение греческий язык, как это видно по монетным легендам первых кушанских правителей, да и по некоторым оборотам надписей Канишки. Его носителями были потомки эллинского населения страны и эллинизированной части просвещенных аборигенов. Показательно и долгое сохранение в названии главного центра Северной Бактрии имени Антиохия. Именно так — Антиохия Тармита — город обозначен на карте, восходящей, скорее всего, к дорожникам купеческих путешественников и официальным итинерариям римской эпохи. То же название, но в средневековой передаче, имеется на надписи из монастыря Кара-тепе около Термеза и для IV в. н. э. В качестве прямой параллели можно вспомнить, что в официальном парфянском дорожнике Мерв именовался Антиохией. Ярким свидетельством огромного значения для Бактрии греческого наследия стало приспособление к бактрийскому языку греческого алфавита, что для монетных легенд официально утвердилось

при Канишке, но началось, видимо, гораздо раньше. В этом отношении Бактрия стала единственной страной центральноазиатского региона, сохранившей в такой форме античную традицию. И в Парфии, и в Согде, и в Хорезме для передачи текстов на местных языках использовали традиции арамейского письма с его идеограммами. Язык текстов, к которому приспособлен греческий алфавит, обычно именуется бактрийским. Бактрийская письменность представлена прежде всего лапидарным вариантом, в том числе монументальным письмом больших кушанских надписей. Одна такая надпись была обнаружена и в Северной Бактрии на городище Айргам на берегу Амударьи, с раскопок которого в 1933 г. М. Е. Массоном, собственно, берет свое начало кушанская археология Средней Азии. Надпись эта сделана на прямоугольном каменном постаменте, на котором располагались две статуи, мужская и женская. В тексте сообщается о строительных и ремонтных работах, которые были проведены здесь местными чиновниками в четвертый год правления Хувишки. Примечательно широкое использование бактрийского письменного языка в повседневном обиходе. Известны курсивные и лапидарные надписи на сосудах, сделанные тушью или процарапанные до обжига, граффити на стенах пещерного монастыря Кара-тепе, курсивные надписи на обрывках истлевших папирусов, найденных при раскопках Кампыр-тепе. Надписи эти votивные и дарственные. Есть даже билингва, сделанная бактрийским письмом и брахми, что указывает на наличие подлинных полиглотов. Наконец, есть, как и в Парфии и Маргиане, остраконы — первичные документы, выполненные на черепках от сосудов. Важно отметить, что, хотя большинство письменных памятников происходят из городов, письменности было не чуждо и сельское население, как показывает соответствующая находка на Мирзакуль-тепе.

Бытовала в Бактрии еще одна система письма, известная по наскальной трилингве Дашти-Навур и отдельным коротким надписям на различных объектах, в том числе найденным и в Северной Бактрии. Предположительно ее относят к сакам, язык этих надписей считают сакским или юечжийским, но убедительной дешифровки эти тексты еще только ожидают. Во время проникновения в Бактрию сасанидских отрядов и, видимо, какой-то администрации использовался и среднеперсидский язык. Надписи на пехлеви известны по граффити из Кара-тепе и по находке остраконов на Дальверзине.

Наконец, в буддийских центрах, особенно в каратепинском монастырском комплексе, известны разнообразные индийские надписи, сделанные двумя письменностями, преимущественно кхарошти, как и на золотых брусках из Дальверзинского клада, и реже на брахми. Скорее всего, в подобных центрах могли действовать и целые переводческие

школы, трудившиеся над переводами священных текстов. Недаром на одном сосуде, найденном на Кара-тепе, надпись, сделанная бактрийским письмом, повторена и на брахми: «дар Буддхаширы».

Важной составляющей кушанского культурного комплекса была и монументальная архитектура. Помимо культовых строений к ее числу принадлежали и административные здания, правда, хуже изученные. Так, в центре Зар-тепе располагался престижный комплекс с двумя парадными колонными залами. Базы и капители подобных строений изготавливались из камня и представляют собой модификацию коринфского ордера, приобретающего более приземистые пропорции. Нередко в кушанских помещениях помещались фигуры людей и различных животных (табл. 26).

Городские поселения выполняли также функции ремесленных и торговых центров. Целый квартал гончаров был раскопан на городище Дальверзин. Широкое распространение монетных находок, особенно мелких медных номиналов, указывает на развитие торговли, видимо, проникающей и в сферу розничного товарооборота. Через Бактрию пролегали и трассы регулярной международной торговли, которые современные исследователи условно определяют как Великий шелковый путь, имея в виду распространение в результате торговой деятельности китайского шелка в пределах римских владений. По торговому пути, шедшему через Бактрию в порты на Индийском океане, доставлялись в числе прочих вещей китайские товары. Клады золотых римских монет (ауреусов), по стандарту которых организовали свою золотую эмиссию кушанские правители со времени Канишки, особенно многочисленны в Индии. В Северной Бактрии, на сравнительно небольшом поселении Хайрабад, была найдена бронзовая монета Нерона.

Глиняные фигурки, находимые при раскопках городских центров, свидетельствуют о приверженности населения каким-то народным культам. Особое значение сохраняли обычаи, связанные с зороастрийским вероучением. На это указывают захоронения костей, предварительно очищенных от мягких тканей, в специально построенных наусах или в помещениях, использующихся вторично. Подобные гробницы открыты во многих местах Северной Бактрии, и обнаружение в некоторых из них монет Канишки и Хувишки свидетельствует об их бытовании на протяжении всего периода Великих кушан. Ценные сведения о религиозной практике населения Кушанской державы представляют монетные серии Канишки, на оборотной стороне которых представлены изображения и имена многочисленных божеств, так или иначе почитавшихся населением его многонациональной империи. Подобная практика опоры на широчайший сонм небожителей разных народов и религиозных верований традиционно практиковалась на Древнем Вос-

токе. Так, в одном из договоров миттанийских правителей перечислены около 200 различных богов, как бы освещающих своим авторитетом данный документ. В их числе индо-иранские Индра, Варуна, Митра и Насатья. Эмиссия Канишки содержит имена одновременно и Гелиоса, и Будды. Довольно много здесь имен божеств зороастрийского круга. Такова исключительно популярная Нана, или Наная, имя которой стоит на первом месте в надписи из Рабатака, причем далее следует выражение «и все другие боги». Имеются на монетах и Митра, и Ордохшо, и Фарро, и амударьинское божество Охшо-Вахш, которому был посвящен храмовый комплекс Тахти-Сангина. Скорее всего, именно таких верований придерживалось большинство населения Бактрии, бывшей наряду с областями Северо-Западной Индии одной из двух опор Кушанского государства.

Весьма впечатляющие результаты в сфере материальной и особенно художественной культуры принесло распространение буддизма. Некоторые исследователи считают, что оно началось лишь со времени правления Канишки. Нет сомнений в том, что именно в правление этого царя происходит распространение в Бактрии буддийского вероучения. Судя по всему, буддийские культовые центры располагались почти во всех основных городских центрах. На Зар-тепе помимо довольно позднего святилища, устроенного поверх крепостной стены, за пределами города была воздвигнута и ступа на квадратном основании. В ее тайнике обнаружено свыше 500 монет Васудевы и подражаний эмиссии этого государя. На Дальверзине имелся буддийский храм в черте города и буддийский комплекс за его пределами. Здесь продолговатые, но достаточно просторные помещения располагались по обе стороны квадратного основания ступы. Весь комплекс щедро украшала глиняная и ганчевая скульптура, основательно разбитая при разгроме этого культового центра. Первоклассные статуи воспроизводили помимо самого Будды также монахов и различных жертвователей-донаторов, в том числе, видимо, местных правителей.

Но особенной пышностью и богатством отличались буддийские памятники столичного центра Северной Бактрии — Антиохии Тармита. Монументальной постройкой была находящаяся за пределами основной городской застройки ступа, руины которой известны как «башня Зурмала». Ее стилобат имеет размеры 23 × 16 м, а круглое тулово ступы — диаметр 14,5 м. Первоклассными художественными ценностями отличается монастырь Фаяз-тепе, представляющий собой обширную постройку с двумя внутренними дворами. Его общие размеры 34 × 117 м. Роспись Фаяз-тепе, изображающая донаторов, является одной из наиболее выразительных в бактрийской живописи. Вне комплекса

располагалась ступа, капитально перестраивавшаяся так, что внутри более поздней постройки оказалось замуровано первоначальное сооружение.

Огромный сложный комплекс, существовавший не одно столетие и перенесший все невзгоды кушанской и посткушанской Бактрии, представляет собой Кара-тепе, расположенное рядом со столичным центром Северной Бактрии. Здесь наряду с наземными постройками устраивались и пещерные кельи и святилища, группировавшиеся обычно вокруг дворового центра. Расцвет комплекса приходится на II–IV вв. н. э., но с начала сасанидского давления на кушанские владения налицо не только запустение, но и прямые разрушения. Вместо буддийской статуи сооружается алтарь огня. К середине — концу V в. н. э. монастырский комплекс Кара-тепе забрасывается уже полностью.

Основные составляющие кушанского культурного комплекса, имеющие прямое воплощение в археологических артефактах, находятся в определенной взаимозависимости. Весьма показательно, что эти компоненты и типы артефактов распространены как в городских центрах, так и на сельских поселениях, хотя и в не столь престижной форме. Стандартная высококачественная гончарная посуда и типы терракот найдены и на Ак-кургане, и на Мирзакуль-тепе. На Ак-кургане есть и небольшая терракота, изображающая сидящего Будду. Весьма показателен охват сельской округи денежными отношениями. На том же Ак-кургане при раскопках найдены 152 монеты. По существу, лишь отсутствие мощных фортификационных сооружений и монументальной архитектуры составляет контрастное отличие от городов этих сельских поселков, вовлекаемых в орбиту урбанизированной культуры.

После правления великих кушанских государей наступает некоторое ослабление могущественной державы. Возможно, усиливается самостоятельность отдельных ее составляющих областей, в частности Бактрии. Слабеющее государство столкнулось с активной наступательной политикой нового политического образования на Древнем Востоке — государства Сасанидов. Сасанидские армии на протяжении IV в. н. э. дважды вторгались в Бактрию, где многие памятники сохранили следы погромов, а в материальной культуре проявились элементы, связанные со стандартами сасанидского Ирана. Тем не менее едва ли есть основания говорить для Бактрии с позиций культурогенеза о каком-то кушано-сасанидском периоде. Основные традиции, отраженные в типах артефактов, продолжались, хотя и эволюционировали, так же как и городская жизнь со всеми ее особенностями. Вернее говорить о позднекушанском периоде, в пору которого, разумеется, сказались определенные инновации, связанные с сасанидским прессингом.

Археологический комплекс этого времени есть основания именовать зартепинским по памятнику, где верхние слои относятся к этому времени и раскопаны в достаточно представительных масштабах (табл. 24, III). Для керамики этого периода характерны три черты: резкое сокращение, если не исчезновение, таких форм, как бокалы и кубки; широкое распространение небольших кувшинчиков, обычно покрытых снаружи коричнево-красным, как бы стекающим ангобом; и разнообразная орнаментация в виде украшения сосудов штампами и налепами, обычно помещаемыми под ручкой (головы козлов, антропоморфные налепы и т. д.). Примечательной формой этого комплекса являются чаши с загнутым внутрь тонким краем, украшенные снаружи налипными масками львов, выполненными штампами. Входит в моду штриховое лощение, сетчатое или арочное, в виде серий пересекающихся дуг, обычно наносимых с внутренней стороны сосудов открытых форм. Штампы на керамику наносились с помощью керамических матриц. Иногда для этого использовались и геммы. Штампы идут с наружной стороны сосудов в несколько рядов или располагаются группами. Наиболее обычны штампы в виде листа с прожилками, известные еще для греко-бактрийского времени по материалам Айханум, но появляются отдельные символы, связанные с буддизмом («колесо закона», ступня Будды). Сохраняются такие типы артефактов, как костяные булавки-«стили», иногда венчающиеся головой коня, пряслица из белого мраморовидного известняка в форме усеченного конуса, терракотовые ткацкие грузила в виде пирамид. Сохраняются основные оазисы и типы поселений от городских центров до сельских деревушек. Наряду со следами погромов и пожаров, сопровождающих периоды сасанидо-кушанского противостояния, в определенной мере сохраняется и строительная активность. Так, на Зар-тепе в центре возводится комплекс дворцового типа с многоколонными залами. На городской стене сооружается небольшое буддийское святилище, а в окрестностях возводится буддийская ступа. Возможно, это оживление строительной деятельности связано с перерывом между двумя этапами сасанидской агрессии, когда местные правители старались компенсировать свою вновь обретенную независимость. Вместе с тем к концу периода все острее выступают свидетельства надвигающегося упадка и деструкции. Налицо и прямые свидетельства пагубных последствий кушано-сасанидского противостояния и видимого продвижения с севера новой группировки кочевых племен, хотя и уступающих по масштабам юечжийскому вторжению, но достаточно чувствительных для оседлых оазисов и их культуры.

Уже в IV в. н. э. ощущаются нарушения стабильного развития, а к V в. н. э. упадок и запустение охватывают все новые центры и поселения. Особенно существенно то, что приходят в упадок именно город-

ские центры. Так, на городище Старого Термеза, бывшем нуклеарной частью столичного города Северной Бактрии, слои позднекушанского времени бедны и незначительны. Огромный буддийский центр на Кара-тепе, расположенный по соседству, в IV в. также переживает упадок. Большинство его микрокомплексов забрасываются. На руинах буддийских святилищ и келий устраиваются коллективные захоронения. Затем предпринимаются некоторые усилия по частичному восстановлению буддийских святынь, но к концу V в. все забрасывается окончательно. В полном запустении к V в. оказываются и такие кушанские города, как Зар-тепе и Дальверзин. Лишь в их цитаделях продолжается жизнь. На Дальверзине запустевает сам город, оборонительные стены не поддерживаются, на территории города, как и в руинах буддийского святилища Кара-тепе, устраиваются захоронения. Едва ли есть основания списывать все эти явления только на сасанидскую агрессию или вторжения кочевников. Такие события могли стать лишь дополнительным толчком, аккумулирующим начавшиеся изменения. Система урбанизированной цивилизации, лишенная централизованной поддержки мощного государства, исчерпала свои внутренние ресурсы и возможности. С упадком городов происходит дезинтеграция и всего кушанского культурного комплекса с его устойчивыми эталонами и стандартами. К поре раннего Средневековья, VI–VII вв., меняется не только стандарт кирпича, когда опять входит в моду прямоугольный формат вместо квадратного, характерного для греко-бактрийского и кушанского времени. Меняется вся культурная система в целом. Центр импульсивного развития в среднеазиатском регионе теперь перемещается на север, где активно набирает обороты согдийская цивилизация раннесредневековой эпохи.

Глава 8

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО СОГДА

Функция убежищ древнейших укрепленных центров (Афрасиаб, Ёр-курган). Эллинистические импульсы в керамических комплексах. Инфильтрация кочевых групп и их вхождение в городскую среду. Проникновение культурных стандартов засырдарьинской культуры Каунчи.

Согд упоминается уже в одном из древнейших авестийских гимнов, посвященном богу Митре. Правда, там речь идет о Гаве Согдийской, что могло означать наличие в пределах Согда области, именованной Гавой, хотя, впрочем, имеются и более сложные толкования. Согд фигурирует как отдельная «страна» в наскальных надписях ахеменидской эпохи. События в этой стране времени похода Александра Македонского подробно описывают античные авторы, употребляющие форму названия Согдиана. Именно в междуречье Амударьи и Сырдарьи Александр был вынужден провести три года, подавляя постоянные восстания и волнения. Со стремлением к указанию точных географических пределов античные авторы склонны именовать Согдианой всю территорию между Оксом (Амударьей) и Яксартом (Сырдарьей). Но реальнее считать Согдом территорию двух речных систем — Зеравшана и Кашкадарьи, что подтверждается и определенным единством в материальной культуре древней эпохи.

Согдийские древности впервые стали поступать с городища Афрасиаб, расположенного под Самаркандом и явно представлявшего собой руины этого города в домонгольскую эпоху. Правда, раскопки первоначально затронули лишь средневековые слои, а многочисленные предметы, в первую очередь терракотовые статуэтки, поступали из вторых рук, хотя и составили богатую коллекцию, хранящуюся в Госу-

дарственном Эрмитаже. Пионером изучения культуры Древнего Согда стал Г. В. Григорьев, проведший в предвоенные годы раскопки на городище Тали-Барзу, расположенном к югу от Самарканда. Здесь были выделены слои Тали-Барзу I–VI. Но, стремясь составить наиболее полную колонку для всех эпох, Г. В. Григорьев неоправданно удревнил возраст комплекса Тали-Барзу I, переоценив псевдоэллинистические черты в его материалах. Небольшие, но тщательные раскопки в 1940-х гг. провел на Афрасиабе А. И. Тереножкин. Он выделил комплексы, названные им Афрасиаб I–V, где наиболее ранние подразделения составляли яркие материалы с так называемой баночной керамикой середины I тыс. до н. э. Эта периодизация затем подверглась лишь незначительной детализации. Труднее дело обстояло с изучением Афрасиаба как городского центра. Сложная стратиграфия в условиях расположения города на холмистой местности и явное разрушение древних культурных слоев, постройки которых нередко использовались как грунт для сырцового строительства, затрудняют изучение этого центра в отличие от таких памятников, как Мерв или Дальверзин, расположенных на ровной местности. Ряд исследователей, в том числе А. И. Тереножкин, были убеждены в том, что в первые века нашей эры город на Афрасиабе пришел в запустение, что, однако, не нашло полного подтверждения.

Географически Согд можно разделить на три области, имеющие определенные отличия и в культуре. Таковы Южный Согд, или Согд Кашкадарьинский, в долине этой реки. В низовьях Зеравшана располагался Согд Бухарский, и выше по течению этой реки — Согд Самаркандский. В районе Самарканда река разделяется на два рукава, образуя в середине как бы остров, носящий название Мианкаль.

Стратиграфическая колонка Афрасиаба позволяет выявить в развитии керамического производства этап, когда происходила постепенная смена посуды традиционных баночных форм посудой новых типов. Эта стадия, названная Афрасиаб IIА, относится исследователями к V–IV вв. до н. э. и характеризуется помимо сокращения числа сосудов традиционных цилиндрических форм появлением кубков на высокой ножке (табл. 27) и частичным применением лощения. Это подготовило полные изменения, приходящиеся уже на период III–I вв. до н. э. Резко возрастает само качество глиняной посуды. Глина, шедшая на ее изготовление, тонко отмучивается (Афрасиаб IIБ). Распространяется красный ангоб и поверх него — лощение, настолько тщательное, что некоторые образцы исследователи принимали за фрагменты краснолаковой керамики. Безусловно, в этом сказалось стремление следовать эллинистическим эталонам. Это видно и по набору

новых форм. Таковы тарелочки с клювовидным венчиком, подражающие форме так называемых рыбных блюд. Разнообразны чаши, одна из форм которых навеяна формой знаменитых мегарских чаш. Цилиндрические сосуды получают поддон, а часто и высокую ножку. Появляются узкогорлые кувшины. Стремлением ориентироваться на эллинистические эталоны можно объяснить и появление сероглиняных сосудов с черным ангобом. Новые формы вырабатывались согдийскими мастерами на основе греческих образцов, как это было в развитой городской культуре Бактрии, Маргианы и частично Парфии. Таковы были стандарты и эталоны нового урбанистического образа жизни.

В этот период существенно укрепляются оборонительные сооружения Афрасиаба. Новые стены возводятся из сырцового кирпича, имеющего уже квадратный формат 34–36 × 34–36 × 14–16 см. Остатки старых стен обстраиваются и превращаются в платформу, имеющую пятиметровую высоту. Общая толщина новой стены достигает 8 м, и внутри нее проходит стрелковая галерея. При последующих ремонтах внутрстенный коридор получает сводчатое перекрытие из сырцового кирпича. Стены имеют бойницы стреловидной формы. Сама стена снабжена прямоугольными башнями размером 12 × 5 м. Видимо, Древний Самарканд, или Мараканда, как называют его античные историки похода Александра Македонского, подобно Мерву, имел стену, охватывающую его ближайшую округу. Ее руины известны под названием Дивари Кундалянг. Вероятно, в это время на территории Самаркандского Согда возникает целый ряд небольших городских центров. Так, керамика из самого нижнего слоя Кумишкента близка посуде переходного периода на Афрасиабе. В III–II вв. до н. э. на этом городище отмечены остатки монументальных построек, вскрытых, правда, лишь частично в ходе стратиграфических раскопок. При строительстве используется квадратный сырцовый кирпич размером 40 × 40 × 10 см. В интерьерах применялась окрашенная штукатурка (Кумишкент II).

Наряду с развитием оседлой культуры начиная со II–I вв. до н. э., как и в Бактрии, налицо свидетельства проникновения в Согд с севера кочевого населения, видимо, как отражение массового движения военных союзов, опрокинувших Греко-Бактрию и доставивших немало забот парфянским Аршакидам. Курганные могильники расположены прямо на территории в ближайшем соседстве с земледельческими оазисами. Таков Орлатский могильник в Мианкале. Железные мечи, наконечники стрел и уплощенные фляги соседствуют в погребальном инвентаре с одноручными кувшинами, явно произведенными руками ремесленников

согдийских городов. Скорее всего, часть кочевников включается в состав городского населения, воспринимая соответствующие элементы материальной культуры.

В коллекции многочисленных терракот Афрасиаба исследователи по стилистическим особенностям выделяют различные ранние группы, но в археологическом контексте соответствующие терракоты пока не обнаружены. Скорее всего, к раннему периоду принадлежат, как в Бактрии и Маргиане, статуэтки стоящих обнаженных женщин с руками, поднесенными к груди.

Расцвет городской культуры и городской жизни Древнего Согда бесспорно приходится на первые века нашей эры. Сомнения А. И. Тереножкина и некоторых других авторов в существовании в это время на территории Афрасиаба процветающего города едва ли основательны и объясняются спецификой сохранности культурных напластований городского образования, раскинувшегося на холмистой местности. Во всяком случае, крепостные стены ремонтируются и перестраиваются.

Достигает подъема и жизнь на целом ряде других согдийских городков. В Кумишкенте, где само городище сильно разрушено, обжитая территория, примыкающая к цитадели, достигала площади не менее 7 га. Известны и города с четким прямоугольником обводных стен. Таковы Дурмен-тепе и Курган-тепе в Мианкале. В Курган-тепе цитадель, имеющая размеры около 150 × 100 м, была дополнительно окружена рвом. Город, расположенный рядом, увеличил за время существования свои размеры. Первоначально он имел подквадратный план со сторонами 300 и 340 м (Шахристан I). Затем был существенно увеличен, и за пределами первоначального обвода сложился Шахристан II. В Курган-тепе было раскопано и культовое здание, являющееся, скорее всего, храмом огня. Оно имеет стандартную для подобных строений планировку: зал с обводом, хотя сам зал небольшой — 4 × 4 м. В центре сохранился постамент для алтаря. Весьма существенно стремление сохранить золу священного очага — она собиралась в специальном отсеке. Наиболее интересно расположение храма на ступенчатой платформе. Исследователи сопоставляют эту особенность со ступенчатым основанием алтарей огня, как они изображены, в частности, на многих древних монетах. Небольшим городком становится и Тали-Барзу. Его центральный бугор дает материалы типа Тали-Барзу I, тогда как в период Тали-Барзу II обжитая территория занимает около 12 га. Здание в центральной части располагалось на платформе. Обводная стена имела бойницы, но не стреловидной, а щелевидной формы, расположенные в шахматном порядке. Фортификация этих городов в округе более архаична по срав-

нению с Афрасиабом. Так, здесь отсутствует внутростенный коридор, облегчавший скрытое передвижение защитников вдоль стен. К первым векам нашей эры относится в Самаркандском Согде значительное число усадеб, особенно многочисленных к югу от Самарканда в Задаргомской степи. Но ни одна из них пока не подвергалась обстоятельным раскопкам.

В керамическом комплексе I–III вв. н. э. исчезает серая керамика, нет и посуды с тщательным лощением по красному ангобу. В целом отмечается некоторое огрубление гончарного производства. Претерпела изменения форма кубков. Имея высокую ножку, они сами все более приобретают вытянутые пропорции (табл. 27). К этому времени относится комплекс, выделенный как Тали-Барзу I, представленный и на Афрасиабе, где даже раскопана гончарная печь, связанная с производством керамики этого типа. Здесь появляются сосуды в виде вазы, иногда имеющие валик на ножке. Другие сосуды иногда имеют процарапанный волнистый орнамент. В комплексе Тали-Барзу I найден и фрагмент очажной подставки, увенчанный головой животного, — типичный артефакт комплекса приташкентской культуры Каунчи I. То, что это явление не случайно, показывает керамика каунчинского типа с мианкальского поселения Булакбаши. Здесь, в частности, имеется довольно выразительная коллекция фрагментов таких очажных подставок, увенчанных либо головами козлов, либо персонажами, названными исследователями «личинами», — с горбатым носом, глубокими глазницами и двумя косами. Каунчинские аналогии имеют и плоские крышки с петлеобразной ручкой, плоские жаровни и ряд других керамических типов. Судя по всему, население этого окраинного поселка, которое исследователи считают преимущественно скотоводами, достаточно стойко придерживалось собственных керамических традиций, хотя и не чуралось превосходных гончарных изделий ремесленников согдийских городов. Скорее всего, мы имеем дело со вторым потоком инфильтрации в Согд населения, отличного от кочевников, вооруженных железными мечами и оставивших подкурганые катакомбные погребения типа Орлатского могильника. Создатели культуры Каунчи были преимущественно оседлым населением, и их культура, хотя и уступала, скажем, согдийской цивилизации, не имеет ничего общего с материальной культурой кочевых обществ. Это просачивание новых мигрантов, судя по всему, было достаточно длительным явлением, и носители каунчинских традиций, будучи инкорпорируемыми в городскую среду, повлияли и на местное гончарное производство. Так, в комплексе Тали-Барзу II появляются кружки с ручками в виде животных, опять-таки типичнейший вид артефактов каунчинского общества. Примеча-

тельно и появление на местной гончарной посуде Тали-Барзу II росписи в виде крупных колец, наносимых на одноручные кувшины или чаши с ручками. В это время традиция нанесения росписи на керамику представлена именно в Каунчи и абсолютно нехарактерна для гончарства Бактрии, Маргианы или Парфии.

Находки в слоях терракотовых статуэток и формочек для их изготовления позволяют с уверенностью относить к этому времени ряд типов мелкой пластики. Таковы прежде всего фигурки стоящих женщин, одетых в кафтан с поясом и высокие сапожки. В руках они держат различные атрибуты, например в одной руке — плод, в другой — трилистник. Иногда это может быть и сосуд. Достаточно типичен стиль выполнения этих статуэток. Это приземистые фигуры, у которых крупная голова часто составляет чуть не одну треть всей скульптуры. Многочисленны и статуэтки всадников, хотя отдельные мужские изображения более редки, чем женские персонажи. Распространены, как и в Бактрии, статуэтки, изображающие музыкантов, причем обычно женщины только флейтистки, тогда как мужчины воспроизведены играющими на флейте, арфе и лютне. Весьма примечателен костюм, в который облачены все эти персонажи. В нем уже нет ничего эллинистического, как и в пропорциях приземистых статуэток. Обычно это кафтан или рубаха с отделкой по полам, шаровары, сапоги с отворотами и остроконечная шапка, конец которой, правда, зачастую загнут. Нельзя не признать в этом традиции, сложившиеся в кочевой среде. Они, например, хорошо известны по складчатым шароварам на парфянской скульптуре, да и другим иконографическим памятникам. Вполне вероятно, что вошедшие в состав городского населения кочевники, восприняв урбанистическую обыденную культуру, вместе с тем определили моду одеяний, может быть, в силу своего элитарного положения в согдийском обществе. В этой связи можно вспомнить, что согдийский правитель Гиркод, чьи монеты достаточно многочисленны (табл. 37, 13), не только помещал на реверсе своих монет символ кочевников — протому коня, но и сам, судя по портрету, следовал моде прически и ношения усов, известной по монетам кушанца Герая и по скульптуре дворца в Халчаяне, где воспроизведены, скорее всего, местные юечжийские владетели.

Памятники Кашкадарьинского Согда, как и Согда Самаркандского, разнообразнее всего представлены по результатам раскопок городища Ёр-курган, которое, как и Афрасиаб, тяготеет к типу столичных центров, если даже не было реально столицей Южного Согда. Подобно Афрасиабу, Ёр-курган стал формироваться как крупный центр на финальных этапах раннежелезного века, если не в мидийское, то, во всяком случае, в ахеменидское время. Еще до появления в Средней Азии во-

инских контингентов Александра Македонского Ёр-курган уже имел правильных квадрат обводных стен, охватывающих территорию 40 га. Правда, сама стена, возведенная из пахсы, имела толщину всего 3 м и едва ли могла противостоять серьезной осаде. Возможно, эта фортификация и не предназначалась для такой функции. Подобно другим ранним городищам, строители раннего Ёр-кургана делали упор на функцию убежища, на укрытие на обширной территории, не имеющей сплошной застройки, не только окрестных обитателей, но и их стад. Позднее эта внешняя стена лишь слегка ремонтируется. Затем, по мнению авторов раскопочных работ, во II в. до н. э. кирпичные закладки доводят толщину стены до 11 м. Снаружи она имеет прямоугольные башни, отстоящие друг от друга на 21 м. Правда, ни протейхизмы, ни внутростенного коридора здесь нет. Перед нами упрощенный вариант несколько провинциальной фортификации, рассчитанной лишь на физическую мощь укреплений.

Обширность территории, обнесенной стенами, характерна и для наиболее значительного по площади памятника Кашкадарьинского Согда Калаи-Захоки-Морон. Правда, здесь также неясно, в какой мере эта обширная площадь была занята городскими строениями. Фортификационные принципы здесь те же, что и в Ёр-кургане: основное внимание уделяется физической мощи укреплений. Толщина стен всех трех последовательно увеличивающих площадь памятника обводов колеблется от 9 до 11 м. Строительная техника здесь архаичнее ёр-курганской: стены возведены из пахсы и являются своего рода огромным глинобитным забором.

Внутренняя структура городища Ёр-курган только начала подвергаться детальным исследованиям. Внутри города после начала нашей эры была построена цитадель, обнесенная стеной, также сложенной из пахсы. Здесь, правда, имеются башни и были устроены бойницы. Монуументальное здание было возведено на отдельном бугре, имеющем размеры 120 × 90 м. В основании здания находится платформа пятиметровой высоты. Раскопано несколько крупных помещений, имевших алебастровую штукатурку, окрашенную в красный цвет. Это явно была обособленная монументальная резиденция, имевшая престижный характер.

В городе находились два монументальных храма. У так называемого западного храма исследован только один фасад и отмечены остатки алтаря. Полнее изучен восточный, или малый, храм, переживший, как это обычно бывает с монументальными строениями, сложную историю переделок и ремонтов. Первоначально, а исследователи полагают, что это был III в. н. э., это было прямоугольное двухколонное помещение с обширным айваном. Все строение было расположено на

платформе. Размеры основного зала составляют $13 \times 7,5$ м. По стенам шли ниши с циркульным оформлением сводов, сохранившие следы росписи. Сами колонны, как и в парфянской Нисе, возведены из лещатного жженого кирпича, покрыты ганчем, местами сохранившим ярко-красную окраску. В один из периодов существования храма на одной из колонн была воспроизведена процессия идущих фигур. Была в здании и глиняная раскрашенная скульптура, от которой сохранились лишь небольшие обломки. Судя по отдельным находкам, в этом культовом комплексе концентрировались различные ценности, в том числе и художественные, видимо, как и в бактрийском Тахти-Сангине, складывавшиеся из подношений донаторов. В числе сохранившихся предметов есть и выразительная фигурка ежа, сделанная из золота. Своей некоторой открытостью ёр-курганское здание отличается от типичных храмов огня, стремившихся выделить в планировке обособленное замкнутое пространство. Сама планировка ёр-курганского здания, а именно айван с расположенным за ним прямоугольным залом с колоннами, скорее ближе дворцовому зданию бактрийского Халчяна. Неоднократно обновляясь, храм просуществовал до поры раннего Средневековья включительно. Исследователи определяют позднюю дату его функционирования как VI в.

Примечательной чертой Ёр-кургана является увеличение в III–IV вв. н. э. площади, окруженной стенами. В это время возводится новая внешняя стена, охватывая уже огромную территорию 150 га. Возможно, это явление сопоставимо с притоком в край нового населения, о чем свидетельствуют материалы каунчинского облика, встреченные на целом ряде небольших поселений. В это время капитально укрепляется и внутренняя стена. Старые стены засыпаются грунтом, так что образуется мощная платформа высотой 8 м и шириной 22 м. Расположенная на ней стена уже имеет внутренний коридор и снабжена прямоугольными башнями.

Имелись на территории Кашкадарьинского Согда и другие, хотя и менее значительные, городские центры. Одним из них было городище Каляндар-тепе на окраине Китаба, занимавшее площадь не менее 8 га. Здесь найдены чаши с лощением и кубки, явно относящиеся ко II–I вв. до н. э. В начале XX в. в районе Китаба был найден разошедшийся по рукам огромный клад греко-бактрийских монет.

Довольно многочисленны в Кашкадарьинском Согде и небольшие памятники, многие из которых являются, скорее всего, усадьбами. Они обычно состоят из более высокого бугра и примыкающей низкой части. Таково Мудин-тепе, имевшее размеры 135×110 м. Здание на его высшей точке не вполне оправданно именуют «замком». В нижних слоях здесь отмечена тонкостенная краснолощенная посуда, явно относящаяся

к первым векам до нашей эры (Мудин I). Позднее в комплексе Мудин II, относящемся, скорее всего, уже к III–IV вв. н. э., преобладает керамика ручной лепки, обнаруживающая, как это обычно для Согда данного времени, каунчинские черты.

Керамическая колонка для Южного Согда разрабатывалась на материалах Ёр-кургана. В комплексе, обозначенном как А и идущем сразу за типичной банковидной керамикой ахеменидского времени, отмечены чашевидные кубки на поддоне. Однако в отличие от Афрасиаба интенсивный красный цвет не получил здесь распространения, сосуды покрыты светло-красным ангобом. В комплексе Б (табл. 28) многочисленны кубки на небольшой ножке, распространяются чаши с вертикальными бортиками. В комплексе, обозначенном как Г, ранние кубки сменяются кубками удлинненными на столь же высоких полых ножках, покрытых штриховым лощением. Бокалы эти красноангобированные. На горловинах кувшинов иногда встречается волнистый процарапанный орнамент.

Терракота Кашкадарьинского Согда еще не стала объектом специального исследования. Судя по всему, она достаточно близка мелкой пластике Самаркандского Согда. Такова статуэтка женщины из Мудинтепе с руками, сложенными на груди. Есть здесь и фигура лошади, видимо, предназначавшаяся для статуэтки всадника. Фигурки коней есть и на Ёр-кургане, так же как и статуэтки женщин в тяжелых одеждах, держащих в правой руке у груди различные предметы.

В Бухарском Согде собственно археологические материалы, характеризующие эпоху древнесогдийской цивилизации, ограничены и скудны. Вместе с тем есть основания полагать, что сам Бухарский Согд играл немаловажную роль в развитии согдийской культуры и государственности. Как и весь Согд в целом, он, скорее всего, входил в состав Греко-Бактрии, и под Бухарой найден второй в Средней Азии клад греко-бактрийских монет. Достигнув самостоятельности после крушения Греко-Бактрии, а может быть, и несколько ранее этого события, нижнезеравшанское владение стало выпускать монеты, следующие по типу тетрадрахмам греко-бактрийского царя Евтидема. Постепенно искаженная греческая легенда заменяется согдийской, что явно указывает на престижное самоутверждение местных правителей (табл. 37, 3).

Но пока в Бухарском Согде для древней эпохи выявлены главным образом небольшие поселения сельского типа, и на одном из них, Ромиштепе, в шурфе получена стратиграфическая колонка развития керамики древней эпохи. Правда, этот материал в силу малого объема раскопок довольно ограничен, а в силу естественного для мелкого центра провинциализма не всегда выразителен. Возможно, городским центром в это время уже была сама Бухара, где в большом раскопе, заложенном в

центре города, нижние слои дали материалы по меньшей мере IV–III вв. до н. э. Но сколь далеко простиралось это поселение, трудно сказать. Все древние культурные слои погребены под многометровой толщей более поздних напластований, затрудняющих широкие раскопки, и без того достаточно сложные в пределах продолжающего функционировать крупного городского центра.

Известные небольшие поселения Бухарского Согда также изучены в недостаточной степени. В Баштепе раскопана небольшая усадьба, находящаяся на платформе. Штампованные фигурки стоящих женщин с непропорционально большими головами явно следуют афрасиабским традициям, хотя и отличаются определенным провинциализмом. Усадьбы имелись как укрепленные, так и лишенные обводных стен.

Шурф, заложенный на поселении Ромиш, выявил ряд комплексов, ранний из которых автор раскопок склонен углублять до ахеменидской эпохи, в чем нет полной уверенности. В комплексе Ромиш II появляются бокалы на невысокой ножке и керамика с лощением по красному ангобу. Это как будто позволяет синхронизировать данные материалы со временем, представленным комплексом Афрасиаб II. Комплексы Ромиш III и IV, скорее всего, соответствуют материалам, выделяемым в Бактрии в халчянский и дальверзинский комплексы. В слое Ромиш V распространены бокалы на конических и дисковидных ножках. Комплекс Ромиш VI близок материалам, выявленным на бухарском же памятнике Кызылкыр. Здесь следует подчеркнуть, что, как и для Кашкадарьинского Согда, налицо появление элементов, характерных для каунчинского комплекса, в частности очажных подставок, увенчанных бараньими головами.

Имеются в Бухарском Согде и необычные памятники, которые по вполне понятному стремлению обычно рассматривают как культовые. Примечательно, что они относятся к периоду III–IV вв. н. э., бывшему, судя по фортификации Ёр-кургана, временем значительной строительной активности. В центре группы кызылкырских памятников вскрыто сооружение, имеющее центральный зал размером 9×9 м с обводными коридорами. Весьма необычен памятник Сеталк I, также являющийся центром небольшой группы поселений. Первоначально этот комплекс также имел центральный зал. В основании постройки находилась глинобитная платформа. Затем все здание было забутовано, и над этим массивом сооружено монолитное строение, имеющее в центре квадрат, по сторонам которого находились четыре полукруглых монолита, в плане напоминающие башни.

Как показывают археологические материалы, для цивилизации Древнего Согда можно говорить о двух значимых порогах культурной трансформации. Первый, общий для основных урбанизированных культур Сред-

ней Азии, приходится на IV–III вв. до н. э. Изменения происходят во многих областях — от строительства до художественной культуры. Прямоугольный формат сырцового кирпича, бывший традиционным не одно тысячелетие, сменяется квадратным. В фортификации появляются протейхизма, как показывают материалы Древнего Мерва, и стрелковые галереи, как это установлено работами на Афрасиабе. Изменения в наборе посуды отражают новые ценностные ориентиры городского образа жизни. Если пока не предложено убедительного объяснения смены формата основного строительного материала в сырцовой архитектуре, то новации в области фортификации и керамическом производстве явно указывают на воздействие эллинистических стандартов и эталонов. Вновь после тысячелетнего перерыва появляются терракоты, изображающие женские персонажи. Восстановление традиции мелкой пластики также, скорее всего, связано со знакомством с произведениями эллинского мира. Это определило первый порог стимулированной трансформации.

Второй порог был более затяжным, но не менее существенным как в плане культурогенеза, так, видимо, и этногенеза. Инфильтрация кочевого компонента на территорию Согда и его вхождение в состав оседлого населения достаточно интенсивно происходили во II–I вв. до н. э., что, надо полагать, нашло отражение и в установлении типов одежды, отраженном в терракотовой скульптуре. Но не менее значительным было воздействие культурного комплекса круга Каунчи I, также, скорее всего связанного с этническими подвижками. Начиная с Тали-Барзу I в керамическом наборе Согда появляются каунчиноидные и прямо каунчинские черты, как, например, характерные очажные подставки с зооморфными навершиями. Как свидетельствуют материалы ряда памятников, в том числе мианкальского Булакбаши, две керамические традиции — одна развивающая древнесогдийские традиции, другая каунчинские — какое-то время сосуществуют, а затем каунчинское воздействие как бы органически инкорпорируется в согдийский керамический комплекс. Видимо, этим можно объяснить появление росписи на гончарной керамике в пору Тали-Барзу II, хотя, конечно, сами распространенные там овалы не являются прямой репликой каунчинских рисунков, напоминающих большей частью некие разводы. Постепенно, к III–IV вв. н. э., эти северные, в первую очередь каунчинские, воздействия, нарастают, что отчетливо видно по материалам Кашкадарьинского Согда, где в это время возникает целый ряд усадеб и мелких поселений, возможно, в значительной мере стимулированных мигрантами. В результате каунчинский, или каунчиноидный, пласт становится одним из компонентов формирующейся блестящей согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи.

Глава 9

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Самобытность культуры III–I вв. до н. э. и стремление следовать ориентальному наследию. Слабость эллинистических воздействий и связи с кочевым миром. Хорезмийские стандарты городской культуры и дворцовый комплекс Топрак-кала. Начало культурной деградации в IV–V вв. н. э.

В ахеменидское время произошло утверждение в Хорезме культуры урбанистического облика, в чем, возможно, в числе прочих факторов проявилась деятельность новой администрации. На севере, в правобережном Хорезме, были созданы крупные ирригационные системы и широко распространились укрепленные небольшие усадьбы типа Дингильдже. На юге, в Хорезме левобережном, также создавалась ирригационная сеть, но вместе с тем были возведены крупные центры с развитой фортификацией — Кюзели-гыр и Калалы-гыр I. Повсеместно высококачественная керамика почти полностью заменила архаическую лепную посуду типа Амирабада на севере и типа Куюсай на юге. Типы керамики и формат сырцового кирпича явно указывают на южные истоки заимствования культурных стандартов и эталонов — на Маргиану и Парфию, откуда импорт объектов материальной культуры отмечен еще в комплексах типа Куюсай.

Позднее политическая ситуация меняется, что определенным образом сказывается и на процессе культурогенеза. Имя Хорезм исчезает из официального списка стран, подвластных Ахеменидам, и хорезмийцы отсутствовали в составе отрядов подданных и союзников «царя царей» в армии, принявшей участие в решающей битве с греко-македонской армией при Гавгамелах в 331 г. до н. э. Судя по всему, далекая северная страна вышла из-под опеки Ахеменидской державы. События времени похода Александра Македонского полностью это подтвер-

ждают. Источники сообщают, что к Александру во время зимовки в Бактрии в 329/328 гг. до н. э. явился хорезмийский царь Фарасман с 1500 всадниками, предложивший свои услуги в походе на колхов и амазонок, и вызвался служить проводником при продвижении к Черному морю. Как справедливо отмечали исследователи, это свидетельствует о тесных связях Хорезма с огромным миром кочевых племен, примыкавших с севера к этому форпосту среднеазиатских цивилизаций. Эти два обстоятельства — утверждение независимости и тесные связи с кочевым окружением — в значительной мере сказались и на облике древней культуры Хорезма.

С. П. Толстов и его школа выделяют в истории и культуре Древнего Хорезма два основных периода. Один из них назван кангюйским, а другой — кушанским. Оба названия даны исходя из представлений о политической ситуации и месте Хорезма в историческом процессе древней эпохи. С. П. Толстов был склонен сначала прямо отождествлять Хорезм с объединением Кангюй, известным по описанию китайских источников, а потом считал Хорезм важным центром и гегемоном этого объединения. В равной мере предполагалось, что Хорезм был включен в состав Кушанской державы. Хотя оба эти заключения вызывают определенные сомнения, сами термины сохранились и получили широкое распространение в специальной литературе.

Первый период, кангюйский, сам С. П. Толстов и его школа склонны относить к IV–I вв. до н. э. Четких обоснований для начальной даты не предложено, пока осторожнее говорить по имеющимся материалам только о III в. до н. э. Разумеется, никакого перерыва в развитии культуры не было, просто пока четко не выявились соответствующие археологические комплексы.

В этот период наряду с сохранением системы расселения укрепленными усадьбами формируется целый ряд значительных городищ. Одним из них является Джанбас-кала, занимающее площадь около 3,5 га. Городище прямоугольной планировки окружено крепостными стенами, сохранившимися на высоту до 10 м. В нижней части они возведены из пахсы, а выше — из сырцового кирпича квадратного формата. Башни отсутствуют, но перед воротами сооружено сложное предвратное устройство. Бойницам, скошенным в основании для навесного боя, придана стреловидная форма. Городище делит на две части прямая улица, причем в этих двух частях, по наблюдениям С. П. Толстова, метки, нанесенные на кирпичи, принадлежат двум различным типам. Это может указывать и на двойную группировку населения по какому-то принципу. В конце улицы со стороны, противоположной воротам, располагалось крупное здание размером 40 × 25 м, видимо, бывшее храмом огня.

В одной из комнат находилась овальная платформа, на которой, видимо, располагался сам алтарь огня. Обильные слои плотной золы заполняли все помещение и на определенном этапе покрывались глиняной обмазкой пола. Этот прием достаточно обычен для культовых комплексов, где зола от священного очага не выбрасывалась, а специально сохранялась. На другом городище, Базар-кала, такой культовый центр занимал площадь около 50×45 м. Он располагался вне основной территории самого городка. Здесь были ямы-хранилища, куда помещались небольшие вотивные сосуды, которые после совершения культовых церемоний, так же как и зола из алтаря, не выбрасывались, а тщательно сохранялись. Эти памятники расположены в Северном, или правобережном, Хорезме. Целый ряд подобных центров развивается и на левобережье. Таково было городище Хазарасп, возникшее именно в кангюйский период, а затем существовавшее в течение длительного времени.

Представлены и более крупные культовые центры, имевшие, скорее всего, общехорезмийское значение. Такова прежде всего Кой-Крылган-кала на правом берегу Амударьи, выдающийся памятник древнехорезмийской цивилизации. Главное здание, круглое в плане, имело вид цилиндра диаметром 42 м. Его внешняя стена имела крепостной характер и была снабжена многочисленными бойницами. Внешнее кольцо стен охватывало пространство диаметром 87,5 м. Это также была мощная стена, снабженная бойницами, с воротами, фланкированными двумя полукруглыми башнями. Весь комплекс существовал несколько столетий. Во втором периоде бойницы были заделаны и рядом возвели вторую крепостную стену, так что получился внутрискладчатый коридор. Постепенно застраивалось и пространство между центральным зданием и внешним обводом. Здесь располагались хозяйственно-жилые комплексы. Исследователи полагают, что если центральное здание выполняло функцию храма, то во внешнем кольце находились служебные постройки и обитал храмовый персонал. Детально охарактеризовать функции главного здания затруднительно. Здесь нет центрального помещения, где располагался бы главный алтарь или жертвенник. При раскопках памятника были найдены фрагменты керамических костехранилищ-оссуариев обычного для кангюйского периода типа, с восседавшими на основном прямоугольном хранилище фигурами, именуемые статуарными оссуариями. Предполагается, что Кой-Крылган-кала — это памятник погребального культа, возможно, выполнявший также какие-то астральные функции, связанные с астрономическими наблюдениями.

Крупный круглый храм открыт и в левобережном Хорезме, где он был возведен внутри крепости Калалы-гыр 2. В центре располагался большой прямоугольный зал, окруженный комнатами, сегментовидны-

ми в плане, что позволило архитектору вписать их в общий круг храмового здания. Расчищены очаги, возможно, игравшие роль жертвенников. В ходе раскопок были отмечены следы различных церемоний, скорее всего, связанных с культом плодородия. Так, перед воротами, ведущими в общую крепостную ограду, располагался своего рода предвратный культовый комплекс, где в нишах помещались приношения, в том числе сосуды с зерном. Обнаружены и сторевшие снопы. Помещения между главным круглым зданием и крепостной стеной, видимо, так же как и строения внешнего кольца Кой-Крылган-калы, принадлежали храмовому комплексу, возможно, имевшему собственное хозяйство. Во всяком случае, были обнаружены хозяйственные документы на черепках-остраках, подобные остракам из парфянского архива Старой Нисы. В более поздний период руины обветшавшего храма и крепостные стены использовались для оссуарных захоронений. Примечательно стремление и в северной, и в южной части Хорезма возвести культовые комплексы, круглые в плане, причем на севере этот планировочный принцип был сохранен и для внешней обводной стены.

В Калылы-гыр 2 оссуарные захоронения явно связаны уже со вторым периодом, когда основной комплекс был в запустении. Распространение оссуарного погребального обряда, связанного со стремлением помещать в специальные гробики кости, уже очищенные от мягких частей тела, возникает в Хорезме как раз в кангюйский период и явно связано с зороастрийскими установлениями, препятствующими помещению прямо в землю самих тел усопших. Известны разные приемы очистки костей, применяемые огнепоклонниками, в том числе выставление трупов на специальные «башни молчания», где их очищали до костей хищные птицы, а возможно, и дикие звери. Такого рода центры, судя по всему, были обнаружены и в Древнем Хорезме. Весьма показательным для кангюйского периода, что изготовление оссуариев приобрело художественные формы. Оссуарии венчались статуями или имели вид башен с зубчатым парапетом и бойницами, в чем некоторые исследователи склонны видеть воспроизведение древних мавзолеев. Правда, в Хорезме ни один такой «мавзолей» пока не обнаружен, хотя в Бактрии, как можно было видеть, открыты камеры, в которые специально помещались оссуарии с костями усопших. В Хорезме для этой цели часто использовали запустевшие крепости более раннего времени, в частности в левобережном Хорезме Кюзели-гыр и Калалы-гыр I. Иногда фигуры людей на оссуариях изображались сидящими на коне или верблюде.

Достаточно высокий художественный уровень характерен и для хорезмийской керамики этого времени (табл. 29, I). Как и в основных центрах Средней Азии, здесь произошла почти полная смена посуды

баночных форм, характерных для ахеменидского периода. Лишь в крупных хумах и хумча можно усмотреть сохранение старых традиций. В целом керамический комплекс Хорезма кангюйского периода весьма своеобразен и отличен от керамических наборов Бактрии или Согда и Маргианы. На крупные сосуды густой красной краской наносилась роспись в виде спиралей или рядов треугольников. Иногда фигуры треугольников даже подчеркивались нарезками по внешнему контуру. Для всех сосудов характерны пропорциональность форм, высокое качество выделки. Цвет посуды — желтовато-розовый, но есть и красноангобированные образцы, иногда покрытые лощением. Из форм помимо чаш необходимо отметить кувшины и бокалы на высокой ножке. Показательно отсутствие двуручных сосудов. Три вида художественной керамики придают керамическому комплексу Хорезма кангюйского времени особую специфику и выразительность. Таковы прежде всего керамические ритоны — специальные сосуды для возлияний, сделанные в форме рога и имеющие отверстие в нижней части. Они увенчаны фигурами животных, чаще всего коней, но встречаются также и фигуры крылатых грифонов. В этом отношении богатая керамика Хорезма как бы перекликается с находками ритонов из слоновой кости из парфянской Нисы. Но там это были предметы из царской сокровищницы, тогда как в Хорезме — бытовые сосуды, распространение которых было достаточно широким. Другой вид художественной керамики — одноручные кувшины, где на вершине ручки была оттиснута львиная голова, как бы вцепившаяся зубами в венчик сосуда. Аналогичной формы сосуд, только сделанный из золота, известен по сокровищам Амударьинского клада, и, скорее всего, хорезмийские гончары подражали этим изделиям. Наконец, третий вид художественной посуды — это фляги, обычно уплощенные с одной стороны и имеющие две ручки-петельки для прикрепления во время переноски. Фляги эти были разной величины и предназначались как для навьючивания на животных, так и для транспортировки за спиной, как это видно на одном из хорезмийских рельефов. Вместимость крупных фляг достигала 6–7 л. На многих флягах с одной стороны располагались художественные рельефы. Здесь, в частности, изображен и путник, идущий с аналогичной флягой за плечами. Имеется также изображение женщины, кормящей ребенка, вероятно, одной из ипостасей богини-матери. На другом рельефе крылатый конь-грифон топчет копытами огромную голову, явно иллюстрируя какой-то мифологический сюжет. Интересно и изображение скачущих всадников, в том числе всадника в островерхой шапке, явно напоминающего сакских наездников того объединения, которое ахеменидские надписи именовали саками, носящими высокую шапку. Один из всадников, так же как и его конь,

одет в тяжелые доспехи. Это, бесспорно, представитель тяжелой конницы, которая у греческих авторов называлась катафрактариями и была представлена у массагетов.

Образ коня был весьма популярен в Древнем Хорезме, и при раскопках Кой-Крылган-калы было найдено несколько десятков глиняных фигурок, воспроизводящих это животное. Как во всех основных центрах древних цивилизаций Средней Азии, в Хорезме появляются и антропоморфные терракоты. Предпочтение отдавалось женским образам. Здесь можно отметить, с одной стороны, обнаженные персонажи. Одна из фигурок держит в руках амфору, вещь для Хорезма весьма необычную и не представленную в керамических наборах.

В материальной культуре Хорезма кангуйского периода в той мере, в какой она отражена в археологических материалах, выступают две особенности — слабое эллинистическое влияние и подчеркнутое обращение к древним восточным традициям. Трудно судить, входил ли Хорезм в состав Греко-Бактрии. В Хорезме найдено несколько греко-бактрийских монет, но едва ли здесь были сколько-нибудь значительные поселения греко-македонских колонистов. Неудивительно, что в керамическом комплексе отсутствуют такие обычные для Бактрии и Согды этого времени формы, как так называемые рыбные блюда, явно следующие эллинистическим образцам. Наоборот, и фляги, и ритоны, и одноручные кувшины с ручкой, венчаемой львиной головой, — все это формы, следующие традициям ахеменидского времени, когда соответствующие изделия часто делали из драгоценных металлов.

Оригинальной чертой древнехорезмийской архитектуры является возведение монументальных круглых храмовых комплексов. В других областях Средней Азии предпочтение отдавалось прямоугольным или подквадратным в плане сооружениям, да и в самом Хорезме, как показывают раскопки Джанбас-калы и Базар-калы, рядовые святилища имели такие же очертания. Вероятно, здесь следует видеть наследие весьма древних традиций, восходящих к бронзовому веку, когда, например, в Южной Бактрии был сооружен на Дашлы 3 круглый храм, вписанный, как и Кой-Крылган-кала, в двойной обвод овальных стен. Как и в Кой-Крылган-кале, основное круглое здание в Дашлы укреплено и даже имеет по периметру обводных стен подквадратные башни. Выше уже отмечалось возможное следование в данном случае стандарту круглых крепостей-поселений типа Аркаима в евразийских степях, наиболее вероятной прародине индо-иранских племен, устремившихся на юг как раз в бронзовом веке.

Все это свидетельства своего рода самоутверждения хорезмийской цивилизации, обращающейся в условиях повального воздействия эллинистических стандартов к древним ориентальным традициям. Это весьма

показательно для небольшого независимого государства, утвердившегося в низовьях Амударьи. Совершенно ясно, что в это время происходит формирование местной письменности, начало чему могло быть положено еще в пору доминанты здесь ахеменидской администрации, ведшей основную бюрократическую документацию при помощи арамейского алфавита. Для Хорезма кангюйского времени известен целый ряд надписей, воспроизведенных на стенках сосудов, хотя их древность в некоторых публикациях несколько преувеличена. Надписи, сделанные тушью на черепках сосудов, обнаружены и на Кой-Крылган-кале, причем один фрагмент, на котором сохранилась часть трехстрочного текста, мог принадлежать и хозяйственному документу, подобному нисийским остраконам. Бесспорные остраконы найдены при раскопках культового центра, располагавшегося в крепости Калалы-гыр 2. Скорее всего, именно период III–II вв. до н. э. был временем развития древнехорезмийской письменности на основе арамейского алфавита с широким использованием арамейских идеограмм.

Уже сообщение о всадниках, сопровождавших хорезмийского царя Фарасмана при встрече с Александром Македонским, указывает на значительную роль всадничества в древнехорезмийском обществе. Это подкрепляется свидетельствами большой популярности образа коня в массовой материальной культуре. Из ритонов, заканчивающихся протомами животных, наиболее популярной была фигура лошади. Статуэтки коней являются массовыми среди древнехорезмийских терракот, занимая второе место вслед за статуэтками женщин. Скачущие всадники, в том числе и в тяжелых доспехах, изображались на рельефах парадных фляг. Не случайны и сакские одежды, воспроизведенные на одном из таких изображений. Даже при погребальных обрядах подчеркивалась роль всадничества, о чем свидетельствуют оссуарии, увенчанные фигурами всадников. Тесное взаимодействие с миром кочевников обеспечивало Хорезму весьма широкие связи в зоне степей. Вероятно, таким путем попала в Хорезм монета, чеканенная по типу монет, выпускавшихся в 250–200 гг. до н. э. в городе Фанагория Боспорского царства. Это позволяет вспомнить царя Фарасмана, предлагавшего Александру свои услуги в качестве проводника в Северное Причерноморье. Хорезм не только находился в тесных связях с миром кочевников, но и сами кочевники постоянно пребывали на окраинах хорезмийских оазисов. В левобережном Хорезме исследованы раннекочевнические курганы, где часть инвентаря составляет гончарная посуда хорезмийских ремесленников. Вероятно, происходила и прямая этническая ассимиляция с адаптацией кочевого населения обитателями оазисов. Показательно и воздействие культурных стандартов на кочевое окружение. В ряде курганов обнару-

жены оссуарные погребения или захоронения, следующие этому обряду, что свидетельствует, скорее всего, о распространении в кочевой среде культовых нормативов зороастрийского круга.

Следующий период именуется исследователями древностей Хорезма кушанским и относится ими ко II–IV вв. н. э. Вероятно, если иметь в виду периодизацию истории и культуры, точнее говорить о времени I–IV вв. н. э. Именно в середине I в. н. э. происходит дальнейшее самоутверждение хорезмийской государственности: устанавливается для местной династии особая хорезмийская эра. К концу кангюйского периода намечаются черты явственных изменений в керамическом комплексе: исчезают такие формы, как фляги, украшенные рельефами, и кувшины с ручкой, венчаемой головой льва. Перестают производиться и крупные сосуды с росписью контурными треугольниками. Можно считать, что налицо признаки смены одного археологического комплекса другим.

Для кушанского периода достаточно надежно определяется его завершающий этап, относимый к III–IV вв. н. э. Материалы позднекушанского типа найдены на Куняуазе в слое с пятью сасанидскими драхмами Шапура I (242–272 гг.), принадлежащими к поздним выпускам его правления. Другой важной опорной точкой являются комплексы топраккалинского дворца, где были обнаружены документы, датированные по хорезмийской эре от 188 до 252 гг. Оссуарии с надписями, включающими даты по хорезмийской эре, были найдены на раннесредневековом некрополе Ток-кала, где обнаружены также монеты, указывающие на время его функционирования. Обратный отсчет показывает, что хорезмийская эра была учреждена где-то в пределах первой половины I в. н. э. Это определяет датировку топраккалинских документов временем около последней трети III в. н. э. Правда, следует иметь в виду, что это дата составления документов, тогда как найдены они были уже во вторичном залегании. При раскопках этих наслоений в Топрак-кале были также обнаружены многочисленные монеты кушанского правителя Васудевы и разнообразные монеты, выпущенные хорезмийскими правителями. В целом различные расчеты и оценки позволяют датировать позднекушанские комплексы Хорезма III–IV вв. н. э. Сложнее решается вопрос о начальной дате. Монеты кушанского правителя Канишки были обнаружены при раскопках усадьбы в районе Аяз-калы, что может указывать на первую половину II в. н. э. В целом же отнесение кушанского периода Хорезма к I–IV вв. до н. э. соответствует периодам изменений археологических комплексов в других районах Средней Азии.

Хорезм в это время был довольно густо заселен, что видно по остаткам многочисленных поселков и усадеб, исследованным археологами

в зоне древнего орошения. Среди небольших поселков располагались более значительные усадьбы, вероятно, принадлежавшие особо состоятельным семьям. Они обычно имели прямоугольную планировку и состояли из обширного двора и дома из нескольких комнат. Своего рода административными или социальными центрами в сельской округе были массивные укрепленные усадьбы, имевшие зачастую башни и идущий внутри стен с бойницами стрелковый коридор. С точки зрения фортификации это были как бы городки в миниатюре. Три таких крепости располагались в районе Аяз-калы. Здесь изучена одна из стоящих поблизости усадеб, имевшая двор площадью около 9000 м² и расположенный у одной из стен двора шестикомнатный дом, занимавший площадь около 150 м². Усадьбы такого типа имели также хозяйственные закрома, и одна из комнат, видимо, предназначалась для хранения оссуариев.

Так же как и в Бактрии, в Хорезме были города, четко спланированные и построенные по единому замыслу под контролем центральной власти. Таким «царским городом», безусловно, было городище Топрак-кала, являющееся для кушанского времени в Хорезме столь же эталонным памятником, как и Кой-Крылган-кала для кангюйского. В плане городище образует прямоугольник, занимая площадь 500 × 350 м. Город был обнесен стеной, укрепленной прямоугольными башнями. От единственных в городе ворот шла улица 10-метровой ширины, делящая город на две части. От нее отходили поперечные улицы, нарезавшие город на четкие прямоугольники кварталов. В части города, противоположной воротам, находился участок, отгороженный специальной стеной. Здесь располагались несколько монументальных храмовых построек и господствующий над городом дворец, воздвигнутый на цоколе высотой в 14 м. К этой доминирующей в городе вертикали следует добавить еще 8–9 м, приходящихся на высоту стен самого дворца. Здесь на плоскости древней амударьинской дельты не было естественных всхолмлений, подобных тем, которые строители царского заповедника Старая Ниса могли использовать при возведении имперской резиденции. Поэтому пришлось максимально использовать строительные приемы для утверждения монументального лидерства носителя верховной власти.

Тщательные раскопки дворцового комплекса Топрак-калы показали, что он пережил довольно длительную историю. Поскольку завершающий этап его функционирования приходится на III–IV в. н. э., его первоначальные структуры, безусловно, являются более древними. Возможно, в какой-то мере здесь отражено стремление новой династии, утвердившейся в Хорезме, не только установить новую эру и выпустить монеты

нового образца, но и увековечить свои приоритеты в монументальной архитектуре.

Первоначально дворец располагался на платформе, имевшей подквадратные очертания размером 80 × 80 м. Затем к основной платформе были пристроены 3 массива, придавшие всему дворцовому комплексу особый вид, позволивший С. П. Толстому назвать его трехбашенным замком. Цоколи этих массивов достигали 25-метровой высоты. Дальнейшие исследования показали, что рядом с городом, но уже вне крепостных стен располагалось обширное пространство, также обнесенное стенами, за которыми, видимо, скрывался парковый комплекс. Здесь же располагалось и какое-то крупное здание, от которого сохранились лишь части нижних стен. Предполагается, что это своего рода нижний дворец, выполнявший различные бытовые функции, в том числе и жилую.

Но основным престижным сооружением был именно верхний дворец, вознесенный на платформе на многометровую высоту. Входящие в его состав помещения были двухэтажными, но от верхнего этажа мало что сохранилось, кроме обрушившихся вниз строительных остатков и части находившихся там предметов. За время существования монументального комплекса строения ветшали и перестраивались, и исследователи насчитывают по меньшей мере три периода таких перестроек. Стены многочисленных парадных помещений щедро украшались живописью и скульптурой, в основном глиняной, покрытой краской. Все это сохранилось в обрывках и во фрагментах художественных произведений, часто находимых уже среди завалов сырцовых стен. Вместе с тем по этим частям былой роскоши, в основном по нижним частям скульптурных композиций, исследователи в определенной мере восстанавливают значение и функции отдельных комплексов внутри огромного дворцового массива, насчитывающего более 100 помещений.

Центральную роль играла группа помещений, названных исследователями ансамблем тронного зала. Перекрытия крупных залов поддерживались с помощью деревянных колонн, покоившихся на каменных базах. Важную роль играло помещение, названное «залом царей». Здесь вдоль стен шли суфы, разделенные на 23 участка, в которых располагались сделанные из глины горельефные статуи мужчин и женщин. Предполагается, что эти группы воспроизводят правителей Хорезма и их близких, образуя своего рода галерею предков. Судя по фрагментам, здесь располагалось не менее 100 фигур. При входе в зал находилась платформа с обожженной поверхностью, видимо, пьедестал для алтаря, на котором возжигался огонь. В «зале воинов» на релье-

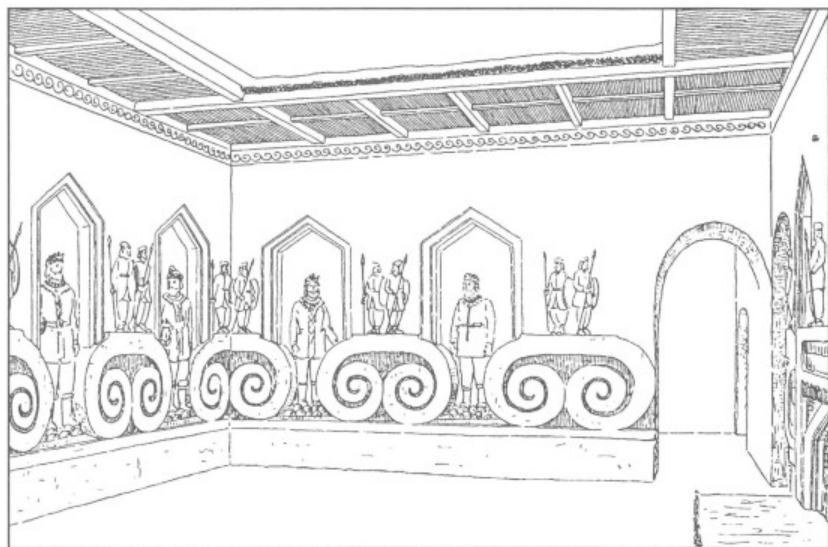

Рис. 8. Зал воинов Топрак-калы. Реконструкция С. П. Толстова

ефных двойных волютах помещены фигуры воинов в панцирях со щитами (рис. 8). Явно со специфическими церемониями был связан «зал танцующих масок», где на стенах воспроизведены фигуры мужчин и женщин, в том числе с козлиными ушами. Между ними находились менее крупные фигуры танцовщиц. Вполне допустимо, что церемонии, для которых предназначался этот зал, частично связаны с традициями дионисийского культа. В центре этого зала также располагался алтарь. С точки зрения культурогенеза особое значение имеет «зал оленей». Здесь были изображены фигуры оленей, пасущихся среди деревьев, обвитых виноградными лозами. Выше, видимо, шел фриз, воспроизводивший грифонов. С. П. Толстов справедливо отметил, что трактовка оленей близка стилю скифо-сарматского искусства. Это одно из свидетельств традиционных связей Хорезма с миром кочевых племен, откуда, возможно, вела свое происхождение и правящая династия.

Видимо, с I в. н. э. не только берет свое начало хорезмийская эра, но и самостоятельный монетный чекан Древнего Хорезма. Показательно, что на реверсе этих монет помещено изображение всадника с притороченным к седлу колчаном. Корона этого всадника аналогична короне царя, чей портрет воспроизводился на лицевой стороне монет, и не приходится сомневаться, что это воспроизведение самого правителя Хорезма. Б. И. Вайнберг не без оснований подчеркивает, что в данном случае

всадник, изображение которого сохраняется в местном чекане вплоть до первых десятилетий после арабского завоевания, был своего рода символом хорезмийской государственности.

Среди комнат второго этажа также были помещения особого назначения, хотя и не столь значительные по величине, как парадные залы, располагавшиеся под ними. Судя по обрушившимся предметам, там находилось оружие, видимо, принадлежавшее дворцовой страже, и архив с документами царской бюрократии. Здесь были найдены части железного панциря, части луков и колчана со стрелами. Большие сложные составные луки имели обкладки, сделанные из рога оленя, и достигали 1,5 метра. Стрелы были снабжены железными трехперыми черешковыми наконечниками. Само древко из камыша имело две деревянные насадки сверху и внизу, причем на нижней был сделан вырез для тетивы. Стрела снабжалась двумя перьями, а для обмотки использовались сухожилия. Окрашивались стрелы в красный цвет. Сохранившаяся нижняя часть колчана представляла собой деревянный брусок со скругленными краями, обтянутый ивовой корой. Помимо оружия в завалах, образовавшихся при обрушении верхнего этажа, были найдены обрывки шерстяных и хлопковых тканей, а также китайского шелка с вышивкой.

Но наибольший интерес среди этих находок, бесспорно, представляли письменные документы на дереве и коже, выполненные на древнехорезмийском языке арамейским алфавитом. Кожаные документы истлели, и об их содержании можно судить лишь по отпечаткам отдельных строк и слов, оставшихся на глине. Записи делались также на деревянных предметах: палочках-бирках и специальных дощечках. В хозяйственной системе, подлежащей контролю дворцовой администрации, велся тщательный учет поступления и выдачи различных продуктов, прежде всего вина и муки. Видимо, такому же учету подлежал и скот — сохранились упоминания быков и овец. Документы на дощечках представляют собой списки взрослых мужчин большесемейных общин, причем учитывались, видимо, для воинских нужд, как свободные, так и домашние рабы. Изображение писца, несущего свитки, имеется и в росписи топраккалинского дворца.

Исследователи этого замечательного памятника Древнего Хорезма были особо увлечены сложной семантикой обнаруженных здесь скульптур, рельефов и живописных панно. Они предполагали, что дворец имел в первую очередь сакральное значение, будучи центром, связанным с различными аспектами царского и династийного культа. Но наличие документов чисто бюрократического характера свидетельствует, что он выполнял и административно-хозяйственные функции, оставаясь при этом династическим центром, одной из резиденций правящей династии.

Разумеется, «царский город» Топрак-кала не был единственным урбанистическим центром Древнего Хорезма кушанского периода. Из сохранившихся памятников можно отметить в левобережном Хорезме мощную крепость Шахсенем, продолжавшую существовать и в Средние века, Мангыр-калу и Куны-Уаз. В периферийных частях левобережного Хорезма по-прежнему многочисленны курганы кочевников, в которых распространяется обряд захоронений в подбоях и катакомбах. Это были районы постоянного размещения скотоводов, поддерживавших тесные связи с оседлым населением усадеб и городов.

Материальная культура Хорезма этого времени продолжает в значительной мере более ранние традиции (табл. 29, II). По-прежнему изготавливаются терракотовые фигурки, изображавшие женщин либо в тяжелых одеждах, либо обнаженными. Найдены статуэтки обезьяны и слона, принадлежащие, скорее всего, к числу импортных вещей, появившихся здесь в пору тесных связей с Кушанской державой. Вместе с тем показательно, что нет свидетельств распространения каких-либо объектов, связанных с буддизмом. Хорезмийцы в идеологическом плане в основном придерживались, судя по всему, традиционных убеждений. Весьма многочисленны оссуарии и оссуарные некрополи. Ящичные оссуарии, или оссуарии-сосуды, так же как и сами сосуды, использовавшиеся для этих целей, постепенно заменяют эффектные более ранние статуарные костехранилища.

В керамическом комплексе наиболее распространены кувшины, которые, правда, со временем уступают место крынкам. Роспись небрежна, краски мутные, рисунок ограничивается воспроизведением двух соединенных кругов. Широко распространяется лощение различных видов: сплошное, сетчатое и полосчатое. Имеется волнистый процарапанный орнамент и процарапанные линии, идущие вдоль венчика. В позднекушанское время происходит упрощение форм и падение качества керамики. В глине увеличивается примесь песка и плохо раздробленного гипса. Хумы почти полностью лепятся от руки без помощи гончарного круга, так же как и некоторые хумча. Исчезают чаши, и появляются кувшины с горлом воронкообразной формы. В самом производстве ощущаются симптомы угасания высоких традиций цивилизации древней эпохи. Постепенно статуэтки производят только из алебаstra, появляются и сделанные из этого материала оссуарии. Угасают не только традиционные городские центры наподобие Топрак-калы, но забрасываются и целые районы. Так, после V в. н. э. запустевает присарыкамышская дельта в левобережном Хорезме: здесь отсутствуют и курганные могильники скотоводов и оседлых земледельцев. Древняя цивилизация вступает в период постепенной стагнации и частичной дезинтеграции.

Глава 10

ФЕРГАНА И ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ: НА ПЕРИФЕРИИ ГОРОДСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Двуединный характер культурных комплексов Древней Ферганы. Воздействие стандартов городских культур юга и традиций оседающих кочевников. Комплексы Каунчи на Средней Сырдарье как отражение таких процессов. Интенсивное развитие стандартов культуры Каунчи в оседлых оазисах. Продвижение носителей каунчинских комплексов в южном направлении.

Фергана и области по среднему течению Сырдарьи, в первую очередь ташкентский регион, образовывали северный пояс высокоразвитых культур, отделяющий кочевые общества азиатских степей от древних цивилизаций Средней Азии. Это их положение достаточно ярко сказалось на процессах культурного синтеза и, видимо, этнических взаимодействий. Вместе с тем сами эти области, уступая по ряду культурных параметров южным соседям, в первую очередь Согду и Бактрии, зачастую воздействовали на весь ход исторического развития среднеазиатского региона. Вполне вероятно, что этому способствовали их взаимодействия с северными соседями, обновлявшими биологический потенциал и пассионарные тенденции.

Сама по себе интенсификация урбанистических начал отчетливо проявляется и в типах поселений, и в строительном деле, включая фортификацию, и в гончарном производстве. Отсутствие в материальной культуре Древней Ферганы и присырдарьинских областей мелкой пластики обедняло художественный облик местных культур, но, скорее всего, было связано с определенными местными идеологическими и обрядо-

выми установлениями. Заметно отличался ферганско-сырдарьинский регион от южных цивилизаций и неразвитостью денежного обращения, видимо, не стимулируемого товарными отношениями, не преодолевающими натуральный обмен. Местные политические образования также не достигли степени необходимости своего самоутверждения через монетную эмиссию. Находки, например в Фергане, даже иноземных монет единичны. В Ташкентском оазисе, возможно в конце древней эпохи, начался выпуск местных небольших анэпиграфных монетных кружков с характерной тамгой на оборотной стороне. Их выпуск скорее стимулировали политические соображения, чем экономическая необходимость. Эти два внешних признака — отсутствие терракот и монет — как бы придавали культурным комплексам определенную провинциальность, но их, пожалуй, полностью компенсировала незаурядная оригинальность самих местных культур.

В то время когда в основных цивилизациях Средней Азии распространилась ремесленная «баночная» керамика как своего рода стандарт городского образа жизни урбанизированных обществ культура Древней Ферганы сохраняла черты определенной архаики. Здесь к середине I тыс. до н. э. относятся комплексы типа Эйлатан-Актам. Ряд исследователей допускает, что начало их формирования восходит к VII в. до н. э. и они существуют вплоть до III в. до н. э. Последнее заключение вполне вероятно, поскольку при строительстве обводной стены Эйлатана использован сырцовый кирпич крупного квадратного формата, не применявшийся ранее III–II вв. до н. э. Само городище Эйлатан имеет в плане форму неправильного четырехугольника и обнесено стеной с башнями. Стена сделана из пахсы, имеет четырехметровую толщину и снаружи в ряде мест облицована сырцовым кирпичом неустойчивого формата, в том числе и классического для среднеазиатской древности в форме крупного квадрата. Башни имеют прямоугольную форму и глинобитную платформу. Постройки на поселении, судя по произведенным, правда, весьма ограниченным раскопкам, были глинобитными. С одной стороны городища был сделан дополнительный обвод, в пределах которого, однако, незаметно следов строений. Возможно, это было убежище для окрестных жителей и их стад. Видно, что функция убежища была существенной чертой Эйлатана, а фортификация по строительным приемам сохраняет многие архаические черты чустской эпохи. Известен также целый ряд поселений эйлатанского времени, которые, однако, не подвергались широкому раскопкам.

Определенное чустское наследие может быть отмечено и в керамическом производстве, хотя в отличие от Чуста до 40% посуды сделано

с помощью гончарного круга, возможно, правда, архаического типа с ручным вращением, затруднявшим при небольшой потенциальной скорости производство тонкостенных и изящных изделий. На гончарном круге изготавливались чаши, горшки и кружки с петлевидными ручками. Среди лепной посуды много чаш, в том числе изготовлявшихся на матерчатом шаблоне. Имеются кувшины, сосуды на кольцевидном поддоне. Около 11% лепной керамики украшено росписью, в чем так же, как и в архаической фортификации, можно усматривать чустские традиции. Роспись производилась темно-красной или коричневой краской. Распространены фризы из линейно расположенных треугольников: контурных, заполненных косой штриховкой или с сетчатым заполнением (табл. 31, II).

В погребальном обряде, напротив, произошли значительные изменения. Могильники теперь располагаются отдельно от поселений и состоят из небольших курганных насыпей, иногда сближающихся так, что насыпь в целом образует продолговатый вал длиной 3–9 м. Костяки находятся в вытянутом положении (могильники Актам, Суфан, Дашти-Ашт), что также отличается от чустских скорченных захоронений. В погребениях встречаются бронзовые трехперые наконечники стрел со скрытой втулкой, а нередко и с опущенными жальцами (табл. 31, II). Украшения в основном сделаны из железа. Это булавки, кольца, браслеты, имеются сравнительно редкие бусы из белой или синей стекловидной пасты.

В культуре эйлатанских комплексов прослеживается определенная двухкомпонентность. Расписная посуда ручной лепки, глинобитное строительство с начальной стадией широкого использования сырцового кирпича — все это явное наследие чустской культуры, того местного оседлого населения, которое, видимо, и составило исходный пласт для культуры Ферганы середины I тыс. до н. э. В числе инноваций использование гончарного круга можно отнести и за счет технологических заимствований от южных соседей, скорее всего, от согдийских гончаров. Иначе дело обстоит с такой специфической чертой культуры, как погребальный обряд. Курганные насыпи, вытянутое положение костяков, встречающаяся каменная обкладка могил — все это черты, абсолютно не свойственные чустским традициям и находящие аналогии в широких пределах раннекочевнической культурой сакского круга. Керамические формы также в ряде отношений обнаруживают сходство с раннекочевническими гончарными традициями, особенно из могильников в соседних областях — на Алае и в Кетмень-тюбе. Следует полагать, что эти черты отражают инфильтрацию в Фергану племен сакского круга, их проникновение в среду оседлого населения и

формирование своего рода синтетического культурного комплекса, что в дальнейшем становится одной из характерных черт культуры Древней Ферганы.

В постэялатанский период в культуре Древней Ферганы активно развиваются урбанистические начала. По существу, Фергана переживает тот период урбанизации, ту стадию, которую южные цивилизации вроде Согды и Бактрии прошли в середине I тыс. до н. э. Кстати, слабое развитие товарных отношений в Согде и Фергане привело к тому, что это была пора, когда деньги в монетной форме еще не получили повседневно распространения. Оседлые поселения заполняют археологическую карту Ферганы, и целый ряд из них, достаточно значительных по величине и по системе оборонительных сооружений, явно принадлежит к городскому типу.

По названию наиболее репрезентативного памятника Ю. А. Заднепровский даже предложил назвать соответствующий период в истории Ферганы мархаматским этапом. Образуя в плане четкий прямоугольник, охваченный стенами и башнями, расположенными через равные промежутки, городище Мархамат явно повторяет тот тип спланированных центров, которые представляли в Бактрии Кей-Кобад-Шах и в Хорезме Топрак-кала. Сами башни прямоугольные и имеют размеры 18 × 9 м. В одном из углов городища расположена цитадель, возведенная на платформе пятиметровой высоты. При строительстве использован сырцовый кирпич двух форматов. Здесь представлены образец размером 37 × 23 × 10 см и классический для древних цивилизаций Средней Азии стандарт — 40 × 40 × 10 см. На кирпичках имеются различные знаки, что также соответствует строительной традиции Средней Азии древней эпохи. Четкой планировки строений выявить не удалось, и, возможно, часть площади оставалась незастроенной.

Мархамат является наиболее ярким по структуре памятником, характеризующим целенаправленную организаторскую деятельность при строительстве городов. Крупными центрами были городища Кайновет площадью 15 га и Иски-курган, занимавшее площадь 13 га. Сложнее обстоит дело с четкой систематикой археологических комплексов Ферганы этого времени. Характерным признаком нового периода стало появление как массового вида артефактов гончарной керамики высокого качества с ярким красным ангобом. Однако в рамках этого общего явления наверняка выступали различные локальные и временные группировки.

Определенная закономерность в развитии культуры проявляется на раннем этапе, возможно, в первые века до нашей эры. В Восточной Фергане, в зоне, где ранее были распространены памятники чувстской куль-

туры, формируется несколько архаический культурный комплекс, названный Ю. А. Заднепровским шурабашатским. Памятники шурабашатского типа на востоке Ферганы довольно многочисленны, что отражает прогрессивные демографические изменения в среде населения оседлых оазисов. Сам эпонимный памятник во многом продолжает чустские традиции, включая даже сам тип поселения. Оно с трех сторон, как и Чуст, окружено речной долиной и болотистыми низинами, и лишь с четвертой стороны его обитатели возвели оборонительную стену. По существу, как и в Дальверзине, это был насыпной вал, облицованный сырцовым кирпичом. Внутри городище делится на ряд участков, причем в восточной части возвышается холм, могущий скрывать руины комплекса, игравшего роль цитадели. Восточная часть городища не была застроена и, по вполне правдоподобному заключению исследователя, могла использоваться как загон для скота. Таким образом, налицо особое внимание к функции убежища, что старались обеспечить с наименьшими строительными усилиями.

В шурабашатском керамическом комплексе в отличие от чустской посуды появляется керамика, сделанная на гончарном круге, причем со временем ее количество возрастает. Яркое своеобразие всему комплексу придает керамика, названная крашеной, и расписная — с росписью красным по светло-розовому или красноватому фону. Часть посуды имеет лощеную поверхность. Характерными формами являются чаши, миски, кружки с петлевидной ручкой. Известны также достаточно развитые формы: одноручные кувшины и вазообразные сосуды на невысокой ножке (табл. 31, III). Орнамент довольно разнообразен. Наряду с рядами треугольников и ромбов представлены и более сложные композиции, в том числе с использованием мотива из параллельных дуг. Отмечены и опыты антропоморфной мелкой скульптуры, позднее в Фергана не прижившиеся. На Шурабашате найден антропоморфный налп и головка на цилиндрическом основании с относительно детальной проработкой лица (табл. 31, III). Традиции расписной керамики шурабашатского типа, видимо, частично сохранялись и в первые века нашей эры, когда эта посуда встречается в одних комплексах с краснолощенной посудой, составляющей характерную особенность культуры Древней Ферганы. Но организация соответствующих материалов в устойчивые комплексы с помощью археологической систематики все еще представляет определенную проблему.

Н. Г. Горбунова предложила объединить памятники Древней Ферганы постэйлатанского времени в культуру, названную ею кугайско-карабулакской, где Кугай — это оседлое поселение, а Кара-Булак — яркий курганный могильник, явно оставленный скотоводами. Она по-

лагает, что в самом таком двуедином названии отражается непрерывное взаимодействие культуры оседлых земледельцев и подгорных скотоводов. Нет сомнений в том, что такое взаимодействие действительно составляло важнейшую особенность истории и культуры Древней Ферганы. Об этом, в частности, свидетельствуют целые серии керамических сосудов, находимых в могильниках скотоводов и явно принадлежащих к числу произведений оседлых ремесленников, возможно, даже городского ремесла. Однако с точки зрения археологической систематики вопрос этот решается сложнее. Слишком уж велики различия, особенно в погребальных обрядах, для объединения памятников в одну археологическую структуру как устойчивую общность типов артефактов. В числе подкурганых захоронений имеются погребения и в ямах, и в подбоях, и в катакомбах. Особый тип представляют наземные склепы из сырцового кирпича или из камня. Последние, известные под местными названиями как мугхона или курумы, представляют собой как бы аналог дольменным гробницам Западной Европы. Скорее можно говорить о кугайско-карабулакской (или только кугайской) керамической традиции, представленной почти на всей территории Ферганской долины, хотя и с локальными различиями, о чем пишет и сама Н. Г. Горбунова. Заметным своеобразием отличаются западные районы Ферганской долины, особенно в месте выхода Сырдарьи из горных теснин на равнинные просторы. Там расположен Ходжент, бывший важным центром и в эпоху Средневековья. Именно здесь, особенно в Северо-Западной Фергане, сосредоточены наземные каменные мавзолеи-мугхона. Здесь же в материальной культуре проявляются воздействия каунчинской культурной традиции, что особенно ярко видно по распространению такой специфической керамической формы, как кружки с зооморфной ручкой. В Средние века район Ходжента входил в область, именуемую в источниках Уструшаной, но нет уверенности, что этот термин был известен в более раннее время. Н. Г. Горбуновой предложена трехчленная схема периодизации памятников кугайско-карабулакской культуры. Ранний этап она относит ко II в. до н. э. — I в. н. э., средний — к I–IV н. э. и поздний — к IV–VI вв. н. э. с возможным омоложением до VII в. н. э. Все эти даты носят ориентировочный и условный характер, поскольку в раскопанных памятниках Древней Ферганы нет точных привязок к хронологическим системам соседних областей в виде находок монет или точно определяемых импортных объектов.

Что касается локальной специфики, то, например, наземные гробницы типа мугхона имеют достаточно определенную пространственную привязку. Это западные районы Ферганы, особенно ее северо-запада,

что само по себе может служить основанием для выделения локальных вариантов археологических комплексов как таковых.

На раннем этапе, выделенном Н. Г. Горбуновой, происходят кардинальные изменения в керамическом производстве. Подавляющее большинство посуды изготавливается с помощью гончарного круга и покрывается красным ангобом интенсивного цвета. Реже встречается черный или белый ангоб. Основными формами являются миски, горшки, кувшины, фляги, бокалы и кружки. Большинство форм продолжает эллан-танские традиции. Мода на красноангобированную керамику, скорее всего, распространилась, следуя согдийским эталонам этого времени, когда в Согде в свою очередь стремились подражать греческим образцам краснолаковой керамики. Однако самим формам эллинистической посуды ферганские мастера не следовали. Здесь нет ни тарелочек с клювовидным венчиком по образцу «рыбных блюд», ни подражаний мегарским чашам. Бокалы, появляющиеся в это время в наборе древнеферганской посуды, скорее всего, следовали аналогичным согдийским образцам.

На среднем этапе качество керамики несколько ухудшается. Получает распространение процарапанный орнамент, варьирующий простые геометрические фигуры. Имеются изображения деревьев и пасущихся под ними птиц, скорее всего, фазанов. Представлены и изображения лошади. Эти произведения художественной культуры в какой-то мере компенсировали отсутствие терракотовых статуэток. Это отсутствие было связано с какими-то идеологическо-ритуальными установлениями, но отнюдь не с упадком искусства. Как раз к древней эпохе относятся первоклассные наскальные изображения лошадей, как, например, в Араване. Фергана славилась чистопородными конями, что отмечали и китайские источники, которым Фергана была известна под именем Давань.

Это было время наибольшего расцвета оседлой культуры в Ферганской долине. Наряду с крупными центрами, лидером которых является Мархамат, существовали и менее значительные укрепленные городки с цитаделью, занимавшие площадь 4–5 га. Таковы Бузульмас и Куршбекское городище. Прямоугольную планировку имеет городище Мунчак-тепе, расположенное у Беговата на западе Ферганской долины и занимающее площадь 4 га. Но среди более чем 600 памятников, на которых имеется древнеферганский материал, первое место, естественно, занимают небольшие поселения. В большинстве своем это были укрепленные здания типа усадеб, имеющие обводные стены, порой снабженные стреловидными бойницами. Небольшое городище Куюктепе имеет подквадратную планировку и в углу монументальное зда-

ние, мощная внешняя стена которого снабжена прямоугольными башнями. Монументальное здание, раскопанное на Гайрат-тепе, имеет трапециевидный план, четыре круглые башни по углам и одну овальную башню на промежуточном участке. В здании на Сым-тепе в г. Фергана центральное место занимал зал с четырехстолпной конструкцией. Примечательно, что сырцовый кирпич формата 40 × 30 × 10 см, из которого возведено это здание, имеет на плоской поверхности знаки, подобно тому как это практиковалось в других центрах древних цивилизаций Средней Азии. Эти отдельно расположенные, часто укрепленные небольшие населенные центры, скорее всего, были резиденциями землевладельческой знати, осуществляя роль центров небольших аграрных районов, и вели обработку сельскохозяйственной продукции. Так, на поселении 5 в керкидонской группе памятников открыта винодельческая мастерская.

Судя по размерам курганных могильников, скотоводческое население, концентрирующееся в предгорных районах с вероятным выпасом стад на высокогорных участках, было столь же многочисленным, как и равнинные земледельцы. Об этом свидетельствуют уже масштабы курганных могильников даже в тех пределах, которые остались не затронутыми последующими этапами освоения этой территории. Так, в Ворухском могильнике насчитывается 450 курганов, в могильнике Тураташ — 100, в могильнике Кара-Булак — 900. Кара-Булак дал наиболее яркие и в своем роде богатые материалы, почему Н. Г. Горбунова выбрала его как эпонимный памятник для обозначения выделяемой ею культурной общности. Показательно, что под курганными насыпями находятся захоронения, заметно отличающиеся по погребальному обряду. Преобладают захоронения в подбоях, есть ямные захоронения и некоторое количество катакомб. Надо полагать, что это отражает достаточно пестрый состав скотоводческого населения, где разные группы придерживались традиционных погребальных установлений. В этом отношении материальная культура Кара-Булака, особенно глиняная посуда, демонстрирует определенный уровень культурной интеграции с ориентацией на традиции ферганского урбанизма. Природно-почвенные условия способствовали неплохой сохранности органических материалов. Здесь имеются плетеные корзинки разных размеров, в том числе небольшие, в которых хранились туалетные принадлежности. Сохранились деревянные сосуды, гребни и низкие столики для разрезания мяса — типичный объект, выработанный в условиях степного образа жизни. Ряд предметов свидетельствует о широких торговых и иных связях с регионами Восточного Туркестана, Китая и Индии. Этому способствовали как сама система активного передвижения кочевников,

так и расположение Ферганы на традиционных торговых маршрутах, связывающих римский мир и китайскую цивилизацию. Так, в Кара-Булаке найдены китайские зеркала и фигурка полногрудой танцовщицы явно индийского производства.

Для третьего этапа отмечается определенное сокращение числа оседлых поселений и некоторая деградация гончарного производства. Стало больше лепной керамики, и реже стал использоваться ангоб ярких цветов. Однако заметного перепада в развитии культуры в отличие от упадка городских центров и их производств, наблюдаемого в Бактрии или Хорезме, для Ферганы пока не установлено.

Иными были судьбы, да и сам характер древней культуры по среднему течению Сырдарьи, где важным центром стал Ташкентский оазис вдоль правого притока Сырдарьи — р. Ангрэн. Здесь еще в 1930-е гг. Г. В. Григорьевым была выделена культура, названная им культурой Каунчи с подразделением на два хронологических комплекса — Каунчи I и Каунчи II. И само выделение устойчивого археологического комплекса оказалось вполне справедливым, но характеристика культуры была в изложении Г. В. Григорьева излишне архаизована. Продолживший эти изыскания А. И. Тереножкин не без оснований писал, что носители культуры Каунчи II не были обитателями пещер, вырытых в лессе, как полагал Г. В. Григорьев, а создателями такой цивилизации, которая, может быть, лишь в малой степени уступала Согду и Хорезму. Последующие работы узбекистанских и казахстанских археологов на Средней Сырдарье, открывшие целый ряд памятников явно оседлой культуры, в том числе со строениями монументального облика, в значительной мере подтвердили такое заключение.

Предложенное Г. В. Григорьевым выделение комплексов Каунчи I и Каунчи II в принципе выдержало проверку временем. Был даже предложен как заключительный этап этой культуры комплекс Каунчи III. Сложнее обстоит дело с абсолютной хронологией. Определенную привязку для ранней эпохи дает находка типичных каунчинских артефактов, в частности подставок с протомами баранов, в согдийском комплексе Тали-Барзу I. Некоторые соответствия по оружию и другим изделиям намечаются при сопоставлении с кочевническими комплексами евразийских степей, связи которых с кругом каунчинских памятников достаточно определены. Исследователи в настоящее время придерживаются следующей хронологии. Время существования Каунчи I определяется как II—I вв. до н. э. — II в. н. э., время Каунчи II — II—IV вв. н. э. и Каунчи III — IV — первая половина VI в. н. э. В каунчинских материалах, особенно в керамике, явственно проступают бургундские традиции, но соответствующие переходные комплексы пока

выявить не удалось. Видимо, на их время пришлось такое важное событие как создание в Ташкентском оазисе первого поселения с урбанистическими чертами — городища Канка. Здесь налицо явные строительные и фортификационные традиции южных цивилизаций. Наиболее раннее поселение на территории этого памятника, со временем, видимо, ставшее столицей присырдарьинских областей, занимает 6,5 га и имеет в плане форму почти правильного квадрата, слегка искаженного необходимостью считаться с рельефом местности. В углу расположена цитадель, также имеющая квадратную планировку. В ее основании находится платформа трехметровой высоты, сооруженная из утрамбованной земли, пахсы и кладки из сырцового кирпича классического формата южных среднеазиатских цивилизаций — $40 \times 40 \times 10$ см. Стена цитадели сооружена с отступом от края платформы и имеет внутренний коридор со сводчатым перекрытием. Расчищена и овальная в плане башня. В целом это строительство высокого класса, имеющее мало общего с бугулюкскими землянками, которые изредка имели внутри перегородки из пахсы или из сырцового кирпича неустоявшегося формата. Ю. Ф. Буряков, основной исследователь памятника, полагает, что здесь налицо влияние согдийских строительных и, добавим, фортификационных традиций. Было бы соблазнительно сопоставлять возведение древнейшей Канки со временем, когда селевкидский военачальник Демодам совершил превентивный поход за Сырдарью. Но пока археологические материалы не дают оснований для уточненной датировки этой засырдарьинской крепости.

В пору Каунчи I мы застаем повсюду по Средней Сырдарье многочисленные оседлые поселения, подъем которых явно связан с развитием ирригационного земледелия, зародившегося в бугулюкский период. Во всяком случае, в первые века нашей эры в Ташкентском оазисе уже было проведено несколько крупных оросительных каналов. Среди раннекаунчинских поселений имеются и достаточно крупные, размеры которых сами по себе указывают на происходивший процесс концентрации населения, что было важным стимулом и показателем урбанизации.

Крупные каунчинские центры в ранний период были сосредоточены главным образом по Сырдарье и в низовьях ее основных притоков. Таковы Шаркия площадью около 21 га, Кындык-тепе, где раскопаны прямоугольные пахсовые башни, Ак-тобе в низовьях р. Арысь. В сырцовом строительстве используется кирпич формата $40 \times 40 \times 10-14$ см, известный уже по древнейшей Канке, но более был распространен прямоугольный кирпич, размеры которого составляют $40-53 \times 23 \times 9-12$ см. Это была устойчивая каунчинская традиция, и, видимо, именно она повлияла на изменение стандарта этого основного строительного матери-

ала, которое произошло в среднеазиатском междуречье в пору раннего Средневековья, когда традиционный квадратный формат кирпича был сменен на прямоугольный.

Керамика комплекса Каунчи I лепная, но форма достаточно стандартна (табл. 30, I), а обжиг ее производился в одноярусных горнах. Видимо, архаическое домашнее производство развивается в направлении формирования керамического ремесла. Сосуды в отличие от Бургулюка все уже плоскодонные, поскольку новый образ жизни в прочных домах обуславливал наличие ровных поверхностей пола и разного рода суф. Продолжает старую традицию стремление украшать посуду росписью. Она производилась коричневой или черно-коричневой краской по светлому фону. Но в отличие от Бургулюка здесь, как правило, нет даже огрубленных узоров, доминируют растекшиеся полосы, как бы стекающие от венчика к донной части сосудов. Распространены одноручные кувшины с утяжеленной нижней частью. На их ручках иногда изображались фигурки животных, в основном баранов. Иногда кувшины имеют на стороне, противоположной ручке, небольшой цилиндрический носик. Представлены широкогорлые горшки и фляги, один бок которых уплощен явно в расчете на транспортировку, в том числе, возможно, и верхнюю. Маркирующей формой являются одноручные сосуды с петлеобразной ручкой, увенчанной изображением головы животного, чаще всего барана. Некоторые более открытые сосуды напоминают кружки, другие, с небольшим сужением к горлу, — кувшины (табл. 30, I) или горшковидные сосуды. Поэтому узбекистанские археологи часто пользуются комбинированным термином «горшочки-кружечки». Столь же характерны подставки, возможно, для изготовления блюд типа шашлыка, с головами или протомами баранов, расположенных с двух сторон (табл. 30, I).

Бесспорный подъем культуры наступает в пору Каунчи II. Известно около 100 поселений этого времени, причем среди них имеются и довольно значительные центры. Наиболее крупным таким центром была, бесспорно, Канка, где возводится новый крепостной обвод, в пределах которого остается стена, окружавшая более раннее поселение. Общая площадь Канки определяется в 150 га, но плотность застройки этого пространства не вполне ясна. Налицо стремление обезопасить поселение надежными укреплениями. На самом Каунчи стена, сложенная из прямоугольного сырцового кирпича, имеет толщину 6,5 м. Стена Мингурюка сложена из пахсы и сырцового кирпича. На поселении Кавардан ранняя стена, возведенная, скорее всего, в пору позднего Каунчи I, также была сложена комбинированной кладкой из пахсы и сырцового кирпича. В пору Каунчи II обводная стена уже была снабжена округлыми

башнями. Для городища Кульгата обжитая территория в пору расцвета определяется почти в 50 га. Основное ядро вокруг цитадели занимало территорию 10 га. Это был важный центр металлургического производства, что в целом характерно для каунчинского общества, поскольку оно включало территорию, богатую рудными местонахождениями, именованную в Средние века Ахангараном. Именно крупные центры были местом сосредоточения различных производств. Так, на Кандык-тепе открыты мастерские ткачей, ювелиров, ремесленника-металлиста и гончарный центр.

В низовьях р. Арысь казахстанскими археологами изучен интересный памятник Актобе 2. Он занимает площадь около 4 га. С трех сторон его ограждает вал, а со стороны Сырдарьи — стена из пахсы. В центре находился холм, на котором располагалось здание монументального характера, бывшее, вероятно, элитной резиденцией. Небольшой квадратный зал с размерами сторон 3,6 м окружали помещения, в которые вели арочные проходы. Одно из помещений было перекрыто куполом, возведенным из сырца. Здесь, скорее всего, сказались архитектурные традиции, привнесенные в засырдарьинские области еще строителями древнейшей крепости в Канка. В здании найдена золотая бляшка с красными стеклянными вставками в стиле, получившем распространение в степях в первые века нашей эры. Снаружи здание имело скругленные очертания. Исследователям хотелось бы видеть в нем чуть ли не дворец. Но ни масштабы строения, ни сама планировка не свидетельствуют в пользу такого оптимистического вывода. Но вполне вероятно, что это действительно была резиденция местного лидера.

Другое небольшое поселение Кок-Мардан располагалось на острове, на берегу р. Арысь. К самому поселению вела дамба, и у въезда находились две башни. Поселение было застроено небольшими домами, частью однокомнатными, частью двухкомнатными. Один дом, видимо, представлял собой местное святилище. В центре его на двухступенчатой платформе находился алтарь. Все строительство производилось из прямоугольного сырцового кирпича, квадратный формат здесь не представлен. Найдены железные крицы, свидетельствующие по меньшей мере о развитии кузнечного дела. По материалам это сравнительно поздний памятник, возможно, уже относящийся к этапу Каунчи III.

В окрестностях Кок-Мардана, как и других каунчинских поселений, находился курганный могильник с захоронениями в катакомбах. Дромосы, ведущие в самую могильную камеру, как правило, расположены перпендикулярно к катакомбе. Таково поразительное сочетание степного обряда захоронения и оседлой культуры, которая так явственно вы-

ступает по материалам самих каунчинских поселений. Видимо, перед нами отражение того же симбиоза оседлых земледельцев и подвижных скотоводов, что наблюдалось и в пределах Ферганской долины. Скорее всего, кочевые группировки, в том числе с катакомбным обрядом погребения, неоднократно продвигались на территорию распространения каунчинской культуры, включались в число жителей поселения, испытывая ассимилирующее воздействие оседлой материальной культуры. Вместе с тем, возможно, доминируя политически, они утверждали в обществе свойственный им погребальный обряд, как это происходило в Бактрии в эпоху бронзового века, когда в среду обитателей урбанизированных центров стали проникать носители традиций культур степной бронзы.

Керамический комплекс Каунчи II в основном продолжает прежние традиции, хотя некоторые формы, например кувшинов, становятся более разнообразными. Появляется и определенный процент тонкостенной красноглиняной керамики, сделанной с помощью гончарного круга. На лепных сосудах распространяется рельефный орнамент в виде горизонтальных, волнистых и зубчатых полос. Маркирующая форма «кружечек-горшочков» с зооморфными ручками сохраняет свое значение. Многие сосуды этого вида имеют лощение по коричневому или красному фону. Характерны плоские крышки с петлевидной ручкой, украшенные кольцом орнамента из пальцевых вдавлений.

Достаточно разнообразны железные изделия каунчинской культуры. Помимо бытовых орудий здесь имеются двулезвийные мечи, пластины от панцирей, наконечники стрел, преимущественно черешковые трехперые. Обычай украшать сосуды зооморфными ручками, так же как и помещение протом животных на керамические подставки, породило стремление изготавливать и более крупные фигуры, как это видно по находке головы быка (табл. 30, I). Но производство терракотовых статуэток, как и в Фергане, не получило распространения, хотя известны отдельные находки небольших антропоморфных идольчиков.

Важной чертой каунчинского общества было постоянное и достаточно широкое движение носителей этих традиций на юг, в пределы Древнего Согда. Это происходило, судя по всему, неоднократно и, возможно, было частью общего продвижения, осуществлявшегося кочевыми массивами юечжей и других групп. Особенно выразительно распространение в Бухарском и Кашкадарьинском Согде традиции каунчинской материальной культуры, главным образом на завершающих этапах древней эпохи, в III–V вв. н. э.

Можно считать, что для каунчинского общества характерны две особенности: устойчивое культурное единство на протяжении многих сто-

летий и соответственно мощный внутренний потенциал, способствующий распространению культурных традиций, да, видимо, и самого населения, в южном направлении. В результате каунчинские традиции стали одной из составляющих исходного пласта согдийской цивилизации поры раннего Средневековья.

Естественно, наблюдая такое в своем роде могучее культурное явление, встает вопрос об отражении его носителей в свидетельствах письменных источников. Такое отождествление было сделано уже на ранних этапах изучения соответствующих археологических памятников, когда Каунчи сопоставили с Кангюем, известным по китайским источникам. Поскольку сообщается, что Кангюй лежит от Давани (Ферганы) на северо-запад, это сопоставление географически вполне вероятно. С. П. Толстов приложил немало творческих усилий, стараясь отождествить Кангюй с Хорезмом. Это не получило широкого признания, хотя сохранило термин «кангюйский» в названии одного из периодов в развитии материальной культуры Хорезма. Поскольку китайский первопроходец в западные страны Чжан Цань сообщал, что Кангюй «в обыкновениях совершенно сходен с юечжами», считалось необходимым видеть в Кангюе в первую очередь кочевое общество, хотя, возможно, имелся в виду прежде всего военный потенциал, представленный конными воинами. Позднее сообщалось, что кангюйский владетель имеет пребывание в стране Люени в городе Битянь. Территория, занимаемая памятниками каунчинской культуры, вполне могла быть нуклеарной метрополией Кангюя. Возможно, в сведениях китайских информаторов в какой-то мере сказалась двуединая природа каунчинского общества, отразившаяся уже в симбиозе оседлых поселений, в том числе приближающихся к городскому типу, и кочевых курганных могильников. Из археологических памятников для резиденции владыки Кангюя, конечно, больше всего подходит городище Канка. При этом следует иметь в виду, что к резиденции кангюйского лидера, как и к поселениям Ферганы — Давани, применен термин «чэнь», означающий в первую очередь наличие обводных стен, что достаточно широко представлено как в каунчинских, так и в ферганских памятниках.

Можно отметить некоторые черты, общие для процессов культурогенеза как Ферганы, так и областей по Средней Сырдарье. В обоих случаях отмечается симбиоз урбанистической или (для Каунчи) протоурбанистической культуры и традиций степняков-скотоводов. Складывавшаяся местная развитая оседлая культура имеет отчетливую тенденцию к использованию стандартов урбанизованного образа жизни, характерного для южных цивилизаций, в строительстве и, особенно

ярко для Ферганы, в керамическом производстве. И в Фергане, и в областях по Средней Сырдарье в меньшей мере ощущается некоторый перепад в развитии крупных центров и их культуры, наблюдаемый особенно ярко в Бактрии и Хорезме. Недаром исследователи считают возможным продлевать бытование и каунчинской, и так называемой кугайско-карабулакской культуры до V–VI вв. н. э. Затем, после определенного перепада в культуригенезе, наступает раннесредневековая эпоха, эталонным лидером которой становится согдийская цивилизация.

Глава 11

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ: ВТОРОЙ ЦИКЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ

Переход к номадизму — по социальным и культурным последствиям аналог городской революции в оседлых областях юга. Кочевая империя как высшая форма политогенеза в кочевой среде. Сакский региональный тип культуры ранних кочевников. Памятники сакского круга в Семиречье, Приаралье, на Тянь-Шане и Памире. Памятники типа Кенкол и восточноазиатские связи кочевого мира Центральной Азии. Продвижение кочевых групп в Согд и Бактрию и адаптация материальной культуры к стандартам городского образа жизни.

Выше уже неоднократно упоминались археологические памятники и комплексы, оставленные обществами кочевников и расположенные в зоне городских цивилизаций. Само развитие кочевых обществ в евразийских степях и на примыкающих территориях является выдающимся историческим феноменом. Переход к подвижному кочевничеству и всадничеству по социологической значимости сопоставим с городской революцией в зоне оседлых обществ Востока, ставшей прологом к формированию первых цивилизаций и государств. Это был пик культурного и социального развития обществ, практиковавших степной образ жизни, истоки которого восходят по меньшей мере к поре палеометалла.

Сам термин «ранние кочевники» был введен в науку М. П. Грязновым и приобрел общее признание. Речь должна идти о формировании эпохального типа культуры, который по традиции, восходящей к Геродоту, наиболее полно описавшему этот тип общества, можно именовать скифским. Появление всадничества и инновации в материальной куль-

туре, которые опять-таки традиционно можно именовать скифской триадой, были знаменем эпохи. Конская упряжь, вооружение, рассчитанное в первую очередь на всадника, и принципиально новое явление в художественной культуре, получившее наименование скифо-сибирского звериного стиля, составляют внешние признаки культуры, хорошо улавливаемые археологией. Именно археология является основным, а в ряде случаев и единственным источником информации об обществах этого типа. Однако сами общества были различны, как, видимо, и их этнические составляющие. Эпохальный тип культуры, именуемый скифским, не должен этого заслонять, подобно тому как эпохальный тип первых цивилизаций распространяется на самые различные общества, нередко даже диахронного развития.

Эпохальный скифский тип культуры — это культура древних конных номадов, только что перешедших от пастушеского общества бронзового века к новым формам хозяйствования и бытия. В этом отношении скифская триада выражает базовые аспекты новой культурной системы. Таков прежде всего новый верховой способ передвижения, многократно увеличивший скорости общения и как бы раздвинувший информационные границы мира. Во-вторых, это новые ценностные и поведенческие ориентации, связанные с психологией вооруженных всадников, в обществе, склонном к милитаризму. В-третьих, новое художественное восприятие и эстетические ориентиры отражали энергию и динамизм общества нового качественного состояния. Все это в целом порождало как бы взрывное появление пучков инноваций, формирования их в зонах лидирующих очагов импульсивного культурогенеза.

Для азиатских просторов и для Средней Азии и южных районов Казахстана таким обществом и, вероятно, этносом являются саки. Именно саков знают ахеменидские официальные источники, более близкие ориентальной специфике, чем античные авторы, которые везде были готовы видеть скифов. В китайских источниках саки известны как племена сэ. Испытав превратности судьбы, связанные со сменой лидеров в кочевой среде, саки сохраняли свое значение и в пору юечжийского разгрома Греко-Бактрии и, скорее всего, приняли в этом движении, по меньшей мере в районах Согда и Парфии, самое активное участие. Сражаясь с этими нашествиями, аршакидские правители имели дело прежде всего именно с саками, почему и назвали провинцию, где удалось локализовать воинственных мигрантов, Сакастаном, сохранившим это древнее наименование в форме современного Сеистана. Вероятно, для Средней Азии и для Семиречья особенно можно говорить о «сакском времени» и о сакской культуре как региональном культурном типе, в пределах кото-

рого, разумеется, существовал и развивался целый ряд локальных культурных образований, сочетавших в себе эпохальные, региональные и специфические локальные черты.

Для последующего исторического периода предлагался термин «древние кочевники», связанный с порой формирования крупных и мощных политических образований, которые можно именовать кочевыми империями и прекрасным образцом которых является держава сюнну, или хуннов. Социологически древние кочевые империи являются аналогом древним цивилизациям и первым государствам в зоне оседлых культур. Это в целом позволяет проводить аналогию соответствующего периода в степной зоне с понятием «эпоха древности» в системе, предлагаемой И. М. Дьяконовым. Формированию таких политических образований способствовал четко выраженный в кочевой среде военно-аристократический путь политогенеза. Подвижное кочевничество с его милитаристскими наклонностями интенсифицировало институализацию власти, хотя в условиях отсутствия централизованной бюрократии не способствовало ее стабильности. Правда, в развитии материальной культуры не столь явно выделяется такая пора «древних кочевников». И вооружение, и кочевническая узда если и не сохраняются полностью с поры ранних кочевников, то лишь претерпевают естественную временную эволюцию. Деградация скифо-сибирского стиля и замена его иными эстетическими концепциями, выросшими на его основе, касаются лишь сферы художественной культуры. То же касается и последующего времени, когда используется понятие «средневековые кочевники». Оно естественно и удобно для хронологии при рассмотрении кочевого мира, синхронного с городскими цивилизациями, но вопрос о наличии в самой кочевой среде определенного качественного рубежа в сфере той же эволюционирующей материальной культуры далеко не ясен. Поэтому пока наиболее практичным остается термин «ранние кочевники», распространяемый на всю древнюю эпоху.

Для Средней Азии, Южного Казахстана и, возможно, ряда других прилегающих областей региональный тип культуры ранних кочевников можно определить как сакский. Саками именовали среднеазиатских, а возможно, и не только среднеазиатских кочевников ахеменидские официальные источники, у которых этот термин заимствовал и Геродот. При этом различались отдельные сакские группы. В частности, для среднеазиатских пределов это саки-тиграхауда и саки-амюргии. О том, что самоназвание «саки» было привычным для центральноазиатских кочевых обществ, свидетельствует и сохраненная Ктесием эпическая традиция о сакской царице Зарине. Судя по сведениям античных авторов, саки как самостоятельная группировка существовали в ряде областей и в первых

веках нашей эры. Поэтому вполне оправданно использование термина «сакский» для эпохального типа культуры ранних кочевников южного пояса центральноазиатского региона. Для этого эпохального типа помимо скифской триады, имеющей, правда, и региональные типологические особенности, например в конской узде, характерен как наиболее распространенный погребальный обряд, предусматривающий ямные подкурганные захоронения с использованием дерева для перекрытия, а порой и для самого устройства гробниц, положение погребенного на спине с западной ориентацией, устройство дромосов в элитных погребениях. Разумеется, существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и главным образом местного «досакского» культурного наследия, но это не снимает самого существования эпохального культурного типа. В равной мере следует иметь в виду, что это был именно тип культуры, и его носителями могли быть разные этнические группировки, хотя, скорее всего, они в большинстве случаев и ассимилировались собственно сакским этносом.

Эталонными для сакского регионального типа культуры являются памятники Северной Киргизии и Юго-Восточного Казахстана с нуклеарным центром в Семиречье. Собственно, это и была территория проживания сакских племен, известных в ахеменидских надписях как саки-тиграхауда, а у Геродота как саки-ортокорибантии, что в равной мере означает «саки в остроконечных шапках». Действительно, такие остроконечные головные уборы представлены на изображениях саков на ахеменидских рельефах и в реконструкциях по материалам археологических раскопок. Обычно они изготавливались из войлока или кожи и украшались металлическими, в первую очередь золотыми, нашивками. Венчали шапки изображения животных: горного козла, петуха или джейрана, верх расшивался листьями из золотой фольги. Представители элиты имели такой остроконечный головной убор сложной конструкции и декорации, как это видно по иссыкскому погребению (табл. 32).

Скорее всего, именно Семиречье было важнейшим центром всего сакского мира. Весьма рано в этой области утверждается и сам новый тип эпохальной культуры, на основе которого постепенно формируется и его региональное проявление, которое предлагается именовать сакским типом. Наиболее древние памятники раннекочевнического облика представлены отдельными погребениями и случайными находками. Форма погребального обряда еще неустойчива и продолжает в ряде случаев более древние традиции. Так, в Каргалы под каменной насыпью для усопшего был сооружен каменный ящик. Каменный ящик был раскопан и в долине р. Бижэ. На раннюю датировку указывают изогнутый трехдырчатый псалий и два навершия с головой горного козла, явля-

ющиеся прямой репликой наверх, найденных в эталонной элитной гробнице Аржане. В погребении в Чилике перекрытие уже образовано деревом и ветками, усопший лежит головой на запад. Необычно здесь для сакского культурного круга захоронение коня, правда, совершенное в отдельной могиле. Этот обычай, распространенный в других областях евразийской зоны и ярко представленный в Пазырыке, для комплексов, связанных с сакским региональным культурным типом, совершенно нехарактерен. Небольшой клад ранних вещей был обнаружен на Тянь-Шане в урочище Тюп. Здесь сохранились части узды и кольцевидная бляшка с изображением бегущих козлов и хищников, ярко представляющие компоненты скифской триады. О раннем распространении артефактов, связанных с порой древнейших кочевников Азии, свидетельствуют находки каменных стел, носящих название по наиболее яркому сюжету «оленных камней» и широко представленных в коллекциях из Тувы, Монголии и прилегающих областей. Обнаружение такой стелы в каменной ограде Аржана подтверждает их весьма раннюю датировку. Несколько оленных камней найдены в Чуйской долине и на побережье о. Иссык-Куль. На них выбиты замкнутые окружности, изображения оленей, кабанов и других животных, а также контуры кинжалов и луков. По сравнению с высокохудожественными образцами лучших оленных камней из сердца Центральной Азии северокиргизстанские стелы выглядят несколько упрощенными и как бы провинциальными. Но их принадлежность к этому типу памятников материальной культуры не вызывает сомнений. Эти ранние комплексы восходят к VII, если даже не к VIII в. до н. э.

Позднее, в VI–III вв. до н. э., районы Семиречья и Тянь-Шаня были широко освоены сакскими племенами. Многочисленные могильники могут быть объединены в несколько территориальных комплексов, возможно, соответствующих территориям обитания отдельных племенных групп. Курганные насыпи в могильниках располагаются как бы в хаотическом беспорядке, но крупные насыпи, явно устроенные над гробницами представителей элиты, обычно вытянуты в цепочки, возможно, соответствующие древним родственным коллективам. Устанавливается устойчивый обряд погребения — в вытянутом положении, головой на запад.

Могильные ямы чаще всего перекрыты деревянными плахами. Иногда использовались для этой цели и каменные плиты. Крайне редки захоронения в каменных ящиках или прямо на дневной поверхности.

На лидирующее положение семиреченской сакской группировки указывают крупные гробницы элиты, которые по сложности устройства и по затраченным трудовым ресурсам можно причислить к памятникам

монументальной архитектуры. Подобные крупные курганы сосредоточены группами, возможно, в соответствии с различными группировками местных лидеров. Таков некрополь Бесшатыр, расположенный в предгорьях на правом берегу р. Или. Всего здесь в элитном могильнике насчитывается 31 курган, причем самый крупный имеет в диаметре 104 м при 17-метровой высоте. Верхняя часть его выровнена так, что образована площадка диаметром 32 м. Возможно, там находилась стела. В эпическом повествовании о сакской царице Зарине сообщается, что на ее надгробном кургане была установлена статуя. В бесшатырском некрополе тщательно раскопан курган, имевший диаметр 52 м и 7-метровую высоту. Его насыпь представляет собой сложную конструкцию, в которой перемежались слои насыпной земли и камня. Сама усыпальница представляла собой бревенчатое сооружение, возведенное на древней поверхности. В гробницу, которая была полностью ограблена, вел длинный коридор. Рядом располагались курганные насыпи менее внушительных размеров, в том числе и достаточно рядовые, где могильные ямы были просто перекрыты деревянными плахами.

На северном склоне Заилийского Алатау расположена другая элитная группа — исыкская. В этом некрополе насчитывается 45 крупных курганов с диаметром насыпи от 30 до 90 м. В одном из них, далеко не самом значительном (диаметр насыпи 60 м, высота 8 м), от грабителей уцелело не центральное, а одно из боковых погребений. Эта гробница представляла собой деревянный сруб, дно которого было выстлано материей, расшитой золотыми бляшками. В гробницу был помещен юноша 17–18 лет сравнительно небольшого роста (165 см). Но помещен он был в полном убранстве, причем вся его одежда, головной убор и обувь были богато украшены золотыми нашивками, что позволило почти полностью восстановить это парадное одеяние (табл. 32). У нательной рубахи были обшиты только рукава, тогда как короткий кожаный кафтан был богато обшит золотыми бляхами. Поверх кафтана был надет парадный наборный пояс. Штаны заправлялись в сапоги с длинными голенищами. Это была мягкая войлочная обувь. Из оружия следует отметить железный кинжал, богато инкрустированный золотом, и длинный железный меч, также с золотой инкрустацией. Меч находился в деревянных ножнах, верх которых был окрашен в красный цвет. находка длинного железного меча достаточно примечательна. Для скифской триады более характерны короткие мечи, именовавшиеся акинаками. Такие мечи, кстати, и встречаются при раскопках рядовых сакских могил. Помещение в исыкском кургане длинного меча, возможно, имело престижный, ранговый характер. Рядом с усопшим находилось древко, увенчанное золотой моделью стрелы, явно представлявшее собой престиж-

ное или церемониальное оружие. Из утилитарных предметов в гробнице имеется разнообразная посуда. Это керамические миски и кувшины, часть из которых сделана на гончарном круге и явно принадлежит к числу импортных изделий. Сохранились, хотя и частично, деревянные миски и блюда. Имелась и металлическая посуда, подчеркивающая стремление к роскоши. Так, бронзовая миска с двух сторон украшена позолотой. Из серебра изготовлены две чаши и ложка. На одной из чаш имеется надпись из 26 знаков неизвестной письменности, в которой некоторые исследователи готовы видеть именно сакское письмо. Тексты с аналогичным алфавитом, пока не дешифрованным, известны на ряде предметов с территории Афганистана. Там имеется и большая наскальная надпись, выполненная той же письменностью и относящаяся, скорее всего, ко времени уже Кушанской державы, когда эта система письма могла распространиться в Бактрии вместе с пришлыми кочевыми племенами. Иссыкский комплекс большинство исследователей относят к V в. до н. э., хотя предлагалась и несколько более поздняя датировка.

Элитные некрополи имелись и в других районах Семиречья и тяготеющих к нему областях. Так, на востоке оз. Иссык-Куль раскапывался курган Шалба, представляющий собой огромную каменную насыпь диаметром 104 м. Гробница в нем полностью разрушена грабителями, позаботившимися и об изъятии бывших в ней предметов. Найдена лишь одна золотая фигурка джейрана, видимо, утерянная охотниками за сокровищами, которыми, кстати, вполне могли быть, как свидетельствуют наблюдения, сделанные в других регионах, и современники сакского населения или даже сами саки.

В разных местах Семиречья найдены предметы, относящиеся к числу художественных бронз, встречаемые либо отдельно, либо группами в составе кладов. Они явно связаны с культовой практикой и миром интеллектуальных представлений сакского населения и представляют три основных функциональных типа. Это прежде всего так называемые жертвенные столики на ножках, обычно прямоугольной формы, по периметру которых помещены фигуры различных зверей: крылатых кошачьих хищников, пантер или яков. Зачастую это были весьма массивные предметы, явно рассчитанные на масштабное использование. Так, столик или алтарь, названный большим семиреченским, весит 184 кг. Второй вид этих художественных бронз — это так называемые светильники: овальные или прямоугольные столики с невысоким бортиком на высокой ажурной ножке, также имеющие по бортику изображения различных зверей. Наконец, третий вид — это большие котлы, явно рассчитанные на коллективные трапезы, по краю которых также воспроизведено шествие зверей из литых фигурок (табл. 32). Реже в таких ком-

позициях на всех трех видах изделий представлены лошади, лучники или сидящие люди. Совместная находка этих трех видов художественных бронз — столика, светильника и котла — представлена набором из Кырчинского клада. Скорее всего, эти объекты применялись в определенной культовой церемонии. Особый интерес представляет столик из Чильпекского клада, ножки которого воспроизводят женские фигуры с воздетыми вверх руками, поддерживающими этот ритуальный объект. Вероятно, подобная композиция отражает участие в обрядовых церемониях и служительниц культа, условно именуемых жрицами. В могильнике Уйгарак в Восточном Приаралье исследователи выделяют группу женских погребений, принадлежащих, видимо, служительницам культа. В них, в частности, находятся миниатюрные каменные алтари, в том числе в виде столиков на четырех ножках. О достаточно высоком положении женщин в обществах ранних кочевников Центральной Азии можно судить не только по сообщениям о сакской царице Зарине или о повелительнице массагетов Томирис, конница которой разгромила основателя Ахеменидской державы Кира. Во многих женских погребениях обнаружены части конской упряжи, свидетельствующие, что это были равноправные всадницы. Примечательна и находка в Кетмень-тюбе золотой плакетки, воспроизводящей коленопреклоненную женщину с сосудом типа ритона, имеющим протому в виде фигуры козла.

Возможно, значительный сакский центр располагался и на берегу Иссык-Куля, как свидетельствуют данные подводной археологии. В числе находок здесь имеются раннекочевнические удила, псалии и предметы вооружения. Особое значение имеют многочисленные каменные изделия, в том числе зернотерки и орудия, связанные, как показала их трасологическая оценка Г. Ф. Коробковой, с металлургией. Не исключено, что под воду ушел важный центр сакского общества, которое в основном известно по погребальным памятникам.

Есть основания полагать, что в сакском обществе существовали особые культовые центры, обрядовый инвентарь которых и представляют художественные бронзы Семиречья. Соответствующие обряды сопровождалась ритуальными трапезами. Раскопки, производившиеся на месте обнаружения Чильпекского клада, открыли долговременное кострище и обломки керамических жаровен. При семантической трактовке художественных бронз обычно придают значение одному из двух аспектов — магическому или мифологическому, тогда как реально, скорее всего, они составляли неразрывное единство.

Все эти виды археологических памятников: и элитные монументальные гробницы, где погребения совершались с претенциозной роскошью, и художественные наборы ритуальных объектов из древних святилищ —

подчеркивают значение Семиречья как важного политического и идеологического центра сакского общества. Известно, что Геродот именовал скифские племена, тесно связанные со своими верховными владыками, «царскими саками». Возможно, мы имеем в данном случае дело со своего рода «царскими саками», величие которых нашло отражение в эпических преданиях о царице Зарине как устроительнице сакского общества. С точки зрения археологической систематики семиреченские памятники, относящиеся к региональному типу культуры, который предлагается именовать сакским, можно было бы именовать исыкской культурой по наиболее представительному памятнику, дающему комплексную информацию об обрядовой практике и разнообразию типов артефактов.

Другой группой археологических памятников, относящихся к сакскому региональному типу, можно считать могильники Тянь-Шаня и Алая. Репрезентативным памятником здесь является некрополь в котловине Кетмень-тюбе, так что можно было бы говорить о кетменьтюбинской культуре, входящей в этот региональный тип. В перспективе детальный анализ типов артефактов позволяет ставить вопрос и о более дифференцированном культурном районировании. Такой анализ позволил К. И. Ташбаевой поставить вопрос о наличии трех локальных группировок: тяньшанской, алайской и собственно кетменьтюбинской. Специфической локальной чертой здесь является наличие расписной и крашеной керамики ферганского производства и, что особенно существенно, использование приема росписи для собственной лепной глиняной посуды, в частности для кружек с одной ручкой. В кетменьтюбинской котловине раскапывался крупный могильник Джал-Арык. Курганные насыпи земляные, с панцирной обкладкой из крупных валунов. Как и в других сакских некрополях, крупные курганы здесь расположены цепочками. Могильные ямы имеют арчевые перекрытия. В мужских погребениях представлено оружие: железные кинжалы, наконечники стрел, чекан; в женских — зеркала и украшения. Сакская лепная керамика в большинстве своем круглодонная. Таковы чаши, горшки, кувшины грушевидной формы. Имеются и достаточно характерные для сакских комплексов кружки с петлевидными ручками. Вместе с тем почти треть керамики составляют сосуды, сделанные на гончарном круге, явно доставленные из оседлых центров Ферганы. Ферганскими же влияниями следует объяснять и несложные расписные узоры на местной лепной керамике. Хотя большинство погребенных по антропологическому типу является европеоидами, ряд погребенных имеют и монголоидную примесь. Были освоены и нагорные долины внутреннего Тянь-Шаня. Погребения сравнительно бедные. Мало даже железных изделий. Пред-

ставлена лепная расписная керамика, в том числе типичные одноручные кружки. Это касается и раннекочевнических погребений Алая, где имеются как грунтовые могилы, так и в отдельных случаях захоронения в каменных ящиках.

Особую территориальную группу образуют сакские памятники Восточного Приаралья, которые следует выделять в отдельный уйгаракский комплекс или культуру. Здесь исследованы два могильника VII–V вв. до н. э. — Уйгарак и Южный Тагискен. Подкурганские погребения в вытянутом положении с западной ориентацией следуют сакскому региональному культурному типу. Редкие отклонения на юго-запад и случаи кремации вместо ингумации не меняют резко общей картины. Имеются и погребения на древнем горизонте, подобно тому как на древнем горизонте возводились бревенчатые гробницы Бесшатыра. Шесть могил, выделяющихся относительным богатством, имели, опять-таки следуя региональной сакской традиции, дромосы длиной 5–12 м. У ямных погребений были перекрытия из балок или ветвей, поверх которых укладывался слой камыша.

Оружие представлено наконечниками стрел, достаточно разнообразными, бронзовыми и железными кинжалами. Имеются и длинные железные мечи, в чем исследователи склонны усматривать проявление связей с савроматами Предуралья, где было популярно такое оружие. В составе керамики наряду с местной лепной посудой, в том числе одноручными кружками, представлены и сосуды, выполненные на гончарном круге, — явный импорт из зоны южных цивилизаций, как это уже наблюдалось в Иссыке и в массовом порядке представлено в Кетмень-тюбе. Из конской упряжи налицо удила со стремячковидными окончаниями и роговые трехдырчатые псалии. К числу компонентов скифской триады принадлежат изображения животных на предметах конского убора и на нашивных бляшках. Это олень, лошадь, кабан, горный козел и кошачьи хищники, в том числе, что достаточно показателью, львы. О восточном направлении связей свидетельствуют монголоидные черты, представленные в черепках женских погребений. Одно погребение, судя по инвентарю, принадлежит мастеру-металлургу.

К позднесакскому времени, скорее всего к IV–II вв. до н. э., относится и укрепленный центр — городище Чирик-рабат, уже в ранний период своего существования имевшее обводные стены с прямоугольными башнями. Это явное проявление южной строительной традиции, своего рода наследие строителей мавзолеев раннего Тагискена, образующих могильник Северный Тагискен. Вместе с тем местная керамика еще довольно грубая и, скорее всего, кострового обжига. Прямо на городище распола-

гался крупный курган, гробница которого имела, согласно сакской традиции, длинный дромос.

Несколько особое положение занимают раннекочевнические памятники Памира. Сюда рано проникли традиции скифской триады, как об этом свидетельствует один из курганов могильника Памирская I, или Тамды. Здесь был обнаружен железный акинак и деревянный колчан с богатым набором стрел, в том числе с типичными бронзовыми наконечниками — двухперыми втульчатыми и трехперыми с длинным черешком. Предметы искусства представлены нашивками на одежду с изображениями медведя и горного козла. Весьма архаичными являются удила и трехдырчатые псалии. Этот комплекс обычно датировали VI в. до н. э., но исследователь Аржана М. П. Грязнов предложил понизить эту дату до VIII–VII вв. до н. э. Погребальный обряд необычен для ранней сакской традиции по позе погребенного: он лежит на боку в скорченном положении. Это положение сохраняется и в памирских курганах более позднего времени, имеющих типичный раннекочевнический инвентарь. Перед нами, безусловно, воздействие древних местных традиций, восходящих к эпохе бронзы, так же как и временами встречающаяся подсыпка охрой. Поэтому памирский комплекс (культура Тамды?) трудно отнести к сакскому региональному типу. Ряд исследователей предлагал видеть в ранних кочевниках Памира не саков, а другое население, проникшее сюда иными путями из Центральной Азии. Однако свидетельства античной географической традиции и другие соображения позволяют считать памирских кочевников саками, хотя и сохранившими глубокое своеобразие местных традиций. В курганах, относимых исследователями ко II в. до н. э. — III в. н. э., костяки уже лежат в вытянутом положении.

Происхождение комплекса сакского типа имеет двуединый характер. На раннем этапе отчетливо выступают местные традиции, обуславливающие, в частности, черты локального своеобразия. К традициям местного бронзового века восходит обряд погребения в каменных ящиках, представленный в раннесакских памятниках Семиречья и на Алае. Местные традиции отчетливо выступают в уйгаракском комплексе, где погребальный обряд обнаруживает ряд черт, уходящих в традиции, выявленные в могильнике Северный Тагискен. Такие архаические черты немногочисленны, присущи лишь отдельным погребениям, но достаточно значимы. Таков прежде всего обряд кремации, господствовавший в мавзолеях Северного Тагискена. К этой же традиции восходят отдельные черты в небольшой, но отчетливо выделяющейся группе погребений на горизонте. Это следы столбовой конструкции, охватывающей захоронение двойным кольцом. Такой же при-

ем отмечен и в нескольких могильных ямах, одна из которых имеет, как и один из семи тагискенских мавзолеев, овальные очертания. В этих ямах столбовые конструкции вдоль стен были устроены в пределах самой могилы.

Совершенно ясно, что скифская триада в раннесакских комплексах получила распространение как макрорегиональное явление, оформившееся, скорее всего, за пределами распространения самих раннесакских памятников. Оленные камни, найденные в Семиречье, также являются местной репликой традиции, которая установилась в отдаленных от Семиречья областях Тувы и Монголии. Механизм распространения инноваций помимо влияния общеэпохальной моды, соответствующей степному образу жизни, был явно связан и с передвижением отдельных групп населения. Именно такими передвижениями объясняется, как отмечалось, появление монголоидной примеси в антропологических коллекциях из Уйгарака и Кетмень-тюбе. Переход к подвижному скотоводству был отмечен, например в Кыргызстане, уже в эпоху бронзового века, как об этом свидетельствует могильник Арпа в местах сезонных горных выпасов стад. Движение к кочевничеству было для зоны евразийских степей своего рода глобальным явлением, обеспечивавшим быстрое распространение новых стандартов и эталонов.

Сформировавшееся на основе такого синтеза сакское общество, подобно другим раннекочевническим феноменам, стало мощным фактором в истории Старого Света. Импульсивное развитие, явный всплеск пассионарности, энергичная подвижность нового вида военной силы — вооруженных всадников — приводили к активному воздействию на южные цивилизации. Судя по косвенным данным, сакские походы или набеги в древневосточную зону могли совершаться уже в доахеменидскую эпоху, и поход Кира был своего рода ответным мероприятием. Именно южные контакты, южные эталоны, как бы они ни попадали в сакский мир, мирным или немирным путем, способствовали распространению, например, образа льва в искусстве сакского общества. Примечательно, что в искусстве саков Приаралья образ льва был одним из наиболее устойчивых. Он представлен и на золотых тисненых пластинках, и на подпружных пряжках. Каноничные фигуры сидящих львов выполнены трафаретно и, видимо, мастером, который никогда не видел этих животных и следовал готовым образцам. Идущий лев, наоборот, воспроизведен более реалистично и вполне узнаваем. Этот более реалистичный вариант вызвал, в свою очередь, ряд подражаний, воспроизведенных, в частности, на бляшках от обрамления колчана. Об активности сакского общества свидетельствует и эпическая традиция, переданная Ктесием, о сако-мидийском противоборстве за главенство над областя-

ми Парфии. Это было начало мощного воздействия степного мира на южные цивилизации. С этой южной экспансией связано и прямое перемещение отдельных кочевых групп в зону оседлых оазисов, что положило начало новому после бронзового века витку культурного и этнического синтеза. Видимо, именно так формируется в Фергане актамская культура. Появляются ранние, в том числе, видимо, и середины I тыс. до н. э., курганные могильники в Согде в долине Зеравшана. О том, что давление с севера на южные цивилизации продолжалось и после похода Александра Македонского, свидетельствуют как археологические материалы, так и косвенные свидетельства письменных источников. Число курганных захоронений в долине Зеравшана в это время увеличивается. Именно северная угроза, скорее всего, и побудила Антиоха I оградить оазисы Маргианы со стороны пустыни специальной стеной. О реальности подобной опасности говорил и греко-бактрийский царь Евтидем при переговорах с Селевкидами во время их восточной экспансии. Он прямо указывает на варваров, которые нависли над его границами, и если Греко-Бактрия как некая преграда на пути этой агрессии падет, то положение всего южного цивилизованного мира станет небезопасным. Апогеем этого мощного воздействия для Древнего мира были утверждение в Парфии династии Аршакидов кочевого происхождения, при которой это государство поднялось на уровень мировой державы, и поразившее эллинский мир крушение Греко-Бактрии с последующим утверждением там также кочевнической доминанты, завершившейся созданием другого великого государства этой эпохи — Кушанского.

Собственно археология, изучающая памятники этих древних кочевников, при организации имеющихся материалов сталкивается с определенными трудностями. Письменные источники приводят имена целого ряда племен и племенных объединений кочевого мира, причем в этой информации встречаются западная, греко-римская, восточная и китайская традиции, сопоставление свидетельств и собственных имен которых порой весьма затруднительно. В области собственно артефактов своего рода эпохальным явлением стало распространение обычных устройств подкурганных могил кочевников в форме подбоев и катакомб. Попытки жестко сопоставить этот обряд с определенной этнической группировкой не дали положительных результатов. Видимо, упор придется делать на менее приметные детали погребального обряда, как то: положение костяка, вариации ориентировки, характер и размещение погребального инвентаря. Однако нет полной уверенности в надежных положительных результатах такого подхода, поскольку в условиях постоянных передвижек, метисации и установления

лидерства определенных группировок (что не могло не влиять на установившиеся традиции) картина становилась все более усложненной и мозаичной. Поэтому обычно древнекочевнические памятники Средней Азии рассматриваются по пространственным группировкам, в пределах которых предлагаются те или иные отождествления с народами и племенами, чьи имена известны по письменным источникам.

Эпицентром перемен в кочевом мире, затронувших и среднеазиатский регион, были глубинные области Центральной Азии, где складывались мощные военно-политические структуры, а их противостояние приводило в движение значительные контингенты вооруженных всадников, передвигавшихся вместе со всем племенным объединением. Как реконструируют некоторые исследователи, уже в V–IV вв. до н. э. юечжи, упоминаемые в китайских источниках в формах юйши и юйчжи, создали достаточно могущественное объединение, своего рода предтечу державы сюнну-хунну. Вероятно, их элите принадлежат богатейшие гробницы Пазырыка, как это, кстати, предполагал их первооткрыватель С. И. Руденко. Потерпев поражение от поднимающегося нового военно-политического объединения хунну, часть юечжей, именуемая китайскими источниками Большие Юечжи, ушла на запад и в конечном итоге, повернув из Семиречья на юг, опрокинула Греко-Бактрийское царство, утвердившись на его землях первоначально на правом берегу Амударьи. Одновременно в Семиречье в ходе этих событий передвинулись и племена усуней, частично потеснившие, частично, видимо, включившие в свой состав местные сакские племена. Поэтому соответствующий период в истории Семиречья и Тянь-Шаня, ориентировочно со II в. до н. э. по V в. н. э., именуется усуньским.

Правда, надо признать, что характеристика усуньского общества в большей мере строится на свидетельствах китайских хроник, чем на данных археологии, где более осторожно следует говорить даже не об усуньских древностях, а о памятниках усуньского времени. Предполагается, что усунь и юечжи принесли с собой в Семиречье обычай погребения в катакомбах или в подбоях, сделанных в одной из стенок могильной ямы. Предпринимались даже попытки более жестко связать то или иное погребальное устройство с определенной этнической группой, но пока они остались малоэффективными. Видимо, племенная структура и соответствующие традиции были достаточно разнообразны и, как правило, сосуществовали. Детализированная классификация для усуньского времени выделяет 12 вариантов различных погребальных сооружений.

В раннеусуньское время преобладают грунтовые подкурганые захоронения с ориентацией погребенных, как и в сакские времена, на запад

или северо-запад. Эти курганы часто имеют в основании каменную кольцевую обкладку. Курганы расположены небольшими цепочками по 5–6 насыпей в каждой. Имеются и крупные насыпи диаметром 50–80 м при высоте 8–12 м. Как правило, они тщательно ограблены, но даже сохранившиеся вещи: золотые бляшки от одежды, золотые серьги, бронзовые зеркала, деревянные шкатулки — свидетельствуют об определенной состоятельности элиты этого времени. На территории Кыргызстана к этой поре относится чильпекская группа памятников с курганами, содержащими погребения в ямах. Из специфических типов артефактов следует назвать бронзовые булавки, увенчанные фигурками птиц. Керамика, вылепленная с использованием матерчатого шаблона, почти вся круглодонная. Из форм отмечены чаши, миски, горшки. Иногда встречаются деревянные столики. В Талгарском могильнике стены могильных ям выложены камнем, а сами ямы перекрыты бревенчатым накатом. В одном богатом захоронении найдены золотые бляшки, нашитавшиеся на красную кожу. Золотые бляшки, в том числе одна, изображающая всадника в плаще, обнаружены в богатой могиле в могильнике Тенлик. Яркий материал дало погребение в Каргалы, где была захоронена женщина, видимо, связанная с отправлением культовых обрядов, почему ее часто именуют шаманкой. Из числа найденных здесь 300 золотых предметов многие имеют инкрустацию из бирюзы. Сложный сюжет воспроизведен на диадеме, которую в настоящее время исследователи склонны датировать II в. до н. э. — I в. н. э. В ряде мест обнаружены поселения усуньского времени с невыразительными глинобитными конструкциями в равнинных районах и каменными постройками в горных местах. Наличие таких поселений, как и находки зернотерок, свидетельствуют о каком-то развитии земледелия, хотя китайские информаторы, освещающие, правда, раннеусуньское время, описывают усуней в первую очередь как кочевников. Правда, сообщается, что ставка владельцев усуней находится в поселении Чэгу, которое, судя по примененному термину, должно было иметь обводные стены. По одному из предположений, это поселение, древний усуньский центр, находилось в Иссыкульской котловине, и с ним связаны некоторые древности, извлекаемые в ходе подводных археологических исследований. Позднеусуньские могильники характеризует уже бессистемное расположение курганных насыпей.

Особое положение в археологии древних кочевников Семиречья занимает комплекс Кенкол в долине р. Талас. Здесь большинство курганов имеют длинный дромос и катакомбную погребальную камеру (табл. 33, 1). Погребения производились на деревянных ложах или в гробах. Инвентарь достаточно разнообразен. Мужчины снабжены оружием:

железными мечами, кинжалами, стрелами с железными и костяными наконечниками. Имеются луки с костяной обкладкой. Керамика не похожа на усуньскую. Сосуды плоскодонные, иногда имеют процарапанный волнистый орнамент. Многие из сосудов сделаны на гончарном круге. Неплохо сохранились деревянные изделия: чаши, тарелки, кружки и кувшины. Найдены и плетеные корзины. Обнаружены бронзовые китайские зеркала, много деревянных изделий, в том числе низкие столики. Особенно интересна сохранившаяся одежда: штаны и шелковые рубашки со стоячим воротником и рукавами, отороченными узорчатым шелком.

Примечательно, что многие черепа имеют отчетливые черты монголоидной примеси. Открывший этот могильник А. Н. Бернштам связывал его с движением хунну, тем более что имеются свидетельства о западном походе одного хуннского предводителя в I в. до н. э. Однако кенкольский комплекс имеет мало общего с памятниками сюнну-хунну, известными в их метрополии, в том числе и в погребальном обряде. Сейчас в долине Таласа выявлено несколько таких могильников, которые ориентировочно датируются в пределах I–V вв. н. э. При некоторой поспешности эффектной гипотезы А. Н. Бернштама не приходится отрицать явный восточный компонент в этих материалах, скорее всего, связанный с племенными перемещениями.

Характерной чертой времени древних кочевников является массовое распространение их могильников в зоне древних цивилизаций в Бактрии, Согде и Хорезме. Несколько достаточно обширных могильников древних кочевников исследовано на территории Бактрии. Весьма тщательные изыскания провел на Тулхарском могильнике А. М. Мандельштам, где им раскопано более 200 курганов. Наиболее западный из бактрийских могильников, Бабашовский, характеризуется каменными выкладками вокруг могилы, чаще всего округлыми, и подбоями в самой могильной яме, куда помещалось тело усопшего. Примечательно, что подбой закладывался не только камнями, но в отдельных случаях и сырцовым кирпичом как материальным свидетельством тесного культурного взаимодействия с местными оседлыми традициями. Керамика, помещавшаяся в могилы, вся сделана на гончарном круге, т. е. является продукцией гончаров-ремесленников, вероятно, из ближайших оседлых поселений. Таковы, в частности, бокалы, кубки и миски. Необычны для керамической традиции Бактрии сравнительно немногочисленные кружки с петлевидной ручкой — это устойчивая форма керамики кочевой среды начиная с сакских времен. Оружие, украшения и немногочисленные детали одежды, как, например, поясные пряжки, также восходят к степным эталонам. Из оружия следует отметить длинный железный меч,

железные кинжалы и черешковые наконечники стрел — трехперые и трехгранные.

Сходную картину дают могильники, изучавшиеся в центральной группе памятников в Бишкентской долине, параллельной долине р. Кафирниган. Таковы могильники Аруктауский и Тулхарский. Здесь, правда, нет кольцевых обкладок. Захоронения совершались в подбоях, а могилы имели сверху небольшие каменные насыпи. В Тулхарском могильнике, за исключением одного-единственного сосуда, вся керамика сделана на гончарном круге и принадлежит к числу ремесленной продукции. Это прежде всего кувшины, бокалы, миски и относительно редкие двояковыпуклые фляги. Последние зачастую встречаются в могилах среднеазиатских кочевников, но обычно преобладают формы, уплощенные с одной стороны. Типичным сочетанием для погребального инвентаря являются кувшин и бокал, возможно, как хранилище жидкого напитка и сосуд для его употребления (табл. 33, II). Здесь, так же как и в Бабашове, представлено железное оружие: длинные мечи, кинжалы и наконечники стрел — трехперые и трехгранные. Интересно, что и мечи, и кинжалы сохранили остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет. Эта древняя традиция кочевой степи ведет свое начало по меньшей мере от погребения в Иссыке и представлена в курганных погребениях Согда. Необычной чертой для кочевого мира является помещение в рот монетных кружков, что абсолютно нехарактерно для безденежных кочевых обществ, но отмечено для погребальной традиции оседлых бактрийцев, видимо, позаимствовавших эту практику у эллинской обрядности. В Тулхарском могильнике таких монет четыре — три обола, чеканенных по типу монет Евкратида, и один обол Герая. В другом могильнике, Ксиров, найдено шесть оболов, подражающих чекану Евкратида. Эти монетные находки позволяют, в частности, уточнить датировку могильников в пределах с конца II в. до н. э. и, видимо, до I в. н. э., скорее всего, его начала, поскольку позднее уже начинается регулярный массовый выпуск монет кушанского типа.

Эти бактрийские могильники представляют собой устойчивый типологический и хронологический комплекс, что содействует решению вопроса об их идентификации со сведениями письменных источников. Совершенно ясно, что эти курганы оставлены кочевыми племенами и их наследниками, сокрушившими Греко-Бактрию и установившими первоначальное политическое господство на правом берегу Амударьи, распространив его позднее и далее на юг. Таких племен античные авторы в одном перечне называют четыре (асии, пасианы, тохары и сакарваки), в другом — только два (асианы и сакарваки). О сопричастности к Бакт-

рии именно тохаров свидетельствуют и более поздние географы, помещая эту народность именно в Бактрию, а также средневековая традиция, именующая Тохаристаном территорию, ранее именовавшуюся Бактрией. Китайские источники в целом говорят о юечжах как сокрушителях Греко-Бактрии. Видимо, осторожнее всего видеть, по крайней мере в центральной группе могильников, именно юечжей. Некоторые отличия в устройстве погребальных сооружений могильника Бабашиво могут свидетельствовать о его принадлежности особой племенной группе, двигавшейся под юечжийским главенством.

Культурологически весьма важно отметить, что расположенные в Бишкентской долине, бывшей, скорее всего, местом зимнего выпаса стад, Тулхарский и Аруктауский могильники принадлежат, скорее всего, именно кочевому населению. Как справедливо отмечал А. М. Мандельштам, оружие, детали одежды, украшения указывают именно на кочевую среду центральноазиатских кочевников. Вместе с тем налицо и начальный этап акультурации. Использование гончарной посуды не так показательно. Это отмечено и для курганных могильников многих областей, лежащих вне зоны урбанистических цивилизаций. Важнее факт использования сырцового кирпича для закладки могил. Еще более существенно такое новшество в погребальном обряде, как помещение в рот усопшему монет — обычай, который через бактрийскую среду в конечном итоге восходит к эллинским традициям. Вероятно, что сами кочевники все более включались в состав и городского населения. Показательно, что на Айртаме наряду с традиционными бактрийскими погребениями обнаружены и захоронения в могилах с подбоем. Позднее вчерашние кочевники уже полностью культурно ассимилируются, и, возможно, их потомки, приняв зороастрийские обычаи, захораниваются в наусах, как и сами бактрийцы. Как отмечают исследователи, в курганных могильниках Бактрии находки оружия весьма редки. Видимо, это уже были не воинственные всадники, а группы населения, мирно существовавшие в покоренной ими стране.

В отличие от Бактрии курганные могильники в Согде более многочисленны и охватывают достаточно значительный отрезок времени. Наиболее ранние, правда, раскопанные в небольшом количестве, относятся еще к середине I тыс. до н. э. Сами погребения устраивались или на древнем горизонте, или в могильной яме. В одном случае, когда могила была не потревожена, налицо характерное для сакских традиций положение усопшего в вытянутом положении, головой на запад. В погребениях этого времени встречена керамика, сделанная на гончарном круге, обычных для городской культуры баночных форм этого времени.

Более многочисленны захоронения под курганными насыпями последующих периодов, изучавшиеся как в Самаркандском, так и в значительном масштабах О. В. Обельченко в Бухарском Согде.

В Бухарском Согде это группа погребений, относимая ко II в. до н. э. — I в. н. э., т. е. одновременная юечжийским могильникам Бактрии. Такую датировку помимо аналогий вооружения с сарматскими памятниками подкрепляют находки в двух курганах монет. В одном случае это тетрадрахма последнего греко-бактрийского царя Гелиокла, в другом — местная монета, чеканенная в подражание эмиссии греко-бактрийского правителя Евтидема. Эта монета принадлежит к чекану, центром которого был, скорее всего, именно Бухарский Согд, где такие монеты встречаются в первую очередь. Как и в Бактрии, здесь представлено даже в несколько большем количестве оружие из железа: длинные двулезвийные мечи, более редкие кинжалы и наконечники стрел, трехгранные черешковые с оттянутыми жальцами. От деталей одежды сохранились части поясного набора и в их числе две ажурные пряжки с изображением верблюда, терзаемого тигром. Имеется и часть костяной пластины, на которой выгравирован пеший воин. Погребения совершались в подбоях, но иногда и в катакомбах.

Несколько катакомбных могил исследовано в Самаркандском Согде, в Орлатском могильнике, изучавшемся экспедицией Г. А. Пугаченковой. Среди курганных насыпей имеется одна достаточно крупная, высотой 20 м при 50-метровом диаметре, уменьшившемся за счет обкопки насыпи. Изучены достаточно рядовые, судя по размерам насыпи (до 30 м), курганы. Все могилы катакомбные. Вход в катакомбу нередко заложен сырцовым кирпичом стандартного для урбанистического Согда формата — 40 × 40 × 10 см. Определенная адаптация к строительной практике оседлого населения отмечена в катакомбе, чьи стены были обложены сырцовым кирпичом. Почти во всех погребениях имеются длинные двулезвийные мечи, причем сохранились части ножен, обтянутых красной тканью, — традиция, представленная в Тулхаре и восходящая к сакскому времени. Такие же ножны имели и более редкие кинжалы. Наконечники стрел достаточно типичные: черешковые трехперые с оттянутыми жальцами. Из керамики встречены флаги, уплощенные с одной стороны, и сделанные на гончарном круге кувшины. Как и в Бухарском Согде, в курганах найдены костяные изделия с художественной резьбой. Эти костяные пластины были либо нагрудными украшениями, либо накладками на колчан. Две из них, достаточно крупные, украшают целые сцены, выполненные художником с незаурядным мастерством. На одной пластине изображены четыре пары сражающихся воинов, облаченных в тяжелые доспехи (рис. 9).

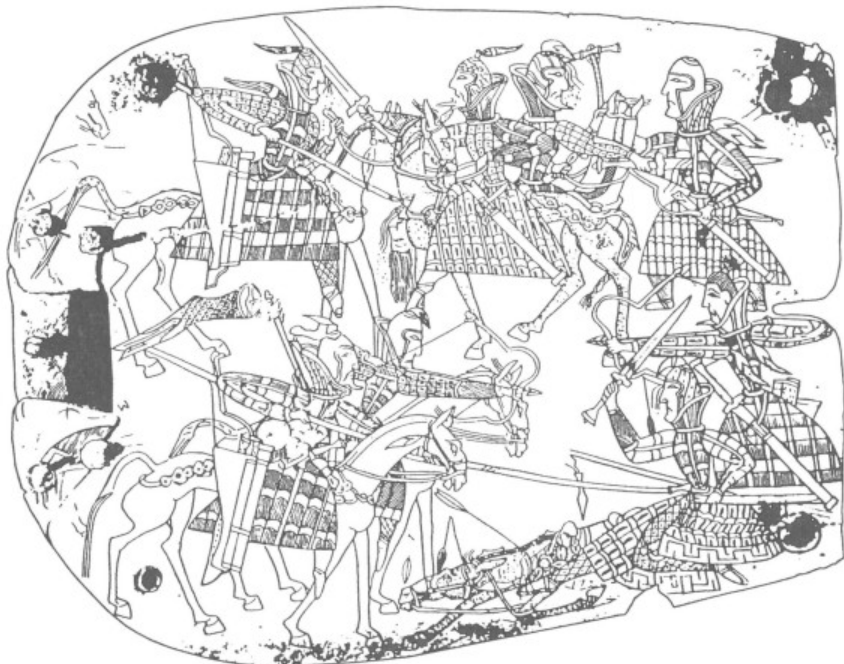

Рис. 9. Изображение сцены боя на костяной пластине. Орлатский могильник

На другой три всадника охотятся на диких животных: один преследует двух архаров, другой — трех косуль и третий — трех куланов (рис. 10). Аналогии предметов вооружения позволили отнести орлатские курганы ко II—I вв. до н. э.

В Бухарском Согде изучены и курганные погребения, условно относимые ко времени II—IV вв. н. э. и, возможно, даже к более позднему времени. Здесь встречаются как подбои, так и катакомбы. Есть захоронения и в дощатых гробах, скрепленных железными скобами. Инвентарь в этих захоронениях немногочислен, в частности почти отсутствует оружие. Видимо, это были не воинственные антагонисты, а часть согдийского населения, придерживающаяся старых погребальных традиций своих предков, которые культурно, а вероятно, и хозяйственно были интегрированы в состав согдийской народности.

Едва ли приходится сомневаться в том, что появление на границах Согда, да и в самой гуще оседлых оазисов, курганных могильников связано с движением кочевников, которое подхлестнуло наступление юечжей на среднеазиатское междуречье. Вполне вероятно, что в могилах с подбоем, так похожих на тулхарские, можно видеть погребения одного

из юечжийских племен. Вместе с тем в бактрийских курганных некрополях нет катакомбных захоронений, и встреченные в Согде курганы с таким устройством могил принадлежат, скорее всего, иным племенным группам, продвинувшимся вместе с юечжийским нашествием. Г. А. Пугаченкова, исходя из того что наиболее близлежащие могильники с катакомбами находятся в Ташкентском оазисе, отождествляемом с метрополией Кангюя, и имея в виду косвенные свидетельства китайских источников о продвижении кангюйцев на юг, считает орлатские курганы принадлежащими именно кангюйцам и в изображениях на пластинах видит кангюйских воинов и охотников. О. В. Обельченко, опираясь на аналогии с материалами Нижнего Поволжья и Южного Урала, наоборот, готов видеть в кочевниках, оставивших согдийские курганные могильники, племена сарматского мира. Скорее всего, о сарматских аспектах следует говорить лишь в самом общем плане, тогда как более реальны привязки к близким племенным группировкам.

Памятники кочевого типа известны и на периферии другой среднеазиатской цивилизации — Хорезма. Соответствующее население проживало здесь достаточно стабильно, о чем свидетельствует и наличие

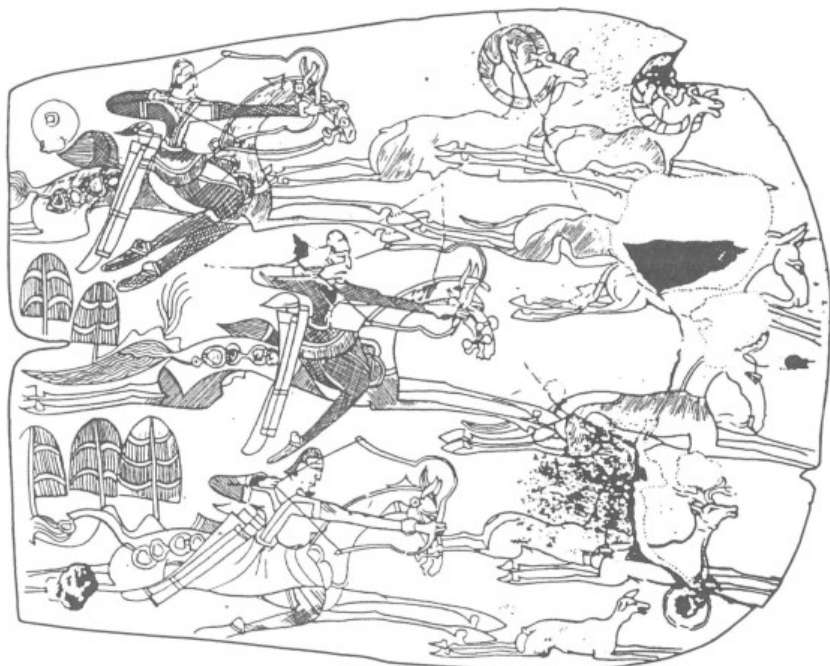

Рис. 10. Изображение сцены охоты на костяной пластине. Орлатский могильник

поселений, хотя постройки на них довольно примитивны — землянки и каркасные строения. Исследователи поэтому предпочитают говорить даже не о кочевниках, а о скотоводах, стационарно располагавшихся на периферии хорезмийских оазисов. Наиболее благоприятные природные условия в этом отношении были на амударьинском левобережье, особенно в Присарыкамышье. К середине I тыс. до н. э. здесь относится культура, названная куюсайской. Вытянутые погребения под небольшими курганными насыпями близки сакской традиции, и вся культура явно тяготеет к сакскому культурному миру. Наряду с лепной керамикой местного изготовления имеется и импорт из оседлых областей, даже из такой сравнительно отдаленной, как культура архаического Дахистана в Юго-Восточном Прикаспии. Позднее ремесленную посуду доставляли гончары хорезмийских ремесленных центров. Воздействие этих центров сказывается и весьма примечательным образом: в курганных насыпях появляются захоронения в сосудах, как их называют исследователи Хорезма — сосудах-оссуариях. Считается, что такой обряд получил распространение с V в. до н. э. По существу, это такое же воздействие на среду кочевников-скотоводов культурных стандартов оседлых оазисов, как и монеты-оболы в юечжийских погребениях Бактрии. Здесь даже проявилась более кардинальная трансформация при сохранении самой идеи курганной насыпи. Считается, что в это время в поселениях Хорезма распространяется оссуарный обряд погребения, связанный с зороастрийскими верованиями и ритуалами.

В первых веках нашей эры, а может быть, и чуть раньше появляются курганные захоронения с подбоями и катакомбами, что представляет собой явную параллель с процессами, наблюдаемыми в Согде и в Бактрии. Учитывая некоторые отличия от эталонного Тулхарского могильника, Б. И. Вайнберг полагает, что эти погребения оставлены юечжийской группой, но не той, которая в Бактрии дала кушанскую династию, и, так же как и О. В. Обельченко, говорит о связях с сарматским кругом племен. Продвижение кочевнических групп в Хорезм в юечжийское время могло иметь для местной цивилизации и политические последствия, когда верховная власть переходит к лидерам пришельцев. В этом отношении очень существенно, что на хорезмийских монетах, дающих хорошую генетическую линию от изначальных подражаний греко-бактрийской эмиссии, рано появляется характерная тамга, отличная от кушанской, и затем прочно устанавливается как официальный тип обратной стороны монет образ государя-всадника.

В культурогенезе, связанном с миром ранних и древних кочевников, следует различать две линии. Одна представлена в зоне их стабильного естественного обитания, важнейшим центром которого издревле было

Семиречье. Здесь налицо формирование устойчивых культурных традиций, передающихся из поколения в поколение и дающих себя знать много столетий спустя после их формирования. Спонтанная трансформация здесь представлена лишь на ограниченных временных отрезках. Импульсивный динамизм частых передвижений и перемещений значительных масс населения приводил к постоянной смене и симбиозу, казалось бы, устоявшихся стабильных проявлений. Неизменными оставались лишь связи с оседлыми цивилизациями в форме получения отсюда конкретных наборов материальных объектов и некоторых интеллектуальных новаций. Но эти явления не приводили к процессу стимулированной трансформации, они не затрагивали основных компонентов культурного комплекса, восходящего к степному образу жизни. Второй аспект — это взаимодействия кочевых обществ и оседлых цивилизаций в условиях продвижения первых в зоны традиционной оседлости и установления там, как правило, политического лидерства. Это служило началом активнейших процессов культурных взаимодействий, в которых устойчивые стандарты урбанистических культур постепенно ассимилировали пришлые группировки, оставляя за ответными воздействиями, если иметь в виду одну материальную культуру, сравнительно узкую сферу одежды, оружия и украшений. Вместе с тем сам исторический синтез имел более значительные масштабы. Огромный пассионарный потенциал, приведший пришельцев в процветающие города из глубин Азии, в процессе взаимной ассимиляции, в том числе этнической, играл важнейшую роль в общем динамизме. Именно такое взаимодействие двух культурных миров дало впечатляющие результаты в Кушанской державе и государстве Аршакидов, чьими усилиями, хотя и при колоссальных потерях, на линии Месопотамии была остановлена агрессия римских полководцев и императоров, неизменно мечтавших повторить подвиги Александра Македонского, дошедшего до Бактрии и Индии.

Глава 12

ПАМЯТНИКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ И СОГДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Признаки стагнации и упадка в культуре Бактрии и Хорезма. Распространение замковой архитектуры. Каунчинский комплекс в Древнем Согде и формирование согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи как наивысшего достижения доарабской Центральной Азии. Художественное и интеллектуальное богатство городской культуры. Пенджикент — эталонный памятник согдийской цивилизации.

После эпохи расцвета древних цивилизаций в Средней Азии наступает определенный перепад в процессах культурогенеза, достаточно отчетливые проявления которого в основном приходятся на V в. н. э. По формулировке, пропагандируемой формационным эволюционизмом, это был период кризиса рабовладельческой формации, само существование которой в Средней Азии в столь примитивном понимании вообще проблематично. Но то, что происходит перепад в культурных явлениях с признаками не только стагнации, но и определенной деградации, сомневаться не приходится. Этому способствовали и политические перемены, и, скорее всего, также глубинные процессы в обществе, связанные с деструкцией урбанистических цивилизаций. Как бы то ни было, определенный период в сфере культурной трансформации налицо, и эпохально он соответствует изменениям, происходящим в западном мире на просторах Римской империи.

Политическая ситуация, складывающаяся в Средней Азии в V–VII вв., не особенно способствовала устойчивому культурному формированию и развитию стабильных культурных комплексов, какими были кушанская или парфянская цивилизации. В принципе преобладало, как и ра-

нее, движение активных военных объединений кочевников с севера и установление ими тех или иных политических структур. Но ни одна из них не достигла устойчивости и могущества Кушанского государства, в котором цементирующую роль сыграли удачно синтезированные эллинистические государственные традиции и кочевой творческий импульс. Одним из таких посткушанских образований было государство кидаритов, объединившее в первой половине V в. н. э. под своей эгидой Бактрию и Гандхару. Затем в письменных источниках появляются сообщения о хионитах, с которыми на своих северо-восточных границах ведут борьбу сасанидские шахиншахи. В VI в. в качестве такой силы, противостоящей сасанидскому Ирану, уже называются эфталиты. В борьбе с эфталитами Иран терпит одну неудачу за другой и выплачивает огромную дань серебряной монетой, подражания которой широко распространились в среднеазиатских областях. Видимо, центром эфталитского объединения помимо Бактрии была также территория среднеазиатского междуречья, главным образом Согд. Хорезму, лежащему в стороне от этого противоборства, судя по непрерывности самостоятельного чекана, удавалось сохранять политическую самостоятельность.

Большое значение для Центральной Азии сыграло образование Тюркского каганата, довольно быстро распавшегося на каганат Восточный и каганат Западный. Между 563 и 567 гг. эфталиты потерпели поражение от войск Западного каганата, и в Средней Азии на значительное время устанавливается тюркское политическое преобладание. Но это опять-таки не было созданием мощного централизованного государства. Мелкие полунезависимые владения, иногда даже возглавляемые династиями тюркского происхождения, образовывали пеструю политическую карту. Со второй половины VII в. начинает ощущаться политическое воздействие танского Китая, подчиняющего наследников Тюркского каганата и продвигающегося в Семиречье. Только ожесточенная битва с арабами и их среднеазиатскими союзниками близ Атлаха на р. Талас в 751 г. пресекла китайскую западную агрессию.

Естественно, что ослабление могущественных бюрократических организованных политических объединений и сама политическая неурядица способствовали определенной дезинтеграции. Нумизматам удастся выделить монеты кидаритов и эфталитов, чего нельзя сказать об археологических комплексах. Судя по всему, оседлые области продолжали развивать местные традиции и находясь под эгидой меняющихся политических лидеров. Продвижение нового населения и воздействие иных культурных традиций, пожалуй, сильнее всего ощущается в среднеазиатском междуречье. Источником этих новаций были не племена из отдаленных районов Центральной Азии, а создатели культуры Каун-

чи, начавшие выдвигаться в согдийские пределы еще в первые века нашей эры. Но это не создавало в Согде центростремительных тенденций в политической сфере. Многочисленные местные владетели в VI–VII вв. образовывали нечто вроде конфедерации с формальным главенством самаркандского правителя, носителя титула «ихшида». И то это был, скорее всего, лишь Самаркандский Согд, тогда как Бухара проявляет заметную степень независимости, даже чеканя свои монеты по типу, совершенно отличному от самаркандского стандарта. Тем более поразителен такой культурный феномен, как согдийская цивилизация, расцвет и мощное влияние которой на соседей приходится как раз на VII–VIII в. н. э. Инициатива творческих личностей в те времена, будь то торговцы, художники или скульпторы, просто поразительна. Центр культурного развития и подъема в пору раннего Средневековья явно перемещается в Согд из Бактрии, которая многие столетия удерживала в этом отношении пальму первенства.

Сама Бактрия в это время даже сменила свое наименование. В конце IV в. до н. э. в источниках появляется название Тохаристан, и теперь на протяжении всего Средневековья так стали именовать бывшие бактрийские земли. Не приходится сомневаться, что этот топоним произведен от имени тохаров, одного из четырех народов, названных в античных источниках в числе покорителей Греко-Бактрии, которых китайские информаторы знали под общим наименованием юечжей. Тохаров как народность, проживающую в Бактрии, упоминает и Птолемей. Видимо, политическое, а, возможно, в какой-то мере и этническое лидерство этого народа и привело к замене топонима, подобно тому как большая часть Дрангианы после поселения там саков стала именоваться Сакастаном.

Для археологического комплекса раннесредневекового Тохаристана характерно использование прямоугольного сырцового кирпича формата $50 \times 25 \times 10\text{--}12$ см, распространение одноручных кувшинов вместо двуручных кушанского времени, одноручных кувшинов со сливом, напоминающих сосуды типа ойнохой, одноручных кружек, котлов с шамотом и полулунными наклепными ручками. Специфической формой, популярной в Тохаристане, следует считать кружки с двойной ручкой, расположенной по вертикали одна над другой. Само качество гончарной продукции заметно ухудшается. Увеличивается количество лепной керамики, удельный вес которой на отдельных памятниках достигает 30%. Посуда изготавливается из тощих отмученных глин, в глиняную массу добавляют различные огнеупоры: шамот, дресву, крупнозернистый речной песок. Ухудшается ангобное покрытие, часто применяется его имитация из водного раствора порошка охры. Начальный этап ком-

плексов раннесредневекового типа, когда еще сильны кушанские традиции, относится исследователями ко второй половине V — первой половине VI в. Завершающий этап, достаточно надежно датируемый находками арабских монет, можно относить ко второй половине VII — первой половине VIII в.

Меняется соотношение типов поселений. Главным элементом поселенческого пейзажа становится отдельно стоящий замок или усадьба. Замки возводятся на платформе, имеющей высоту от 3 до 6 м. Располагавшееся на такой платформе здание обычно имеет одну более значительную парадную комнату, вдоль стен которой идут суфы. Парадный зал окружают или расположены рядом с ним узкие коридорообразные помещения, перекрытые сырцовыми сводами. Парадные помещения часто украшались стеной росписью или скульптурой. По стенам небольшого зала замка Балалык-тепе развернута сцена пиршества. Мужчины и женщины сидят или возлежат на ковриках, тогда как на втором плане воспроизведены фигуры слуг. Как правило, такие центральные здания имели два этажа. В Кув-кургане, относящемся к переходному времени от кушанской эпохи к раннему Средневековью, парадный зал был украшен 12 скульптурами, изображавшими правителя, его супругу, свиту и танцовщиц в легких одеяниях. Ряд замков имел примыкающую к ним застроенную территорию. Внешние стены замков были снабжены бойницами для фронтальной и навесной стрельбы. Сохранились и поселения более значительных размеров. Так, центром шерабадского ирригационного района было Хосият-тепе площадью почти 20 га. Это, скорее всего, были столицы небольших отдельных владений, на которые был разделен Тохаристан. Для правобережного Тохаристана сообщается о наличии 12 самостоятельных мелких владений. Столичным центром одного из таких владений было городище Кафыр-кала, возведенное в начале раннесредневекового периода с соблюдением некоторых кушанских градостроительных традиций. Основная часть города размером 360 × 360 м была разделена улочками, выходящими на центральную магистраль, делившую город на две половины, на равные квартальные участки. Этот центр был защищен рвом, за которым следовали протейхизма и крепостная стена с башнями.

Кушанское наследие сказалось и в сохранении традиции строительства зданий, связанных с буддизмом. Правда, основные буддийские культовые строения и монастыри, расположенные в районе Термеза, так же как и в Дальверзине, были разгромлены в ходе военных неурядиц. Но в восточной части правобережного Тохаристана традиции буддизма оказались менее подверженными бурным событиям. Более того, ряд буддийских комплексов здесь был возведен в пору раннего Средневековья,

как бы компенсируя угасание главных святынь в притермезском районе. Буддийский храм имелся на поселении Калаи-Кафирниган. Его центральный зал открывался с одной стороны айваном, с трех других он был окружен обводными коридорами. Его стены украшала роспись, имелись три крупных статуи и множество мелких. Небольшие буддийские строения были раскопаны на Кафыр-кале, где оно условно названо часовой, и на Хиг-тепе, где находился небольшой монастырь. Видимо, в середине VII в. был возведен довольно значительный монастырь Аджина-тепе, состоявший из двух смежных дворов, по периметру которых шли помещения. Один из дворов имел посередине ступу, высота которой определяется в 12 м; другой был связан с собственно монастырскими некультовыми строениями. В одном из коридоров, идущих вдоль первого двора, располагалась статуя лежащего Будды, достигавшая 12-метровой длины. В полном соответствии с традициями художественного убранства весь монастырь украшали многочисленные скульптуры и стенная роспись.

По периодизации, принятой исследователями Хорезма, раннесредневековый период IV–VII вв. именуется афригидским по имени хорезмийского царя Афригия, упоминаемого в списке хорезмийских правителей, составленном Бируни. В начале этого периода, как и в Бактрии, происходит заметная деструкция устоявшихся традиций и структур. Крупные центры городского характера, включая царскую резиденцию Топрак-кала, приходят в запустение; целый ряд магистральных каналов забрасывается, и основанные на них оазисы приходят в запустение. Общая стагнация сказывается и на керамическом производстве. Глиняная посуда переходного периода, который исследователями именуется кушано-афригидским и относится к IV–V вв., в значительной мере изготавливается архаическим способом ручной лепки. Так сформированы и громоздкие хумы, в глину которых подмешиваются дресва, шамот и песок. Исчезают лощение и красный ангоб чистых тонов, преобладает зеленовато-серое покрытие сосудов. Некоторое улучшение керамической продукции начинается с VI в., когда процент сосудов, сделанных с помощью гончарного круга, увеличивается. «От руки» лепятся горшки, котлы, крупные блюда и частично хумы. Для последних характерен орнамент по венчику из овальных вдавлений, сделанных пальцем. На гончарном круге изготавливаются одноручные кувшины, среди которых много форм с узким горлом. Имеются и узкогорлые кувшины со сливом того же ойнохоевидного типа, что и в Бактрии. Форму, сходную с бактрийскими сосудами, имеют и одноручные кружки, хотя они более грубы и примитивны. Иногда встречается резной орнамент, образующий прямые или волнистые линии.

В поселенческом пейзаже решительно преобладают укрепленные усадьбы и замки. В усадьбах распространены башни на сплошном цоколе, именуемые исследователями донжонами. Сами усадьбы, подквадратные в плане и имеющие около 30 м в стороне, замкнутостью, обеспечиваемой пахсовыми обводными стенами, близки усадьбам, существовавшим ранее в Древнем Хорезме. Обычно внутри замкнутого пространства находились двор и несколько помещений. Усадьбы группируются в оазисы, центром которых обычно является более солидный замок, как, например, Якке-Парсан в одноименном оазисе.

Достаточно полно изучен оазис, получивший наименование Бертукалинского по имени основного памятника. Оазис вытянут вдоль канала, имеющего в длину 25 км, а ширина освоенной полосы составляет от 1 до 1,5 км. В числе усадеб имеются и мелкие, размером 40 × 40 м и даже 10 × 10 м, представляя собой, по сути, небольшие дома. В изученном замке № 4 башня-донжон имеет размеры 13 × 13 м. Более подробно раскапывалась Тешик-кала, которая имеет площадь 1 га и обнесена пахсовой стеной, усиленной овальными башнями. В центре на глинобитном цоколе 6-метровой высоты располагался небольшой замок. Проход в него, по мнению исследователей, осуществлялся по подъемному мосту. Характерна наружная сторона стены, оформленная в виде ряда сомкнутых полуколонн, образующих выразительную гофрировку. Сырцовый кирпич, используемый для строительства, сохраняет древние квадратные пропорции, но менее внушителен по размерам — 35 × 35 × 8 см. В комнатах, сравнительно небольших по величине, устроены суфы-лежанки, а в одной комнате располагались рядами 10 хумов. Парадное помещение украшал фриз из необожженной глины, на котором в рельефе были изображены перемежающиеся розетки и трилистники. Найдены и глиняные буллы, на которых сохранились оттиски печатей, изображающих однорукое божество и всадника, стреляющего в козла. Интересно, что в цоколе замка было замуровано более раннее строение, которое забутовали и использовали при возведении стилобата. Запустение Тешик-калы относится к VII в.

Характерной чертой культуры раннесредневекового Хорезма является устойчивое сохранение оссуарного обряда погребений. Уже при раскопках Тешик-калы были найдены фрагменты оссуариев. Но существовали и особые, достаточно обширные специальные некрополи. По крайней мере с VI в. распространяется особый тип оссуария, так и именуемый исследователями афригидским. Это стандартной, как правило, четырехугольной формы ящик, который закрыт четырехскатной крышкой и имеет ножки. Изготавливались оссуарии также из камня или алебастра, но, конечно, более распространены оссуарии керамические.

Обширные некрополи с оссуариями нередко были многослойными и использовались в течение длительного времени. Наиболее известны могильники Ток-кала и Миздахканский. Ряд оссуариев сопровождали надписи на хорезмийском языке, сообщавшие имя усопшего, а порой и его родителей, а также формулы благопожеланий его душе. Иногда на стенки наносилась роспись, воспроизводящая сцены оплакивания. Особенно существенны для хронологических построений даты смерти, проставленные по хорезмийской эре. Находки арабских монет показывают, что обычай оссуарных захоронений продержался до второй половины VIII в.

Таким образом, в Хорезме, как и в Бактрии, наблюдается спонтанная трансформация, можно сказать, с обратным знаком, учитывая признаки упадка и деградации. Обособленное географическое положение сказалось и на сохранении своей, хорезмийской, специфики. Так, прямоугольный формат сырцового кирпича, утвердившийся в оседлых областях Средней Азии почти повсеместно, здесь не получил особого распространения.

Известная стагнация и определенный упадок культуры отмечен и для юго-запада Средней Азии, хотя здесь он и не столь заметен, как в Бактрии и Хорезме. Этому явно способствовало вхождение этих областей в состав достаточно могущественной Сасанидской державы, сменившей Парфию в политическом лидерстве на Ближнем Востоке. Новая династия Сасанидов старалась всячески замолчать парфянское наследие, хотя первоначально официальные наскальные надписи еще делались на двух языках — парфянском пехлеви и сасанидском парси. Сменилась и топонимика. Теперь уже не упоминаются ни Парфия, ни Маргиана. Бактрию заменил Тохаристан, а обширные области на северо-востоке Сасанидского государства стали именоваться Хорасаном. Правда, бывшая столица Маргианы сохранила свое название — Мерв, и здесь даже выпускалась монета с указанием имени этого города, имевшего свой монетный двор. Но название Антиохии Маргианской, бывшее в парфянский период отзвуком эллинского наследия, теперь уже полностью выходит из употребления.

В самом Мерве, центром которого оставалось городище Гяур-кала, начиная со второй половины II в. отмечается некоторое запустение, ранее застроенные пространства заполнены мусорными отвалами. Северо-восточную часть города занимает пустырь. Некоторое оживление строительства отмечается с VI в. В эту пору, видимо, начинает обживаться и территория к западу от Гяур-калы, где позднее сформируется городище поры развитого Средневековья Султан-кала.

Определенные негативные изменения претерпело и керамическое производство Мерва, но для ярко выраженной урбанистической культу-

ры эти изменения не были столь значительными, как, например, в Хорезме. Качество выделки остается неплохим. Черепок сосудов имеет в основном сероватый цвет, особого сокращения процента сосудов, сделанных на гончарном круге, не происходит. Отмечается некоторая вычурность профилей кувшинов и мисок. Особенно многочисленными становятся одноручные узкогорлые кувшины. К VI в. исчезает такая форма, как глубокие тарелки, по отогнутому бортику которых шел прорезанный орнамент. Распространяются курильницы в виде чаш на высокой ножке. Со второй половины VI в. и на протяжении VII и VIII вв. происходит некоторое огрубление форм, сокращается их ассортимент. В округе Мерва особый интерес представляет Байрамалинский некрополь, где расчищено значительное количество погребений, в том числе совершенных по обряду очищения костей от мягких частей тела. Кости помещались в оссуарии удлинненной, часто цилиндрической формы, обычно имеющие сбоку отдельно приставлявшуюся крышку. Для помещения костей использовались и сосуды. Основное здание для погребения имело подквадратную форму, где по периферии двора располагались прямоугольные камеры. Имеются в значительном числе и обычные захоронения по образцу простой ингумации. Сложная внутренняя картина некрополя, существовавшего, видимо, не одно столетие, еще не вполне ясна. Некоторые оссуарии имеют по верхнему краю изображение ступенчатых зубцов, что явно указывает на подражание жилой (замковой?) архитектуре.

В подгорной полосе Копетдага, бывшей Парфиене, полностью забрасывается Старая Ниса как резиденция Аршакидов. Запустевают и такие центры городского облика, как Геоктепинская крепость и Куна-Каахка. Небольшим городком было городище Хосров-кала. Весьма многочисленны в подгорной полосе и замки, представлявшие собой холмы значительной высоты, явно указывающей на наличие в основании строений платформы или стилобата. Подобные замки распространены и в области Мерва, но там они подробно не изучались. В подгорной полосе раскапывался замок Ак-депе у Артыка, принадлежащий к типу замков, имеющих прилегающие строения типа усадьбы. Высота Ак-депе составляет 12 м, и по периметру здесь шла стена с башнями, снабженными бойницами. Внутренняя планировка замка полностью не выяснена. Примечательной находкой помимо значительного числа сасанидских серебряных монет V в. является коллекция булл с четкими оттисками печатей. На печатях помимо изображения хорошо читаются имена и титулы владельцев. Так, имеется печать служителя культа, на которой воспроизведен Митра на колеснице. Есть оттиски печатей и административных лиц. Возможно, в замке хранились тюки товаров, принадлежащих

разным персонажам, и тогда сам замок мог быть резиденцией достаточно оперативного торговца. Что среднеазиатское купечество обитало, во всяком случае частично, в замках-кешках, известно по описанию доисламской Бухары. В керамике Ак-депе, как и в Мерве, широко представлены узкогорлые кувшины обычно с одной ручкой. На двуручных кувшинах и других сосудах встречается процарапанный орнамент в виде прямых и волнистых линий. Таким образом, в Северном Хорасане, как теперь можно именовать бывшие Маргиану и Северную Парфию, налицо почти плавная культурная трансформация, чему, скорее всего, способствовало вхождение в стабильное государство Сасанидов. Вместе с тем тенденция к деурбанизации и выдвиганию на первый план поселений типа укрепленных замков здесь такова же, что и в других областях Средней Азии.

Выдающимся феноменом центральноазиатских культур была согдийская цивилизация раннесредневековой эпохи. Она достигла своего расцвета в VII–VIII вв., когда многие ее достижения стали гибнуть в огне пожаров и разрушений, несомых арабским завоеванием и сопровождавшими его событиями. Для нее характерен высокий уровень интеллектуального развития, выразившийся, в частности, в широком распространении грамотности и в выдающихся достижениях художественной культуры, которая стала составным компонентом урбанистического образа жизни. Не говоря о разнообразной документации — от дипломатической переписки до юридически сложных брачных контрактов, представленных в Мугском архиве, о широком распространении образованности свидетельствуют многочисленные надписи на утилитарных объектах, в частности на керамике. Они сделаны еще до обжига посуды, т. е. отражают интеллектуальную среду, повлиявшую и на гончарные мастерские независимо от того, делал эти надписи сам гончар (хотя они в ряде случаев сделаны от его имени) или специально приглашенный писец. Показательно буквально массовое распространение настенной живописи, украшавшей не только культовые и светские престижные центры, но и парадные помещения домов всего городского патрициата, включая купечество, о чем свидетельствуют раскопки Пенджикента. В значительной мере это было неожиданное обстоятельство для исследователей, которые, открыв первые парадные залы домов состоятельных пенджикентцев, первоначально посчитали их дворцом правителя.

Из объектов материальной культуры, характеризующих культурный комплекс раннесредневековой согдийской цивилизации, можно назвать в первую очередь три: керамические оссуарии четырехугольной формы, монеты с квадратным отверстием в центре (табл. 37, 16) и разнообразные

типы кружек с одной ручкой в керамических наборах. Последние столь же характерны для согдийского культурного комплекса, как и бокалы для кушанского, где их употребление широко распространилось и в среде вчерашних кочевников, покоривших Бактрию и воспользовавшихся достижениями ее культуры. Достаточно высоко развитый согдийский культурный комплекс формируется, скорее всего, в VI в. До этого времени сама культура Согда развивалась достаточно сложными путями, претерпевая, как Бактрия и Хорезм, определенную деградацию. Вместе с тем налицо сильное воздействие засырдарьинских культурных традиций, видимо, в результате прямой миграции групп населения, входящих по мере культурной и этнической ассимиляции в состав согдийской народности.

Одной из характерных черт культурного процесса в Согде в пору начальных этапов раннего Средневековья являются именно отчетливые связи с засырдарьинскими комплексами. Прямые аналогии с материалами круга Каунчи отмечались и для более раннего времени, но теперь их массовость придает им особое, в какой-то мере структурообразующее значение. Это достаточно отчетливо прослеживается благодаря работам С. К. Кабанова на памятниках Кашкадарьинского Согда. Соответствующий комплекс был выявлен уже в среднем слое Мудин-тепе, а при последующих работах был изучен на Пирматбаба-тепе и на сравнительно крупном поселении с обводными стенами Джангаль-тепе. В отличие от более ранних комплексов здесь значительную часть керамики составляют изделия, изготовленные без помощи гончарного круга. Исчезает такая достаточно специфичная для древнего периода форма, как кубок, нет красного лощения. Распространены типичные каунчинские очажные подставки с зооморфным оформлением. Близко напоминают комплекс Каунчи широкодонные кувшины. От руки изготовлялись курильницы с наlepным орнаментом и плоские светильники с горизонтально вытянутой ручкой, увенчанной фигуркой барана. Точно таких светильников в Каунчи нет, но приверженность к использованию в изделиях фигурок животных — это типичная черта в засырдарьинских комплексах. Есть в Кашкадарьинском Согде этого времени и кувшин с зооморфной ручкой каунчинского стиля. С. К. Кабанов склонялся к датировке соответствующих комплексов III–V вв., что, видимо, страдает определенным удревнением. Но культурологическая направленность достаточно ясна. Столь значительные изменения в керамическом производстве, сопровождающиеся некоторой деградацией ремесленного сектора, были связаны с инфильтрацией населения, соответствующим образом утвердившего в среде обитателей оседлых поселков свои привычки и стандарты. С. К. Кабанов предполагал видеть в мигрантах хионитов, но это, скорее всего, были в основном носители культуры Каунчи, перемещению

которых могло способствовать хионитское движение. Показательно, что в это время в Кашкадарьинском Согде наряду с традиционным квадратным форматом сырцового кирпича распространяется и прямоугольный стандарт, который, так же как и зооморфные ручки сосудов, является обязательным компонентом каунчинского культурного комплекса. Поэтому нет оснований считать всех мигрантов кочевниками. В их числе, видимо, были и группы населения, ведущего оседлый образ жизни, но культурные стандарты которых в ряде отношений уступали ремеслу урбанистических центров.

Эталонным памятником культуры раннесредневекового Согда безусловно является городище Пенджикент. Это был достаточно рядовой согдийский центр, правители которого, как и многие другие согдийские владетели, имели свои дворцовые покои и выпускали для своего владения монеты с собственным именем и титулом. Но именно это обстоятельство делает пенджикентские материалы для своей эпохи стандартным, а не неким экстраординарным явлением, поражающим исследователей пышностью и богатством. Так, по материалам Пенджикента достаточно отчетливо намечается развитие согдийской керамики раннесредневекового времени. Наиболее ранний комплекс своими истоками восходит к V в. (табл. 35, I). Здесь как наследие древности еще есть формы сосудов, выросшие из кубков и покрытые красным ангобом. Однако распространенный способ орнаментации — это разного рода полосы коричневого ангоба. Частичная окраска грубыми мазками — излюбленный прием каунчинского керамического комплекса, к традициям которого этот прием, скорее всего, и восходит. Теми же эталонами наверняка навеяна и форма широкогорлых сосудов со сливом с одной стороны и ручкой на стороне противоположной (ср.: табл. 30, II). Каунчинские аналогии имеют небольшие сосудики с вертикальной петлевидной ручкой, которые исследователи этого присырдарьинского комплекса именуют кружечками-горшочками. Достаточно широко представлены одноручные кувшины, которые именуются исследователями водоносными. Вся эта ремесленная посуда сделана с помощью гончарного круга быстрого вращения. От руки лепились кухонные котлы, жаровни и небольшие кувшинчики. Распространены плоские крышки.

Постепенно этот керамический комплекс развивается. Исчезает не свойственная гончарному ремеслу примитивная роспись полосами, и к VII — началу VIII в. формируется выразительный керамический комплекс, который с полным правом можно именовать согдийским и который оказал заметное влияние на соседствующие области. Формы, продолжающие традицию бокалов, заменяются невысокими чашами. Распространяются узкогорлые кувшины со сливами, получают популярность

сосуды со сливами, оформленными в виде голов животных. Плоские тарелки заменяются мисками. Но особенно характерны кружки с вертикальными ручками, представленные целым рядом вариантов. Типичны кружки с высоким бортиком. Специфической согдийской формой являются кружки с волнистым краем, явно подражающие металлическим изделиям. Вообще влияние утилитарной торевтики весьма характерно для согдийской керамики этого времени. Распространился даже особый вид изделий, центром производства которых была Кафыр-кала под Самаркандом. У таких сосудов поверхность посыпалась слюдой, придавая ей почти металлический блеск. Большие кружки украшал резной или штампованный орнамент, воспроизводивший ветви растений или плоды граната.

Сам Пенджикент как город сформировался в V в. До этого, судя по некоторым наблюдениям, на месте цитадели существовал укрепленный замок. Город V в. был обнесен стеной и занимал в целом территорию около 8 га. Стена с прямоугольными башнями была снабжена тремя рядами щелевидных бойниц, расположенных в шахматном порядке. Прямые уличные магистрали свидетельствуют о целенаправленном планировании градостроительства. Были возведены и два обширных храма с большими дворами, в середине которых на платформе располагался сам культовый центр (табл. 34). Строительство велось из пахсовых блоков и сырцового кирпича нового прямоугольного формата размером в среднем $50 \times 25 \times 10$ см, сменившего традиционный древний квадратный стандарт. В конце V — начале VI в. город разросся, была возведена новая стена. Прежняя стена, оставшаяся внутри городского пространства, некоторое время образовывала как бы вторую линию обороны, а потом была застроена домами, возводившимися, как это обычно для среднеазиатских памятников, последовательно друг над другом, подвергая заботовке более ранние постройки. Общая площадь города теперь достигла 13,5 га. Полувековые раскопки Пенджикента и тщательные полевые наблюдения за вскрываемыми строениями с выделением строительных периодов и микрогоризонтов позволяют достаточно детально реконструировать общий облик раннесредневекового согдийского города. В цитадели, также неоднократно перестраивавшейся, располагался обширный дворец правителя, включавший в свой состав ряд парадных залов. Они были украшены росписью и резным деревом, но все эти художественные произведения были уничтожены при разрушении дворца, погибшего в огне пожара. Сам город был тесно застроен, так что в нем практически не было дворов, за исключением храмовых открытых пространств, где отмечены и зеленые насаждения. Наиболее презентативны крупные домовладения, принадлежавшие городскому патрициату и

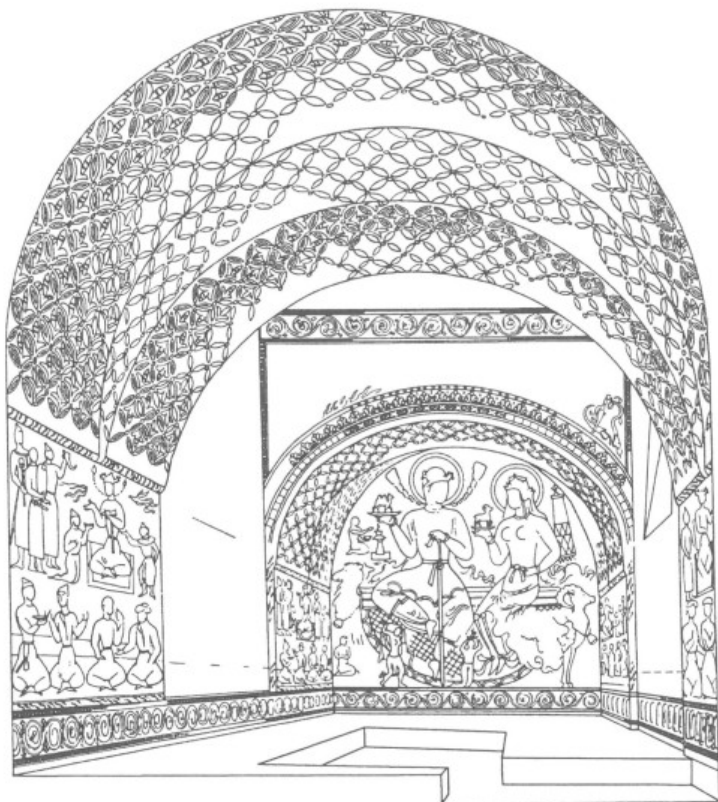

Рис. 11. Парадный зал в доме Пенджикента.
Реконструкция Е. Е. Федосеевой

составлявшие около 40% всех пенджикентских строений. Их центрами являлись парадные залы площадью от 30 до 80 м² с перекрытиями, поддерживаемыми деревянными колоннами, и с суфами вдоль стен. Сами стены были буквально заполнены живописью, идущей в три яруса. В особой нише воспроизводилась главная сцена, изображавшая богов и предстоящих перед ними согдийцев (рис. 11). На других стенах воспроизводились светские сюжеты, из которых особо часты сцены боев и пиров как важнейших видов жизнедеятельности согдийской аристократии. В нижних поясах шли иллюстрации к сказаниям и литературным сюжетам, в частности к басням. Среди сцен сражений особенно эффектно воспроизведение противоборства всадников и огнедышащих драконов, явно связанное со сказанием об эпическом герое Рустаме. Эти залы были для обитателей домов культовыми и общественными центрами. Многие

из бытовых комнат располагались на втором этаже, куда вел покатый пандус. Украшало интерьер и резное дерево.

Имелись и своего рода домашние часовни, где также вдоль стен шла суфа, а в одной из стен устраивалась арочная ниша, обрамленная декоративными колонками и имеющая перед собой участок со следами длительного воздействия огня. Строения рядовых горожан менее презентативны. Вдоль некоторых улиц располагались лавки-мастерские, устраивались маленькие базарчики. За пределами города находился некрополь, состоявший из небольших подквадратных строений площадью около 4 м². В них помещались кости усопших, обычно в керамических прямоугольных оссуариях. Эти наусы располагались группами от 4 до 10 и иногда, как курганы кочевников, были вытянуты в цепочку.

Раскопки Пенджикента достаточно ярко характеризуют согдийскую материальную культуру. Помимо производства глиняной посуды в городе активно работали и мастера по обработке металла, продукция которых часто встречается в ходе раскопок. Из железа помимо разнообразных орудий, в том числе лемехов плугов, изготавливались оружие и воинские доспехи. Найдены пластинки от панцирей и колечки от кольчуг, предметы конской сбруи. Характерны крупные черешковые железные наконечники стрел: трехлопастные и четырехугольные (табл. 35, III). Среди ювелирных изделий, кроме колец и сережек, многочисленны детали наборных поясов: пряжки, накладки, бляшки, наконечники, подвески. Найден серебряный перстень, у которого на сердоликовой вставке изображен бык зебу (табл. 35, III). Зеркала имели характерные ручки в виде стержня с протомами животных.

Материальная культура и художественные произведения, обнаруженные в Пенджикенте, ярко характеризуют согдийскую цивилизацию, вступающую в VII в. в состоянии расцвета. Прежде всего обращает на себя внимание богатство повседневной, фактически бытовой культуры общества, входящего в новый цикл урбанизации. Художественные росписи не были экстраординарным явлением во дворце правителя, находившимся в цитадели. Согдийская знать и купечество в равной мере подобным образом украшали свои резиденции. Парадность этих домов побудила первых исследователей Пенджикента считать их чуть не дворцами. Показателен высокий уровень просвещенности, отраженный уже в сюжетах росписи, указывающих на знакомство не только с мифологическими традициями, но и с литературными произведениями своего времени. Мастера-гончары нередко воспроизводили на своих сосудах надписи, указывающие на объем данного хума. В других центрах обнаружены и пространственные надписи о посвящении данных сосудов такому лицу с указанием имени гончара. Богатую интеллектуальную и худо-

жественную среду характеризуют сюжеты стенных росписей, исключительно разнообразные. При общем предпочтении идеологии, которую можно характеризовать как среднеазиатский зороастризм, образы и стилистические решения свидетельствуют о широком кругозоре, лишенном догматического конфессионализма. Налицо иконографическое подобие образу Шивы. Популярная местная богиня Нана часто изображается четверорукой с солнцем и луной в руках. Практически отсутствует официальная династийная прокламативность — в согдийском обществе верховный правитель был лишь первым среди равных в среде своего дворянства — знатных дехкан, сословным атрибутом которых был золотой пояс. В отличие от кушанских или парфянских правителей согдийские династы не носили титула царя царей.

Эстетические нормы и художественная культура стали буквально массовым явлением. Это видно по целой серии оссуариев с художественными рельефами, за которыми по месту первой находки утвердилось наименование биянайманского типа. На них воспроизведены, причем в достаточно разнообразных сочетаниях, мужские и женские персонажи с различными атрибутами в руках (табл. 34). Выделяются мужские и женские персонажи, в которых склонны видеть или воспроизведения божеств, или жрецов и жриц, связанных с заупокойным культом. По интерпретации французского ориенталиста Ф. Грене, здесь изображены Амеша Спента, божественные спасатели зороастрийской теологии, игравшие важную роль при погребальных мистериях.

Прцветавшие городские поселения, центры первоклассной художественной культуры, были повседневным явлением согдийской цивилизации. В Бухарском Согде к V в. относится возведение двух новых городов — Варахши и Пайкенда. Варахша занимала площадь 9 га и имела обводную стену. На территории города к западу от цитадели находилось здание дворцового характера, где в ряд располагалось несколько парадных помещений, стены которых были украшены росписью. Особенно эффектны сцены едущих на слонах персонажей, атакуемых пятнистыми хищниками кошачьей породы. Все события разворачиваются на ярком красном фоне, который пенджикентские художники для своей росписи не использовали. Если в Самаркандском Согде, в районах, близких горным массивам с лесными угодьями, процветала художественная резьба по дереву, то здесь, в степной и пустынной местности, его заменил шtuk. Среди фрагментов резного шtukа выделяется экспрессивная фигура горного козла. Пайкенд, по свидетельству письменных источников, считался городом купцов, но и здесь в престижных строениях парадные помещения имели стенную роспись.

Область к северу от Самаркандского Согда, от Туркестанского хребта вплоть до Сырдарьи, в Средние века носила наименование Уструшаны. Здесь был распространен местный диалект согдийского языка, и в культурном отношении это явно была одна из базовых областей согдийской цивилизации. Здесь также был открыт престижный центр, где располагалась парадная резиденция местных владетелей. Это городище Калаи-Каххаха, занимавшее площадь около 5 га. В открытом здесь дворцовом комплексе находился просторный зал размером 18 × 12 м. Наряду с росписью представлены многочисленные образцы художественной резьбы по дереву, украшавшей потолка. Особый интерес представляет сцена, воспроизводящая волчицу, кормящую двух младенцев. При иконографическом и сюжетном влиянии известной римской сцены с волчицей, вскормившей по легенде Ромула и Рема, семантически здесь, конечно, выступают и восточные представления о воспитании героев дикими волками. В малом зале воспроизведен всадник с пикой-знаменем. Среди образцов живописи особенно впечатляющи головы двуглавых демонических существ. Имеются здесь и фигуры трехглавых и четырехруких персонажей, подчеркивающие неисчерпаемое сюжетное богатство согдийской художественной школы, где традиционными и в какой-то мере трафаретными являются, пожалуй, лишь сцены пиршества и возжигания светильников (изображение светильника на стенной живописи см. на табл. 34).

Подлинным шедевром по уверенности руки мастера (или мастеров) и по броскому колориту можно считать живопись здания, открытого на Афрасиабе, руинах столичного согдийского Самарканда. На основе детального анализа археологических реалий Х. Г. Ахунбабаевым была намечена картина истории застройки этого участка древнего города. Первоначально на этой территории располагалась усадьба с башней-донжоном, возведенном на платформе, сооруженной из пахсы. Х. Г. Ахунбабаев подчеркивает, что во время функционирования этого здания, ориентировочно определяемого как V — начало VI в. н. э., в пределах городской стены Самарканда налицо застройка не сплошными кварталами, а отдельно стоящими замками. Судя по описанию Наршахи, такая ситуация может быть восстановлена и для доарабской Бухары. В середине VII в. в связи с политическим возвышением роли Самарканда наблюдается активное строительство. На руинах прежнего замка возводится дворцовое здание, что можно относить ко времени правления Вархумана, ставшего верховным правителем Согда. Мощные стены строения возведены из пахсы, дополненной кладкой из прямоугольного сырцового кирпича формата 50 × 30 × 10 см. Исследователи выделяют в обширном здании три части: административную с тремя парадными залами, парад-

но-культовую с типичными для согдийской монументальной архитектуры четырехколонными залами и жилую. Убранство дворцового здания страдало во время военных погромов и поздних перестроек. Достаточно выразительно сохранилась роспись лишь одного из залов размером 11 × 11 м, имевшего традиционные четыре колонны и суфу вдоль стен. В росписи на ярком синем фоне разворачивалось сложное действие прибытия иностранных послов к самаркандскому двору и происшествий в пути, включая переправу через водную преграду и нападение диких зверей. Мало того, что персонажи посольств и их пышные одежды воспроизведены с детализированной достоверностью, одна из процессий сопровождается подробной надписью, излагающей, видимо, вполне реальное послание владельца одной из крупнейших областей Тохаристана — Чаганиана — самаркандскому правителю. Богатство гаммы и пышность воспроизводимых событий подчеркивают столичный характер дворцового убранства.

Запустение дворцового здания датируется концом третьей четверти VII в. и явно связано с бурными событиями арабского завоевания. Дворец перестал быть резиденцией верховного согдийского правителя. На его руинах формируется квартал городской знати, достаточно престижный по архитектурному облику, но не идущий ни в какое сравнение с блестящим дворцовым центром.

Интересные материалы храмовой сокровищницы сохранила отдельно стоящая храмовая постройка Джартепа II, находящаяся на дороге между Самаркандом и Пенджикентом. Первоначально, как и пенджикентская цитадель, это было строение замкового типа — квадратное здание с башнями по углам. Здание предположительно датируется III–IV вв., и для его строительства использован уже кирпич прямоугольного формата — 50 × 25 × 9 см. В V в. строение было переделано в культовый комплекс с залом размерами 12 × 7 м и четырехколонным вестибюлем. Традиционно стены украшала живопись, близкая по стилю ранним образцам пенджикентских росписей, но лучше сохранившаяся. Культовый центр неоднократно перестраивался и, как многие престижные здания, окончательно погиб в ходе событий, связанных с арабским завоеванием. Сохранилась по крайней мере часть храмовых сокровищ. Как и в раннебактрийском храме Тахти-Сангина, здесь имеются образцы вооружения, в том числе шлемы и панцири. Среди других вещей — серебряная женская статуя, бронзовый светильник-курильница на трех ножках, выполненных в виде звериных лап. Известно, что крупные статуи из золота и серебра имелись в главном храме Самарканда и были переплавлены арабами после очередного штурма города.

Безусловно, богатая художественная культура городских центров с их дворцами и храмами была одним из ярких достижений согдийской цивилизации. Но одновременно страна была усеяна сельскими поселениями и постройками замкового типа, ставшими, как в Бактрии и Хорезме, одним из впечатляющих символов раннесредневековой эпохи. К востоку от Пенджикента в горном Согде подробно изучалось сельское поселение Гардани-Хисор. Здесь дома группируются в кварталы, разделенные улицами, что, возможно, стимулировала необходимость в скученной застройке, обусловленная рельефом местности. Рядовые дома небольшие и состоят из 3–4 комнат, а иногда даже только из одной. Вместе с тем здесь имелось и многоквартирное здание престижного характера, где было около 30 помещений, и в их отделке использовалось резное дерево. Скорее всего, это резиденция местного владельца, состоятельного дехкана. Многочисленные зернохранилища вполне соответствуют основной сельскохозяйственной функции поселка.

Одним из ранних изученных памятников типа замков считается Аултепе в Кашкадарьинском Согде, относимый к V в. Здесь платформа образована в результате выемки земли из окружающей местности, что при расположении памятника на склоне, обращенном к пойме реки, создало стилобат высотой 4 м, перед которым проходил ров. В многоквартирном здании выделяется группа из нескольких помещений, имевших обводной коридор. Общие размеры здания 34 × 28 м. Сомкнутые стены строений образовывали внешний обвод, по углам которого предположительно находились круглые башни. Весьма оригинальным выглядит замок Фильмандар около Пенджикента, также относящийся к V в. Его основную часть составляют четыре мощные квадратные башни с бойницами, между которыми теснятся несколько комнаток. Целый ряд строений этого типа изучен в Уструшане. Двухэтажный замок Чильхуджра был возведен на высоком естественном холме. Для другого замка Урта-курган возведен глинобитный стилобат 6-метровой высоты. Аналогичного типа памятники изучены и в Бухарском Согде. Так, Ак-тепе в районе Варахши представляет собой многоквартирное строение размером 31 × 26 м, построенное на пахсовой платформе. При строительстве также использовался сырцовый кирпич размером 40 × 26 × 9 см. По стратиграфии, выработанной для Бухарского Согда, этот замок относят к VI — первой половине VII в. Внешние стены этих строений венчали зубцы, часто бывшие керамическими. Такой керамический архитектурный декор использовался для фризов, располагавшихся в верхней части стен. Наиболее распространены были овальные розетки и у-образные фигуры, часто находимые при раскопках памятников этого типа. Использование для внешних стен гофрировки из сомкнутых полуколонн представлено

хорошо сохранившимися замками Хорезма и мервской округи, что придавало замкам, украшенным парапетом, достаточно эффектный внешний вид. Осада замка такого типа изображена на одном из изделий восточного серебра, известном как Аниковское блюдо.

Согдийская культура поры раннего Средневековья оказала заметное влияние на многие области Средней Азии. Это были и районы, где уже существовала развитая оседлая культура, в той или иной степени продвигающаяся по пути урбанизации, и области, где именно в это время широко развернулся сам урбанизационный процесс. Судя по всему, согдийские стандарты стали для этого времени эталонами и образцами городского образа жизни и связанного с ним культурного комплекса в целом. Имело место и прямое расселение согдийского населения, возможно, стимулированное бурными событиями арабского завоевания, но начавшееся задолго до него.

В Фергане в пору раннего Средневековья, как и в других областях Средней Азии, первоначально наблюдаются признаки определенной стагнации. Так, число поселений сокращается почти вдвое, в керамическом производстве ухудшается качество ангоба, исчезает красноангобированная керамика. Памятником своего рода переходного периода можно считать Кайрагач, видимо, сочетавший функции крупной усадьбы и культового центра. Здесь насчитывается 5 строительных горизонтов, и памятник ориентировочно датируется IV–V вв. На сохранение отдельных традиций и своего рода нижнюю хронологическую привязку указывает находка керамической фляги с процарапанным изображением птиц, правда, уже более схематизированных и условных, чем более древние образцы. В меньшей мере ясна верхняя граница предлагаемой датировки. В керамическом комплексе, как это и характерно для западноферганских районов, налицо связи с каунчинским керамическим комплексом — очажные подставки в виде голов животных и кружки с ручкой. В парадных помещениях здесь имелись колонны и стены были окрашены в красный цвет. На стенах красной краской наносились несложные узоры. Особый интерес представляют 12 скульптур из алебаstra и глины с частичной подкраской лица. Две из 12 фигур более крупные, остальные сравнительно небольшого размера. К числу объектов особого назначения относятся и курильницы на высоких ножках. Эти находки подтверждают заключение о роли памятника как культового центра.

В VII–VIII вв. в Фергане наряду с сохранением в керамике местных традиций и каунчинского наследия заметно выступают согдийские влияния. В частности, распространяются характерные согдийские кружки с цилиндрической верхней частью. С южными воздействиями надо связывать и сооружение буддийского культового центра в Куве, скорее всего,

построенного на ступенчатом стилобате в VII в. Здесь раскопаны два зала, погибшие в огне, как и многие культурные ценности Согда, в пору арабского завоевания. Имелся айван, где сохранились следы росписи. Многочисленные обломки глиняной окрашенной скульптуры включают изображение Будды (размером в 2,5 раза больше натуральной величины человеческого тела) и других божеств, фигуры конных воинов, донаторов и демонических существ, часть которых имеют ожерелья из человеческих черепов. Здание построено из кирпича типично раннесредневекового формата — 52 × 27 × 15 см, хотя встречаются образцы и более мелких размеров. В Восточной Фергане на городище Ак-Буура, являющемся руинами предарабского города, погибшего в огне, раскопано типично согдийское внутримомбное культовое помещение, именуемое в практике пенджикентской археологии домашней часовней. Оно имеет пристенную нишу с декоративными колонками и суфу вдоль других стен. Согдийский тип этой постройки не вызывает особых сомнений.

В Чаче в пору раннего Средневековья разворачиваются активные урбанизационные процессы. Культура в основном продолжает каунчинские традиции, хотя вместе с тем налицо и использование согдийских стандартов. По-согдийски выполнены и надписи на местных монетах. Вероятно, здесь разворачивался процесс культурной интеграции, стимулированный прямым переселением согдийцев из-за сырдарьинских областей. Сам район, орошаемый правыми притоками Сырдарьи, реками Чирчик и Ахангаран, в пору раннего Средневековья уже носил наименование Чач. Здесь в это время, как и в более южных областях, наряду с развитием городской жизни устанавливается денежное обращение, основанное в значительной мере на выпуске собственной монеты. Как и большинство областей раннесредневековой Средней Азии, Чач переживал пору политической раздробленности. Китайский путешественник Хой Чао сообщает, что в Чаче было 10 отдельных владетелей. Возможно, многие из них выпускали собственную монету, недаром в чачской нумизматике VI–VIII вв. выделяются не менее 6 групп монетного чекана.

Развитие городских центров Чача раннесредневекового времени прослеживается на примере городища Канка, крупнейшего урбанистического центра. В IV–VI вв. в городе появляются замки на стилобатах, а к югу от цитадели возводится храмовый комплекс с большим парадным залом. По крайней мере на втором этапе его существования выделяется специальное помещение, где хранился священный огонь. В керамическом комплексе наряду со стандартизацией форм сосудов, сделанных с помощью гончарного круга, сохраняются каунчинские традиции, и даже в VI–VII вв. до 30% глиняной посуды изготавливается ручной лепкой

без помощи гончарного круга. С V–VI вв. распространяются погребения в оссуариях, помещаемых в специальные наусы, в чем нельзя не усмотреть воздействие согдийских обычаев. Правда, сами оссуарии Чача в отличие от самого Согда имеют овальную форму, в чем, как полагают некоторые исследователи, сказалось стремление следовать формам жилищ, отличным от прямоугольных глинобитных домов.

Четкий археологический комплекс дали раскопки замка Ак-тепе, расположенного в пределах современной городской территории Ташкента. Здесь, рядом с собственно замком, имеющим сводчатый обводной коридор, располагалась хозяйственная и жилая часть со двором площадью около 100 × 60 м. Как и в Согде, стены замка украшали терракотовые зубцы и фризы из терракотовых овальных розеток и у-образных фигур, найденных при раскопках. Среди изделий из железа имеются топор, втульчатое копьё и трехперые черешковые наконечники стрел. В керамическом наборе представлена такая типичная согдийская форма, как чаша с вертикальной ручкой.

В Семиречье раннесредневековый период был временем активной урбанизации, формирования городских центров, возведения замков. Письменные источники свидетельствуют о распространении здесь согдийского населения, что подтверждается согдийскими названиями городов и находками согдийских надписей. Скорее всего, этот процесс совпадал с оседанием на землю местных кочевых групп, в среде которых земледельческие начала отмечены еще для усуньского времени. Все это перекрывалось стандартным культурным комплексом, выработанным в Согде и здесь вписавшимся в интеграционные процессы.

Цитадели раннесредневековых городов Семиречья представляют собой постройки замкового типа. Такова датируемая VII–VIII вв. цитадель городища Куруктобе, возведенная на пахсовой платформе 10-метровой высоты. На городище Актобе I цитадель представляла собой двухэтажный замок на трехметровой платформе. Сходная картина наблюдается и на Краснореченском городище, одном из значительных центров Семиречья. Рядом с цитаделью располагался сам раннесредневековый город, в плане имевший вид достаточно правильного четырехугольника. На строительство шел прямоугольный сырцовый кирпич традиционных для Согда размеров — 48–45 × 24–22 × 8 см. За пределами города располагался некрополь, существовавший не одно столетие и претерпевший за это время значительные перемены в погребальном обряде. На раннем этапе налицо погребения по традиционным обрядам местного населения: в ямах, подбоях и катакомбах. Затем над ними была устроена платформа, на которой возводились небольшие наусы площадью от

1,5 до 4 м². В них размещались оссуарии или просто сосуды, используемые для хранения костей. Семиреченские оссуарии, подобно оссуариям Чача овальной формы, имеют куполообразную крышку, иногда венчаемую фигуркой птицы. На стенках оссуариев нанесен несложный процарапанный рисунок. На некоторых оссуариях воспроизведены более сложные композиции (рис. 12). Здесь переданы культовые сцены, разворачи-

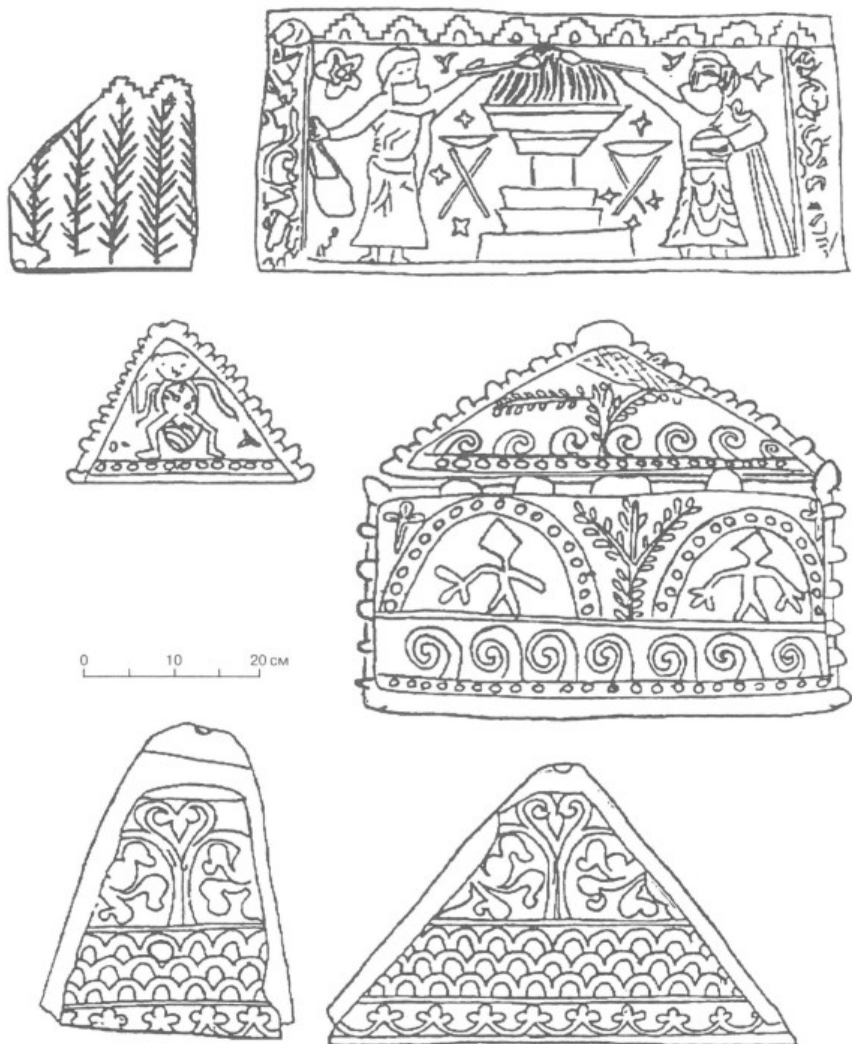

Рис. 12. Раннесредневековые оссуарии из Семиречья (по В. А. Кольченко)

вающиеся в храмовых строениях, или святилищах. Показательно подчеркивание парадных парапетов, украшенных зубцами или у-образными деталями, аналогичными терракотовым образцам, часто находимым при раскопках раннесредневековых замков, например замка Ак-тепе в Чаче, или воспроизведенным на Аниковском блюде. Скорее всего, этот архитектурный декор был свойственен не только замковой, но и культовой архитектуре. Согдийский характер керамики ярко прослеживается по материалам Ак-Бешима, детально изученным В. И. Распоповой. Примечательно, что в комплексах VII–VIII вв. как консерват присутствуют более ранние формы глиняной посуды тех же согдийских традиций. Такое длительное пережиточное сохранение культурных, а иногда и лингвистических традиций характерно для групп населения, надолго оторванных от метрополии, но придающих особое значение своему наследию.

В том же Краснореченском городище открыт и буддийский культовый центр. Основной зал здесь сравнительно невелик — 6 × 6 м. В нем и в обводных коридорах встречены обрывки росписи. Как и в тохаристанском Аджина-тепе, имеется статуя лежащего Будды длиной 12 м. Памятники, связанные с буддизмом, в Семиречье далеко не единичны. На городище Ак-Бешим были открыты два буддийских храма. Первый из них имеет длинный двор, что отличает его от буддийской архитектуры Бактрии и Тохаристана, предпочитавшей расположение помещений вокруг одного или двух дворов квадратного плана. Художественное оформление храмов Ак-Бешима, сохранившееся в небольших обломках, вполне традиционно: роспись и лепные рельефы, раскрашенные, а иногда и позолоченные. Примечателен своего рода политеизм культовых объектов, найденных в храме. Так, на одной из бронзовых блях изображена божественная чета, держащая в поднятых руках верблюда, что является чисто согдийским образом, известным по живописи Пенджикента. Второй буддийский храм раскопан на Краснореченском городище. Известен также целый ряд других находок предметов, связанных с буддизмом.

При первых открытиях следов буддизма в Семиречье было высказано мнение, что он попал сюда с продвижением согдийцев. Некоторые исследователи в последнее время стали отдавать предпочтение районам Восточного Туркестана, ссылаясь на отсутствие свидетельств о распространении буддизма в самом Согде. Между тем уже в Пенджикенте помимо прямого влияния буддийской иконографии на изображения божеств найден фрагмент сосуда с согдийской надписью «сутра». Еще более примечательно обнаружение в том же Пенджикенте терракотовой формочки для отливки фигурок Будды, что предполагает их достаточно массовое изготовление. Китайский путешественник Хой Чао, правда, сооб-

щает, что в VIII в. в Самарканде буддийских монастырь находится в запустении и в нем всего один монах. Однако когда-то ранее этот монастырь был построен, так что нельзя полностью игнорировать возможности согдийского буддизма, к VII–VIII вв. полностью вытесненного и поглощенного местными религиозными системами. Поэтому, вероятно, осторожнее говорить, как это предполагает Б. И. Маршак, о согдийско-танском распространении буддизма в Семиречье, имея в виду активную западную политику танской династии Китая.

Важнейшим феноменом культурогенеза раннесредневековой Средней Азии, безусловно, было формирование согдийской цивилизации. Оно явно происходило на интеграционной основе, причем в материальную культуру вошли традиции и стандарты присырдарьинской культуры Каунчи. В этом отношении для массовых формопроявлений особенно показательны такая керамическая форма, как кружка, и прямоугольный формат сырцового кирпича, сменяющий традиционный для древнего периода квадратный стандарт. Кружки с одной ручкой, эта традиционная форма северных кочевых комплексов Средней Азии, являлись одной из ведущих форм в каунчинских комплексах. В руках согдийских ремесленников эта форма претерпела значительные изменения и представлена целым рядом типов. По крайней мере один из них подражает металлическим сосудам аналогичной формы. Еще более показательна смена стандарта основного компонента сырцового строительства, что могло произойти только в том случае, если принесшие эту традицию группы населения сами были традиционно оседлыми жителями. Это, как и сам прямоугольный формат кирпича, характерно именно для культуры Каунчи. Двухкомпонентность согдийской материальной культуры ранних этапов позволяет предполагать и определенную этническую двухкомпонентность, интегрированную потом согдийским единством. Это облегчалось вероятной принадлежностью, по крайней мере значительной части носителей культуры Каунчи, к народам восточно-иранской языковой группы. В Согде местный язык, как и высокие культурные традиции, возобладали, и складывается та блестящая цивилизация, расцвет которой прервало арабское нашествие.

Интеграционные процессы, наличествовавшие в формировании согдийской цивилизации, явно включали и кушанское культурное наследие, которое в своем согдийском, пока малоизвестном варианте, скорее всего, было исходной базовой структурой. Но живопись, украшавшая культовые, особенно буддийские, комплексы кушанского времени, именно в согдийской цивилизации превращается в массовую и повседневную. Определенную воздействующую роль могли сыграть и эталоны сасанидского Ирана, особенно в торевтике и в типах изделий, к ней

тяготеющих, например в изготовлении богатых тканей для дехканства и придворной элиты. Но в целом согдийская цивилизация, впитавшая различные культурные потоки, является цельным, а не эклектичным культурным явлением.

Распространение в оседлых областях Средней Азии групп населения, продвигавшихся с севера, всегда имело большое значение для исторических процессов. Со времени образования Тюркского каганата идет активное проникновение тюркоязычного населения. Это стало важным моментом в предыстории этногенеза современных народов Средней Азии. Свидетельства тюркской инфильтрации, стимулированной политическим лидерством Тюркского каганата, весьма многочисленны. Уструшаной одно время правил тюрк Карабугра. Так, в Пенджикенте, в этом замечательном анклаве согдийской цивилизации, правителем был одно время Чакин Чур-Бильге, а среди документов Мугского архива имеется обстоятельный контракт о сочетании браком тюрка Ут-Тегина и согдийки Дугдонче.

В материальной культуре, где господствовали высокие стандарты, выработанные согдийской цивилизацией, такие проявления менее заметны. В ряде мест известны тюркские погребения с конем, в том числе и на Афрасиабе (табл. 36). Весьма показательны погребения на некрополе Краснореченского городища, где конь положен в могилу вместе с телами мужчины и женщины. Есть тюркские погребения и в Фергане. Видимо, из них происходят лепная керамика и отдельные предметы конского снаряжения и поясных наборов из случайных находок в Семиречье (табл. 36). Воздействие воинского и конского степного снаряжения было одним из проявлений тюрко-согдийского синтеза. О самоутверждении значимости тюркского населения говорят и рунические надписи на керамике, являющиеся достаточно частой находкой на памятниках Семиречья и Ферганы.

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В МОНЕТНЫХ ТИПАХ ДОАРАБСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Монархические начала в монетной символике. Царский чекан Парфии. Монетное дело и культурная ассимиляция в предкушанской Бактрии. Имперский чекан Великих кушан. Монетное дело Хорезма и политическое самоутверждение. Монетное дело Древнего Согда и политическая мозаичность. Роль местной письменности. Полное изживание эллинистических традиций к эпохе раннего Средневековья.

Среди различных видов денег домонетного вида обычно получали распространение объекты, поддающиеся кратному, особенно весовому, исчислению. В Древней Месопотамии таковыми были зерно проса, затем серебро. Серебро с весовой единицей около 8,5 г, именовавшееся шеклем, или сиклем, стало на долгое время единицей, определявшей и торговые операции, и оценочные характеристики различных объектов. В Ларсе XX–XIX вв. до н. э. серебряные украшения имели стандартный вес и могли выполнять функцию денег. Функция серебра как показателя накопления сокровищ видна и по хранению даже сломанных серебряных объектов, исчислявшихся в весовых единицах. Возможно, по этому пути шло развитие среднеазиатской цивилизации бронзового века. Серебро как форма накопления сокровищ могла стимулировать появление предметов, типологически имеющих рабочие функции, но сделанных из драгоценных металлов. Таково найденное на Алтын-депе серебряное тесло.

Монетная форма денег возникла на основе объектов или группы объектов определенных весовых единиц, но уже отмеченных символа-

ми, обычно государственной семантики, гарантирующими эти весовые и соответственные ценностные достоинства. Это видно и по этимологии самих наименований древних монетных единиц. Так, греческий обол означал изначально стержень, а драхма — 6 прутьев-стержней. В ряде случаев прослеживается и типологическая связь древних монет с предметами, выполнявшими функцию денег в домонетную эпоху. Таковы, например, ножи Древнего Китая, имевшие на конце рукояти овал с квадратным отверстием, облегчавшим транспортировку и учет этих объектов как счетных единиц. Генетически к этим ножам восходит и сама форма древнекитайских монет в виде кружка с центральным квадратным отверстием. На чеканенные монеты стандартного веса наносились различные символы, подчеркивающие легитимность объекта. Так формировался монетный тип, изображения на котором обычно имели коммеморативное начало. Монетные типы преследовали цель при помощи такого изображения представить страну, орган или лицо, которое с ним ассоциировалось. Помимо портретов на лицевой стороне монет могли помещаться изображения представителей местной флоры или фауны, героев местных легенд. Символы на оборотной стороне имели дополнительные опознавательные функции, в числе которых могли быть надписи и другие элементы.

Монетная форма денег получила распространение в греческих городах VII в., в эгейском мире, в том числе и в Малой Азии, что способствовало их введению и в Ахеменидской державе.

Символика монетных типов с самого начала достаточно четко отражала политические приоритеты. В греческих городах это часто были представители местной фауны. Например, изображение совы, одного из символов богини Афины, помещалось на монетах города, носящего это имя. Эта массовая эмиссия Афин широко проникала на территорию ахеменидской державы, в том числе в ее восточные сатрапии, и породила там ряд местных подражаний. На монетах Византии воспроизводился дельфин, над которым помещена фигура коровы. Совсем иную символику мы видим на монетах государства Ахеменидов, где формируется тип денежных знаков совершенно определенной идеологической направленности, который можно именовать царской эмиссией. Здесь на лицевой стороне помещена фигура царя, вооруженного в различных вариантах луком со стрелами, кинжалом и копьем. Чеканились золотые дарики весом 5,6 г и серебряные сикли весом около 8,4 г. Само наименование дариков предполагалось возводить к древнеиранскому «дараний» — «золото», но преобладает мнение, что оно связано с именем царя Дария I, осуществившего, по Геродоту, монетную реформу. Более разнообразна тематика изображений на монетах городов, сатрапий и зависимых владений, входивших в состав Ахеменидской державы.

Естественно, эти дорогостоящие монеты редко встречаются в ходе обычных раскопок, они играли заметную роль при накоплении сокровищ. Находки монет ахеменидского чекана в ходе археологических раскопок в Средней Азии не зафиксированы, но дарики и сикли входили в состав Амударьинского клада, видимо, составленного из сокровищ почитаемого местного храмового комплекса, более раннего, чем храм Окса, открытый в Тахти-Сангине.

Выпуск монеты на территории самой Средней Азии, скорее всего, начался с вхождения ее в состав владений эллинистических государств. Так, исследователи выделяют большую группу монет, выпускавшихся Селевкидами на монетном дворе в Бактрах и чеканенных от имени Селевка I, Антиоха I и Антиоха II. Эти серебряные монеты выпущены по аттическому стандарту, где наиболее значимая единица, тетрадрахма, имела вес 17 г, а драхма — 4,27 г. Чеканилась также бронзовая монета, называемая в нумизматическом обиходе медью и имевшая значение ходовых разменных денег. В это время в символике монетных типов происходят характерные перемены. В чекане самого Селевка часто помещаются изображения головы Зевса и Геракла на лицевой стороне. Но вместе с тем там уже имеется изображение головы Александра в слоновьем шлеме, что указывает на монархическую струю. В чекане Антиоха I роялистская тенденция выступает более отчетливо. Наряду с головой Александра в рогатом шлеме серебряная эмиссия, как правило, воспроизводила портрет самого царя. Это характерно и для серии драхм с изображением на оборотной стороне головы коня, монетного типа, заметно повлиявшего в дальнейшем на монетное дело Средней Азии. Все эти монеты представлены в Амударьинском кладе. Бронзовая эмиссия была как бы более демократичной. Среди монет Антиоха I, найденных в греческом городе на берегах Амударьи, чьи руины известны под именем Айханум и где, возможно, был свой монетный двор, на лицевой стороне имеются изображения голов Аполлона, Геракла или Афины.

Дальнейшим развитием этих селевкидских традиций стало монетное дело Греко-Бактрии. Ее основателем стал селевкидский сатрап Бактрии по имени Диодот, отложившийся от центральной власти около 250 г. до н. э. В состав нового государства помимо самой Бактрии, видимо, входили Маргиана и Согд. В отношении вхождения последнего иногда высказывались едва ли обоснованные сомнения. Сравнительно небольшое число греко-бактрийских монет, находимых на согдийской территории, могло быть связано со слабой развитостью денежного обращения, когда в широком использовании монет мелких номиналов, а именно они чаще всего встречаются в культурных слоях памятников в ходе раскопок, просто не было необходимости. Дорогостоящие монеты как

ценимые сокровища сюда проникали. Так, помимо отдельных находок греко-бактрийских тетрадрахм, в частности Антимаха в Пенджикенте, следует упомянуть о находке двух кладов. Первый был найден в начале XX в., насчитывал около 100 монет и в основном разошелся по рукам. По информации, которую удалось собрать, в его составе в основном были тетрадрахмы и драхмы Евкратида, а также несколько драхм и оболвов Деметрия и две монеты Антимаха. Второй клад, обнаруженный в районе Бухары, содержал 50 монет, из которых 43 принадлежали чекану Евтидема.

Внутренняя структура Греко-Бактрии не отличалась стабильностью. Здесь не утвердилась постоянная династия и часты были смены на престоле, на который то и дело претендовали удачливые полководцы, а порой и просто авантюристы, чья политическая жизнь, помимо выпуска от своего имени сравнительно небольшого числа монет, была совсем недолгой. Вместе с тем ряд греко-бактрийских царей были незаурядными деятелями, и их правление характеризуется значительным числом монет, чеканенных от имени этих лидеров. Серебряные монеты, выпущенные в Греко-Бактрии, почти без исключения принадлежат к царской эмиссии, несут на лицевой стороне портреты самих правителей, а на оборотной — их имена и царский титул. Там же помещались изображения богов и обожествленных героев, которых эти правители, судя по всему, считали своими покровителями. На оборотной стороне монет Диодота помещена фигура шагающего Зевса. Различия в портрете и определенный намек письменных источников позволяют предполагать, что ему наследовал сын, также носивший имя Диодот. Но выделение среди однотипных монет чеканов этих двух правителей — вопрос довольно сложный. После этих двух лиц власть в Греко-Бактрии перешла к Евтидему, который был достаточно сильным правителем, он выдержал противостояние с Селевкидами, когда Антиох III вознамерился вернуть своей державе восточные владения. В ходе военного противостояния и дипломатических переговоров Евтидем в принципе сохранил свою власть, которой после гибели Антиоха III ничего не угрожало. Наоборот, сам греко-бактрийский правитель начал продвижение на юг, за Гиндукуш, которое, видимо, осуществлялось под предводительством его сына Деметрия. Деметрий, наследовавший отцу, часто изображается на монетах в шлеме в виде головы слона. У Евтидема на оборотной стороне изображалась фигура сидящего Геракла (табл. 37, 1). У Деметрия Геракл воспроизведен уже стоящим. Какие-то владения в Загиндукуше достались греко-бактрийским правителям, и для новых подданных Деметрий выпускает монеты с двуязычной легендой — греческой на лицевой стороне и индийской на оборотной. Языком этих надписей явля-

ется праkrit, а выполнены они письменностью кхарошти, сохраняющей свое значение для двуязычных текстов вплоть до кушанского времени включительно. Затем власть переходит к Евкратиду, бывшему, видимо, активным воителем, что подчеркивалось воспроизведением его портрета в боевом шлеме на лицевой стороне монет государя. Своими божественными покровителями Евкратид считал Диоскуров, которые на тетрадрахмах воспроизводились в виде двух скачущих всадников, а на монетах мелкого номинала их заменяли два колпака.

Монеты Евкратиды достаточно многочисленны, в том числе и с двуязычной легендой. Он добавил к своему царскому титулу эпитет «великий», но в конце концов пал от руки своего сына Гелиокла, утвердившегося на престоле. На оборотной стороне тетрадрахм Гелиокла изображен стоящий Зевс с перуном в руке (табл. 37, 2). Это было уже время заката Греко-Бактрийского царства, рушившегося под напором кочевых племен, названных в китайских источниках общим именем юечжи. Видимо, часть владений были покорены уже при Гелиокле, чьи монеты, например, не встречены при раскопках Айханума. Считается, что окончательное крушение Греко-Бактрийского царства произошло между 140 и 130 гг. до н. э.

В бывших владениях некогда могущественного царства, судя по всему, установилась политическая нестабильность. Здесь утвердились лидеры пришедших кочевников, а кое-где, видимо, возникали независимые владения греческих лидеров, продолжавших выпуск монеты в прежних традициях, но, как правило, в очень ограниченном количестве. Возможно, более успешным было продвижение на юг, начатое еще Деметрием, и нам известен целый ряд правителей, выпускавших достаточно обширные серии монет с двуязычными легендами, почему у нумизматов они носят наименование греко-индийских.

Монетное дело Греко-Бактрии полностью сохраняло эллинистические черты. Четко соблюдался аттический весовой стандарт. Правда, с Евкратиды начала использоваться система, в которой монеты крупного достоинства, традиционно называемые нумизматами тетрадрахмами, имели базовый вес 10,36 г, а драхмы соответственно — 2,59 г. Этот стандарт исследователями условно называется «местным». Четкие греческие легенды содержат титул «царь» и собственное имя. К этому у Евкратиды добавлено «великий», а у Гелиокла, убившего отца, — «справедливый». Монетный тип также прямо продолжает селевкидские традиции с портретом правителя, обычно в высокохудожественном исполнении на лицевой стороне и богов или обожествленных героев греческой мифологии на оборотной стороне. Так же как и у Селевкидов, бронзовый чекан сохраняет демократические традиции. На лицевой стороне соответству-

ющих монет Диодота изображен не царь, а голова Зевса или Афины. Изображение головы Геракла помещено на лицевой стороне бронзовых монет Евтидема и Деметрия.

С точки зрения политогенеза греко-бактрийский чекан четко продолжает селевкидские традиции, выводящие монетное дело на доминанты царской эмиссии. Таковы в монетных типах и царский портрет, и царский титул. О политической функции монетного чекана свидетельствуют сравнительно небольшие группы монет мелких и, видимо, недолговечных правителей, которые стремились прежде всего утвердить свое имя в монетной серии. Такие греко-бактрийские цари помещали на монеты портреты царских персон прошедших времен, явно с целью подчеркнуть свою легитимность. Так, например, Агафокл, которого по двуязычным легендам можно относить к числу греко-индийских правителей, поместил портрет этих желаемых предшественников на лицевой стороне парадных тетрадрахм, снабдив их соответствующими надписями. Так, Александр назван сыном Филиппа, Диодот — «освободителем», а Евтидем вообще «божественным». Сходным образом счел необходимым поместить на лицевой стороне своих монет портрет «Диодота освободителя» Антимах, а на его же монете, найденной в Пенджикенте, такой чести удостоился Евтидем.

Весьма существенна роль монетного дела Греко-Бактрии для процессов культуругенеза. Эллинистический облик монет, все шире входивших в повседневное бытие, усиливал общую атмосферу воздействия эллинских норм и эталонов. Сами по себе портреты греко-бактрийских царей, принадлежащие к числу выдающихся достижений античного медальерного искусства, оказывали в этом отношении немаловажное воздействие. Четкие и ясные греческие легенды, безусловно, способствовали утверждению роли греческого языка и эллинистической грамотности в целом. Таково же и эмоциональное воздействие образов эллинских богов и героев, воспроизводимых на оборотной стороне греко-бактрийских монет. Не без основания считается, что многие из этих изображений не что иное, как своего рода миниатюрные копии статуй, стоящих в храмах и дворцах греко-бактрийских городов. Но и те, кто не посещали эти города и не любовались соответствующими скульптурами, по монетным миниатюрам постепенно втягивались в мир эллинских мироощущений и ценностных ориентаций.

Другим государством, образовавшимся в результате отпадения восточной сатрапии от государства Селевкидов, была Парфия. Однако в отличие от Греко-Бактрии она не только оказалась более долговечной, но и со временем превратилась в одну из великих держав Древнего мира, вступив в противоборство с продвигающимся на восток Римом. Ранние

выпуски парфянских монет достаточно архаичны, и одним из исследователей предлагалось рассматривать их в качестве мемориального чекана, выпущенного Митридатом I (171–138/7 гг. до н. э.). Однако, скорее всего, эти ранние серии действительно принадлежат эмиссии ранних Аршакидов. Уже на них представлен монетный тип, который последовательно сохранялся при всех модификациях на протяжении всей парфянской истории. На лицевой стороне ранних монет воспроизведен портрет правителя в головном уборе с наушниками типа башлыка, голова правителя повернута влево. Уже этим парфянское монетное дело с самого начала отличается от греко-бактрийской монетной традиции, где, следуя за типом селевкидской эмиссии, голова государя обращена вправо. На оборотной стороне воспроизведен сидящий лучник, который так и стал символом парфянского чекана, а в какой-то мере и самой Парфии, где конные лучники составляли одну из наиболее боеспособных частей вооруженных сил. Иконографически это изображение следует образу Аполлона, сидящего на омфате, но парфянский облик воспроизведенного персонажа несомненен. На оборотной стороне по обе стороны от фигуры лучника вертикально идет греческая легенда с именем Арсак — имя основателя династии, которое затем последовательно повторяли в легендах все последующие правители, как бы вводя его в титулатуру. Первые Аршакиды носили достаточно скромный титул «аутократор». Все ранние парфянские серебряные драхмы были весом около 4 г. В дальнейшем именно таков был наиболее распространенный номинал, не считая, разумеется, мелкой, своего рода разменной монеты, чеканившейся из бронзы и меди.

Изменения ряда дополнительных элементов этого основного исходного монетного типа отражают постепенное возвышение Парфянского государства и его дальнейшую эволюцию. Уже с Митридата I вводится титул «царь-басилевс», к которому иногда добавляется эпитет «великий». Чеканятся крупные парадные тетрадрахмы. Присоединение греческих городов Месопотамии, в первую очередь Селевкии на Тигре, заставило учитывать интересы новых подданных и стремиться привлечь их на сторону новой власти. На монетах, выпущенных в Селевкии, на оборотной стороне вместо сидящего лучника помещено изображение Геракла, а сам Митридат I впервые дополнительно принимает уже и титул «филэллина». Наряду с традиционным парфянским башлыком сам Митридат I часто изображается уже с новой эмблемой власти — диадемой. На вершину могущества раннюю Парфию подняло правление Митридата II (123–88 гг. до н. э.). Он принимает титул «царя царей». На оборотной стороне монет фигура сидящего лучника заключается в каре из надписи, прославляющей верховного владыку (табл. 37, 7). Портрет Митридата II

воспроизводится как в шлеме, так и в парадной тиаре, видимо, украшенной драгоценными камнями, которая вытеснила прежний скромный башлык.

Династийный культ, судя по всему, набирает обороты. Монархическая символика как бы дублируется, и на оборотной стороне парадных тетрадрахм порой вместо традиционного сидящего лучника воспроизводится фигура царя, сидящего на троне и венчаемого богиней (табл. 37, 5). Иконография этого сюжета нередко повторяется у других правителей, и богиня иногда изображена преклоняющей колени перед восседающим на троне царем. Интересный вариант оборотной стороны можно видеть на монетах Артабана II (10–38 гг. до н. э.). Здесь богиня венчает царя, сидящего на коне. Эта символика достаточно показательна: Артабан II, основатель линии Младших Аршакидов, вступил на трон, расшатываемый римскими интригами, опираясь на кочевую среду, где он воспитывался. Предшествующая этому событию тронная чехарда привела даже к нумизматическому феномену, не типичному для парфянской, да и в основном всей восточной нумизматики. На оборотной стороне монет был помещен портрет женщины с титулом царицы. Это была бывшая наложница престарелого царя, который был убит при ее ближайшем содействии. Наложница по имени Муса вышла замуж за его сына и настояла на включении своего портрета в официальную символику государства.

В дальнейшем в монетном деле Парфии начинают играть все большую роль детали неэллинического характера. Так, среди монет Вологеза I (57–78 гг. н. э.) есть образцы, где имя царя передано на парфянском языке при помощи арамейского алфавита. Постепенно греческая легенда становится все более нечитаемой, превращаясь в набор палочек, имеющих, как и буквы греческих легенд, утолщения на конце. У Митридата IV (140 г. н. э.) и Вологеза IV (147–191 гг. н. э.) парфянские легенды уже более пространны. При этом, сохраняя эпиграфическую традицию, концы арамейских знаков утяжелены точками, как и буквы греческих легенд.

Легенды парфянских монет представляют интерес с точки зрения изменений, происходящих в греческой эпиграфике. Так, в чекане Орода II (57–38 гг. до н. э.) овальный омикрон заменяется омикроном, имеющим квадратные очертания. Происходят изменения и классической формы омеги в виде Ω . На монетах Вонона I (8–12 гг. н. э.) форма омеги приобретает уже иные очертания в виде ω . В чекане Вардана I (40–45 гг. н. э.) омега уже имеет квадратическое начертание, подобно тому как эта буква передавалась и в основном кушанском чекане.

Основной монетный тип Аршакидов использовался и полунезависимыми правителями державы, то и дело приобретающей конфедера-

тивные черты. В Средней Азии таким полусамостоятельным владением в рамках Парфянского государства с последней трети I в. н. э., видимо, становится Маргиана. Здесь, судя по всему, располагался свой монетный двор, выпускавший, по крайней мере с конца I в. до н. э., монеты общеаршакидских типов. Специфической чертой этой эмиссии было помещение на оборотной стороне ниже сидящего лучника буквы «П» (табл. 37, 6). Это была одна из особенностей античной нумизматики — помещение неких символов из букв, часто образующих довольно сложные монограммы. Этой проблеме посвящена значительная литература, и, скорее всего, это были символы соответствующих монетных дворов, хотя неясно, воспроизводили они название города, в котором этот монетный двор располагался, или собственные имена, или должности чиновников, ведавших такой чеканкой. Удачная расшифровка таких монограмм буквально единична. Другое дело, когда на оборотной стороне монет помещалось полное название центра, как, например, Ниса на некоторых парфянских монетах. Известны уникальные парфянские монеты, на которых полностью обозначено имя провинции — Маргиана, и по типу близкие им выпуски с надписью «в походе». Это увязывает данные эмиссии с военными действиями на востоке аршакидских владений. В Греко-Бактрии одной из наиболее популярных монограмм была К. Она встречается в чекане Евтидема, Деметрия, Евкратиды и Антимаха. Такая же монограмма есть и на монетах Селевка I, чеканенных в Селевкии. Нередко топография монетных находок позволяет достаточно надежно привязать отдельные монетные серии к тем или иным центрам. Так, после широких раскопок в Сузах можно говорить о сериях, выпущенных в парфянскую эпоху местным монетным двором. Она имеет монограмму, что никак не поддается дешифровке. Равным образом находки в Маргиане указывают, что символика местного монетного двора была П, что также не поддается дешифровке.

Нумизматические материалы показывают, что в последней трети I в. н. э. в Маргиане чеканил монету аршакидского типа правитель Санабар, носивший, как и верховные Аршакиды, титул «царя царей». Видимо, местные династии, возможно, связанные родственными узами с царским домом, выступали с соответствующими политическими претензиями. Тенденция к такой полусамостоятельности подтверждается дальнейшей маргианской эмиссией. Здесь представлены и подражания монетам Санабара, и монеты других правителей, правда, с более скромными титулами, но носившими имена, которые уже воспроизводились арамейским письмом. При сасанидском завоевании также упоминается некий «царь Мерва», что лишним раз подчеркивает конфедеративные тенденции, ослаблявшие Парфянскую державу. Но при этом надо при-

знать, что парфянский чекан с устойчивой монетной традицией и пышной символикой — от лучника на оборотной стороне до пространной титулатуры — дополнительно характеризует Парфию как выдающийся политический феномен Древнего мира, одну из мировых держав, какие бы негативные тенденции ни проявлялись в ее внутренней истории.

В отличие от Парфии в политической истории Бактрии с падением Греко-Бактрийского царства наступил некий смутный период, выход из которого постепенно привел к формированию новой державы мирового класса — Кушанского государства. Смутный же период продолжался почти два столетия, когда на территории Бактрии существовал целый ряд мелких владений, возглавлявшихся то греческими династами, то, видимо, представителями местных знатных фамилий, то вчерашними лидерами воинственных кочевников. Все это нашло прямое отражение и в нумизматическом материале. В этой связи необходимо остановиться на одном вопросе, имеющем и терминологическое, и в известном смысле методологическое значение.

Речь идет о монетных группах, следующих обычно с теми или иными искажениями исходным эллинистическим прототипам и известных как так называемые варварские подражания. Большинство отечественных исследователей Средней Азии постепенно отказалось от этого понятия, но предпринимались и попытки придать ему особое историческое звучание. С точки зрения нумизматической систематики можно говорить о двух видах таких монетных групп.

К первому относятся монеты, явно следующие с теми или иными искажениями исходному типу и принадлежащие к числу подражаний. Другой вид составляют монеты, на которых при общем следовании исходному образцу за счет изменений, в том числе и в дополнительных элементах, перед нами вполне самостоятельный нумизматический феномен. В данном случае можно говорить о монетах, чеканенных по типу того или иного исходного образца.

Оба вида в равной мере представлены в чекане Бактрии второй половины II в. до н. э. — начале I в. н. э., в период, который по общему наименованию в китайских источниках вторгшихся кочевников можно именовать временем юечжийской Бактрии. Среди выпускавшихся в это время в Бактрии монет есть небольшие группы с именами Спадбизеса и Фсейгахариса. По типу это чисто эллинистический чекан, а отсутствие титулатуры указывает на то, что лица, от имени которых осуществлялась эта монетная эмиссия, вполне сознавали свое скромное политическое положение. Интересную нумизматическую серию образуют обращавшиеся в Бактрии монеты парфянского правителя Фраата IV (38–32 гг. до н. э.). Первоначально на эти монеты наносился надчекан, изображавший голову прави-

теля в боевом шлеме. После этого периода стали выпускаться монеты, подражающие чекану Фраата IV, но на них также проставлялся этот надчекан. Наконец, появляется весьма оригинальная серия третьего периода, когда в матрицу, воспроизводящую подражания драхам Фраата IV, уже вводились изображения такого надчекана. Судя по всему, это была денежная эмиссия небольшого владения, правитель которого не чеканил монету собственного типа, а лишь таким образом старался утвердить свой имидж.

Распространены в Бактрии и подражания двум греко-бактрийским царям — Евкратиду и Гелиоклу. Подражаний тетрадрахам Евкратиды известно немного, и на территории Бактрии найдена лишь одна такая монета с изображением на оборотной стороне скачущих Диоскуров. Зато весьма многочисленны подражания оболам Евкратиды с воспроизведением на оборотной стороне колпаков этих божественных близнецов. Эти подражания выпускались в течение длительного времени и обычно встречаются в погребальных комплексах, где они помещались в рот усопшему. Это — явное следование греческой традиции снабжать умершего оболлом для уплаты за проезд через подземную реку, отделяющую мир мертвых от мира живых. Возможно, представления о подобной реке существовали и у древних бактрийцев, а именно этими потребностями объясняется устойчивый и сравнительно массовый выпуск подобных оболлов. Как мелкая разменная монета они обычно не носили особенной политической функции.

Иное значение имеют монеты, выпускавшиеся в подражание тетрадрахам Гелиокла, последнего крупного государя Греко-Бактрии, пережившего сокрушительный удар ниспровергнувших его царство номадов. Первоначально это довольно обычные подражания, видимо, следующие популярному чекану последнего правителя этих областей. А далее следуют весьма примечательные изменения. На оборотной стороне вместо фигуры, следующей как прототип Гелиоклову Зевсу, появляется идущий конь — образ, явно популярный в среде номадов. Далее происходят изменения и на лицевой стороне, где искажаемый образ самого Гелиокла заменяет портрет иного правителя с одутловатыми щеками и, видимо, протянутой вперед рукой (табл. 37, 4). Греческая легенда все больше подвергается искажению, но это в меньшей мере касается титула «царь-басилевс», что, видимо, должно было подчеркивать наличие традиции легитимности. В целом мы наблюдаем с точки зрения нумизматики обычную преемственность от подражаний до монет, чеканенных по типу. Политически это, скорее всего, свидетельство самоутверждения владения, выпускавшего эти монеты. Наличие коня позволяет заключить, что, вероятно, это была какая-либо династия, восходящая к вождям кочевых племен, опрокинувших Греко-Бактрию.

Такое самоутверждение идущих к власти новых властителей особенно выразительно представлено монетами так называемого Герая. Именно так читали традиционно имя правителя на интересной и выразительной монетной группе, где выпускавшее их лицо имеет титул тираннонта, а также собственное имя народа — «кушан». Это серебряный чекан, представленный как тетрадрахмами, так и драхмами высокого качества и незаурядного художественного мастерства. На лицевой стороне воспроизведен волевой правитель с лентой, охватывающей зачесанные назад волосы. На оборотной стороне, видимо, изображен он же, едущий на коне и венчаемый крылатой богиней, парящей в воздухе. Датировка этих монет колеблется в пределах от середины I в. до н. э. до первых лет I в. н. э.

Выпускавшее их владение создало свой собственный оригинальный монетный тип, хотя его лидеры еще не решались на присвоение царского титула. Термин «кушан» не оставляет сомнений в принадлежности лидеров этого владения к предводителям одной из групп юечжийских племен. Было бы соблазнительным считать, что появление этой группы монет как бы завершает первые шаги к нумизматическому самоутверждению, которое прослеживается в монетах, выпущенных по типу тетрадрахм Гелиокла. Действительно, конь на оборотной стороне некоторых монет этой более ранней группы близок по осанке коню, воспроизведенному на монетах Герая. Других доказательств такого сопоставления пока нет.

С точки зрения культурогенеза нумизматика юечжийской Бактрии свидетельствует о доминантном следовании традициям эллинистического монетного дела, проявляющимся в выпуске подражаний греко-бактрийским монетам и в монетах, чеканенных по исходным греко-бактрийским типам. Вместе с тем проступают детали, связанные, скорее всего, с местными традициями. Таково изображение нимба, иногда появляющегося над головой Зевса на монетах, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла. Образ лошади той же монетной группы ассоциируется с кочевническими пристрастиями, хотя воспроизведение лошади известно и по греко-бактрийским монетам массовых эмиссий. Принципиально выраженным новшеством является начало приспособления греческого алфавита к передаче имен и понятий ираноязычного круга. Такова передача имени кушан на монетах Герая, где шипящее «ш» передается через греческое «ро» с удлиненной основной вертикалью буквы. Эта традиция прочно сохраняется уже в собственной кушанской нумизматике.

Определенная направленность происходящих в Бактрии политических процессов, ощущаемых по данным нумизматики, завершается чет-

кой консолидацией. Как сообщают китайские хроники, один из предводителей юечжей подчинил своей власти четыре других владения и стал основателем нового государства.

Начальные шаги монетного дела кушан наглядно демонстрируют постепенное становление собственных традиций и политического имиджа нового государства. Монеты основателя династии Кадфиза I по легендам могут быть разделены на две группы. По общему типу эти монеты следуют традициями греко-бактрийской нумизматики. На лицевой стороне здесь воспроизведен бюст царя, а на оборотной — фигура стоящего Геракла. Надпись на лицевой стороне греческая, а на оборотной стороне — индийская, что свидетельствует об ориентации этой эмиссии на новых подданных кушанских владык, живущих к югу от Гиндукуша. В одной группе монет легенда на лицевой стороне называет некоего царя Гермея, а на оборотной назван Куджула Кадфиз с указанием на этническую принадлежность — «кушанец» — и с титулом «ябгу», характерным для лидеров кочевых группировок. В другой группе монет при сохранении обоих типов изображений легенда на лицевой стороне, также передаваемая греческим алфавитом, прямо называет Куджулу Кадфиза, кушанца, хотя и без какого-либо титула. Для объяснения этих перемен предлагались различные гипотезы, в том числе достаточно замысловатые.

С уверенностью можно говорить о двух обстоятельствах. Во-первых, перед нами начальные этапы утверждения нового лидера, который первоначально, учитывая интересы своих грекоязычных подданных, проживающих в Бактрии, считал возможным, вероятно, номинально признать сувереном местного царька. Об интересах эллинизированной части населения свидетельствует и фигура Геракла на оборотной стороне. Затем, все более утверждая личную власть, Кадфиз заменяет легенду на лицевой стороне, прямо называя в ней себя с эпитетом «кушанец».

Далее, судя по всему, следует обширная серия монет, явно вписывающаяся в кушанское монетное дело, но где в легенде правящее лицо, как и в парфянской нумизматике, имеет пышную титулатуру, но не названо по имени. Титул этот гласит: «царь царей великий спаситель». На лицевой стороне помещен поясной портрет царя с вытянутой вперед рукой — жест, который намечался уже на монетах, выпускавшихся по типу тетрадрахм Гелиокла. На оборотной стороне помещена фигура конного государя (табл. 37, 8). Наиболее полный разбор возникающих в этой связи проблем дал в развернутой статье М. Е. Массон. Он правильно определил временное положение этих монет как относящихся к весьма ранним этапам кушанской нумизматики и верно оценил большую политическую значимость периода выпуска этих монет для кушанской исто-

рии. Идентифицируя «безымянного царя», М. Е. Массон считал возможным видеть в нем Кадфиза I, отсутствие у которого чисто бактрийской эмиссии без индийских легенд действительно вызывает недоумение. Скомбинированный на основе данных нумизматики и сообщений китайских хроник, список кушанских правителей получил более полную форму после открытия надписи в Рабатаке. Там после Кадфиза назван Вима Такту, который по данному списку является предшественником Вимы Кадфиза, известного по монетам и часто именуемого нумизматами Кадфизом II. Поскольку чекан Вимы Кадфиза известен, наиболее вероятно, что обширная серия монет «безымянного царя» — это чекан Вимы Такту, или Вимы I, если считать Виму Кадфиза Вимой II. В таком случае именно этому правителю принадлежит подлинно выдающаяся роль в утверждении политического могущества нового государства. Прежде всего перед нами массовая царская эмиссия правителя, принявшего пышный титул «великого царя царей», сопоставимый с титулатурой парфянских владык.

Тем самым Кушанское государство как бы приравнивалось к мировым державам. Утверждается нумизматический тип с помещением на оборотной стороне многозубчатой кушанской тамги. Изображение на оборотной стороне конного государя продолжает традиции Герая, указывая на надежную военную опору новой династии. Серебряный чекан Вимы Кадфиза, или Вимы II, повторяет титул «царя царей великого спасителя». При этом правителе происходит денежная реформа и серебряный стандарт заменяется золотым. Основная кушанская монета, именуемая обычно динаром, по весу приравнивается к римскому ауреусу в 8 г. Вместе с тем оборотная сторона монет Вимы Кадфиза весьма специфична — здесь изображен Шива с быком Нанди (табл. 37, 10). В индийской легенде на монетах Вима Кадфиз именуется себя «почитающим Шиву». Каковы бы ни были личные пристрастия кушанского владыки, идеологическая направленность царя на интересы подданных к югу от Гиндукуша несомненна.

Царская эмиссия с титулом «царя царей» остается неизменной для последующих могущественных правителей, иногда именуемых «Великими кушанами». Наряду с поясным портретом вводится образ государя, стоящего перед алтарем. Происходит новое лингвистическое оформление царской титулатуры. На поздних сериях монет Канишки греческий титул «басилеос басилеон» заменяется на ираноязычный «шахан-шах» с тем же значением «царь царей». Монеты Канишки отражают и стремление правящей верхушки к широкому идеологическому консенсусу: там представлен целый пантеон богов, от греческого Гефеста до зороастрийского Митры и даже Будды.

Кушанская монетная система как устойчивая денежная эмиссия великой державы оказала влияние и на серии монет, последовавшие за распадом единого государства. Сасаниды, ставшие на определенное время преемниками кушан в ряде владений на Востоке, выпускают монету от имени своих наместников, именуемых кушаншахами. По традиционному для кушан типу эти монеты так и именуются нумизматами кушано-сасанидскими.

Значительной устойчивостью монетного типа эмиссии отличаются монеты Хорезма. У истоков этой нумизматической линии стоят подражания тетрадрахам Евкратида, на которых скачущие Диоскуры были постепенно заменены едущим всадником, напоминающим всадника монет Герая. Этот чекан сопровождается специфической тамгой. Это позволяет считать, что правящая династия имела, подобно кушанским владыкам, кочевое происхождение. Детальный анализ показывает, что всадник на оборотной стороне воспроизводит фигуру царя. Затем появляется местная надпись, выполненная арамейским письмом и передающая титул «царь». Греческая часть легенды все более деградирует и постепенно совсем исчезает. Тип монет с изображением правителя на лицевой стороне и всадника на оборотной сохраняется в Хорезме вплоть до арабского завоевания, свидетельствуя о политической стабильности и преемственности (табл. 37, 13). На определенном этапе с оборотной стороны исчезает тамга, что может быть одним из свидетельств династических изменений. Становление самостоятельного типа монет приходится на I в. н. э., быть может, даже на его первую половину. Именно к этому времени можно относить начало особой хорезмийской эры, сохранившейся в употреблении до VIII в. Вполне вероятно, что перед нами взаимосвязанные свидетельства политической самостоятельности. Считалось, что Хорезм на какое-то время признавал суверенитет Кушанской державы. Однако распространение в Хорезме кушанских монет с надчеканом в виде верхней части хорезмийской тамги заставляет в этом усомниться. Стабильной преемственности хорезмийского чекана и вообще политической судьбе, вероятно, благоприятствовали его положение в отдалении от полей военно-политических противоборств и опора на кочевое окружение плодородных оазисов.

В этом отношении отличны судьбы Согда, в чем-то близкие ситуации, сложившейся в юечжийской Бактрии. В Согде в доарабскую эпоху так и не сформировался центр, положивший начало крупному политическому образованию типа Парфии или Кушанской державы. Небольшие владения демонстрировали свое политическое самоутверждение выпуском собственной монеты, но, как правило, без пышной титулатуры или вообще лишь с именами самих правителей. В Самаркандском

Согде две группы монет восходят к традициям селевкидского чекана. Это, прежде всего, популярные на селевкидском востоке монеты с изображением на оборотной стороне головы коня. Подражания этому чекану проходят ряд последовательных изменений, и на одном этапе голова правителя изображается уже не в диадеме, как на селевкидских монетах, а в шлеме. Затем портрет воспроизводит местного правителя с усами и бородкой в сопровождении согдийской легенды. Это уже не просто подражание, а собственная монета, чеканенная по определенному исходному типу. Выпуск монет этих серий был, видимо, достаточно долгим и типологически замыкался монетами также с изображением на оборотной стороне головы коня, но уже с надписью, передающей имя «Гиркода». Лунарная форма омеги в этом имени не позволяет опускать их датировку ранее середины I в до н. э., и можно считать, что все серии с конем выпускались минимум на протяжении одного-полутора столетий.

Монеты с именем Гиркода представляют вполне самостоятельный чекан, голова лошади здесь воспроизводится сравнительно редко, и ее, видимо, заменяет изображение протомы взнузданного коня (табл. 37, 13). Более многочисленна группа монет Гиркода с изображением на оборотной стороне стоящего персонажа с копьем в руке и с языками пламени, поднимающимися над его плечами (табл. 37, 12). Вероятно, это воспроизведение какого-то местного божества. Показательно, что в легендах, выполненных греческим алфавитом, отсутствует какой-либо титул. На некоторых монетах на обеих сторонах имеется согдийская легенда, но общепринятое ее чтение отсутствует.

Столь же глубинные селевкидские истоки имеет другая группа монет с изображением на оборотной стороне стоящего лучника (табл. 37, 11). Наиболее ранние монеты этой серии имеют на оборотной стороне греческую легенду «царь Антиох», а на лицевой стороне — изображение местного правителя с усами и бородкой в сопровождении местной легенды, передающей собственное имя Аршам. В дальнейшем изображения грубеют и согдийская легенда передает иные имена. Какой-либо титул у местного правителя, как это характерно и для монет Гиркода, здесь отсутствует. Не вполне ясно, наследовали ли некоторые из этих серий монетам Гиркода или перед нами два самостоятельных чекана. Судя по всему, монеты Гиркода завершают нумизматическую линию, идущую от селевкидских монет с изображением головы коня на оборотной стороне. Вес и размеры монет с лучником предельно мельчают, но они продолжают находиться в обращении, а возможно, и выпускаться едва ли не вплоть до V в. н. э. Клады таких поздних монет найдены на Тали-Барзу, на Афрасиабе и в Пенджикенте. Эти монеты встречаются в

слоях уже и в пору бытования классических раннесредневековых согдийских монет с квадратным отверстием в центре.

Более устойчивым и единообразным был чекан Бухарского Согда, напоминающий в этом отношении монетную эмиссию Хорезма. Здесь исходным монетным типом стали тетрадрахмы Евтидема с изображением на оборотной стороне сидящего Геракла (табл. 37, 1). Эти монеты, весьма многочисленные в музейных собраниях, можно в первом приближении разделить на две группы. На лицевой стороне монет первой группы помещен постепенно все более искажаемый портрет Евтидема. На некоторых монетах на оборотной стороне помещена тамга кочевнического облика. Возможно, таково было происхождение правящей верхушки, от лица которой производился выпуск этой эмиссии.

Первоначально эти монеты были бесспорно подражаниями, но затем появляются специфические детали, позволяющие относить их к числу монет, выпущенных по типу. Такова прежде всего местная легенда, соседствующая с искаженным греческим текстом. На монетах второй группы на лицевой стороне уже изображен местный правитель. Художественность портрета явно уступает античным гравюрам, но новым характерным признаком является богатая тиара (табл. 37, 3). Греческая легенда полностью заменена местной надписью, в которой четко усматривается арамейская идеограмма, обозначающая царя.

Происходят и изменения в весовом стандарте. Первоначально эти монеты Бухарского Согда следовали искажаемому аттическому весовому стандарту. Признаком определенного расстройтва денежного обращения можно считать и выпуск бронзовых монет, обтянутых тонкой серебряной фольгой. В таком случае чеканенные из серебра монеты второй группы можно рассматривать как результат денежной реформы, закрепленной новым монетным типом. Тяжелый парадный головной убор монет второй группы как бы перекликается с тиарами Аршакидов (ср. табл. 37, 5, 7), хотя и воспроизведен более схематично. Выпуск монет этого типа в Бухарском Согде, видимо, был достаточно долгим и подобно монетам с лучником Самаркандского Согда вполне мог смыкаться с начальными сериями эмиссии раннесредневековой Бухары.

С точки зрения культурогенеза наряду с обычным для Древней Средней Азии развитием серий от монетных подражаний эллинистическим образцам к монетам, чеканенным по типу, можно отметить для Согда и тенденцию, притом весьма раннюю, к внедрению согдийских легенд. Отсутствие в Самаркандском Согде титулов у правителей, выпускавших монету, может быть связано с довлеющим политическим авторитетом Великих кушан, верховенство которых могли признавать отдельные местные владыки. Вместе с тем показательно, что на территории Согда ку-

шанские монеты не получили распространения, в отличие от соседней Бактрии, где кушанская медь составляет одну из обычных находок в ходе археологических раскопок. Помимо политических причин это может быть связано со слабым развитием в Согде мелкорыночной торговли, основанной на денежном эквиваленте.

С крушением крупных держав мирового класса, Парфии и Кушанского государства, в истории и культуре Средней Азии наступила новая эпоха, зримые черты которой особенно отчетливо проступают с V в. н. э. В преарабское время в Средней Азии не сформировалось сколько-нибудь крупных устойчивых политических образований. Объединения хионитов, а затем и более устойчивое — эфталитов, несмотря на военные поражения, нанесенные сасанидскому Ирану, так и не создали прочных политических административных структур. Это проявилось и в денежной эмиссии, где так и не были созданы устойчивые и оригинальные монетные типы. К числу эфталитских монет исследователи относят ряд серий, подражающих сасанидскому чекану Пероза, но имеющих особые надчеканы, либо монеты, выпущенные по типу сасанидских драхм. Небольшие владения этого времени всячески подчеркивали свою самостоятельность. Это проявлялось в выпуске собственных монетных серий с именами и титулами правителей, над которыми уже не довлела доминанта Кушанской державы. Политическая мозаичность в полной мере соответствует пестроте денежной эмиссии этой поры. По-прежнему довольно многочисленны серии монет, чеканенных по типу. В них сильно воздействие традиций кушанской, да еще и докушанской поры, к чему добавилось влияние сасанидского Ирана, Китая, да и Византийской империи. Определенное воздействие оказывало и развитие международной торговли, с присущими ей приоритетами в сфере обеспечения денежного рынка монетными знаками того или иного вида. Все это сказывалось на истории монетного дела среднеазиатского Междуречья, где не было достаточных стимулов для становления авторитетной собственной монетной единицы.

Определенное время роль денежных знаков, обеспечивающих международную торговлю, играло сасанидское серебро. Оно, в частности, в значительном количестве поступало в заамударьинские области в качестве дани, выплачиваемой эфталитам после сокрушительного разгрома вооруженных сил Пероза. На этих монетах делаются надчеканы, по их образцу выпускаются местные подражания. В Самаркандском Согде известны подражания драхам Пероза и Варахрана V. После падения государства Сасанидов со второй половины VII в. ситуация меняется, и, как отмечает Э. В. Ртвеладзе, функция международных денег переходит к эмиссии танского Китая. Проникновение танских монет на территорию Средней Азии засвидетельствовано целым рядом находок. Видимо,

в Самаркандском Согде началась чеканка монеты китаеобразного типа с квадратным отверстием в центре. Один их типов монет этого чекана имеет на лицевой стороне китайскую надпись, а на обороте согдийскую легенду и тамгу. Затем уже следует четкая цепочка самаркандской эмиссии без китайских текстов. На лицевой стороне приводится имя и титул владельца, передаваемый арамейской идеограммой, раскрываемой по согдийским материалам как титул «ихшид». На оборотной стороне помещены две тамги как знаки государственной, скорее всего, династической символики, повторяемые затем на многих монетах Самаркандского Согда (табл. 37, 16). Эти знаки могут быть сопоставленными с аналогичными символами чачского чекана и уходят истоками в традиции кангюйско-сарматского круга. Возможно, пришедшая к власти в Согде династия с ее многочисленными локальными ответвлениями действительно была связана с выходцами из-за Сырдарьи. Недаром в культуре среднеазиатского Междуречья прослеживается мощный импульс каунчинского комплекса, ставший одним из составляющих согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи.

Наряду с самаркандским ихшидом монеты этого образца выпускал целый ряд других владений, в том числе Маимург, Уструшана и Пенджикент. Популярность китайского монетного типа достигает Тохаристана, областей, где наряду с другими эмиссиями отмечается и выпуск китаеобразных монет, причем с заменой центрального квадратного отверстия овальным.

В пору раннего Средневековья центр импульсивного культурного развития перемещается из Бактрии в Согд, где формируется согдийская цивилизация со стандартами и эталонами, оказывающими воздействие на многие соседние области. Большую роль начал играть и согдийский язык, который стал использоваться в монетном деле Чача. Показательно, что даже в Тохаристане, где местный чекан подражал монетам сасанидского правителя Пероза, эти монеты имеют двуязычную легенду — местную, бактрийскую, и наряду с ней — согдийскую. Но политически в Согде не сформировалось ничего похожего на Греко-Бактрийское царство или Кушанскую державу.

Правитель Самарканда как верховный суверен вроде бы главенствовал в согдийской федерации. Из источников мы знаем его титул «согдийский царь, самаркандский господин». Но достаточно показательно, что не только самаркандский ихшид, но и местные владельцы, подобно феодалам средневековой Франции, имели право чеканить свою монету и успешно этим правом пользовались.

Бухарский Согд, как и в пору выпуска монет по образцам тетрадрахм Евтидема, демонстрирует устойчивость и приверженность одной нумиз-

матической традиции. Здесь весьма рано, возможно уже в IV в., осуществляется выпуск монет с портретом правителя, имеющего диадему, увенчанную полумесяцем. На оборотной стороне помещены изображение алтаря огня и согдийская легенда, содержащая имя и титул правителя. Приверженность этому типу на протяжении нескольких столетий подобна всаднику на хорезмийской эмиссии. Исключительно оригинальны бухарские монеты с изображениями верблюда на лицевой стороне и того же алтаря огня на оборотной.

Тип оборотной стороны с алтарем огня не меняется и когда начинается выпуск монет, известных у нумизматов под названием бухархудатских. Исходным типом для них послужили драхмы Варахрана V. Сам правитель в ступенчатой короне сопровождается круговой надписью, читаемой как «государь (хваб) Бухары из рода Кана» (табл. 37, 15). Этот устойчивый монетный тип продолжает чеканиться, как и хорезмийская эмиссия, и после арабского завоевания.

Оригинальная монетная серия выпускалась и в Кашкардарьинском Согде, столицей которого был город Нахшеб. На лицевой стороне помещен портрет правителя с оригинальной прической, образованной пучком волос. На оборотной стороне, воин поражает льва, вставшего на дыбы, — сюжет чем-то напоминающий ахеменидские образы. Эту эмиссию ориентировочно относят к V–VI вв. н. э., но, возможно, ее истоки и более древние. Показательно, что голова правителя повернута влево, тогда как сасанидская эмиссия, традициям которой следовал и чекан Бухарского Согда, предпочитала поворот головы вправо. Обращение головы влево более характерно для парфянской нумизматической традиции. На территории Тохаристана в пору раннего Средневековья выпускались различные типы монет, свидетельствуя о политической мозаичности. Здесь проявляется кушанское наследие и влияние сасанидского Ирана, которому подчинялась и, видимо, неоднократно, какая-то часть Тохаристана. Так, частной монетной эмиссией представлены многочисленные подражания кушанским монетам, в том числе чекану Васудевы, выпускавшиеся довольно длительное время. Представлен здесь и сасанидский чекан в виде одной группы монет кушаншахов. Затем наступает пора многочисленных подражаний сасанидскому чекану, особенно монетам Пероза. Правители проставляют на монетах свои имена и титулы. Большая роль одной из областей Чаганиана подчеркивается воспроизведением чаганианской делегации в процессии послов, воспроизведенной в афрасиабской живописи.

Интересно, что мода на китаеобразные монеты не затронула Чач. Здесь в первые века нашей эры шел процесс первичной урбанизации. Но ни денежное обращение, ни чеканка своей монеты не получили развития. Истоки монетного дела Чача восходят к грани древности и ран-

него Средневековья, когда начался выпуск местной анэпиграфной монеты с характерным тамгообразным знаком на оборотной стороне. Этот тип монет стал основным для Чача V–VII вв., когда на монетных кружках появляется согдийская легенда с именем и титулом правителя. С проникновением в Среднюю Азию византийских золотой и серебряной монет начинается и воздействие монетных типов этого государства на местную эмиссию. Такова в первую очередь традиция воспроизведения на лицевой стороне парного портрета правителя и, видимо, его супруги. Эта традиция сказалась и в чекане самого Чача, а также в некоторых сериях монет Согда и Чаганиана.

Таким образом, видно, что мозаичность политической карты преарабской Средней Азии, раздробленной на множество небольших владений, прямым образом отразилась и в монетном деле. Пестрота и многообразие монетных типов и локальных нумизматических традиций была связана также с отсутствием мощного центра политогенеза, способного утвердить свой приоритет по ряду позиций, в том числе и в денежном обращении. С точки зрения культурогенеза в монетном деле раннесредневековой Средней Азии отразились две тенденции. Первая связана с окончательным утверждением в письменности и в легендах на монетах местных языков, в первую очередь согдийского, а также хорезмийского, письменность которых основывалась на арамейской основе. Никаких остатков греческого языка, даже в искаженном виде, давно нет, и эллинистическое наследие воспринимается как отдаленный глубинный пласт, несколько оживляемый византийскими связями, несущими поздне-неримские традиции.

Лишь в Тохаристане бактрийские легенды выполняются алфавитом греческого происхождения, приспособленным в кушанское время к бактрийскому языку. Графические изменения с тенденцией к скорописи привели к значительным трансформациям, за которыми зачастую трудно угадать греческую основу. Второе обстоятельство связано с развитием культурных связей и взаимодействий. Отсутствие мощных политических единиц, способных утвердить свою нумизматическую традицию, привело к сильным воздействиям монетных типов соседних государств на местную эмиссию. Таково в первую очередь монетное дело сасанидского Ирана, а также в меньшей мере Китая. В последнем случае особую роль сыграло развитие международной торговли. Этот же фактор способствовал проявлению в денежной эмиссии традиции монетного дела Византии.

Глава 14

КУЛЬТУРНЫЕ СТАНДАРТЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Развитие городской жизни в домонгольский период. Формирование новых городских центров в Чаче и Семиречье. Изменение идеологических ориентиров в некоторых сферах городского образа жизни в связи с утверждением религиозной монополии ислама. Архитектурный облик крупных городских центров с ориентацией на культовую архитектуру как отражение интеграционных процессов на мусульманском Востоке. Культурный подъем в эпоху Тимуридов и начало культурной стагнации.

События, связанные с арабским завоеванием Средней Азии и ее вхождением в состав арабского халифата, определили значение второй половины VII–VIII вв. Это был рубеж, отделяющий пору раннего Средневековья от его развитой эпохи, время качественного перепада в культурогенезе, определяемого военно-политическими событиями. Изменения носили принципиально иной характер по сравнению, скажем, с присоединением Средней Азии к державе Ахеменидов, с юечжийским завоеванием или установлением политического лидерства Тюркского каганата. Главное значение наряду с естественными эпохальными изменениями и продолжением традиции урбанистических начал имело распространение идеологии и стереотипов поведения ислама. Новые идеологические ориентиры кардинальным образом отразились на многих сторонах процесса культурогенеза. Средняя Азия оказалась вовлеченной в орбиту огромной культурной общности, которую Л. Н. Гумилев даже предлагал именовать мусульманским суперэтносом с позиции определения этноса как стереотипа поведения. Проис-

ходит стимулирование развития культуры, причем вхождение в обширную систему халифата, в первую очередь в ближневосточных пределах, способствовало культурной интеграции, четко выступающей в эталонах городского образа жизни.

Само арабское завоевание привело к определенному перерыву постепенности, к разрушению городских центров, к идеологической борьбе с традиционными местными верованиями. При этом дело не ограничивалось прямыми грабежами, переплавкой статуй местных божеств, сделанных из цветных металлов, или взиманием огромных единовременных контрибуций. Одновременно шло насаждение основ нового верования, вовлечение в мусульманскую веру местного населения как чисто насильственными, так и экономическими методами, включая налоговые льготы и единовременные денежные выдачи при посещении мечети. Военно-политическое превосходство арабов над страной, лишенной политического единства, когда отдельные владельцы прямо выступали на стороне арабов, было бесспорным. Правда, сам процесс завоевания растянулся почти на столетие, начиная с присоединения к халифату Мерва в 650 г. и вплоть до 30-х гг. VIII в., когда арабский наместник Наср ибн Сейяр еще организовывал походы на Фергану и в Зысрдарьинские области. Весьма ярким и в определенной мере знаковым событием был штурм Самарканда Кутейбой в 712 г., когда были разрушены местные храмы, а статуи божеств безжалостно переплавлены. Идеологическое сопротивление было тем не менее весьма мощным и составило идеологическую основу движения Муканны, потрясшее арабское владычество в Средней Азии в 776–783 гг.

Постепенно новая власть, широко привлекая на свою сторону местную знать, все более утверждалась как господствующая и политически, и идеологически. Привлекаемые к управлению представители местных династий, наместники все более лишь формально подчинялись Багдаду. Так это было с Тахиридами (821–878 гг.), чей род происходил из Бушенджа в районе Герата. Такие тенденции подготовили образование практически независимого государства Саманидов (875–899 гг.). Эта централизованная бюрократическая монархия практически впервые объединила разрозненные владения среднеазиатского Междуречья, именуемые теперь в географической литературе Мавераннахром. Но базовой идеологией местных правителей и династий уже был ислам. Доисламские традиции локального варианта зороастризма еще теплились в сельской местности в виде привычных праздников и даже погребальной обрядности. Костехранилища-оссуарии уже не изготавливались, но сама практика очищения костей от мягких частей тела, судя по некрополю во Фринкенте под Самаркандом, еще сохранялась в X в. Однако элитарная

субкультура, определявшая всю культурную систему общества, уже четко следовала принципам нового вероучения, вырабатывая соответствующие стандарты и эталоны.

Смена идеологических ориентиров хорошо видна в монетном деле уже в самом оформлении монетного кружка. Теократическая концепция ислама оставляла правителям роль простых наместников Аллаха. С монетных кружков исчезают портреты царских особ, и в центре располагаются коранические тексты, из которых весьма популярно было изречение: «Нет Бога кроме Бога, Магомет Его пророк, Он единственный и без соратников». Лишь в круговой легенде скромно указывалось, на каком монетном дворе, когда и от чьего имени была вычеканена данная монета. Иное дело, что здесь, как и во многом другом, учитывались местные традиции и привязанности. В этом отношении особенно показательна серия так называемых арабо-сасанидских монет, выпускавшихся в Иране вплоть до начала VIII в. Они полностью следуют традициям сасанидской серебряной эмиссии, включая портреты на лицевой стороне и алтарь огня на оборотной, но в поле уже чеканятся имена арабских наместников. Нечто похожее происходило и в Средней Азии, где в Хорезме и Бухаре долго продолжался выпуск монет доисламских типов, но с постепенным введением арабских легенд. Длительное сохранение привычного монетного типа особенно примечательно для бухарского чекана.

Для эпохи развитого Средневековья характерна и смена приоритетов в информационной сфере культурологических заключений. Теперь письменные источники на арабском, а затем и на таджикско-персидском языках играют все большую роль, тогда как ранее безраздельно господствовала информация, получаемая в ходе археологических изысканий. Значимость археологии трансформируется, происходит дифференциация отдельных сфер и направлений. Такова историческая география с детальным археологическим картированием и отождествлением памятников с именами, приводимыми в письменных источниках. Изучение сложных городских комплексов получило в ташкентской археологической школе наименование исторической топографии городов, что было тщательно осуществлено для Самарканда, Ташкента, в какой-то мере Бухары и Мерва. Археологические наблюдения, связанные с ремонтно-реставрационными работами на архитектурных памятниках, способствовали развитию такого направления, как архитектурная археология. Из традиционных приемов археологии, изучавшей более ранние эпохи, сохранило свое значение изучение керамики. Поливная керамика как составной элемент элитарной субкультуры остается достаточно информативной. Мелкие местные правители, влиятельные военачальники,

служила знать и купечество образовывали среду, формирующую элитарную субкультуру, к эталонам которой тяготели и средние слои населения. Фактически ту же среду обслуживала и архитектура в таком ее проявлении, как архитектурный декор, получивший достаточно широкое развитие.

Элитарная субкультура Средней Азии эпохи развитого Средневековья в ее материальном проявлении связана с городским образом жизни. Утверждение новых стандартов, привнесенных с миром ислама, безусловно вносило в развитие культуры феномен стимулированной трансформации. Вместе с тем после формирования нового устойчивого культурного комплекса, что, судя по всему, произошло уже в IX в., дальнейшее развитие шло по пути спонтанной трансформации. Что касается городов и городской культуры, то время после арабского завоевания и вплоть до монгольского нашествия было для Средней Азии эпохой оптимального развития, своего рода взлета.

Прежде всего резко возросли количественные параметры урбанизации. Восточные географы называют десятки городов, расположенных на территории Средней Азии, и археологи изучают их большие руины во всех уголках обширного макрорегиона. В засырдарьинских областях этому способствовал активный переход кочевников к оседлому образу жизни и вхождение их в состав городского населения. Появление новых городских центров и бурный рост городов, ранее существовавших, в том числе таких крупных центров, как Мерв, Самарканд и Бухара, отмечается начиная с IX в. Этому способствовало широкое развитие торговли, как международной, так и внутренней. Этому всячески стремились содействовать почти все правители, благоустраивая торговые маршруты и возводя вдоль них торговые станции — рабаты, бывшие в ряде случаев и укрепленными центрами, заселяемыми проповедниками ислама. Массовое утверждение высоких материальных норм городского образа жизни вело к бурному развитию ремесла. Города становились не только центрами сельскохозяйственной округи, но и важнейшими центрами торговли и ремесел. Только на территории Ташкентской области, носившей в Средние века наименование Чач, археологи выявили 45 поселений городского типа. В Юго-Западном Семиречье таких памятников уже насчитывается 26. Тонкую цепочку согдийских городков, ранее тянувшихся здесь вдоль трассы Великого шелкового пути, теперь заменяют процветающие населенные центры.

Разумеется, значимость этих городских центров была различной. Своего рода суперцентрами, сравнимыми с крупнейшими городами Ближнего Востока, были Мерв, Самарканд и Бухара. Анонимная география X в. «Худуд ал алалм» использует два термина: «шахр» и «шахрак» — «горо-

док», своего рода аналоги английским «сити» и «таун». Археологи исходят из размеров площади изучаемых ими руин и обычно предлагают трехчастное деление. Так, К. М. Байпаков выделяет в первую группу центры площадью более 30 га, во вторую — площадью 15–20 га и в третью — самые незначительные центры площадью от 7 до 10 га.

Городской образ жизни во многом определялся и самим обликом средневековых городов Средней Азии. В городах, особенно в крупных центрах, власти заботились об определенном городском благоустройстве. Основные уличные магистрали мостились камнем, как это было, например, в Самарканде. Новым элементом в быту горожан стали бани, отсутствовавшие в более ранних городских центрах. Устройству бань уделялось особое внимание, и комнаты предбанника нередко отличались богатой внутренней отделкой. Жилые дома имели простейшие канализационные устройства в виде глубоких поглощающих колодцев, в верхней части которых монтировались крупные сосуды, обычно хумы, с пробитым дном. Отвод грязной воды за пределы домов осуществлялся с помощью керамических труб, находки которых довольно обычны как в крупных, так и в менее значительных городских центрах.

Как известно, общий силуэт города определяют здания и постройки монументальной архитектуры. Ислам принес обязательную триаду таких строений — мечеть, медресе и мавзолей. Дворцовые постройки местных правителей наверняка были достаточно монументальны, и смена династий не способствовала их сохранности в отличие от культовых сооружений, заботу о которых проявляли все владельцы, придерживающиеся или считающие нужным придерживаться мусульманского вероучения. Недаром от дворцов Тимура сохранилась лишь часть портала Ак-Сарай в Шахрисябзе, свидетельствующая, что архитектурный силуэт портала мало отличался от порталов крупных медресе. Помимо минаретов, располагавшихся прямо при мечетях и медресе, а иногда прямо включенных в их строительную композицию, возводились и отдельно стоящие минареты, подчеркивающие значимость крупных городских центров и располагавшихся там политических лидеров. Мечети с утверждением ислама, строго придерживающегося регулярного многократного совершения намаза в течение дня, были и многочисленны, и функционально разнообразны. Наряду с квартальными мечетями повседневного посещения существовали и большие соборные мечети, или джума-мечети, объединявшие значительное число верующих. Для крупных религиозных праздников, собирающих особо многочисленных адептов, строились загородные мечети. Как правило, они возводились за пределами тесной городской застройки, имели дворцовый характер наподобие бухарского Намазгоха. Медресе планировочно, а возможно, час-

тично и функционально, восходили к буддийским монастырям, получившим в свое время достаточно широкое распространение в Средней Азии, особенно в Бактрии-Тохаристане. Они были, особенно в крупных городах, весьма многочисленны и также определяли городской силуэт, будучи, как правило, подчеркнута порталными архитектурными комплексами. Менее монументально, но достаточно примечательно оформление торговых улиц, главным образом на их пересечении, серией купольных построек — так называемыми тимами. Торговая функция городских центров получала здесь архитектурное воплощение. Все эти черты при различных локальных вариациях характеризуют не только среднеазиатский средневековый город, но и города мусульманского Востока в целом. Это была своего рода урбанистическая интеграция, выражающая унифицированную идеологию ислама, воплощенного в стереотипе поведения и в ценностных ориентациях.

Определенные интеграционные проявления можно наблюдать и в массовой материальной культуре, особенно в ее элитарном блоке, обслуживающем интересы высших слоев общества, прочно воспринявших ценностные ориентации ислама. Достаточно показательна в этом отношении глиняная посуда. Первоначально во второй половине VII–VIII вв. бытовая керамика, модифицируясь, продолжала более ранние традиции, что хорошо видно на примере археологических комплексов Мерва. Важной инновацией стало внедрение поливы, что для Средней Азии было, скорее всего, изначально технологическим заимствованием, но быстро было освоено и развито местными гончарами, образующими локальные школы.

Поливная керамика появляется в среднеазиатских комплексах с VIII в., когда была распространена прозрачная поташно-щелочная глазурь, так называемая ишкорная. Подглазурная роспись наносилась красками трех цветов — фисташковым в основном для контурных рисунков, желтым и зеленым — для фонового заполнения. В IX в. эта керамика становится достаточно многочисленной и встречается повсеместно от Афрасиаба до Мерва. Воспроизводились растительные мотивы, в частности остролистники, но встречаются и фигуры птиц, образ, традиционно популярный в местной среде с весьма раннего времени. В этой связи необходимо отметить одно упрощенное заблуждение о полном запрете в исламе изображений живых существ. Канонические высказывания против изображения живых существ первоначально трактовались исламскими богословами как направленные против поклонения этим изображениям, представляя собой как бы иконоборческое направление. Затем, с XI в., в процессе противостояния с различными формами свободомыслия, утвердилось дословное и расширительное понимание соответствующих хадисов. Смотреть на подобные изображения считалось недозволенным, и желательным было

изуродовать воспроизведение лица, чтобы очиститься от скверны. Такую практику археологи хорошо знают по повреждениям стенной живописи согдийских городов, подвергшихся разгрому в ходе арабского завоевания. Но эти установления не носили всеобщего, строго обязательного характера и были, скорее всего, тенденцией, ортодоксально господствующей, но не абсолютизированной. Действительно, из массовой, даже элитарной культуры исчезают стенные панно со сценами, в которых активно участвуют люди. Тем более не воспроизводится скульптура, столь популярная в буддийских памятниках и в определенной мере сохранявшая свое значение в среднеазиатском варианте зороастризма. Правда, в дворцовом комплексе Газневидов Лашкари-базар, раскопанном в Юго-Западном Афганистане, воспроизведены фигуры воинов, как бы воскрешающие процессии, представленные на рельефах ахеменидских дворцов. Сохраняются и со временем достигают расцвета традиции книжной миниатюры. Но канонический дух ортодоксализма, безусловно, оказывает воздействие на общество. В архитектурном декоре получает особое развитие изощренный орнаментализм. Антропоморфные и зооморфные мотивы из монументальной живописи практически исчезают, а скульптура в любой форме, от рельефов до объемных статуй, как вид искусства прекращает свое существование в исламские времена в Средней Азии. В росписи интерьеров культовых центров воспроизводятся только эпиграфические фризы, растительные орнаменты и утонченно изощренные вазы цветов. В художественной керамике при наличии сходных тенденций зооморфные, частично и антропоморфные сюжеты сохраняются, а в определенной ситуации, как в штампованной керамике сельджукского Хорасана, становятся и чуть ли не доминирующими. Как это нередко бывало в общественной идеологии, абсолютистские императивы никогда не соблюдались безоговорочно, беспрекословно, не говоря уже о влиянии на общество различных менее ортодоксальных течений самого ислама.

Огромное значение для развития художественной поливной керамики сыграло введение прозрачной свинцовой глазури, сохранявшей для восприятия все тончайшие детали подглазурной росписи. Со второй половины IX в. эта новая технология позволила использовать достаточно широкую гамму различных красителей и предоставила неограниченные возможности для творчества художников, в среде которых особую роль стали играть каллиграфы.

Для росписи на посуде наибольшие возможности представляли открытые формы — чаши, тарелки, большие блюда. По белому фону роспись шла однотонная — коричневым и двуцветная — красно-коричневым. Преобладала растительная тематика и эпиграфические бордюры (табл. 38, I). Иногда изящный орнамент занимал всю поверхность. В дру-

гих случаях в центральном поле воспроизводилась розетка или фигура птички. Из зооморфных мотивов были также популярны фигуры рыб, встречено и изображение фантастического дракона. Антропоморфные сюжеты крайне редки.

Поливная керамика этого типа характерна для второй половины IX — X в., и наиболее яркие ее образы представлены продукцией Самарканда. Особым изяществом отличаются изделия с надписями, сделанными почерком куфи, иногда с оформлением наверху высоких букв растительными мотивами — так называемое цветущее куфи. Эпиграфическая керамика Самарканда особенно высококачественна, и видно, что здесь трудились первоклассные каллиграфы. Такая посуда производилась и других центрах, в частности в Бинакенте — древнем Ташкенте, и качество тамошней продукции особо отмечали арабские географы. Довольно распространена поливная посуда с надписями была и в Мерве, но наиболее блестящим центром ее производства, своего рода законодателем моды оставался Самарканд.

По содержанию наиболее многочисленны надписи с благопожеланиями. Часто, причем в разных центрах, от Бинакента до Мерва, встречается «баракаа» — «благословен». Надпись «тукфа» представляет собой сокращение целой сентенции: «Уповай на Аллаха и будешь вознагражден». Распространены тексты с пожеланием: «Пить (из данного сосуда) на здоровье». Имеются и пословицы, как, например: «Терпение — ключ радости». Выделяется группа текстов афористического характера, в основном с восхвалением щедрости. Встречаются и надписи религиозного характера. Как отмечает детально исследовавший керамическую эпиграфику О. Г. Большаков, с XI в. постепенно исчезают пространственные осмысленные надписи. Иногда это копии с более ранних текстов, но уже в искаженном виде. Исследователь объясняет это вытеснением арабского языка из ряда сфер, что отчетливо происходило в период правления династии Саманидов. Таджикско-персидский язык проникал в сферу делопроизводства, базовые арабские сочинения излагались в сокращенном переводе. Процветала своего рода лингвистическая реконкиста, ознаменованная расцветом таджикско-персидской литературы, давшая плеяду подлинных литературных гениев, начиная с Фирдоуси. Это, однако, не означало отступления от ислама как господствующей нормы общественного сознания. Перед воспроизведением традиционных доисламских сюжетов обычно следовала трафаретная формула: «Во имя Аллаха!» Бухарский историк, описывая не без внутреннего сочувствия освободительное движение Муканны, при упоминании самого имени этого антиисламского деятеля, неизменно добавлял: «Прах ему в рот».

Дорогостоящую керамику с прекрасно выполненными и четко читаемыми арабскими текстами следует рассматривать как свидетельство утверждения арабской образованности в элитарной субкультуре, на носителей которых были рассчитаны эти изделия. Безраздельное главенство арабского языка и арабского алфавита как интерпретационной части мусульманского мировоззрения привело к полной утрате местных алфавитов, основанных на арамейской основе, таких как хорезмийский и согдийский, либо как бактрийский, возводящий свои истоки к греческому алфавиту. Этот непреложный аспект исламизации привел к приспособлению арабского алфавита к таджикско-персидскому языку, все более утверждающемуся в Мавераннахре на месте хорезмийских, согдийских и бактрийских диалектов. Все это было ярким проявлением интеграционных процессов, охвативших мусульманский Восток.

Вместе с тем культурная интеграция, обусловленная активной урбанизацией и утверждением идеологических ориентиров мусульманской религии, отнюдь не означала некоей всеобщей унификации. Например, художественная поливная керамика с арабскими надписями была явно рассчитана на сравнительно узкий элитарный круг преимущественно городского патрициата. Население сельской местности в этом плане, скорее всего, было просто безграмотным или в лучшем случае малограмотным и довольствовалось блюдами с подражаниями арабским надписям как неким модным эталоном эпохи. Весьма заметны были и локальные культурные различия, проявляющиеся, в частности, в массовых керамических изделиях. В этом отношении заметные отличия, особенно после краткого периода ориентации на арабскую керамическую эпиграфику, прослеживаются в наборах посуды Мавераннахра и Хорасана.

В XI–XII вв. при общей близости орнаментальных мотивов и форм поливной керамики выделяются засырдарьинские керамические комплексы. В первую очередь это Шаш, а также ориентирующиеся на него районы Семиречья, имеющие, правда, налет некоторого провинциализма (табл. 38, II).

Для этого времени Ю. Ф. Буряков выделяет в Шаше два культурных комплекса, названные им соответственно имлакским (вторая половина VII — X в.) и каварданским (XI — начало XIII в.). На ранних этапах бытования имлакского комплекса весьма высок процент лепной керамики, формы которой восходят к древним, еще каунчинским традициям. Поливная керамика с середины IX в. покрывается прозрачной глазурью, что, как и в Самарканде, открывает большие возможности для тонкой подглазурной росписи. Роспись наносилась по снежно-белому или фисташковому ангобу. Как и в Самарканде, преобладают растительные и геометрические орнаменты, популярны были арабские тексты, изред-

ка представлены зооморфные мотивы. В каварданском комплексе лепная керамика уже немногочисленна. Увеличивается количество поливной посуды, роспись которой производилась черной и красно-коричневой краской. Эпиграфическая керамика постепенно угасает, надписи на сосудах все более становятся нечитаемыми имитациями. Для открытых блюд характерна роспись с вихревой розеткой в центре или пропеллеровидным размещением орнаментальных панно треугольной формы со стилизованным растительным орнаментом. Как и в Самарканде, со второй половины XII в. распространяется поливная керамика с зеленой и мраморовидной поливой с подглазурным прочерченным орнаментом. В Семиречье в ранних комплексах VIII–X вв. также многочисленна лепная керамика продолжающих местные традиции форм. Поливная посуда XI–XII вв. по гамме и орнаментации близка посуде соседнего Шаша. Были популярны такие мотивы, как многолучевая звезда, вихревая розетка и пропеллеровидный орнамент.

Керамика Хорасана хорошо изучена по раскопкам в Старом Мерве. В поливной керамике XI–XII вв. распространяется имитация букв арабского алфавита, есть изображения животных и птиц, обычно сильно стилизованные. Среди геометрических орнаментов весьма распространен рисунок плетенки, подобно тому как в это время происходит и в архитектурном декоре. В XII в. появляется люстр — рисунок на сосудах играет золотистыми тонами. Но специфической особенностью посуды мервского производства является штампованная керамика, представляющая собой выдающееся достижение городской культуры сельджукской эпохи. В Мерве раскопаны мастерские по производству этой художественной посуды. Известны имена нескольких мастеров, помещавших соответствующие надписи на производимых ими сосудах. Таков, в частности, Мухаммад Али Иноятон. Эти художественные сосуды, частично подражавшие формам и декору металлических изделий, скорее всего, размещались в парадных комнатах состоятельных горожан в нишах, где сооружались соответствующие полочки. Во фризах, украшавших штампованную керамику, используются растительные мотивы, часто включаются надписи почерками куфи и менее геометризанным насхом. Нередко можно видеть воспроизведение процессии идущих или бегущих зверей. Налицо и сюжеты с участием человеческих персонажей, в том числе сцены пиршества и охоты. Имеется воспроизведение парадного выезда на украшенном паланкином слоне. Изобразительные циклы, скорее всего, связаны с популярными сюжетами народного фольклора. Судя по всему, имеются и иллюстрации к литературным произведениям, своего рода миниатюры в глине. Этот массовый вид художественной посуды, с одной стороны, харак-

теризует высокие стандарты городского образа жизни домонгольской эпохи, с другой — наглядно демонстрирует упрощенное понимание отношения общества, исповедующего ислам, к изображениям живых существ как преимущественно негативного. В прикаспийской области, Дажистане, производилась люстровая керамика также с богатым сюжетным репертуаром. Преобладают коричневый и золотистый люстр.

Наряду с таким комплексом сюжетных мотивов на богатой керамике горожан в обществе в целом мусульманское мировоззрение, безусловно, стимулировало примат орнаментализма. Это хорошо видно по архитектурным памятникам. Широкое использование жженого кирпича в монументальной, а затем и в жилой архитектуре было заметным строительным новшеством, открывавшим перед зодчими значительные возможности, особенно конструирования сводов. По сравнению с древней эпохой монументальные строения имеют богатый внешний декор, что было затруднено при доминанте необожженной глины как основного строительного материала. Применялся особый декоративный кирпич, служивший для орнаментального украшения стенных плоскостей. В этом отношении изысканным изяществом отличается мавзолей Саманидов в Бухаре. Для декора, особенно внутренних частей, используется резьба по ганчу, так называемый штук. Архитектурные формы мавзолея Саманидов, лишенного особо выделенного портала, не без основания сопоставляются с более ранними доисламскими архитектурными традициями, в частности со строениями для помещения оссуариев, так называемыми наусами, часто представлявшими собой отдельно стоящие сооружения кубического облика. Введение порталной архитектуры позволяло особенно богато украшать сами порталы, подчеркивая их приоритетную значимость. Наряду с фигурной кладкой специального кирпича использовались и вставки из небольших кирпичиков, часто имевшие фигурную форму и поэтому условно именуемые бантиками. В Мавераннахре получает распространение резная терракота, богато украшающая порталы караханидских мавзолеев XI–XII вв. в Узгенде. Сложные переплетения растительных и геометрических мотивов подчеркивают ориентацию на орнаментализм, господствующую в архитектурной среде так же, как и в среде керамистов. Сложные построения геометрических мотивов, так называемые гирихи, образовывали целые системы, развивающиеся на протяжении всего Средневековья. Постепенно в архитектурном декоре начинает использоваться и полива. Первоначально в виде глазурованных кирпичных вставок — бантиков, а затем и для покрытия, нередко лишь частично, отдельных орнаментальных мотивов резной терракоты.

Все эти стандарты материальной культуры зримо воплощали рас-

цвет городов и городского образа жизни домонгольской Средней Азии. Монгольское нашествие с целевым разрушением городских центров на значительное время приостановило это поступательное развитие. Более того, нанесенный урон и ориентация новой политической власти на неурбанистическое развитие не только привели к замедлению темпов прогресса, но в ряде случаев и к попятному движению. Характерна в этом отношении судьба городских центров Семиречья, практически прекращающих свое существование в послемонгольский период.

Упадок в XIII в. переживало и керамическое мастерство. При некотором оживлении, наступившем в XIV в., в Хорасане была популярна поливная керамика с росписью черным по синему фону, часто с воспроизведением на дне чаш и тарелок вихревой розетки, образованной фигурами рыб. Примечателен подъем керамического дела в XIV в. в Хорезме, входившем в состав Золотой Орды и повлиявшем на многие стороны урбанизированной культуры, возрождаемой золотордынским руководством в Поволжье. Так, в поливной керамике Ургенча этого времени были популярны такие цвета, как зеленовато-черный, кобальтово-синий, бирюзово-голубой. Преобладали орнаментальные цветочные мотивы, но иногда изображались и птицы, в том числе весьма стилизованные павлины.

Определенный подъем материальной культуры происходит в конце XIV — XV в. за счет концентрации огромных материальных и интеллектуальных ресурсов, привлекаемых основателем новой империи Тимуром из всех регионов, попадавших под его власть. В это время в среде элиты Средней Азии и Ирана весьма большой популярностью пользовался китайский фарфор, следование традициям которого дало блестящие образцы местного производства. Сами сосуды изготавливались из фарфоровидной массы — белоснежного кашина. Орнаментация не ограничена заранее выбранными схемами и представляет собой свободно располагающийся на блюдах и чашах рисунок. Это были и растительные пейзажи, и изображения животных, и всадники. Традиция этой художественной керамики сохраняется и в XVI в., хотя роспись ярко-синим по белому фону часто модифицируется в кремово-коричневатую. Блестящие памятники порталной архитектуры, поныне украшающие такие города, как Самарканд и Бухара, являют в архитектурном декоре образец изысканного орнаментализма, сочетающего геометрические и растительные узоры и эпиграфические панно и пояса. Техника поливной мозаики, преимущественно синих, голубых и белых тонов, придавала порталам этих строений исключительную парадность.

В принципе эти виды материальной культуры — поливная керамика

и архитектурный декор — продолжали существовать в последующие века, правда, все более упрощаясь и огрубляясь. В мозаичные и майоликовые панно широко вводятся такие цвета, как желтый, зеленый и некоторые другие, пестро расцвечивая строгую изысканность гаммы архитектурного декора XV в. Поливная керамика XVI–XVII вв., бывшая слагаемым элитарной субкультуры, хорошо изучена в ходе раскопок городища Отрар на Сырдарье, хотя, разумеется, местное производство не лишено провинциализма по сравнению с выдающимися центрами средневековой городской цивилизации Средней Азии (табл. 38, III). Роспись производилась голубым, синим и фиолетовым. Господствуют комбинации геометрического и растительного орнамента. Иногда представлена сетка, ячейки которой могут быть заполнены точками или растительными завитками. Застой и стагнация, обусловленные многими причинами, все явственнее ощущаются и в мире материальной культуры.

З а к л ю ч е н и е

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Типы культурного развития. Спонтанная и стимулированная трансформация. Культурная интеграция. Эпохальный, региональный и локальный типы культур. Ритмы культурогенеза. Культурное наследие — важнейшая составляющая в изучении истории народа.

Накопленные археологические материалы позволяют достаточно полно рассматривать процессы культурной трансформации, происходящие в Средней Азии, как в рамках локального развития, так и в аспекте азиатского континента и всемирной истории. Такому рассмотрению содействует использование определенной типологии с выделением локальных культур как основного объекта, эпохального типа культур, отражающего генерализованные, часто глобальные, особенности и имеющего зачастую диахронный характер, и регионального типа, аккумулирующего черты, общие для локальных культур, развивающихся в рамках конкретных регионов и макрорегионов. Все это находит прямое отражение и выражение в наборе типов артефактов в рамках археологических комплексов. Все эти типы культур проходят культурные процессы различного вида и направленности: спонтанную и стимулированную трансформацию, интеграцию и мутацию. Особое значение имеют перепады, наблюдаемые в культурном развитии с ярко выраженной стагнацией, упадком, а иногда и с попятным движением. Это связано с такой особенностью культурогенеза, как ритмический характер, имеющий место и в историческом процессе в целом. Рассмотрение этого аспекта весьма существенно, учитывая методологическое наследие отечественной исторической науки, нуклеарной частью которого было учение о формациях. Как и во всякой другой теории, в учении о формациях были и положительные, и негативные явления. Это учение справедливо концент-

рировало внимание на важности исследования социально-экономических отношений. Негативным было придание такому аспекту абсолютизированного детерминизма, подкрепляемого политическим диктатом. В 1970–1980-х гг. такой диктат, становившийся с научной точки зрения все более бессодержательным и оторванным от научных реалий, породил своего рода косметику цитатами, когда реальные разработки, основанные на новых материалах и подходах, прикрывались фиговым листком цитаты, снабженной отсылкой к соответствующему тому и странице. Негативно сказалась и доминанта эволюционизма, породившая своего рода формационный эволюционизм, когда за первобытным строем обязательно должна была следовать рабовладельческая формация, далее феодальная, капиталистическая и разного рода утопические прогнозирования. Однако в конкретной истории периоды прогрессивного развития сменялись упадком, стагнацией и даже деградацией. Это особенно ярко видно на примере культурных явлений и позволяет говорить о своего рода ритмах культурогенеза. Пульсирующая динамика ритмов культурогенеза составляла живую ткань исторического процесса. Причины перепада со всеми проявлениями стагнации и даже регресса могли быть различными. Данная социально-экономическая система могла исчерпать заложенные в ней возможности и не обеспечивала последующее развитие. Отрицательное воздействие могли оказать военно-политическая ситуация или экологические стрессы. Иногда, вероятно, исчерпывались биологические ресурсы определенной популяции, не обновлявшей свой генофонд за счет вольных или невольных мигрантов.

Формирование в Южном Туркменистане раннеземледельческой джейтунской культуры сразу вывело Среднюю Азию в число прогрессивно развивающихся регионов Старого Света. Джейтунская культура имеет все черты, свойственные эпохальному типу культуры раннеземледельческих обществ от прочной оседлости до благоустроенного быта, включая прикладное искусство. Вместе с тем она входит в круг культурных комплексов ближневосточного регионального культурного типа, явно заимствуя и воспроизводя на селективной основе такие компоненты, как расписная керамика, мелкая пластика и покрытие полов домов известковой обмазкой с последующим окрашиванием всего интерьера в красный или черный цвет. Локальные традиции в кремневой индустрии позволяют говорить о сочетании явлений спонтанной и стимулированной трансформации. Последующее развитие раннеземледельческих обществ Средней Азии идет по месопотамскому пути к урбанизации и формированию цивилизационных основ, хотя и более замедленными темпами, обусловленными скудостью местных природных ресурсов, включая водные источники. Здесь налицо процесс спон-

танной трансформации с отдельными стимулирующими воздействиями, выражающимися в использовании некоторых уже сложившихся в ближневосточном ареале стандартов и эталонов. Между тем вне зоны ранних оседлых земледельцев и скотоводов формируются неолитические общества, ориентирующиеся на охоту, рыболовство и собирательство. Складываются довольно устойчивые культурные комплексы, ярче всего выраженные в памятниках кельтеминарского типа. Существующие в условиях гомеостаза, когда культурные комплексы с небольшими изменениями движутся как бы по замкнутому кругу, эти общества в яркой форме отражают неравномерность процесса исторического развития.

Эволюционное развитие среднеазиатского раннеземледельческого общества закономерным для Ближнего Востока путем приводит к формированию в бронзовом веке местной цивилизации Алтын-депе. Она имеет основные признаки эпохального типа культуры первых цивилизаций от поселений городского типа до монументальной архитектуры, хотя и не столь репрезентативных форм, как, скажем, в Месопотамии. По существу, это была своего рода окраина регионального типа культур Ближнего Востока, развивающаяся путем спонтанной трансформации с использованием престижных эталонов, уже выработанных в пределах региона.

Во II тыс. до н. э. происходят заметные изменения в культурной географии Средней Азии. На юге идет постепенное расширение зоны урбанизированных культур, продвигающихся в дельту Мургаба, в Древнюю Маргиану и на среднее течение Амударьи, в Древнюю Бактрию. Наступление ксеротермического максимума и соответственно изменение экологической ситуации подорвали базовую основу неолитических охотников и собирателей в степной и пустынной зонах. Происходят и иные пространственные перемещения. В северные области Средней Азии все шире проникают постепенно продвигающиеся племена степной бронзы. Это отнюдь не было неким одномоментным явлением агрессии энергичных групп, возглавляемых лидерами на колесницах. Как тонко отметил выдающийся отечественный историк И. М. Дьяконов, это было долгое и постепенное продвижение, происходившее на протяжении жизни не одного поколения. Такое продвижение, разумеется, не исключало и вооруженных конфликтов, тем более что военная функция урбанистических цивилизаций юга Средней Азии была, как и в харапской цивилизации Индостана, развита слабо. В результате племена с культурой типа степной бронзы занимают всю нишу, ранее освоенную неолитическими охотниками и собирателями. Заметная разница в уровне культуры аборигенов и мигрантов способствовала тому, что в новых

комплексах практически отсутствуют даже проблески каких-либо местных традиций. Это продвижение с севера на юг, в дальнейшем неоднократно повторявшееся в истории Средней Азии, достигает границ урбанистических цивилизаций. Происходит внедрение иного этноса в среду оседлого населения. Среда ассимилирует пришельцев культурно, но воспринимает ряд существенных новаций в культурном комплексе, и прежде всего в погребальном обряде. Это также не было одномоментным явлением. На его пути лежало формирование двухкомпонентных комплексов наподобие вахшской культуры, сочетающей черты степной бронзы и урбанистических цивилизаций. Судя по результатам культурного развития, определенное обновление генофонда оседлого населения не сказалось отрицательно на культурном процессе. Наоборот, на протяжении II тыс. до н. э. мы видим, как пышным цветом расцветают урбанистические общества Бактрии и Маргианы, дающие первоклассные образцы художественной культуры и монументальной архитектуры.

Тем сильнее выступает культурный перепад, наблюдаемый в конце II — начале I тыс. до н. э. В зоне урбанистических обществ происходит дезинтеграция традиционного культурного комплекса. Наиболее заметны перемены в керамическом наборе, где происходит возврат, хотя и не абсолютный, к традициям лепной керамики, украшенной несложными узорами. В определенной мере это могло быть связано с нарастающими изменениями в составе населения, ведущими к смене привычных ориентиров повседневного бытия. При этом сохранение ряда фундаментальных традиций, в том числе и в сырцовом домостроительстве, переживающем новый подъем с возведением мощных платформ для престижных зданий, говорит о бесспорной преемственности в ряде сфер деятельности и культурного развития.

Но, видимо, дело не ограничивалось изменениями в составе населения оседлых оазисов. Есть основания полагать, что происходит перестройка всей социокультурной системы Бактрии и Маргианы, урбанистические традиционные центры которых приходят в упадок и запустение, уступая место новым центрам, как, например, Яз-депе в Маргиане. Забрасываются и монументальные комплексы храмового характера. Вероятно, сказалось внутреннее перенапряжение традиционных социосистем. Судя по раскопкам Алтын-депе, уже на начальном этапе урбанистических обществ юга Средней Азии возобладал организационно-управленческий путь политогенеза. Материалы Алтын-депе позволяют характеризовать его как своего рода храмовый городок. Судя по вниманию, с каким на протяжении II тыс. до н. э. возводились храмовые комплексы в Бактрии и Маргиане, эта роль и значение культовых центров сохранялась. Многочислен-

ные склады и зернохранилища, в которых концентрировался значительный продукт, производимый обществом, неизменно входят в планировочную структуру храмовых комплексов, будь то Бактрия или Маргиана. Вполне вероятно, что к концу II тыс. до н. э. эта система исчерпала свой потенциал. Это происходило не без давления энергичных лидеров мигрантов, включающихся в оседлую среду. Наступает примат военно-аристократического пути политогенеза. В пору раннежелезного века храмовые комплексы уже не воздвигаются, уступая первое место в монументальной архитектуре цитаделям на мощных платформах, резиденциям новых лидеров. Это было время, засвидетельствованное ранними гимнами Авесты, где образ воинственного Митры на колеснице контрастирует со всеми достаточно семантически сложными мифологическими образами, которые можно видеть на блестящей глиптике Бактрии и Маргианы. Кстати, исчезает не только репертуар этих образов, явно формировавшийся в жреческой среде храмовых структур, но и сами печати, что наводит на мысль об их принадлежности в первую очередь храмовому персоналу. Новые лидеры предпочитали оружие семантически замысловатой символике. Изменения в формах политогенеза, наряду с переменами в демографической структуре могли быть одной из причин перепада в ритмах культурогенеза.

Наряду с таким определенным перепадом начинается по выходе из кризиса новый цикл урбанизации. Крупные центры теперь формируются одновременно с престижными строениями на мощных платформах, но без крупных культовых центров. Новые стандарты урбанизированной культуры складываются на юге в традиционной зоне высокоразвитых структур, где сохранились сильные традиции сырцового строительства и отнюдь не исчезла традиция ремесленной керамики, которая постепенно оттесняет на второй план посуду, вылепленную без помощи гончарного круга. Одновременно в областях среднеазиатского Междуречья, которые для этого времени можно без особых сомнений именовать Согдом, происходит развитие поливного земледелия в среде потомков племен степной бронзы, развиваются оседлость и строительство долговременных жилищ, сменяющее архаические землянки. Неудивительно, что при этом особое значение принимают эталонные ориентиры культурных стандартов южных центров, прежде всего Бактрии. Расширение зоны урбанизации в направлении с юга на север продолжается в середине I тыс. до н. э., когда определенной культурной унификации, видимо, способствовало и вхождение в единую политическую систему Ахеменидской державы. Но сами эталоны массовой материальной культуры не имеют ничего общего с культурой ахеменидского Ирана и демонстрируют отчетливый местный генезис.

В дальнейшем на протяжении нескольких столетий ритм культурогенеза в Средней Азии не только не прерывается или замедляется, но, наоборот, происходит его убыстрение, ведущее к расцвету формирующихся местных древних цивилизаций, прежде всего кушанской и парфянской, бывших выдающимися достижениями Древнего мира. В этот период резко интенсифицируется значение и роль стимулированной трансформации, прежде всего за счет мощного воздействия эллинизированного пучка инноваций. Он охватывает самые различные сферы: от образа жизни до монументальной архитектуры, систем денежных единиц и письменности. Это эпохальный тип культуры, распространенный в Древнем мире в пору развитой древности, по схеме периодизации И. М. Дьяконова. Для этого эпохального типа характерны в первую очередь четко спланированные города как показатели целенаправленной политики, ориентированной на урбанизацию, и денежное обращение в монетной форме, отражающее развитие товарных отношений, охватывающих помимо внешней торговли все в большей степени также и внутренний товарооборот (рис. 13). Для регионального типа культуры, характерного прежде всего для Ближнего Востока и прилегающих обла-

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

Спланированные города

Монетная система

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

Эллинистическое наследие в художественной традиции

IIa. ИРАНО-ПАРФЯНСКИЙ СУБРЕГИОН

IIб. ИНДО-БАКТРИЙСКИЙ СУБРЕГИОН

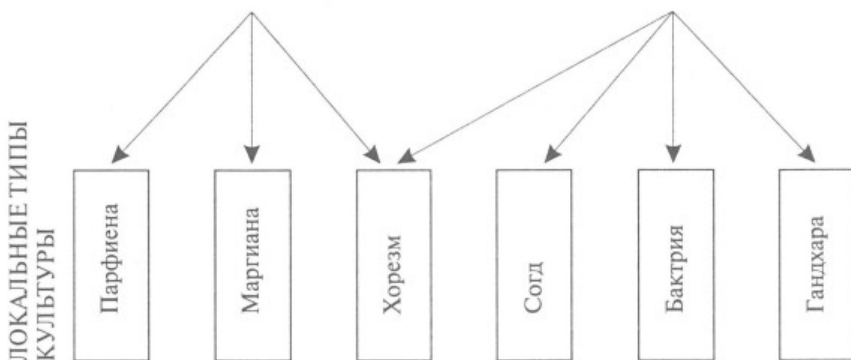

Рис. 13. Типология культур Центральной Азии древней эпохи

стей, диагностирующим показателем является эллинистическое наследие в художественной культуре, весьма явственно проявляющееся в трансформированной форме в пору так называемого постэллинизма. Имелись и более локальные, своего рода субрегиональные группировки в рамках этого регионального типа.

Продолжались в эту пору и меридиональные перемещения, начавшиеся еще в пору бронзового века. Но теперь они носили зачастую принципиально иной характер, отличный от постепенного просачивания. Это были уже подлинные завоевания, особо четко представленные юечжийским разгромом Греко-Бактрийского царства. Эти изменения были напрямую связаны с переменами в евразийских степях, где происходило становление номадизма, значение которого для культурного и социально-политического развития данной среды сопоставимо с так называемой городской революцией в зоне высокоразвитых оседлых обществ. Формируется новый эпохальный тип культуры, который можно именовать скифским и который имеет отчетливо выраженную, так называемую скифскую триаду в материальной культуре: определенный тип вооружения, конскую узду и скифо-сибирский звериный стиль. Трудно судить, в какой мере Средняя Азия входила в нуклеарную зону этих изменений, но, во всяком случае, здесь очень рано, в первую очередь в Семиречье, формируется региональный культурный тип, который можно именовать сакским. Эти изменения, происходящие в степной зоне, имели мутационный характер. Последующие перемены в кочевой среде, которая теперь охватывает северные зоны Средней Азии, подходить вплотную, как и в пору бронзового века, к границам оседлых оазисов, в замкнутой группировке носят спонтанный характер. Однако постоянные массовые перемещения, происходящие в кочевом мире, придают культурному процессу импульсивный облик.

По материалам Бактрии видно, что изменения, происходящие после юечжийского завоевания и переселения кочевых группировок в зону оседлых оазисов с постепенным вхождением в среду урбанизированного населения, носят тот же характер, что и в пору бронзового века. Высокоразвитая городская среда ассимилирует кочевников, а в материальной культуре, в основном в сфере бижутерии и оружия, проявляются степные эталоны. Вместе с тем новый этнический сплав, в котором, видимо, обе стороны принадлежали к ираноязычному населению восточной лингвистической группировки, дал мощные импульсы последующему развитию. Во всяком случае, это отчетливо видно по формированию Кушанского государства, достигшего уровня мировой державы в зоне гигантов Древнего мира — Рима, Парфии и ханьского Китая. В кушанском культурном комплексе номадический компонент играл опре-

деленную, хотя, видимо, и не очень значительную роль. Более существенно то, что кушанская культура формируется на интеграционной основе с органическим включением, часто неселекционным путем, стимулирующих компонентов, интегрируемых в новое единое целое.

В конце древней эпохи, в пределах V в. с возможным расширением в ту или иную сторону, наблюдается следующий перепад в культурном развитии. Его наличие и значимость были несколько дискредитированы стремлением обязательно связать его по догматике формационного эволюционизма с кризисом рабовладельческого общества, сама конкретика которого, а тем более в среднеазиатской среде, мало ясна. Но факт определенного перепада, выразившегося не только в физическом сокращении числа поселений и пределов ирригационных зон, достаточно очевиден. Происходит упадок городских центров, возводившихся властями, нацеленными на плановую урбанизацию; культурная деградация проявляется и в упадке ремесла, в первую очередь гончарного. Нет оснований догматически абсолютизировать эти явления для всех областей, где они проявляются в разной степени. Но, во всяком случае, и для Бактрии, и для Хорезма упадок древних городов и деградация ремесленных производств налицо.

Политические последствия происходящих изменений видны по типам расселения последующего периода, когда в пору раннего Средневековья, в VI–VIII вв., исключительное значение приобретают замки, резиденции дехканской знати. Рука об руку с этим процессом идет и политическая раздробленность, поражавшая китайских путешественников и в Тохаристане, и в Согде, и в Чаче. Это были новые черты политогенеза, смена крупных государственных образований с идеологическими императивами династийного культа. Скорее всего, эти обстоятельства и прежде всего упадок системы урбанизированных структур воздействовали на процесс культурогенеза. Продвижение кочевых группировок с севера, происходившее и ранее, едва ли в этом отношении играло столь значительную системообразующую роль по сравнению с внутренними социально-политическими процессами в среднеазиатских обществах.

Правда, перемещения населения, сопровождавшие эти движения с севера на юг, сыграли определенную роль в последующем подъеме культуры. Значительное проникновение населения с каунчинскими культурными традициями в среднеазиатское Междуречье, видимо, сопровождалось новым циклом интеграции согдийского этноса. В результате в пору раннего Средневековья, с VI–VII вв., именно Согд становится основным центром импульсивного развития, на основе интеграционных процессов складывается согдийская цивилизация, эталоны которой способствуют формированию новой урбанистической среды в Семиречье. В форми-

ровании согдийской цивилизации нет свидетельств единого воздействия стимулирующей трансформации, интеграционные процессы здесь явно играли определяющую роль, не говоря уже о творческих мутациях.

События, связанные с арабским завоеванием и вхождением Средней Азии в состав Арабского халифата, определили значение второй половины VII — VIII вв. н. э. как качественного рубежа в процессе культурогенеза, как рубеж раннесредневекового времени и периода развитого Средневековья. При этом дело отнюдь не в смене военно-политической ситуации. Изменения носили принципиальный характер по сравнению с присоединением Средней Азии к державе Ахеменидов, с юечжийским завоеванием или установлением политического лидерства Тюркского каганата. Главное значение наряду с естественными эпохальными изменениям имело распространение идеологии и стереотипов поведения исламской религии и включение Средней Азии в орбиту огромной культурной общности, которую Л. Н. Гумилев даже предлагал с позиций определения этноса как стереотипа поведения именовать мусульманским суперэтносом.

Хотя события арабского завоевания и интенсифицирующихся народных движений привели к пожарам и разрушениям, в которых особо страдали преднамеренно уничтожаемые культовые центры, бывшие важными контейнерами идеологических и культурных традиций, внезапного и полного перерыва в развитии культуры не происходит. Многие традиции местной материальной культуры интегрируются в новую культурную систему, ряд традиций долгое время сохраняется. Тем не менее новые идеологические ориентиры властно диктуют новые стандарты и эталоны в материальной культуре.

Резко возрастает значимость урбанистических параметров культуры. Подлинный урбанизационный скачок происходит в таких областях, как ташкентский регион и особенно Семиречье, образующих теперь по уровню развития единую культурную среду с более южными областями, бывших центрами древних цивилизаций. Развитие материальной культуры носит характер спонтанной трансформации. Отдельные влияния и заимствования, как, например, подражание в XV–XVI вв. китайскому фарфору, не носят принципиального характера, позволившего бы говорить о стимулированной трансформации. Прерывают или замедляют культурные процессы события политические. Так, опустошительное монгольское нашествие и новые управленческие ориентиры правящей монгольской элиты приводят к почти полному упадку городской жизни в Семиречье. Постепенное падение значимости среднеазиатского региона в мировой культуре, заметное в посттимуридскую и особенно в постшейбанскую эпоху, сказывается на определенном огрублении художественных императивов в материальной культуре. Спонтанная трансфор-

мация постепенно переходит в движение по замкнутому кругу с утратой отдельных компонентов по мере смены веков.

Изучение процессов культурной трансформации, реконструируемых по данным археологии и по другим материалам, имеет немаловажное значение для изучения истории народов Центральной Азии. Как известно, в русскоязычной литературе широко распространено методологически упрощенное понимание этногенеза как идентичного глоттогенезу. Вообще само понятие «этногенез» едва ли перспективно, учитывая многозначность трактовки самого термина «этнос», во многом расплывчатого, если не считать расистского «голоса крови». Видимо, разумнее говорить об истории народа, не используя терминов, придающих изложению некую наукообразность. Сама по себе история народа включает и историю языка, и антропологическое наследие, и историю самоназвания, и вопросы культурогенеза. Культурное наследие представляет собой базисное явление в истории каждого народа. Культурные традиции преемственности, уходящей вглубь тысячелетий, являются подлинной основой самоуважения и самоутверждения любого народа.

Изучение культурного наследия в отечественной науке долгое время велось с упрощенной прямолинейностью, восходившей к догматике формационного эволюционизма. В реальной истории процессы культурной трансформации, как и многие другие явления, шли сложно, противоречиво, надо прямо сказать, диалектически, хотя и характеризуются не устаревшими гегелевскими понятиями, а понятиями, выработанными современной культурологией. Трансформация шла с естественными перепадами, усилением стимулирующих факторов. Эти культурные перепады, отражающие ритмы культурогенеза, позволяют рассматривать их значение для истории народов Центральной Азии, выделять пласты культурного наследия, каждый из которых имеет особое значение для истории народа. Определенные разработки в этом плане осуществлены для Туркменистана, тогда как в других странах Центральной Азии традиционно отдается предпочтение однолинейности как методологическому наследию формационного эволюционизма. Для Туркменистана можно говорить по меньшей мере о трех основных пластах культурного наследия. Это пласт раннеземледельческих культур, перерастающих в первую цивилизацию, пласт парфянской эпохи, пласт сельджукского времени. Все они органически входят в мощный блок культурного наследия народов Туркменистана, и все они имели немаловажное значение для ряда макрорегионов. Формировавшееся в Туркменистане урбанистическое начало бронзового века было эталонным для всех южных областей Центральной Азии, и его воздействие проявляется и в более северных областях. Парфянский пласт, истоки которого лежали в Туркменистане и соседних областях, стал важным

явлением культурогенеза в масштабах всего Ближнего Востока. Сельджукское культурное наследие не только проявило себя как пора расцвета материальной культуры городского образа жизни в Хорасане, но и оказывало стимулирующее воздействие вплоть до Малой Азии, где, например, формировалась местная школа сельджукской архитектуры. Преемственность и культурная трансформация, происходившая на основе развития этих пластов культурного наследия, объединивших помимо прочего наследие городского и степного образа жизни, должна стать предметом детальных разработок исследований. Таковы глубинные истоки культурного наследия туркменского народа.

Огромным потенциалом культурного наследия обладают и другие народы среднеазиатского региона. В этом отношении весьма существенно такое понятие, как пласт культурного наследия, объединяющий для конкретных эпох целые системы культур, близких по традиционным параметрам материальной культуры, бытовых особенностей и интеллектуального бытия. В этом плане весьма важна обширная зона степного образа жизни, сложившегося в эпоху палеометалла на огромном пространстве Евразии от Монголии до Молдавии. Следует полагать, что к этому блоку восходит базовый пласт культурного наследия казахского народа, будучи представленным культурами степной бронзы, в первую очередь андроновской культурной общностью. Такая разработка пласта культурного наследия более перспективна, чем поиски лингвистической принадлежности носителей андроновских комплексов, как это пытаются осуществить некоторые исследователи, занимающиеся происхождением народа, но вносящие в эту сложную проблематику нерастраченный груз методологического наследия формационного эволюционизма. Местный, так называемый семиреченский вариант культур степной бронзы составлял, судя по всему, один из исходных пластов культурного наследия народа Кыргызстана, в развитии которого большую роль сыграло также политическое наследие суньского общества. Особый пласт культурного наследия — культуры бронзового века юга Средней Азии, образован в первую очередь цивилизациями Маргианы и Бактрии с такими локальными формопроявлениями, как памятники типа Дашлы и Сапалли. Последние явно занимают важную исходную позицию в пласте культурного наследия (именно культурологического, а не лингвистического) узбекского и таджикского народов. Не исключено, что культура саманидской эпохи также представляла собой вариацию блока культурного наследия. Как бы то ни было, все рассмотренные в этой книге древние культуры и цивилизации, будучи для своего времени выдающимися феноменами всемирной истории, разным образом, через процессы трансформации и интеграции, образуют величественный пласт культурного наследия народов Центральной Азии.

ТАБЛИЦЫ

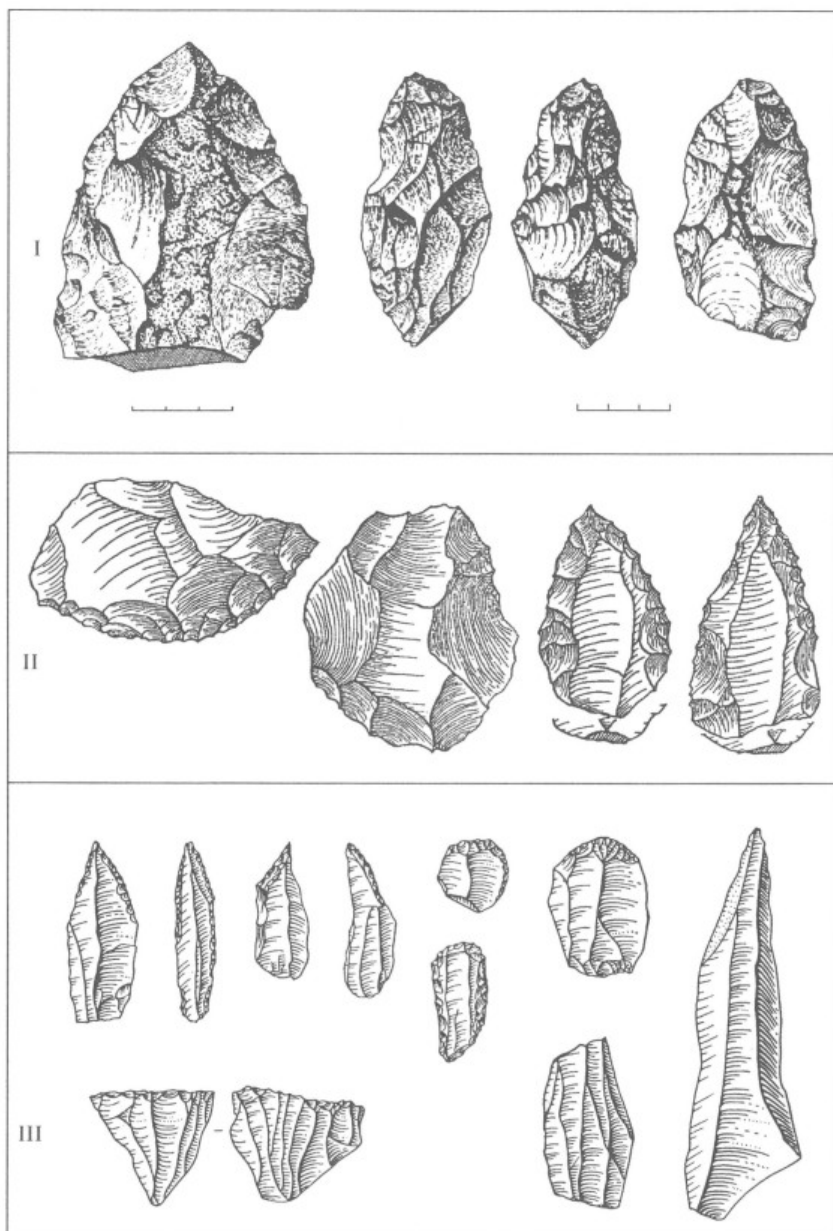

Таблица 1. Палеолитические комплексы: I — Западный Туркменистан;
II — Кутурбулак; III — Шугноу

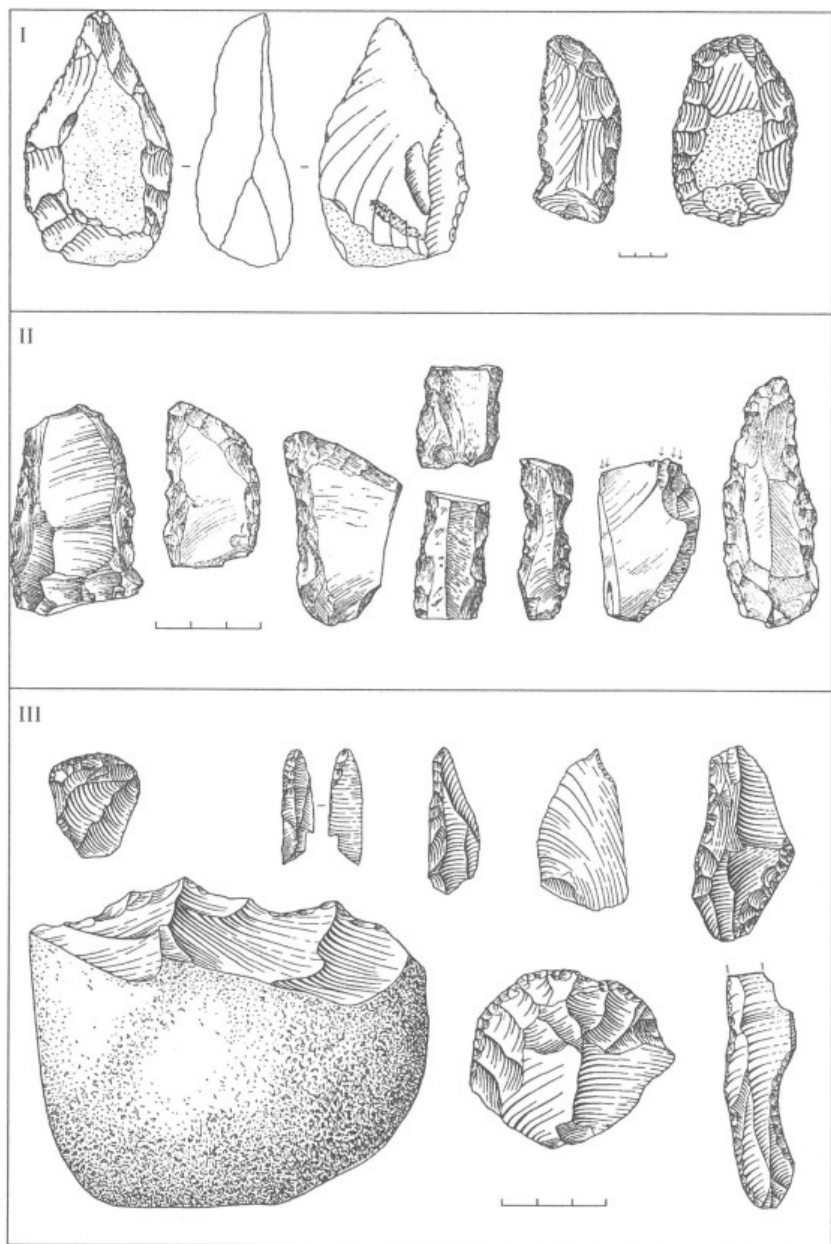

Таблица 2. Палеолитические комплексы: I — Кульбулак; II — Тешик-Таш; III — Самаркандская стоянка

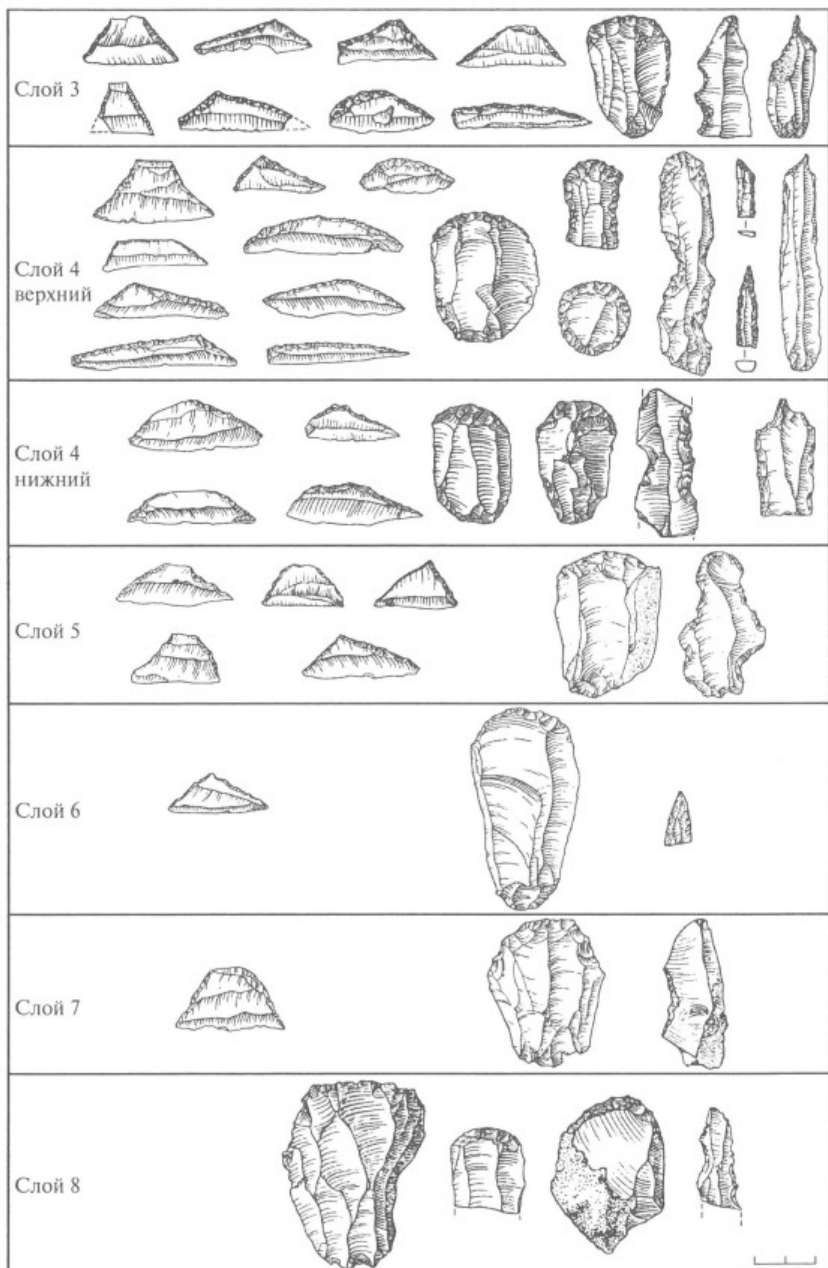

Таблица 3. Мезолитические комплексы пещеры Дам-Дам-Чешме 2

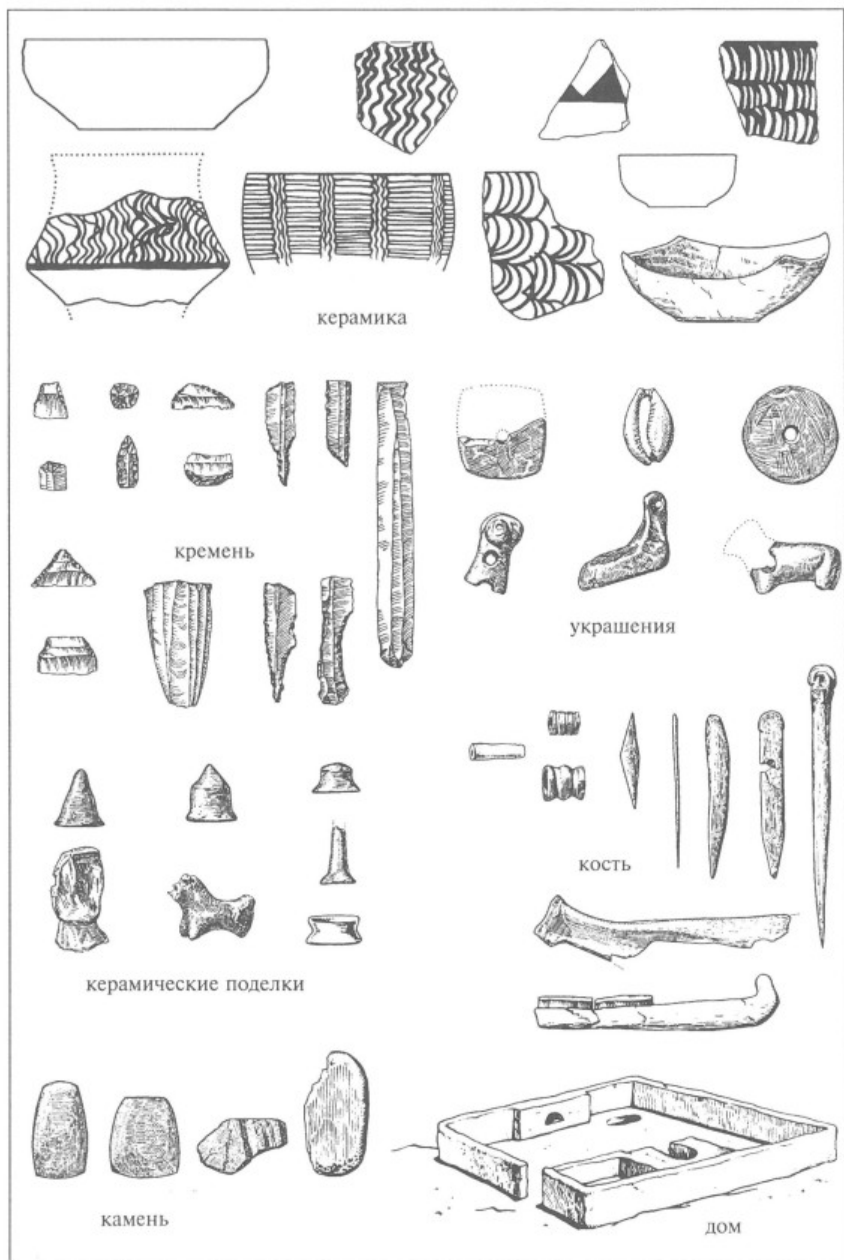

Таблица 4. Дзейтунская культура

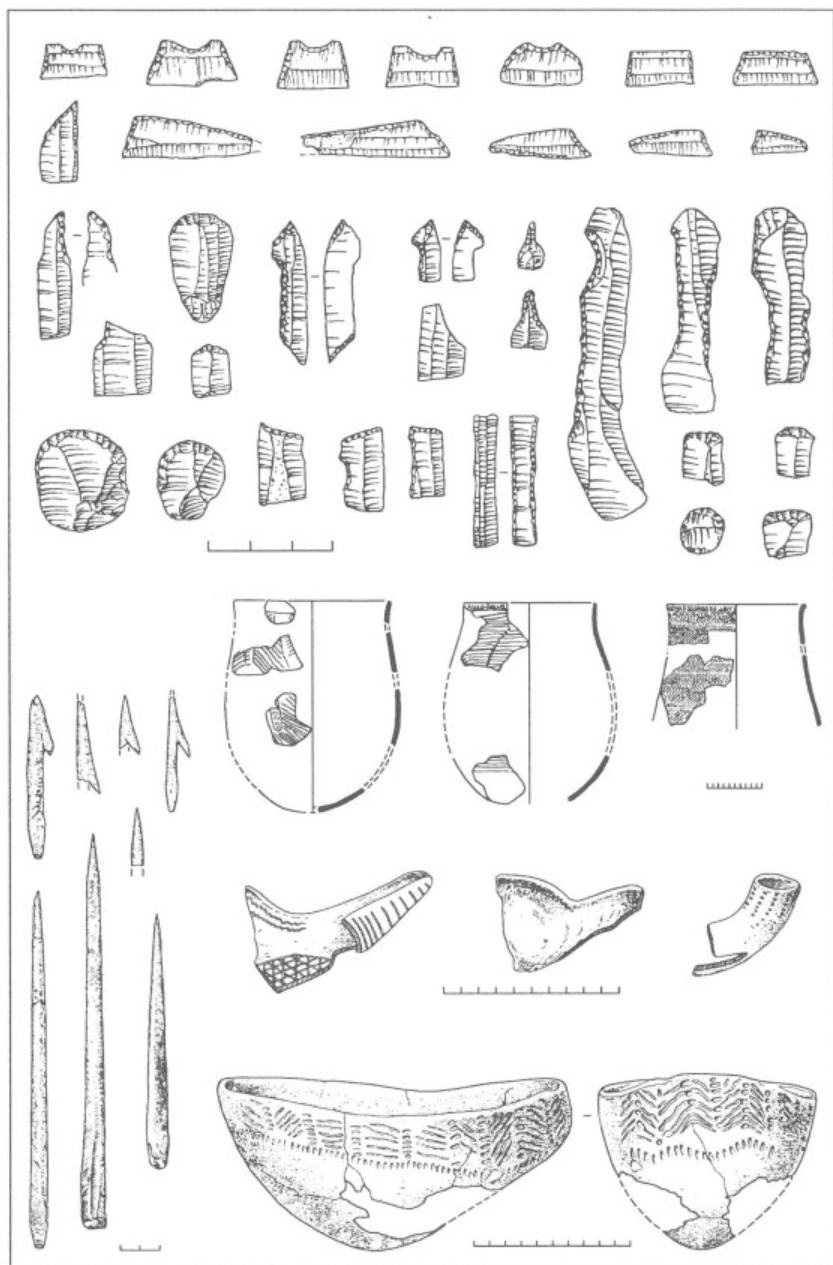

Таблица 5. Кельтеминарская культурная общность

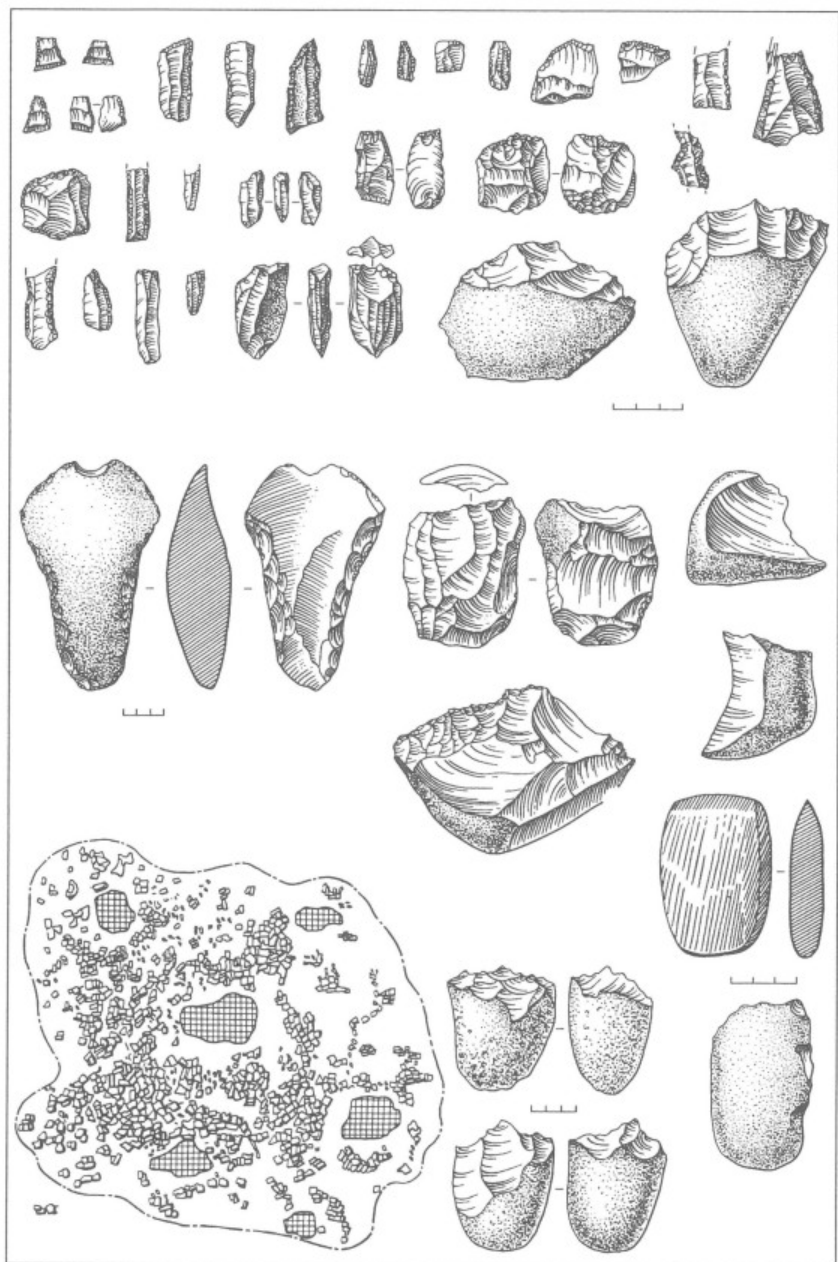

Таблица 6. Гиссарская культура (по Г. Ф. Коробковой)

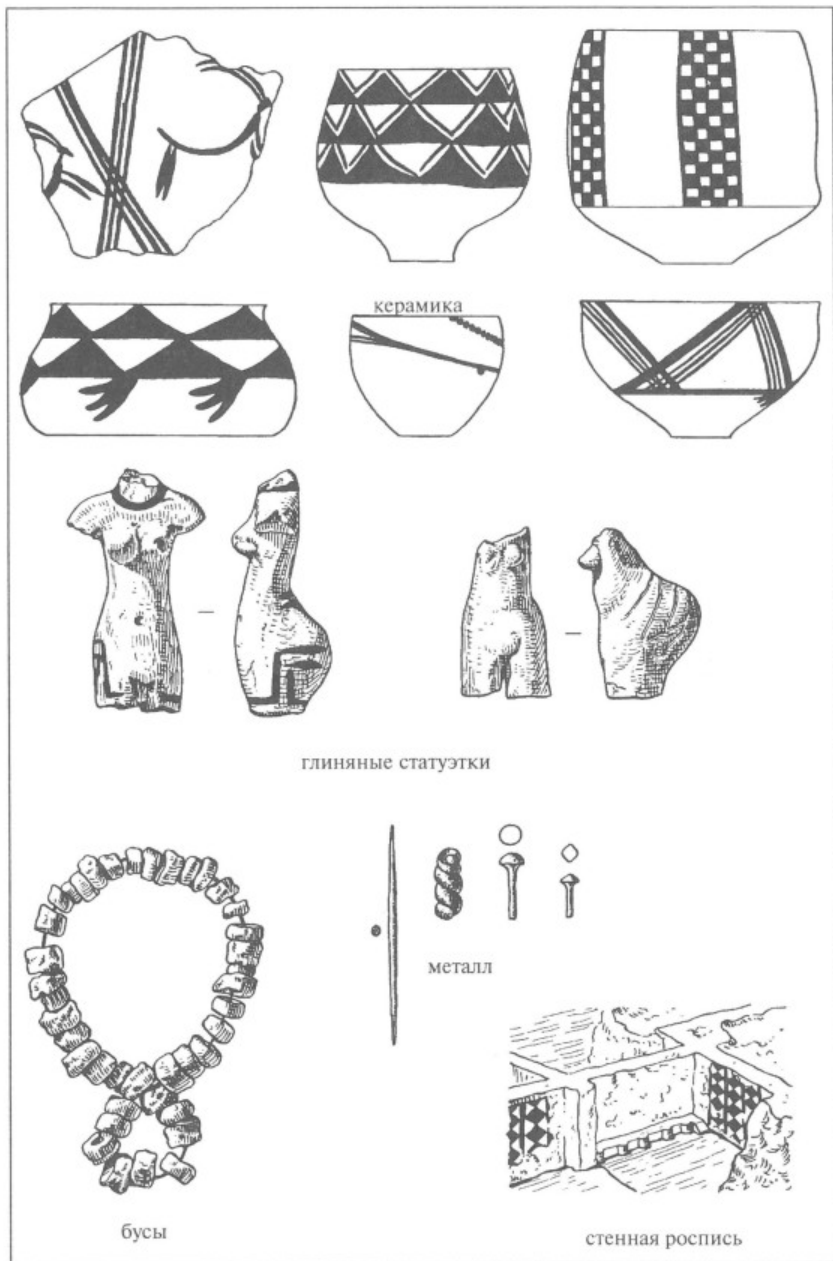

Таблица 7. Комплекс Намазга I

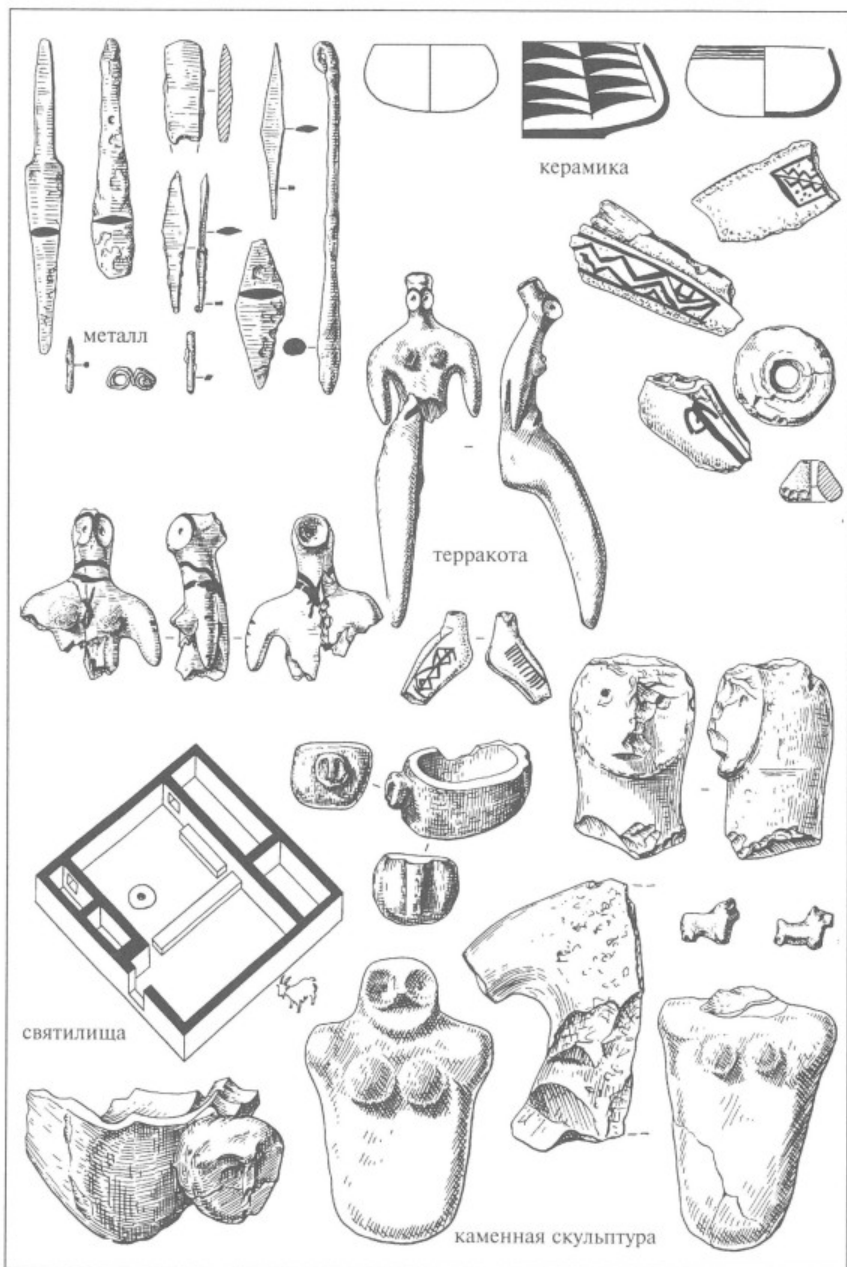

Таблица 8. Комплекс времени Намазга II. По материалам Илгыны-депе

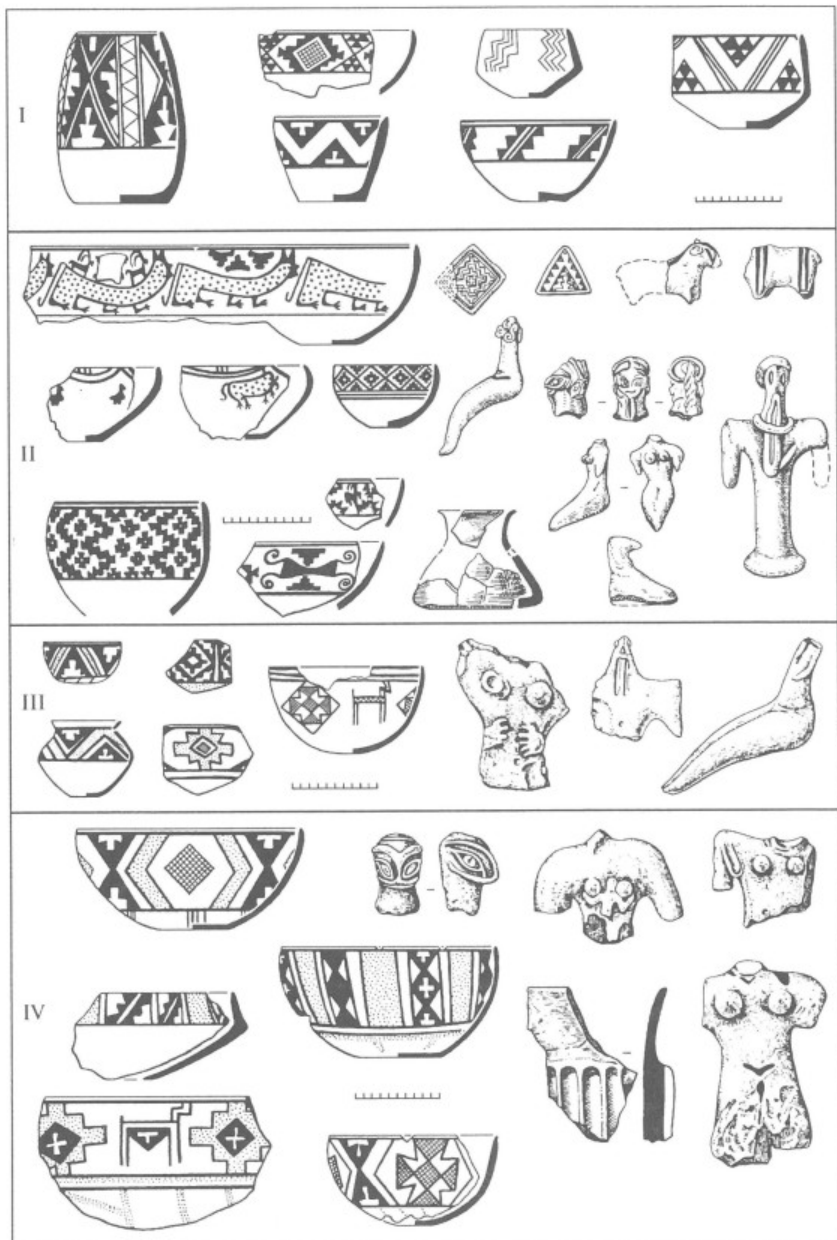

Таблица 9. Комплексы времени Намазга III: I — Кара 1Б; II — Кара 1А; III — Чонг-депе; IV — Геоксюр I

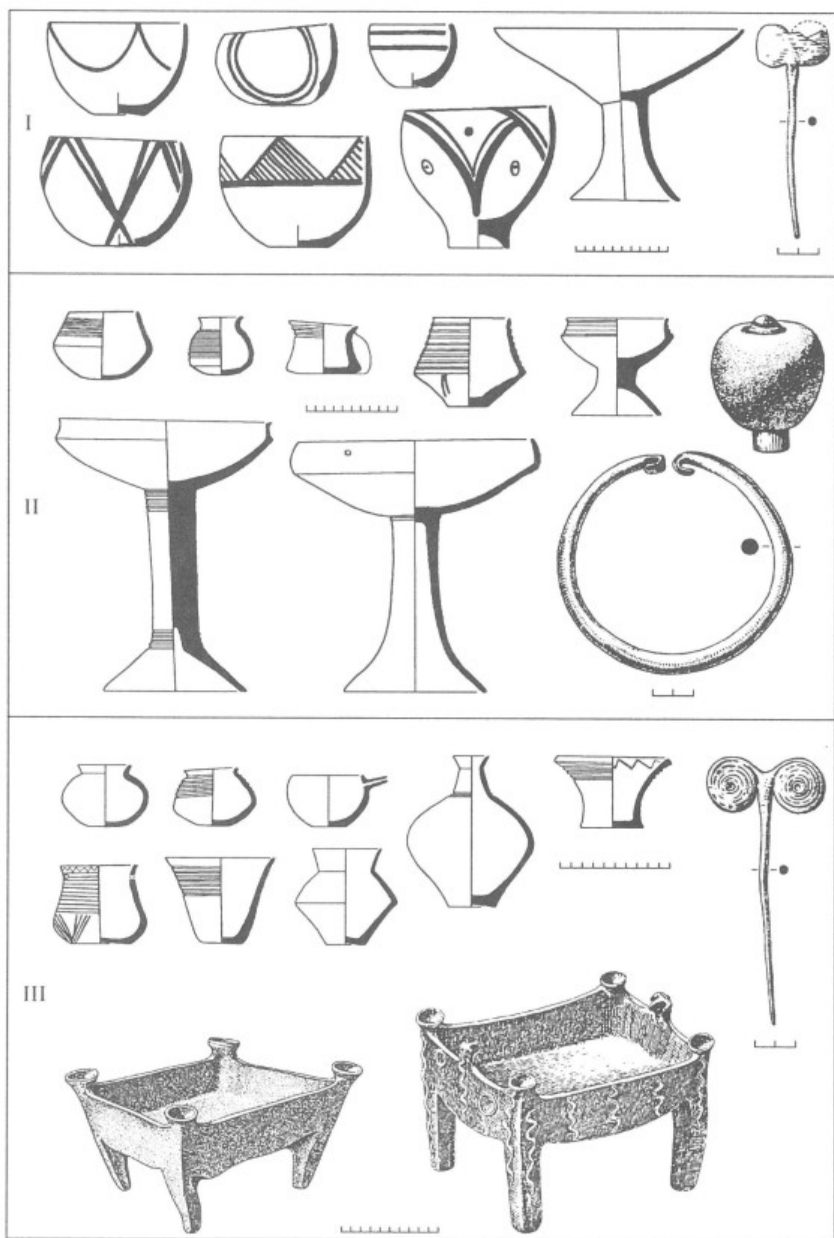

Таблица 10. Комплексы Юго-Западного Туркменистана (ЮЗТ, по И. Н. Хлопину):
 I — ЮЗТ VII; II — ЮЗТ VI и V; III — ЮЗТ IV

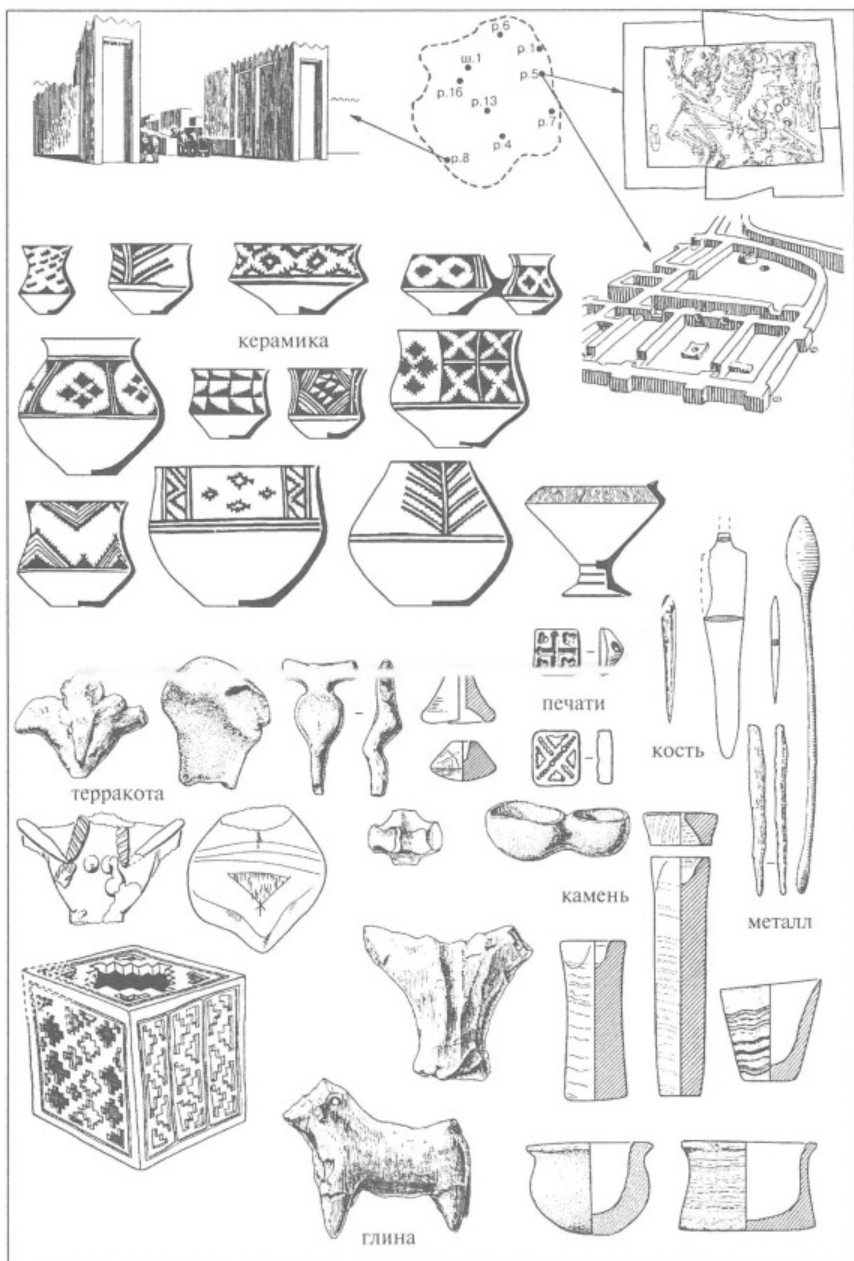

Таблица 11. Комплекс времени Назмга IV. По материалам Алтын-депе

Таблица 12. Комплекс времени Намазга V. По материалам Алтын-депе

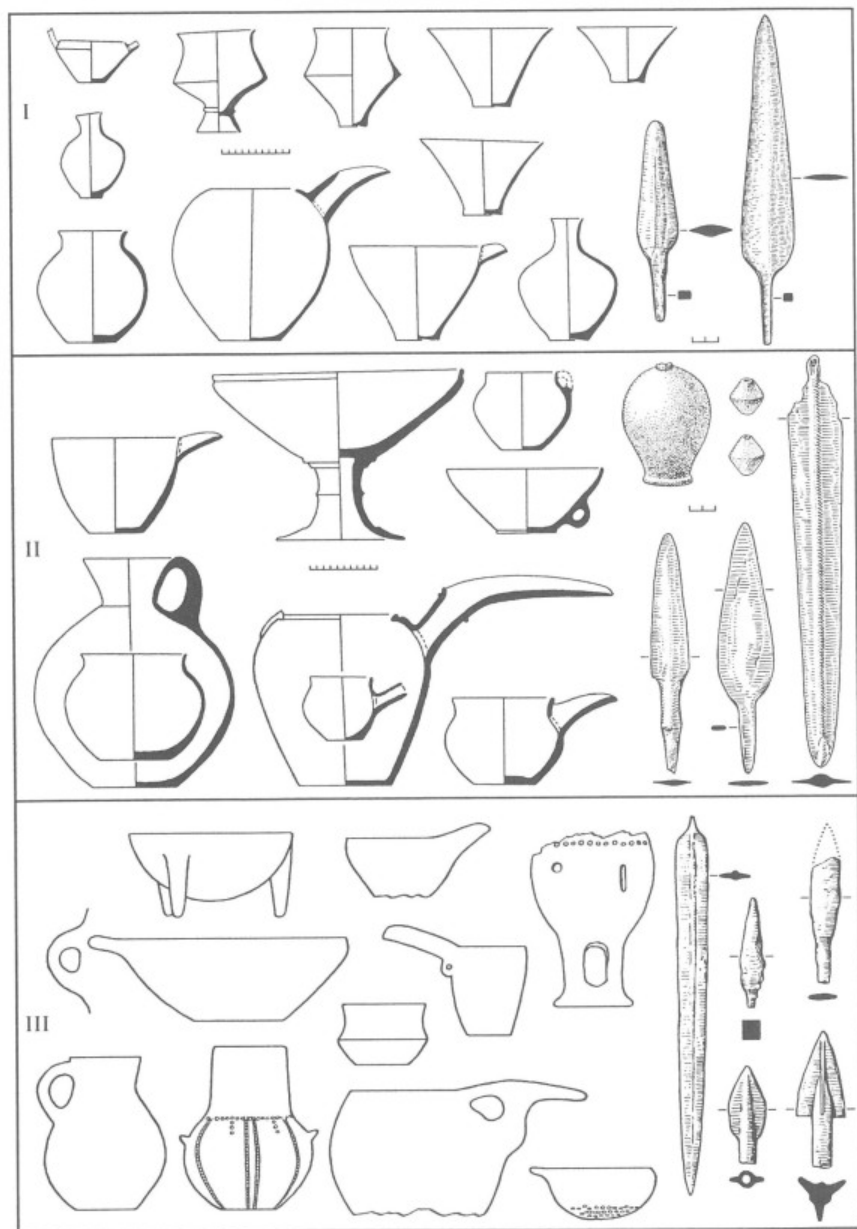

Таблица 13. Комплексы Юго-Западного Туркменистана (ЮЗТ, по И. Н. Хлопину):
 I — ЮЗТ III-II; II — сумбарская культура; III — культура архаического Дахистана

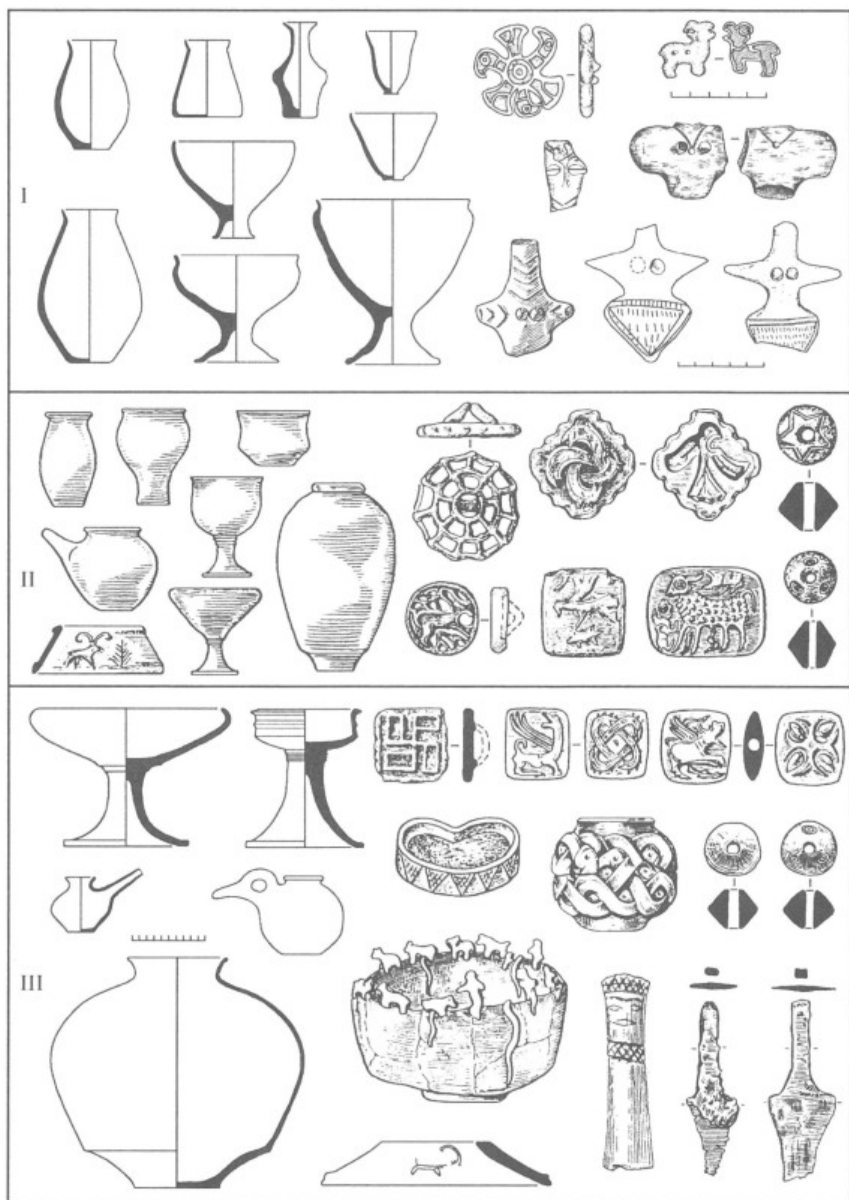

Таблица 14. Комплексы Маргианы эпохи бронзы: I — Келлели (время Намазга V); II — тип Аучин (комплекс Гонур, по В. И. Сарияниди); III — тип Тахирбай 3 (комплекс Тоголок, по В. И. Сарияниди)

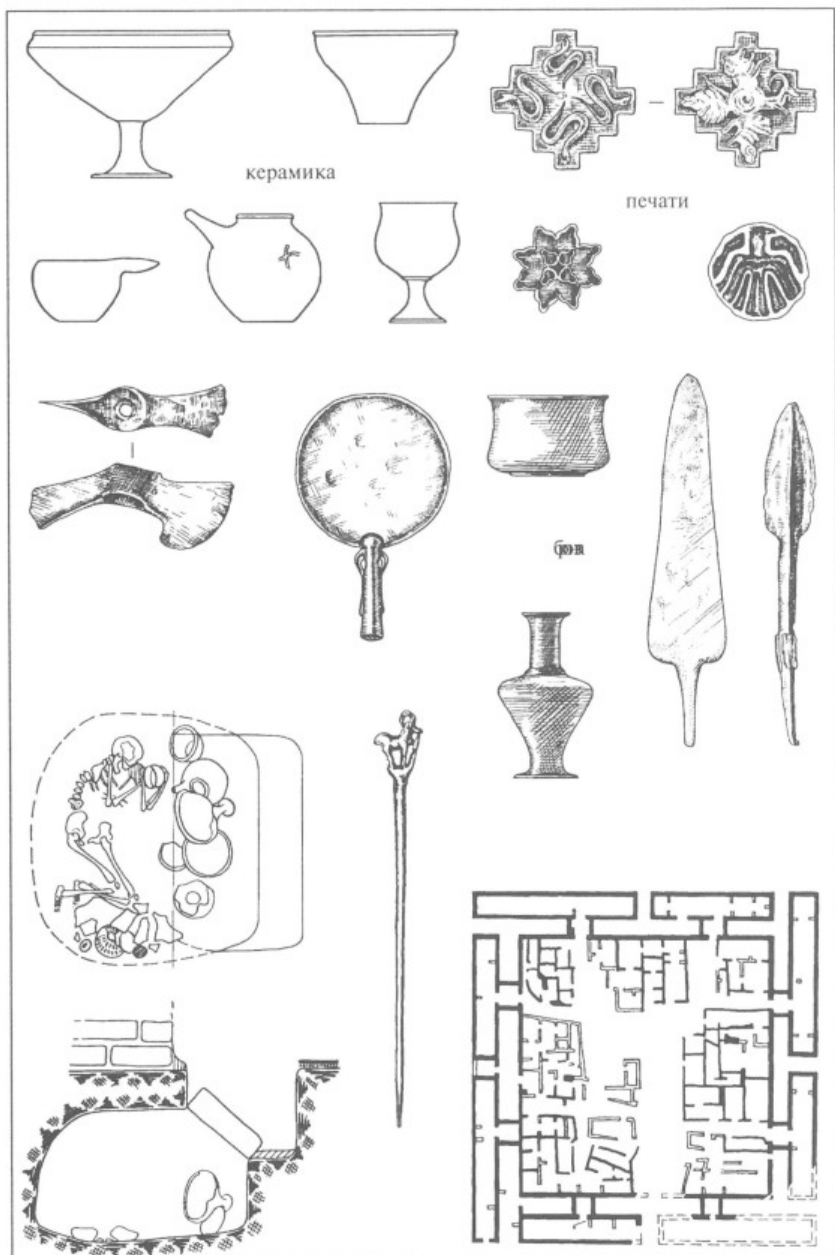

Таблица 15. Комплекс типа Сапалли

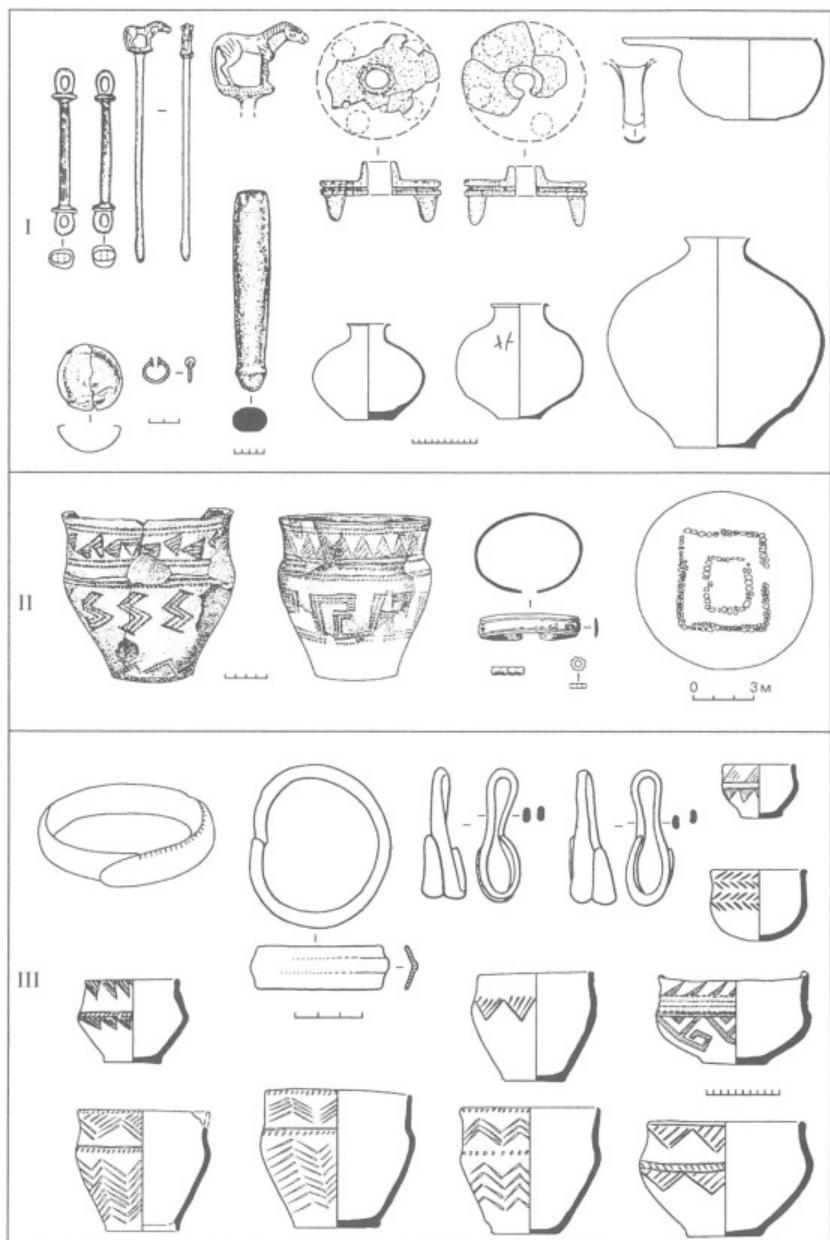

Таблица 16. Комплексы степной бронзы: I — Зардчахалифа; II — Арпа; III — тазабагъябская культура

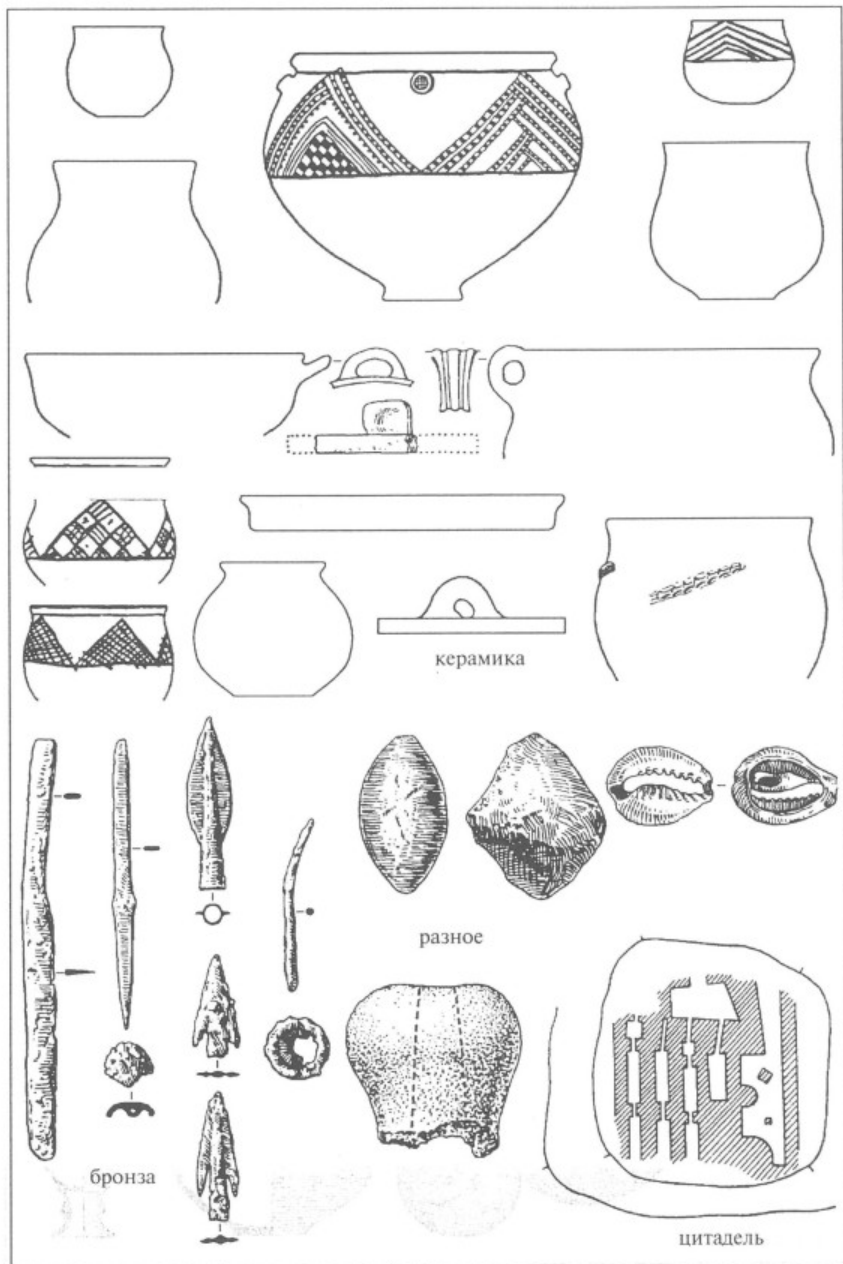

Таблица 17. Комплекс Яз I. По материалам Яз-депе

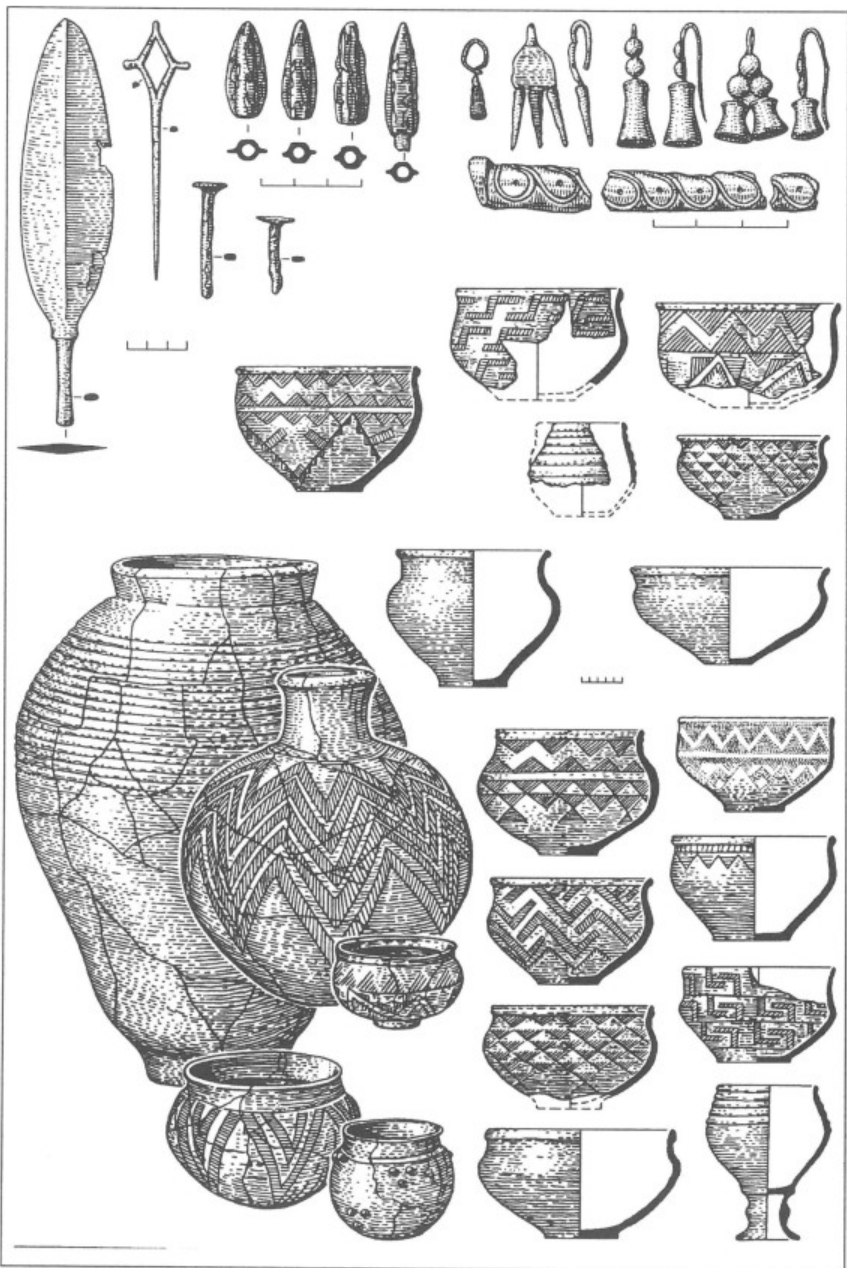

Таблица 18. Комплекс Северного Тагискена

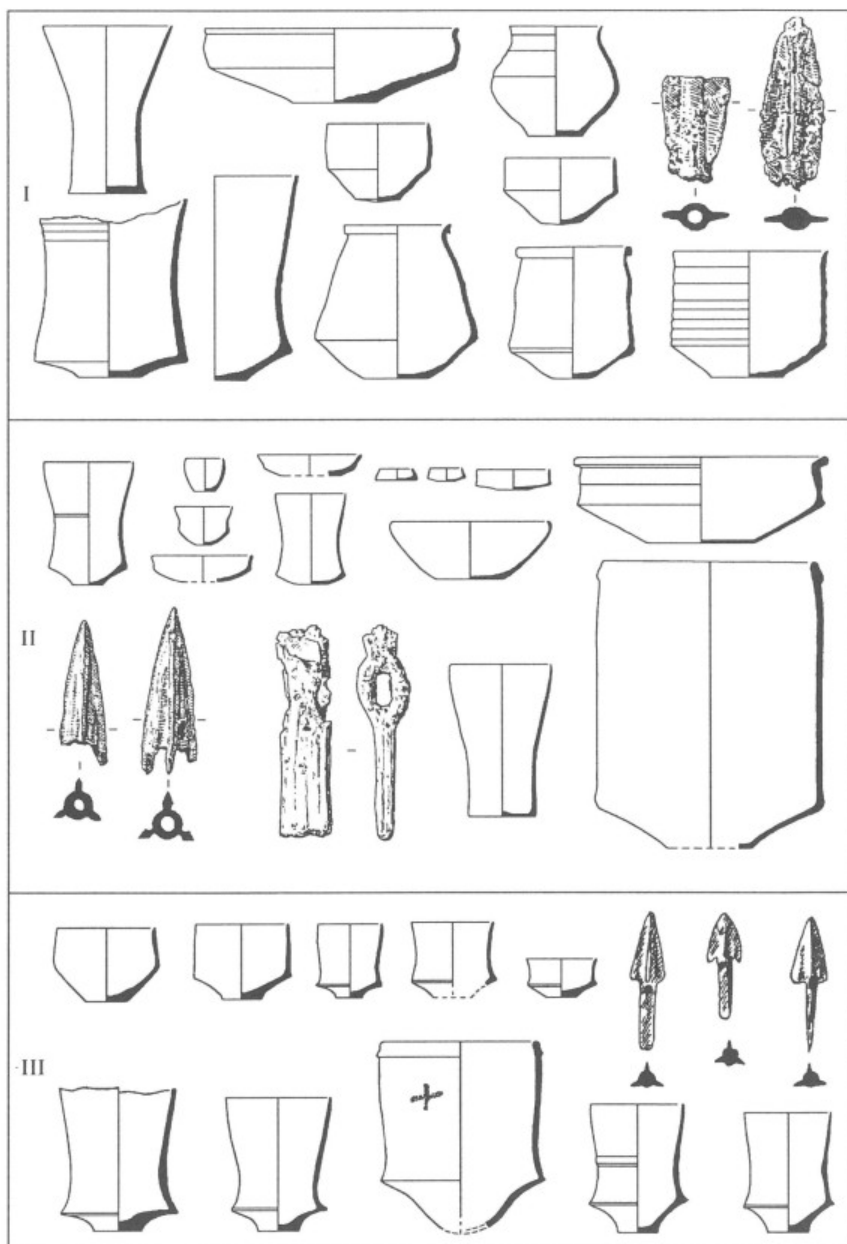

Таблица 19. Комплексы середины I тыс. до н. э.: I — Яз II; II — Яз III; III — Кучук III-IV

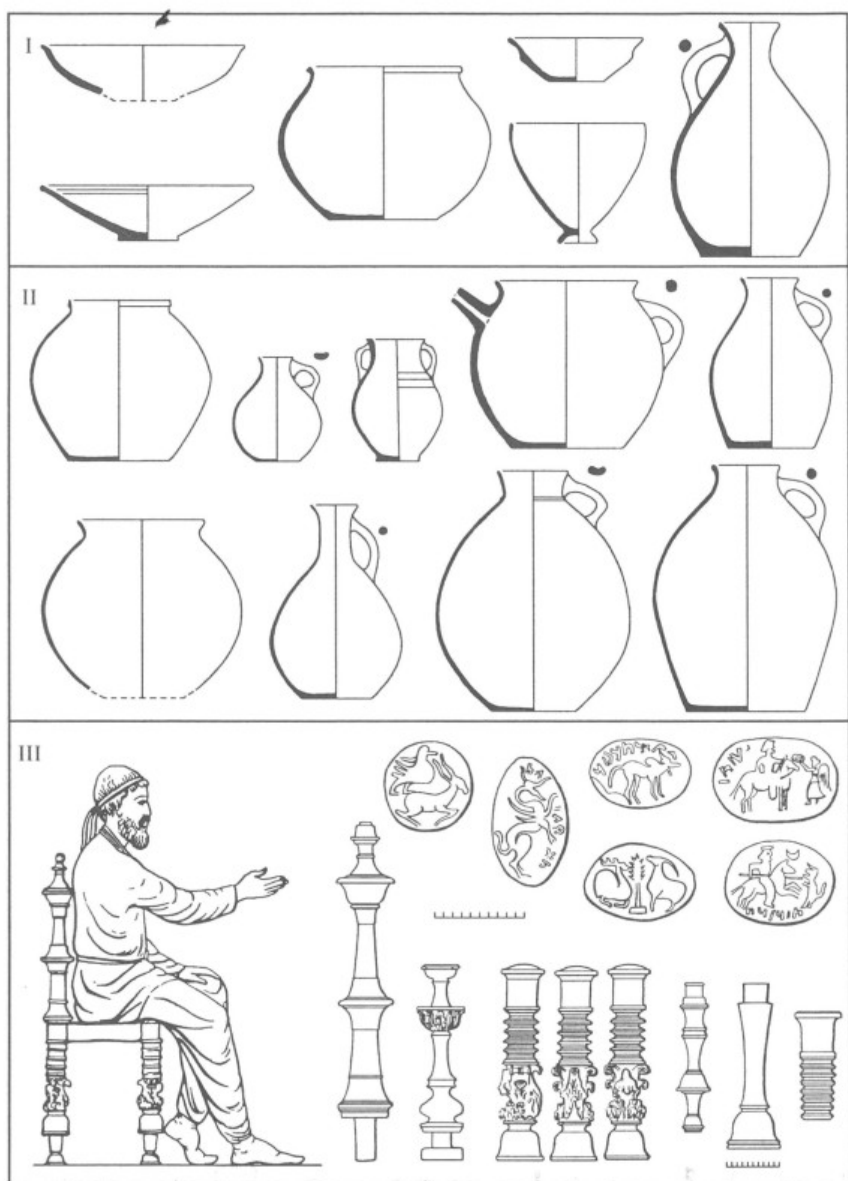

Таблица 20. Археологические объекты Северной Парфии:

I — керамика II—I вв. до н. э.; II — керамика I—III вв. н. э.; III — Старая Ниса. Оттиски печатей, детали парадной мебели: Реконструкция мебели — Г. А. Пугаченковой

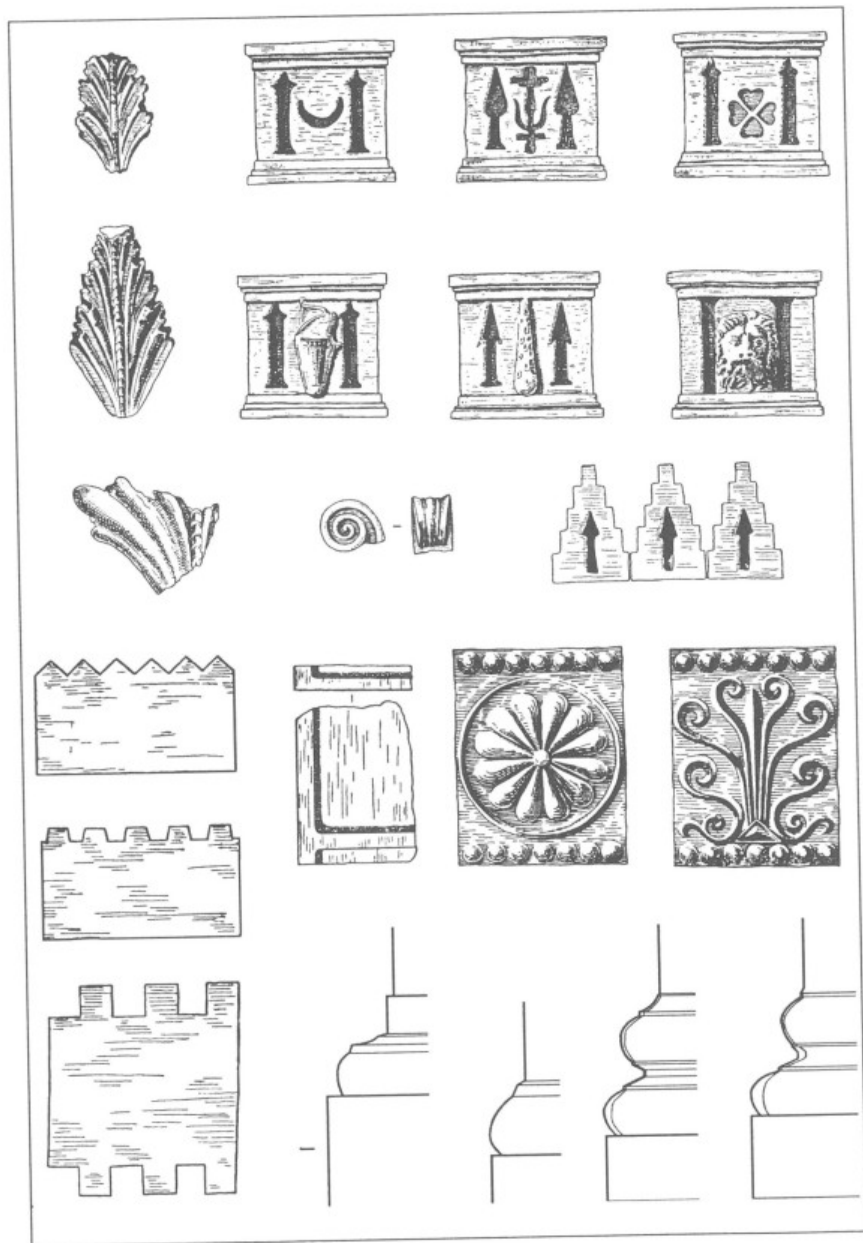

Таблица 21. Старая Ниса. Архитектурные терракотовые детали и профили без колонн из фигурного женого кирпича

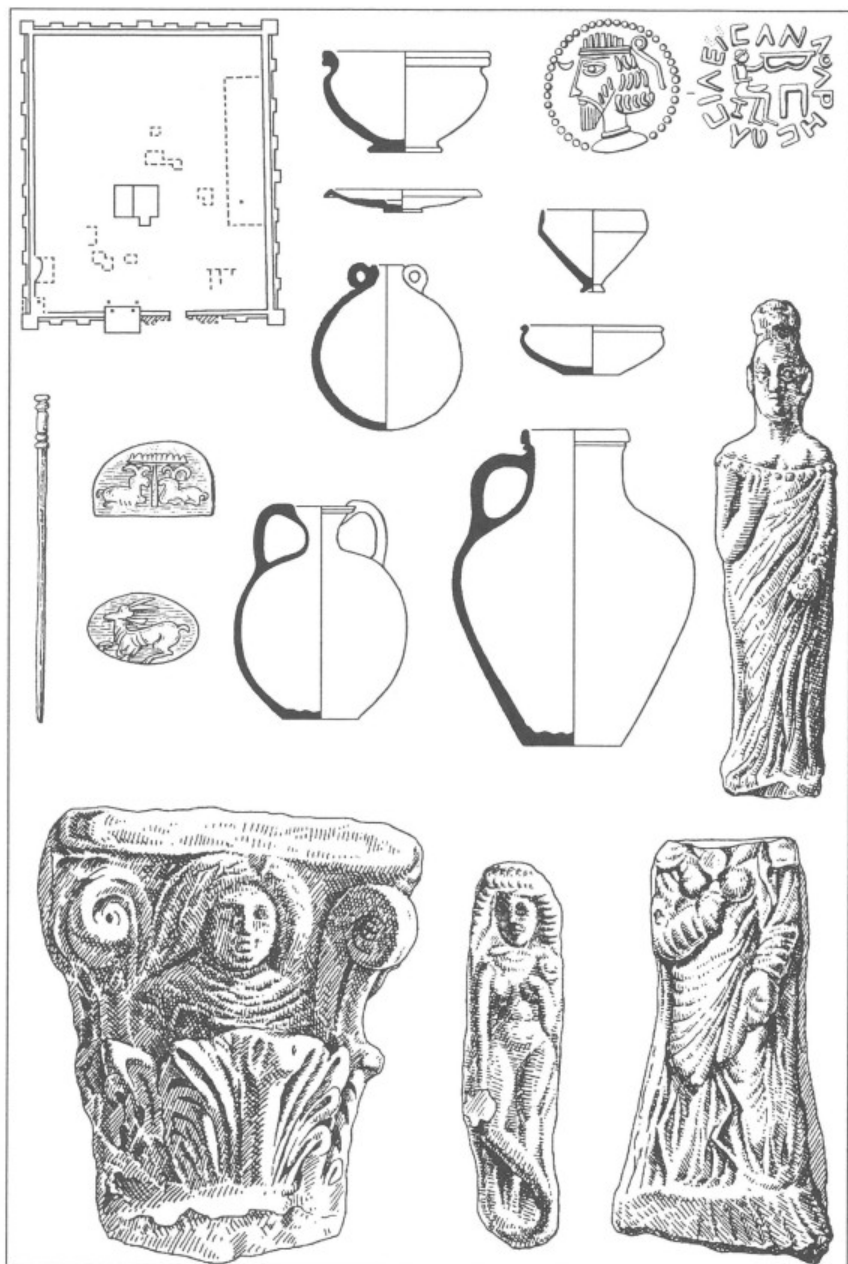

Таблица 22. Объекты материальной культуры парфянского времени из Маргианы

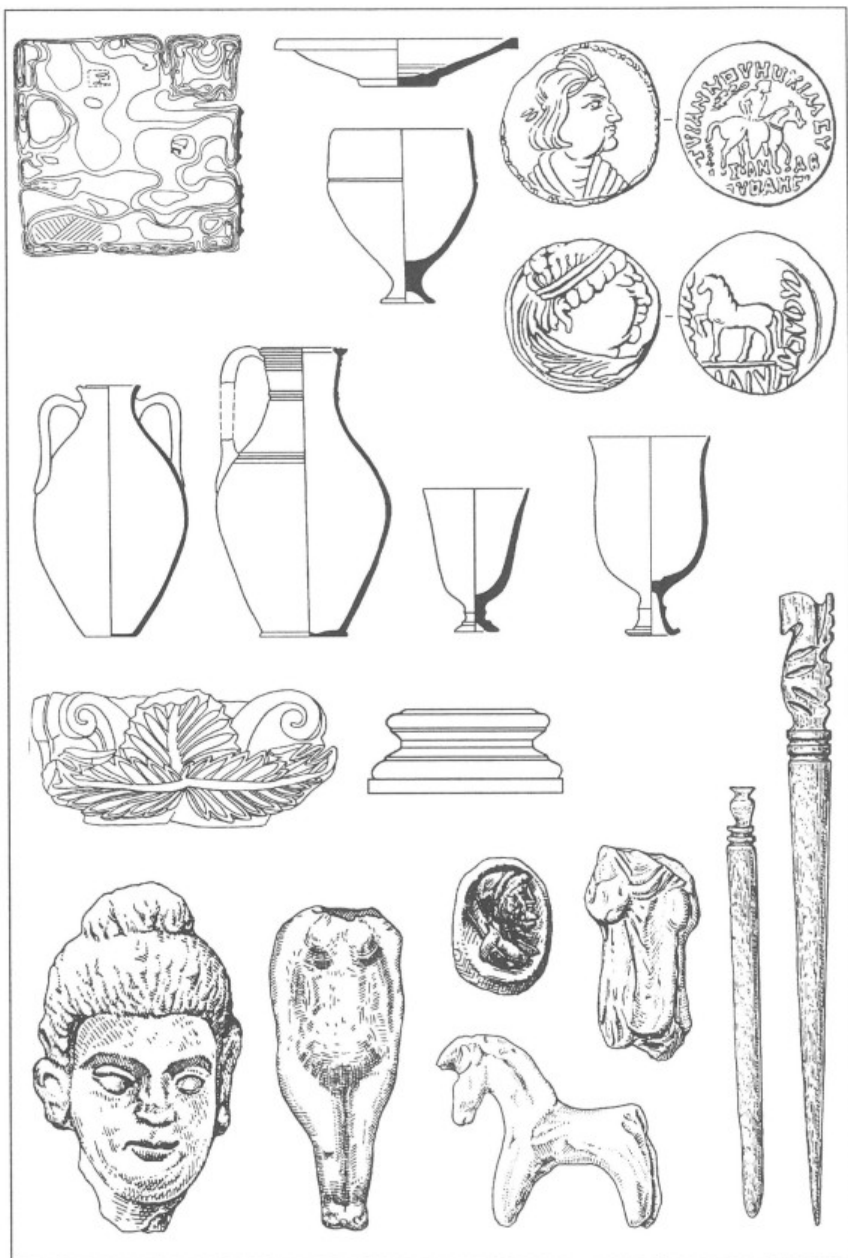

Таблица 23. Объекты материальной культуры Древней Бактрии

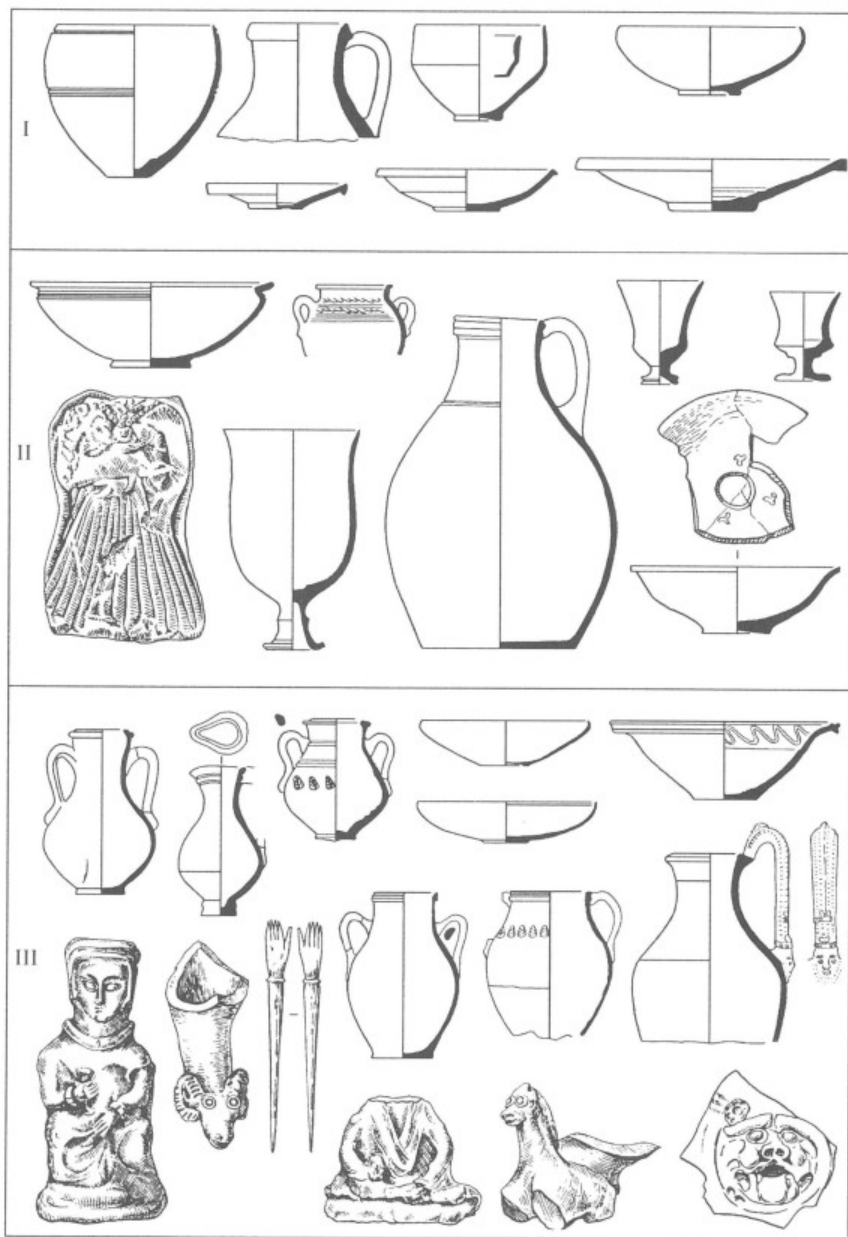

Таблица 24. Археологические комплексы Древней Бактрии: I — греко-бактрийское время; II — типа Халчаян; III — типа Зар-тепе

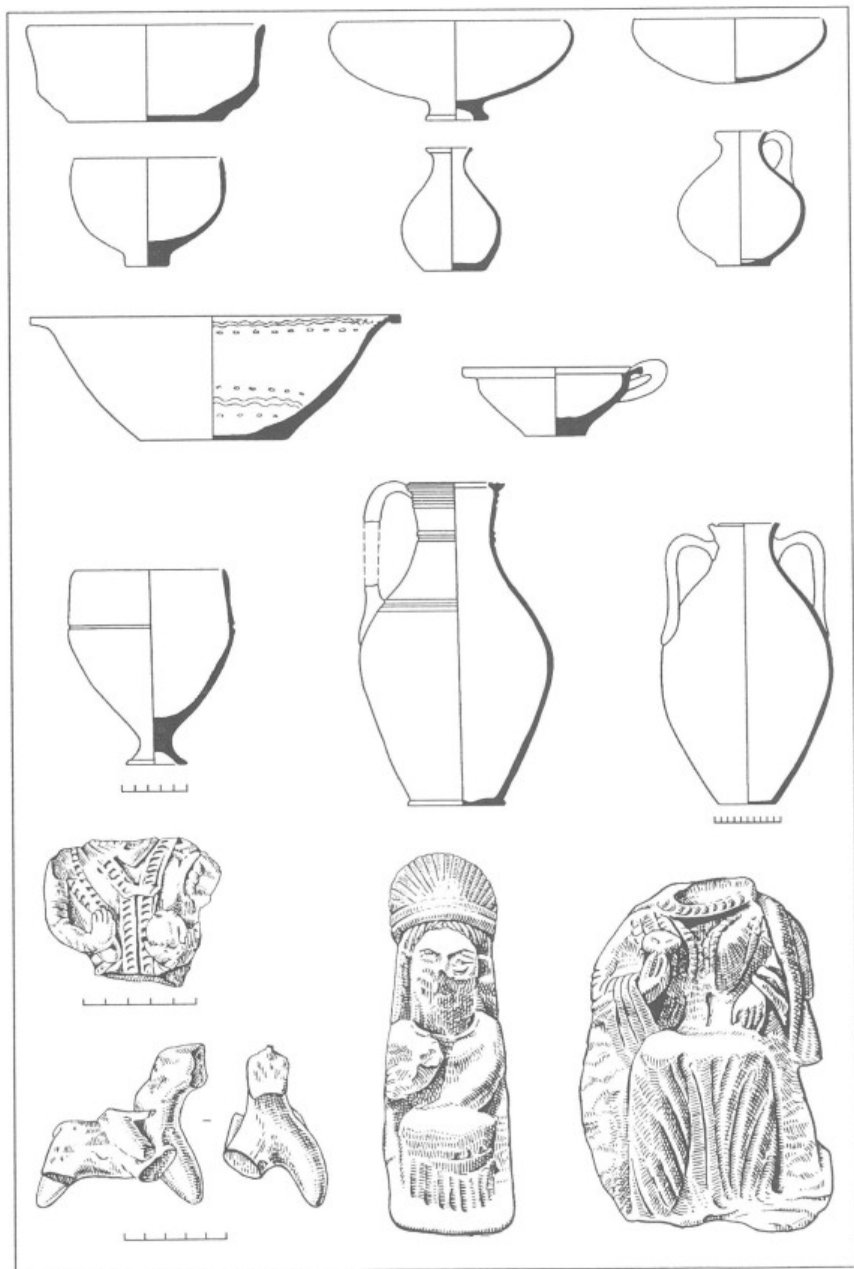

Таблица 25. Древняя Бактрия. Комплекс типа Дальверзин

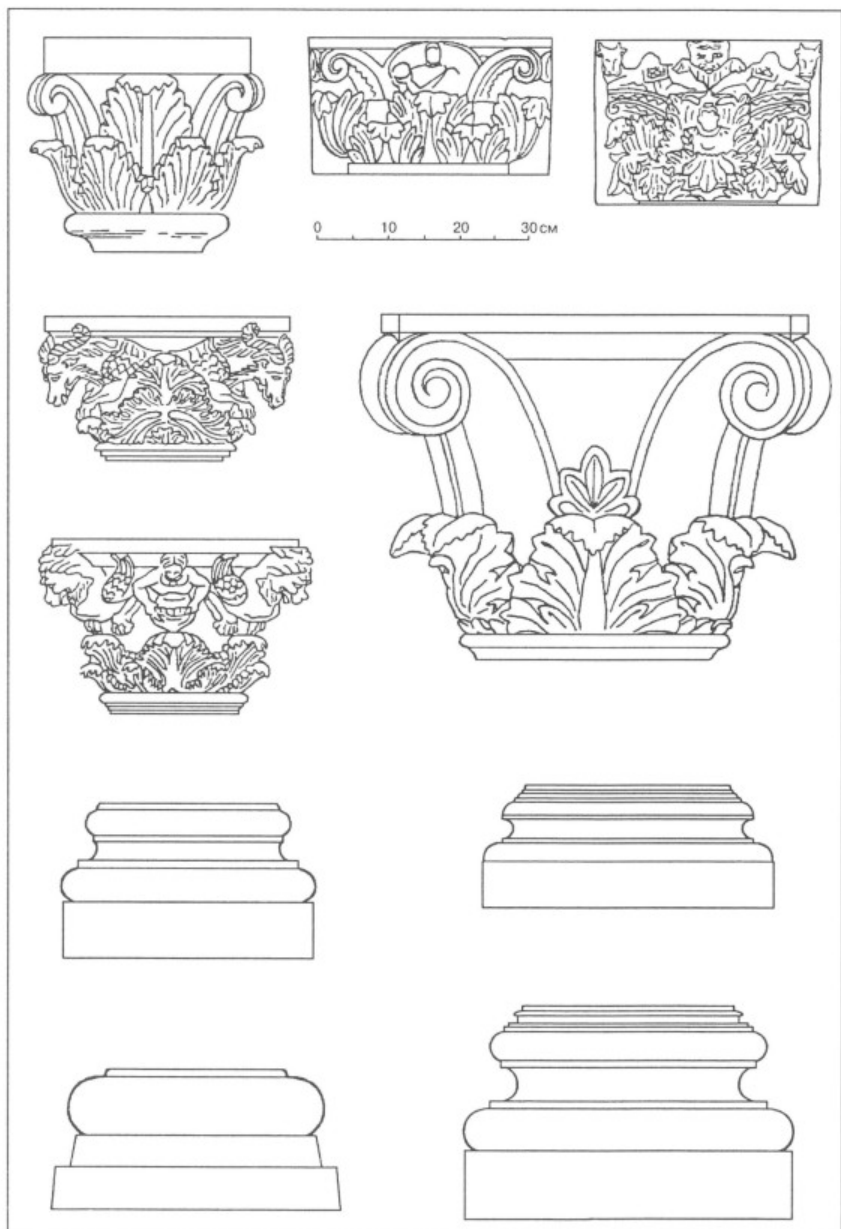

Таблица 26. Древняя Бактрия. Каменные капители и базы колонн

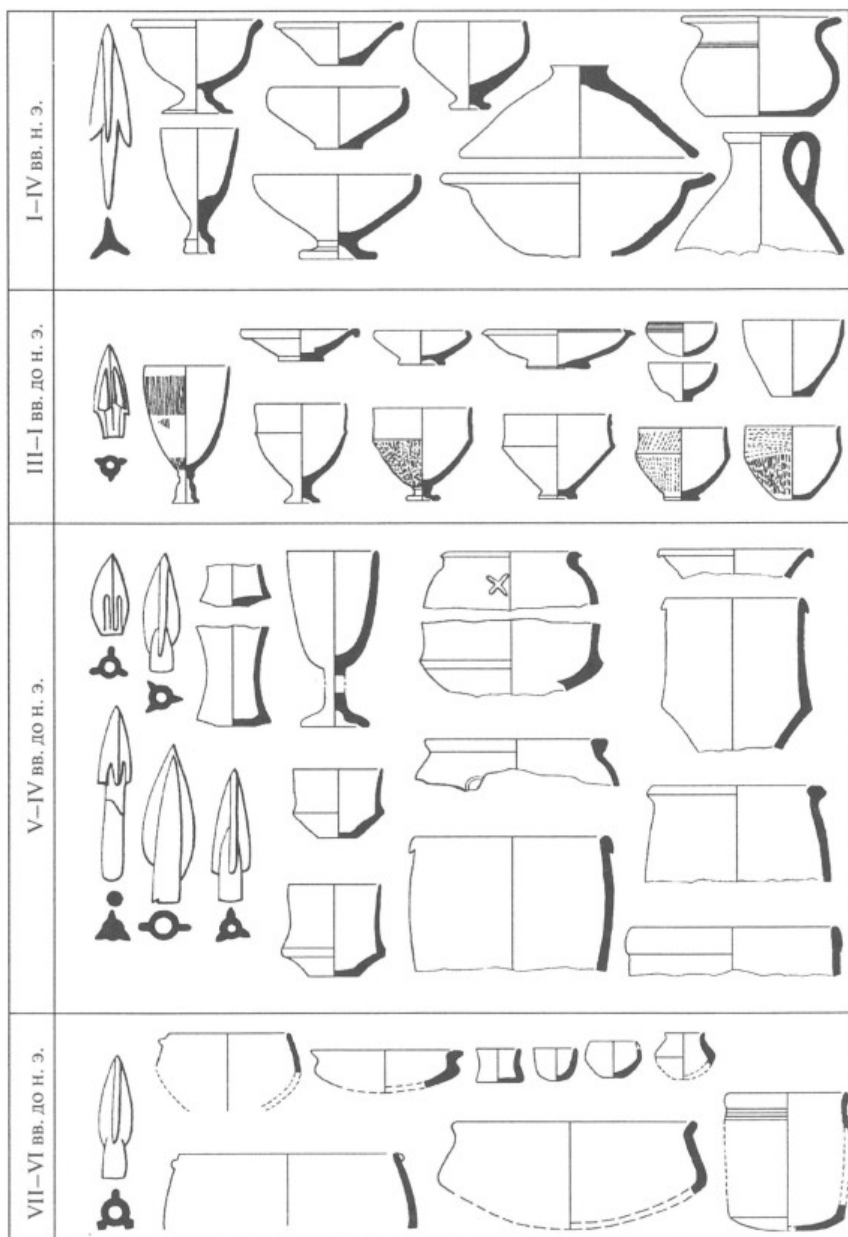

Таблица 27. Комплексы Афрасиаба (по Г. В. Шишкиной)

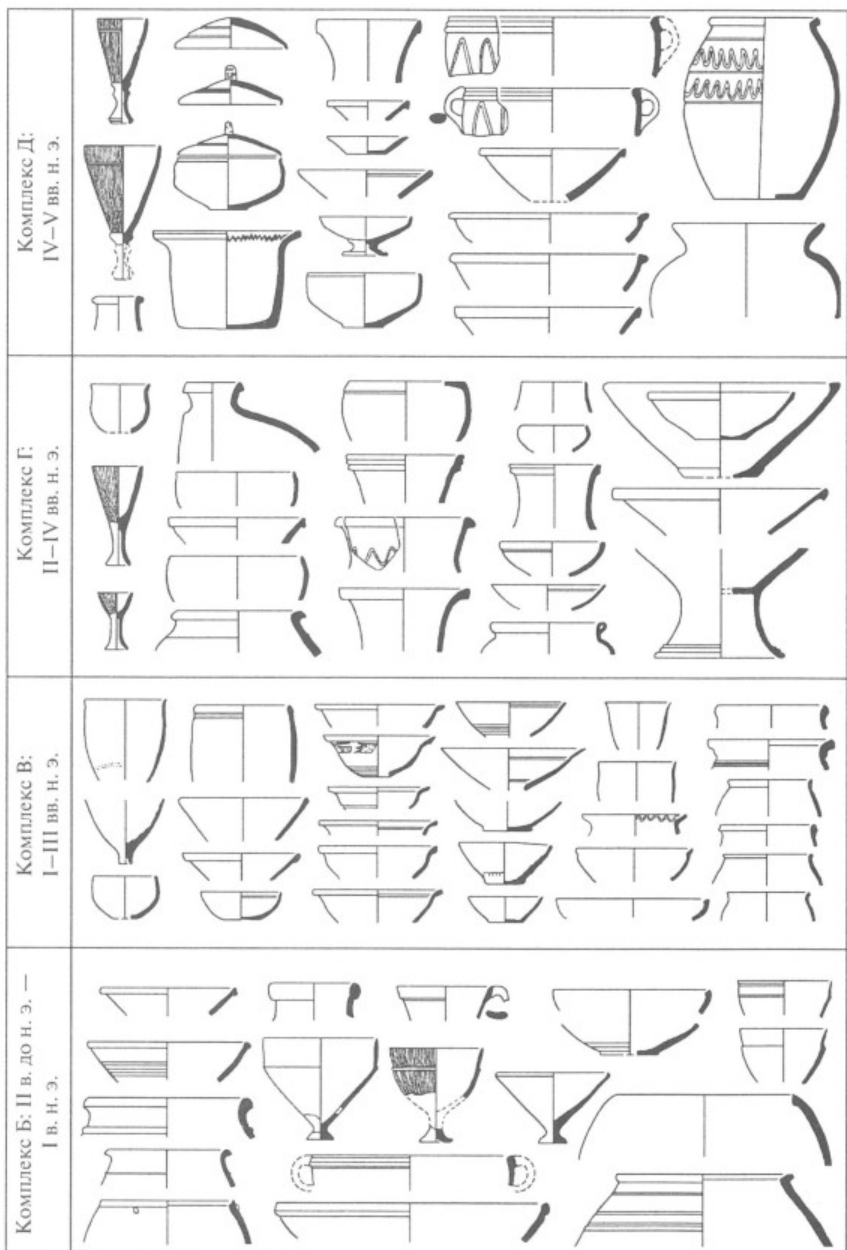

Таблица 28. Комплексы Ёр-кургана (по Г. А. Кошеленко)

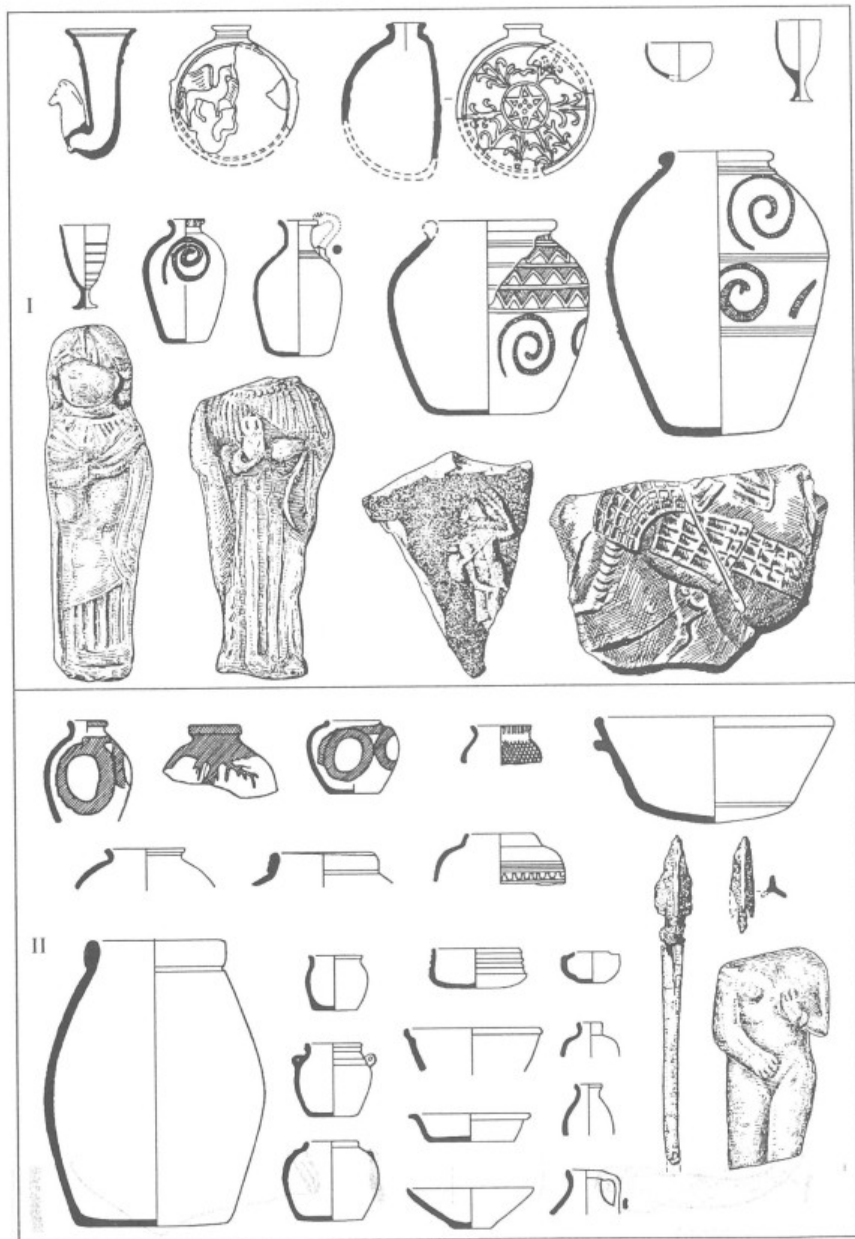

Таблица 29. Комплексы Древнего Хорезма: I — кангюйский период; II — кушанский период

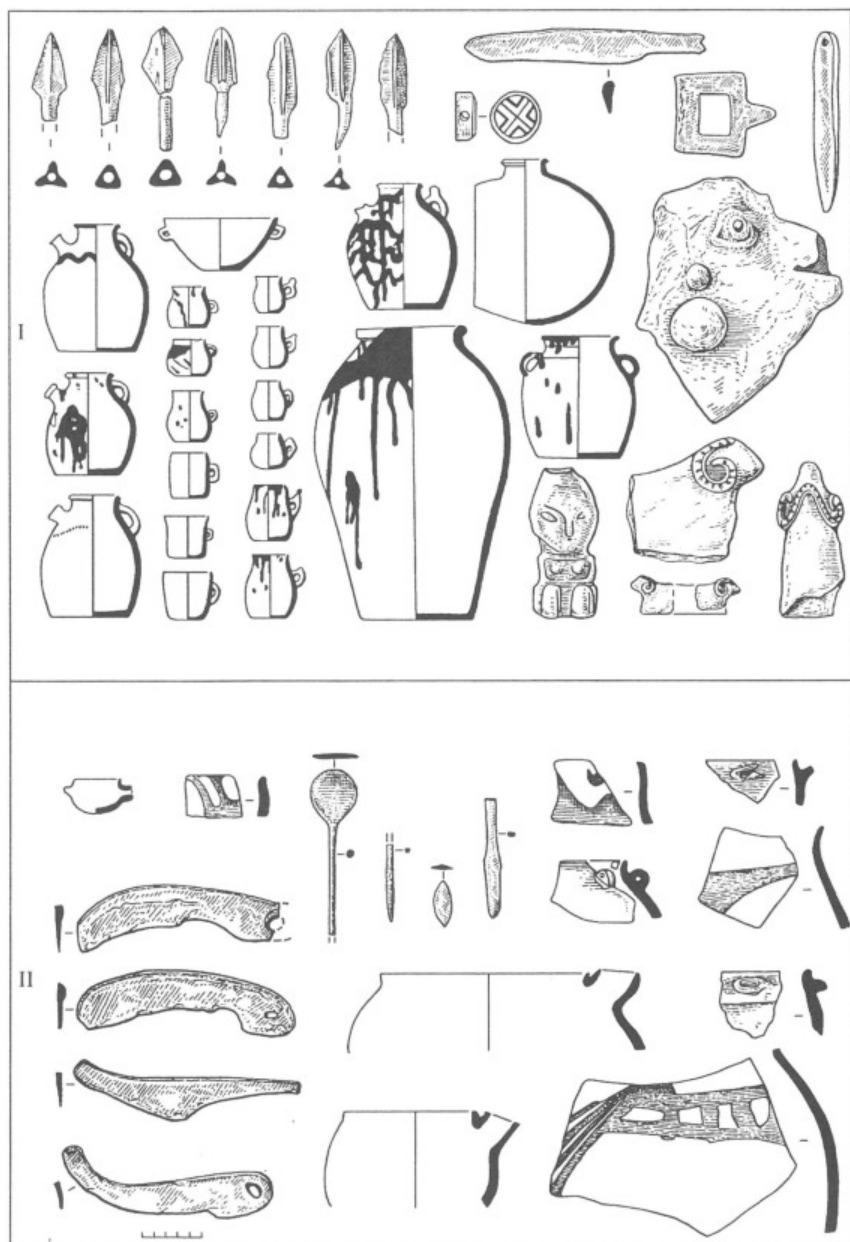

Таблица 30. Комплексы Ташкентского района: I — Каунчи (керамика Каунчи I);
II — Бургулюк

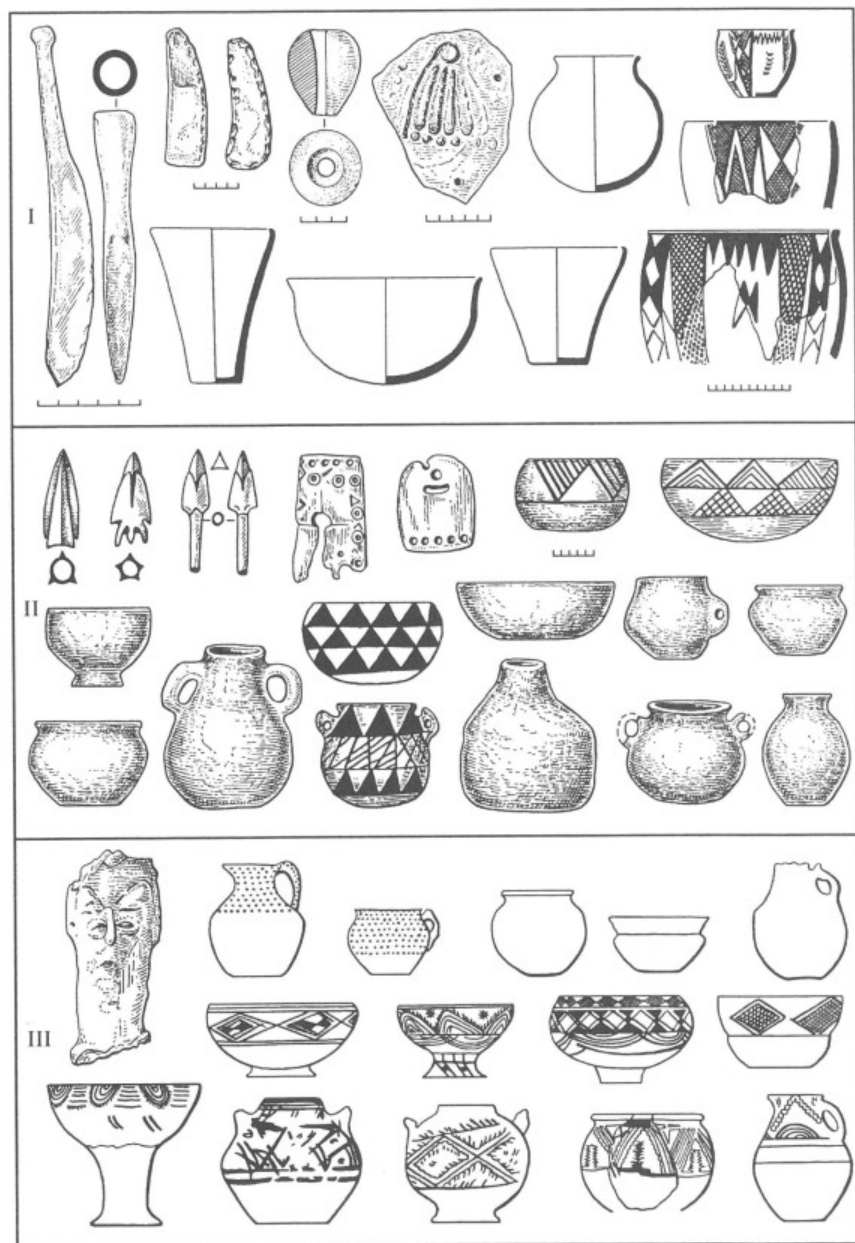

Таблица 31. Комплексы Древней Ферганы: I — чустская культура; II — типа Эйлатан; III — типа Шурабашат

Таблица 32. Объекты материальной культуры сакского времени

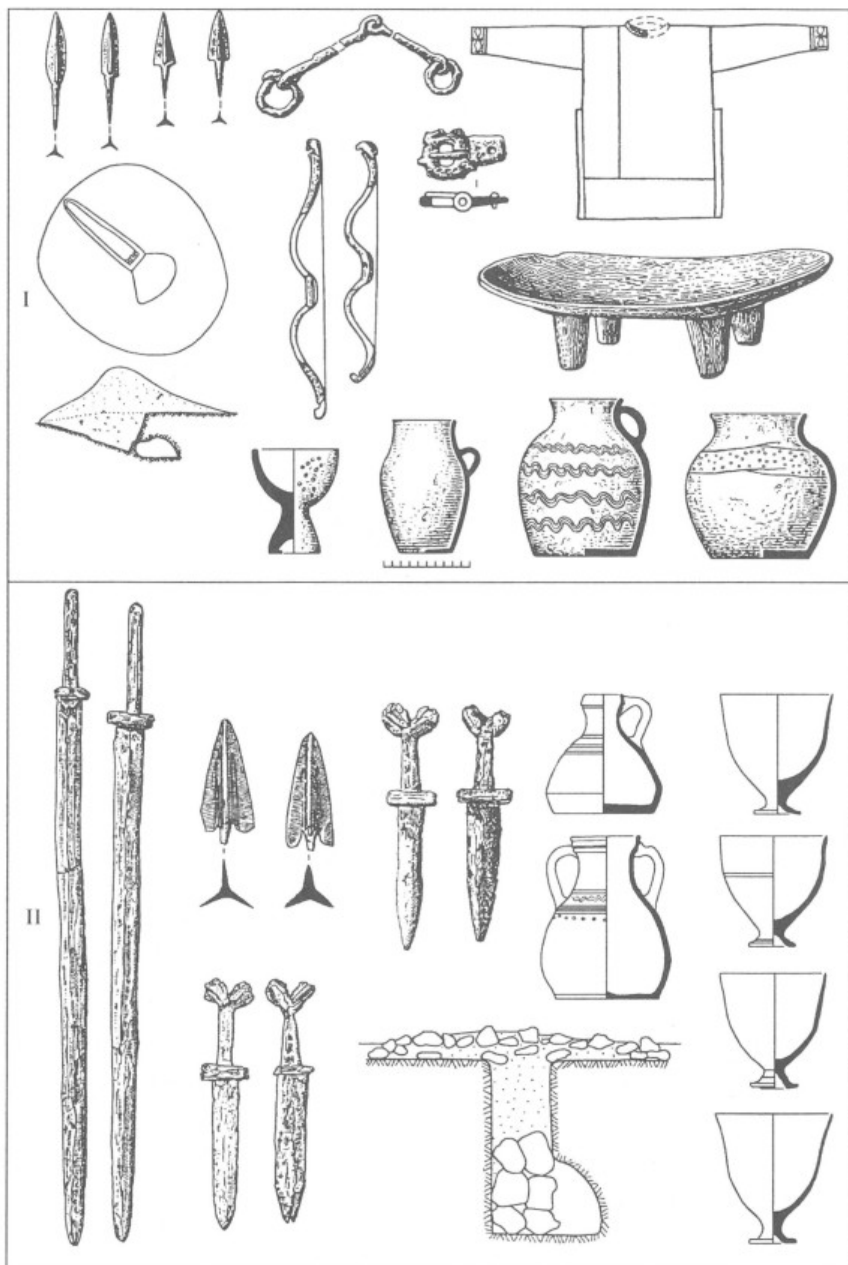

Таблица 33. Комплексы древних кочевников: I — типа Кенкол; II — типа Аруктау

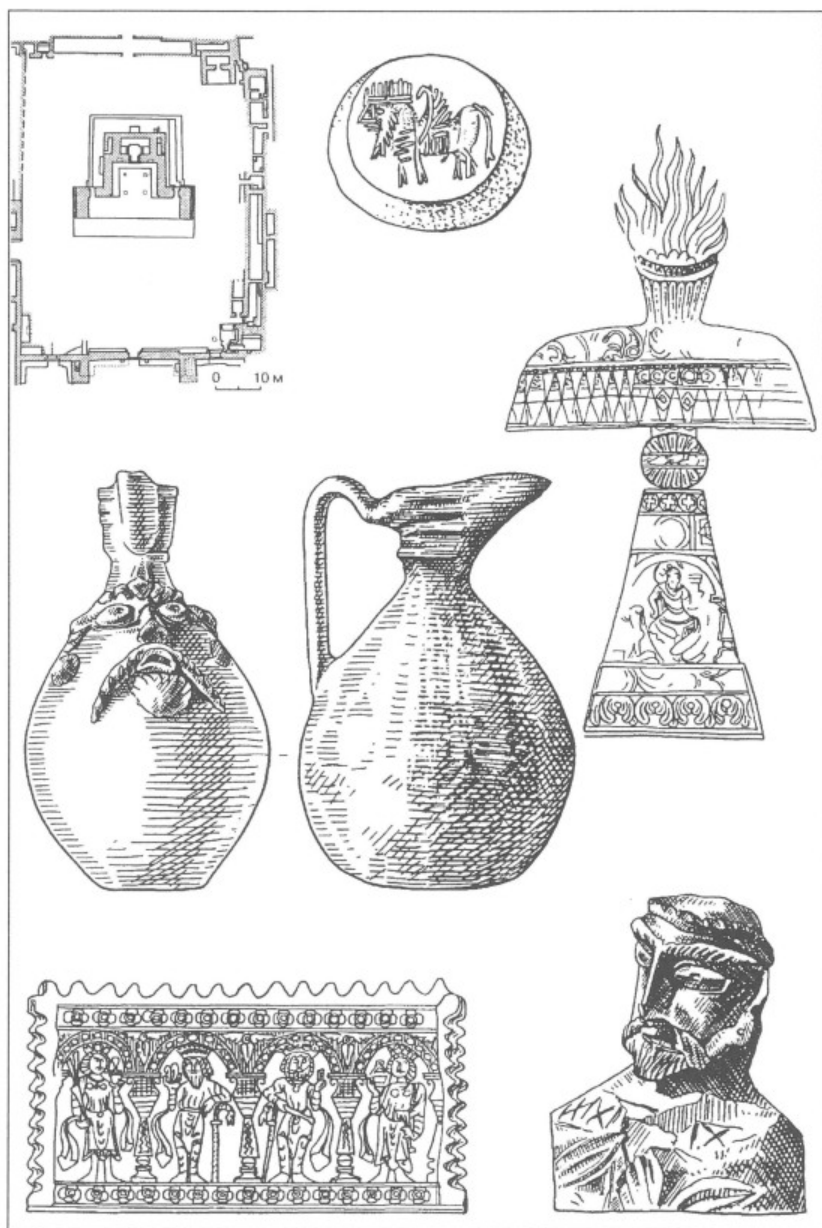

Таблица 34. Объекты материальной культуры согдийской цивилизации поры раннего Средневековья

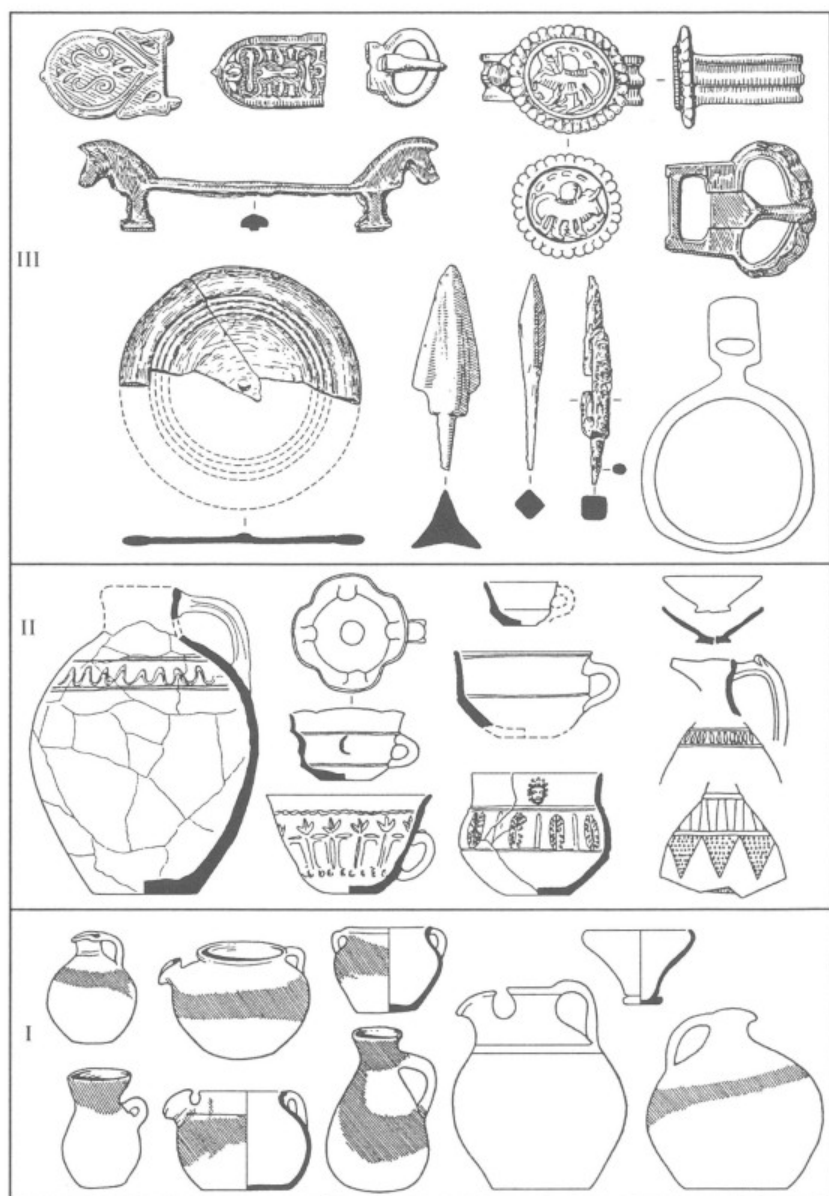

Таблица 35. Комплексы согдийской цивилизации поры раннего Средневековья по материалам Пенджикента: I — керамика нижнего слоя; II — керамика верхнего слоя; III — металлические изделия

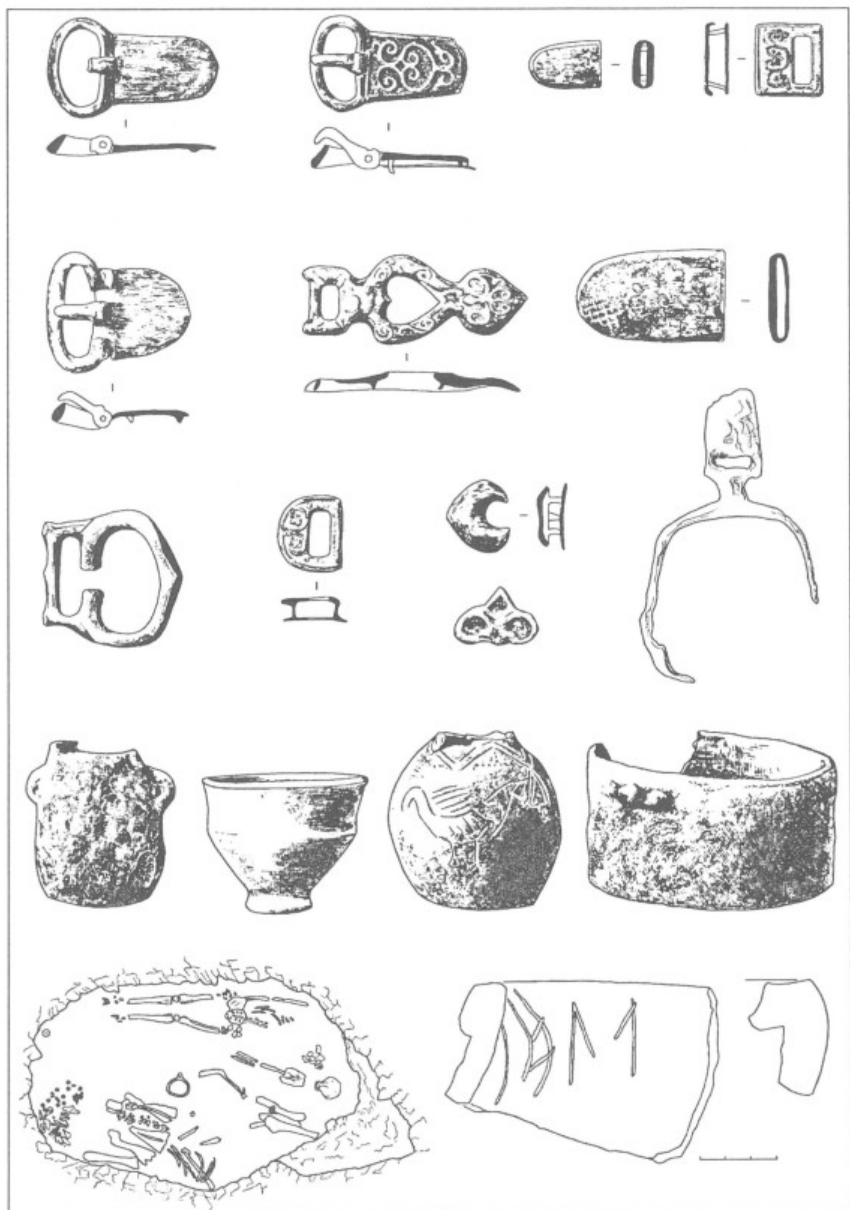

Таблица 36. Комплексы тюркского типа: детали поясного набора, стремя, керамика — Семиречье; погребение с конем — Самаркандский Согд; черепок с руническими знаками — Кува, Фергана

Таблица 37. Монеты Средней Азии доарабской эпохи:

1 — Евтидем; 2 — Гелиокл; 3 — чекан Бухарского Согда по типу тетрадрахм Евтидема; 4 — чекан Северной Бактрии по типу тетрадрахм Гелиокла; 5–7 — парфянские монеты; 8–10 — кушанские монеты; 11–13 — древнесогдийские монеты (11 — монета с лучником; 12–13 — Гиркод); 14 — хорезмийская монета; 15 — монета бухар-худатов; 16 — монета Самаркандского Согда (Гурек)

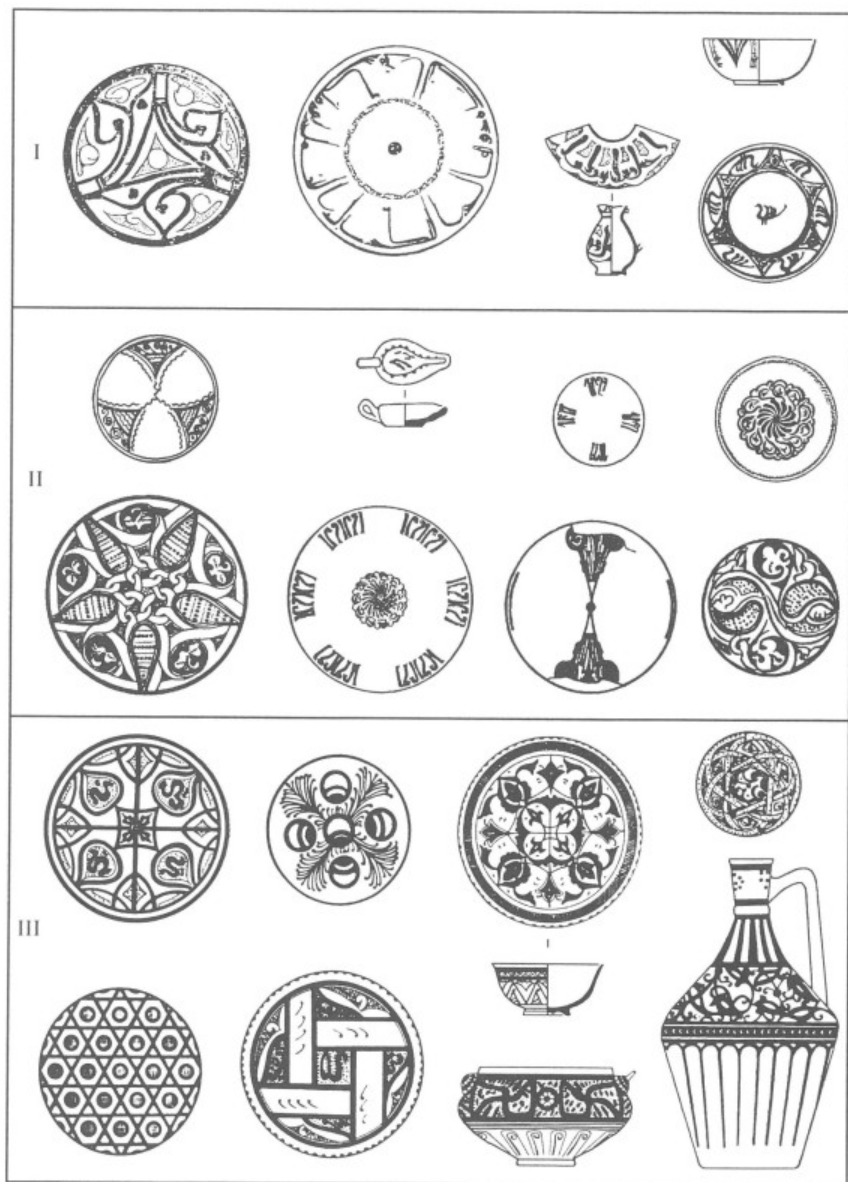

Таблица 38. Керамика времени развитого Средневековья:

I — IX–X вв.; II — XI — начало XIII в. (по материалам Ташкентской области и Семиречья); III — XIV–XV вв. (по материалам Отрара)

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы

Археология Казахстана. Алматы, 1993.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Губаев А. Археология Туркменистана. Ашхабад, 1989.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990; 2-е изд., доп. Самара, 1996.

Массон В. М. Вопросы культурного наследия. Ашгабат, 2002.

Массон В. М. Перспективы методологических разработок в исторической науке. (Формации, цивилизации, культурное наследие). СПб., 2004.

Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Труды ХАЭЭ. М., 1958–1986. Т. I–XVI.

Труды ЮТАКЭ. Ашхабад; М.; Л.–СПб., 1949–2002. Т. I–XXI.

Глава 1. Палеолит и неолит: истоки культурогенеза

Виноградов А. В. Неолитические охотники Хорезма. М., 1968 (Материалы ХАЭЭ; Вып. 8).

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996.

Джуракулов М. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.

Исламов У. И. Обиширская культура. Ташкент, 1980.

Исламов У. И., Тимофеев В. И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент, 1986.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.

- Любин В. П. Палеолит Туркмении // СА. 1984. № 1.
- Марков Г. Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская археология. 1966. № 2.
- Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Палеолит. Душанбе, 1965.
- Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2.
- Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

Глава 2. Раннеземледельческие общества и их культура

- Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. СПб., 1998. № 5.
- Исаков А. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977–1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Кирчо Л. Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана. СПб., 1999.
- Коробкова Г. Ф. Хозяйственные комплексы раннеземледельческих обществ юга СССР. Л., 1987.
- Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Массон В. М. Кара-депе у Артыка // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. X.
- Массон В. М. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М., 1962.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.
- Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. Л., 1971.
- Массон В. М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М., 1982.
- Массон В. М. Илгынлы-депе — новый центр энеолитической культуры Туркменистана // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 6.
- Сарианиди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965.
- Хлопин И. Н. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М., 1963.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964.
- Хлопин И. Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. М. 1969.
- Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб., 1997.

Глава 3. Древние цивилизации бронзового века: фундамент последующей эволюции

- Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. СПб., 1995. № 4.

- Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. Ташкент, 1983.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981.
- Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001.
- Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Удеумурадов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993.
- Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Хуфф Д., Шайдуллаев Ш. Б. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ. Самарканд, 1999. Вып. 30.
- Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

Глава 4. Памятники культур степной бронзы: культурогенез в ситуации взаимодействия двух культурных миров

- Аванесова Н. А. Эпоха бронзы Средней Азии. Самарканд, 1989.
- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1.
- Итина М. А. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Материалы ХАЭЭ. М., 1966. Вып. 5.
- Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). М., 1977.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индо-арии? М., 1994.
- Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968.
- Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus. № 2. 1999.
- Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.

Глава 5. Эпоха раннего железа: культурная трансформация в мидийское и ахеменидское время

- Абдуллаев Б., Дуке Х. И.* Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981–1982 гг. // ИМКУ. Ташкент, 1987. Вып. 21.
- Аскарлов А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
- Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973 (Материалы ХАЭЭ. Вып. 9).
- Дуке Х. И.* Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
- Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962.
- Исамиддинов М. Х., Рапен К.* Стратиграфия городища Коктепа // ИМКУ. Самарканд, 1999. Вып. 30.
- Массон В. М.* Памятника культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Мурадова Э. А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.
- Сагдуллаев А. С.* Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.

Глава 6. Памятники и культура Парфии и Маргианы

- Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. XII.
- Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1955. Т. V.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы // Ежегодник Института истории искусств. М., 1957. Т. VII.
- Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад, 1959.
- Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.
- Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.
- Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
- Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI.
- Усманова З. И.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. XII.
- Филанович М. И.* Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1974. Т. XV.

Глава 7. Памятники и культура Древней Бактрии

- Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее Средневековье. Ташкент, 1987.

- Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Древнейшие культуры Бактрии: среда, развитие, связи. Душанбе, 1982.
- Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Теппаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии) // ОНУ. 1981. № 4.
- Массон В. М. Северная Бактрия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (Археология СССР).
- Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первого века н. э. Ташкент, 1933.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.
- Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.

Глава 8. Памятники и культура Древнего Согда

- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Ёркурган (Стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
- Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.
- Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977.
- Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. М., 1950. Вып. XXXIII.
- Ураков Б. Керамика с городища Гомиштепа // ОНУ. 1978. № 2.
- Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1969. Вып. 1.
- Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А. Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Глава 9. Памятники и культура Древнего Хорезма

- Вайнберг Б. И. Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме. М., 2004.
- Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. IV. Городище Топрак-кала. М., 1981.
- Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.

- Раппопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.
- Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Топрак-кала. Дворец. М., 1984.
- Массон В. М.* Цивилизация древнего Хорезма. Этапы и пути самоидентификации // ИМКУ. Самарканд, 1999. Вып. 30.

Глава 10. Фергана и области Средней Сырдарьи: на периферии городских цивилизаций

- Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
- Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской жизни Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А.* Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (Археология СССР).
- Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА. 1977. № 3.
- Горбунова Н. Г.* Керамика поселений Ферганы первых вв. н. э. // ТГЭ. 1979. Т. XX.
- Григорьев Г. В.* Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.
- Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962.
- Заднепровский Ю. А.* Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971.

Глава 11. Памятники культуры ранних кочевников: очаги импульсивного культурогенеза

- Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев К. А., Кушаев С. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952.
- Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.
- Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Зима Б. М.* Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе, 1941.
- Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
- Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966.

- Массон В. М.* Древние кочевники Азии: общие черты развития // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2.
- Массон В. М.* Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек, 2003.
- Массон В. М.* Зона степной Евразии — периферия древних цивилизаций или самостоятельный центр всемирной истории? // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2004. № 1.
- Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М., 1992.
- Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифско-сарматское время. М., 1992.

Глава 12. Памятники раннесредневековой эпохи и согдийская цивилизация

- Аннаев Т. Д.* Раннесредневековые поселения северного Тохаристана. Ташкент, 1989.
- Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Ахунбабаев Х. Г.* Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
- Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII века). Алма-Ата, 1986.
- Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. 1981. № 3.
- Бердимуратов А. Э., Самибаяв М. К.* Храм Джартепа-II. К проблеме культовой жизни Согда в IV–VIII вв. Ташкент, 1999.
- Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982.
- Губаев А.* Замок Ак-депе и его раскопки // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971.
- Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда в III–VI вв. Ташкент, 1981.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджинатепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
- Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
- Негматов Н. Н.* Живопись Шахристана // Культурное наследие Востока. Л., 1985.
- Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Пугаченкова Г. А.* Мианкальские оссуарии — памятник культуры Древнего Согда // Наука и человечество. М., 1984.

Распопова В. И. Жилище Пенджикента. Л., 1990.

Распопова В. И. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971–1998 гг.). СПб., 1999.

Семенов Г. А. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб., 1996.

Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

Глава 13. Отражение политогенеза и культурогенеза в монетных типах доарабской Средней Азии

Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в собрании Государственного Эрмитажа // ТГЭ. 1967. Т. IX.

Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя» // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая сер. Ташкент, 1950. Вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3.

Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2.

Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. 1956. Вып. XI.

Массон В. М. Хорезм и кушаны. Некоторые вопросы хорезмийской нумизматики // ЭВ. 1966. Вып. XVII.

Пилипко В. Н. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980. № 4.

Ртвеладзе Э. В. О периодизации истории денежного обращения в среднеазиатском Двуречье в древности // ЗВО РАО. 2002. Т. I (XXVI).

Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Глава 14. Культурные стандарты урбанистической интеграции в эпоху развитого Средневековья

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата, 1981.

Атагарриев Е. А. Средневековый Дехистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л., 1986.

- Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
- Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. Л., 1958. Вып. XII.
- Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. Л., 1963. Вып. XV.
- Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. Л., 1963. Вып. XVI.
- Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XI вв. // ЭВ. Л., 1966. Вып. XVII.
- Большаков О. Г.* Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX–XII вв. // ЭВ. Л., 1969. Вып. XIX.
- Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. IV.
- Вяткин В. Л.* Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1928.
- Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л., 1939.
- Крачковская В. А.* Эволюция куфического письма в Средней Азии // ЭВ. Л., 1949. Вып. III.
- Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве в X — начале XIII в. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. XI.
- Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Принципы построения. Ташкент, 1961.
- Сайко Э. В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе, 1969.
- Ташходжаев Ш.* Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII в. Ташкент, 1967.
- Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда (2-я половина VIII — начало XIII в.). Ташкент, 1979.

Заключение. Процессы культурогенеза и культурное наследие

Массон В. М. Вопросы культурного наследия. Ашгабат, 2002.

Массон В. М. Перспективы методологических разработок в исторической науке (формации, цивилизации, культурное наследие). СПб., 2004.

СОКРАЩЕНИЯ

- АВ — Археологические вести. СПб.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВОРАО — Восточное отделение Русского археологического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГПБ — Государственная Публичная библиотека. Л.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР (позднее Российской Академии наук)
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СА — Советская археология. М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.—СПб.
Труды ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; М.; Л.—СПб.
ЭВ — Эпиграфика Востока. Л.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

А

- Аджикуи 74
Аджикуи 8 74
Аджина-тепе 237, 255
Айртам 14, 159, 165, 227
Айханум 134, 153, 155, 169, 262
Ак-Бешим 255
Ак-Буура 252
Ак-депе у ст. Артык 240, 241
Ак-депе под Ашхабадом 65
Ак-курган 168
Ак-Сарай в Шахрисябзе 283
Ак-тепе в г. Ташкент 253, 255
Актам, могильник 197
Актам, стоянка 36
актамская культура 222
Актепа в районе Варахши 250
Актобе 1 253
Актобе 2 206
Алтын 0–2 72
Алтын 10, 9 54
Алтын 4–8 63
Алтын-депе 10, 11, 16, 42, 44, 46, 50,
54, 62–70, 72, 73, 75, 77, 84, 258,
294, 295, 315, 316
Аман-кутан 25
Амир-темир 24
Амирабад 110, 182
амирабадская культура 110
Амударьинский клад 186, 260
Анау 43, 46
Анау, Северный холм 43, 47
Анау, Южный холм 71, 103, 104, 122, 123
Анау I–IV 10
Анау IA 11, 43–46
Анау IB 43, 44, 47
Анау II 44, 48
Анау IV 123
андроновская культурная общность 302
андроновский тип культуры *см.*
культура андроновского типа
андроновский тип памятников 111
Антиохия Тармита 151, 167
Араван 201
Арвали-депе 104
Аржан 115, 116, 214, 220
Аркаим 187
Арпа 15, 86, 88, 221, 320
Аруктау, Аруктауский могильник 16,
159, 226, 227, 337
Астрабадский клад 83
Аултепа 250
Аучин 71, 75, 318
Афрасиаб 7, 113, 114, 125–127, 171–
176, 179, 181, 248, 257, 273, 284, 331
Афрасиаб I 125
Афрасиаб I–V 173
Афрасиаб IIА 173
Афрасиаб IIБ 173
Аяз-кала 189, 190
Аякагитма 29

Б

- Бабашово, Бабашовский могильник
225, 226
Базар-кала 184, 187

Байрамалинский некрополь 240
 Бактрия 58, 61, 74, 80, 81, 83, 85, 103,
 112, 114, 117–119, 125, 127–130, 132,
 134, 145, 146, 149, 152–154, 160,
 185–187, 210, 227, 228, 231, 233,
 235, 239, 242, 258, 269, 294–297,
 302, 327–330, 341
 Балалык-тепе 236
 Бами 102
 «башня Зурмала» 167
 Баштепе 180
 Бегазы-Дандыбай 117
 Бенгуван 102
 Бешшатыр 215, 219
 Беурме 102
 Бехистунская надпись Дария 101, 119
 Беш-Таш 88
 Биже 213
 Бинакент 286
 бишкентская культура 95, 364
 Болдай 124
 Бузульмас 201
 Булакбаши 175, 181
 Бургулюк 111, 112, 114, 205, 334
 Бургулюк I 111
 бургулюкская культура 111
 бургулюкский период 204
 Бустан 78
 Бустан VI 80
 Бухара 17, 235, 289, 290

В

Варахша 247
 вахшская культура 86, 87, 95, 96
 верхнеузбойская культура 39
 Ворухский могильник 202
 Вуадиль 89

Г

Гадыми 34
 Гайрат-тепе 202
 Гардани-Хисор 250
 Гарры-Кяриз 136
 Гебеклы-депе 142, 145, 146
 Геоксюр, период, стиль 54–56, 59
 Геоксюр I 42, 44, 49, 50, 54, 313
 Геоктепинская крепость 240

Геоктепинское городище 136
 Гилякин Чильбурдж 144
 Гисар (Тепа Гисар) 55, 59, 60, 65, 83, 103
 Гиссар 31
 Гисар IA 59
 Гисар IB–II 55
 Гисар IIB 60, 84
 Гисар III 82, 83
 гиссарская культура 40, 310
 Гонур-депе 73, 75, 76
 Гонур, комплекс 11, 73, 74, 318
 городская культура Бактрии 161, 173
 городская культура Согда 15, 174
 Гурдушт 94
 Гяур-кала 121, 122, 144, 145, 239

Д

Дальверзин I, II, III, IV 150
 Дальверзин II–IV 151
 Дальверзин, в Бактрии 150–153, 157,
 158, 161, 163–167, 170, 172, 236, 329
 Дальверзин, в Фергане 108, 109, 199
 дальверзинский комплекс 161
 Дам-Дам-Чешме 2 28, 29, 36, 307
 Дар-тепе 113, 127
 Дахистан 101, 102, 147, 289
 Дашлы 3 187
 Дашлы, комплекс 74, 81, 82, 302
 Дашлыджи-депе 47
 Дашти-Ашт 197
 Дашти-Козы 86, 94, 97, 99
 Дашти-Навур 165
 Джаильма 89
 Джал-Арык 218
 Жанбас-кала, городище 183, 187
 Жанбас-кала 4, стоянка 38
 Жангаль-тепе 242
 Джандавлат 162
 Джаркутан 11, 78, 79, 80
 Джармо 35
 Джартепа II 249
 Джебел 29, 35, 36, 39, 40
 Джебзыкечу 88
 Джейтун 11, 16, 31, 33–35, 40, 69
 джейтунская культура 11, 31, 32, 34,
 35, 42–47, 76, 293, 308
 Джин-депе 144

Дивари Кундалянг 173
 Дингильдже 129, 182
 Дордуль 148
 древнесогдийская культура *см.* культура Древнего Согда
 Древний Мерв *см.* Мерв
 Древний Самарканд *см.* Самарканд
 Древний Хорезм *см.* Хорезм
 Дурмон-тепе 174
 Журналы 144

Е

Елькен I 71
 Елькен III 123
 Елькен-депе 71, 104–106, 116, 123
 Ёр-II 127
 Ёр-III 127
 Ёр-курган 113, 127, 171, 176–180, 332

З

Заман-баба 61, 70, 82
 Занг, канал 157
 Зар-тепе 150, 157, 163, 166, 167, 169, 170, 328
 Зараут-Камар 30
 Зардчхалифа 86, 93, 320
 Зарзи 29
 Зирабулак 25

И

Игды-кала 141, 148
 Изат-кули 102
 Илгынлы-депе 11, 44, 50, 51, 54, 55, 60, 78, 312
 имлакский культурный комплекс 287
 Иски-курган 198
 Иссык-Куль (памятники на побережье оз. Иссык-Куль) 214, 216, 217
 иссыкская культура 218
 иссыкское погребение 213, 226
 Ичанлы-депе 148

К

Кавардан 205
 каварданский культурный комплекс 287, 288
 Кават 7 38

Каинды 89
 Кайновет 198
 Кайрагач 251
 кайраккумская культура 90
 Калаи-Захаки-Морон 177
 Калаи-Кафирниган 237
 Калаи-Кахкаха 248
 Калаи-Мир 123
 Калалы-гыр 1 128, 182
 Калалы-гыр 2 184, 185, 188
 Каляндар-тепе 178
 Кампыр-тепе 165
 Кангурттут 96, 97
 Кангюй 6, 208, 230
 Кандык-тепе 206
 Канка 204–206, 208, 252
 Капчигай 25
 Кара 1А, 1Б 53, 313
 Кара-Булак 199, 202, 203
 Кара-Бура 26
 Кара-депе, у ст. Артык 11, 42, 44, 46–48, 52–55, 59, 60, 65
 Кара-тепе, ок. Термеза 164–166, 168, 170
 карабогазский комплекс 36
 Карамкуль 89
 Каратау 1 22
 Каргалы 213, 224
 Каунчи 208, 242, 334
 Каунчи I 10, 181, 203–205, 334
 Каунчи II 10, 203, 205, 207
 Каунчи III 203, 206
 каунчинская культура 171, 175, 195, 203, 207, 208, 235, 242, 256
 каунчинская культурная традиция 200, 299, 252
 каунчинский культурный комплекс 233, 243, 256
 Кафирниган 40, 95, 123, 124
 Кафыр-кала 236, 237, 244
 Кветта (комплекс типа Кветта) 58
 Кей-Кобад-Шах 157, 198
 Келлели, комплекс Келлели 11, 71–74, 77, 79
 Келлели 1 72
 Келлели 3 72, 76
 Келлели 4 72

- Келлели 6 72
 Келькор 36
 Кельтеминар 19, 31, 92
 кельтеминарская культура 36
 кельтеминарская культурная общность 36, 37, 39, 309
 Кенкол 15, 210, 224, 337
 Кетмень-тюбе 197, 217–219, 221
 кетменьтюбинская культура 218
 Кишман (Старый) 144
 Кобадан I 123, 124, 150
 Кобадан I, II, III, IV и V 150
 Кобадан I–V 10
 Кой-Крылган-кала 184, 185, 187, 188, 190
 Кок-Мардан 206
 Кок-тепе 114, 126, 130
 Кокча 15 90
 Кокча 3 91, 92, 94
 Коша-депе 141
 Краснореченское городище 253, 255, 257
 Ксиров 226
 Кува 251, 340
 Кугай 199
 кугайско-карабулакская культура 199, 200, 209
 Куев-курган 236
 Кульата 206
 Кульбулак 23–27, 306
 Кульдара 22
 культура андроновского типа 87
 культура архаического Дахистана 101–103, 110, 231, 317
 культура Древнего Согда 113, 171, 172
 культура Древнего Хорезма 182, 183
 культура Древней Бактрии 81, 113, 142, 143, 149, 155
 культура Древней Ферганы 196, 198, 199, 200
 культура Маргианы 78, 81
 культура низовьев Зеравшана 94
 культура Парфии 131, 140
 культура по среднему течению Сырдарьи 203
 культура раннесредневекового Хорезма 238
 культура Сапалли 85, 93, 94, 96, 97
 «культура серой керамики» 65
 культуры степной бронзы 87, 90, 95, 114, 207, 302
 культура Сумбар см. сумбарская культура
 культуры «поздней расписной керамики» 108
 культура Тагискена 117
 культура яздепинского типа 108
 Кумишкент 173, 174
 Кумсай 97
 Куня-Каахка 136, 240
 Куня-Уаз 194
 Курган-тепе 174
 Куруктобе 253
 Куршбекское городище 201
 Кутурбулак 25, 26, 305
 Кухна-кала 163
 Кучук I 107, 113, 118
 Кучук II 107
 Кучук III 107, 125, 323
 Кучук IV 125, 129, 323
 Кучук-тепе 107, 125
 кушанская культура 156, 299
 кушанский культурный комплекс 161, 162, 166, 168
 кушанское культурное наследие 256
 Куюк-тепе 201
 Куюсай, комплекс типа 182
 куюсайская культура 231
 Кызыл I 108
 Кызыл II 124, 125
 Кызыл III 124, 125
 Кызыл-тепе 108, 124, 127
 Кызылалма 23
 Кызылкыр 180
 Кызылча 6 124, 125, 127, 129
 Кызылчекма 147
 Кырк-депе 144
 Кырчинский клад 217
 Кюзели-гыр 128, 182, 185

Л

- Лахути 1 22
 Лашкари-базар 285
 Лолазор 127

М

- Мавераннахр 280, 287, 289
 Мадау 102
 Мангыр-кала 194
 Маргиана 61, 74, 75, 77, 83, 98, 101,
 117–120, 123, 127, 129, 130, 131,
 142–145, 152, 165, 173, 186, 294–
 297, 302, 318, 326
 маркансуйская культура 30
 Мархамат 198
 Мерв 17, 121, 122, 131, 142–146, 164,
 172, 173, 239–241, 284, 286
 Миздахканский могильник 239
 Мирзабек-кала 153
 Мирзакуль-тепе 158, 163–165, 168
 Молали 11, 78, 79, 85
 Монджуклы-депе 34, 45
 Мудин I 179
 Мудин II 179
 Мудин-тепе 179, 242
 Муллали-депе 49
 Муминабад 94
 Мундигак 58
 Мунчак-тепе 201

Н

- надпись Канишки 152, 160, 164
 Намазга I 11, 44, 46–48, 59, 311
 Намазга I–VI 10, 11
 Намазга II 11, 44, 48, 54, 57, 59, 60
 Намазга III 11, 44, 51–53, 60, 312
 Намазга IV 11, 44, 60–63, 65, 70, 75,
 82, 84, 315
 Намазга V 11, 44, 65–67, 70, 71, 73,
 78, 80–82, 84, 316, 318
 Намазга VI 4, 11, 70, 71, 73–75, 77–79,
 85, 104, 106, 123
 Намазга-депе 42, 44, 46, 64, 66, 69, 71
 Намазгох 283
 нижнеузбойская культура 36
 Ниса (Старая), парфянская 15,
 131–142, 138–142, 146, 178, 185,
 186, 190, 240, 266, 324, 325

О

- Обирахмат 24, 26
 обирахматская культура 26

- Обишир 29
 обиширская культура 29, 40
 Огзы-Кичик 25
 Одей-депе 104
 оленные камни 214, 221
 Он-Агаш 89
 Он-Арча 21
 Орлатский могильник 173, 175,
 228–230
 Отрар 291, 342
 Ош 109
 Оюклы 36

П

- Пазырык 117, 214, 223
 Пайкенд 247
 Памирская I (Тамды) 220
 памятники кельтеминарского типа 36
 Парфия 103, 118, 119, 129, 130, 131,
 136, 142, 148, 165, 173, 258, 324
 Пархай II 59, 60, 81, 84
 Пархай-депе 102
 Пенджикент 12, 15, 16, 43, 56, 98, 233,
 241, 243, 244–246, 249, 250, 255,
 257, 261, 263, 273, 339
 Песседжик-депе 32, 76
 Пирматбай-тепе 242

Р

- Рабатак 152, 160, 161, 167
 Разик, канал 121, 143
 раннеземледельческая неолитическая
 культура Мергар 40
 Ромиш 180

С

- Сазаган I и II, стоянки 41
 Саксанохур 158
 сакский региональный тип культуры
 210–214, 218, 220, 336
 Самарканд 94, 171–173, 286–288, 290
 Самаркандская стоянка 27, 306
 Санги-Чакамак 34
 Сангир-тепе 113, 127, 130
 Сапалли 74, 78–80, 82, 302, 319
 Саразм 11, 56, 57, 82, 83, 93
 Саразм I и II 56

Сары-Арка 22
 Сейма 89
 Сельунгур 22
 семиреченский вариант культуры
 андроновского типа 88
 Сеталк I 180
 Сиалк 55
 Сиалк III
 Синташта 93
 скифская триада 211, 213, 215, 221, 298
 скифский эпохальный тип культуры
 211, 288
 Согд 100, 112–114, 118, 119, 125–128,
 130, 152, 165, 171, 178, 186, 187,
 210, 226–231, 233, 235, 258, 297,
 340, 341
 согдийская культура 13, 179, 251, 338,
 339

Сокулук 89
 срубная культура или культурная
 общность 92
 стена Антиоха 144, 145
 стоянка в колхозе Кирова 95
 Стоянка Толстова 38
 Сузы 266
 Султан-кала 239
 сумбарская культура (ЮЗТ I) 74, 84, 103,
 317

Суфан 197
 суярганская культура 92
 Сым-тепе 202

Т

Тагискен 116
 Тагискен (Северный) 116, 219, 220,
 322
 Тагискен (Южный) 219
 Тазабагъяб 11, 86, 92, 107, 110
 тазабагъябская культура 87, 90, 320
 тазабагъябский комплекс 92
 Талгарский могильник 224
 Тали-Барзу 10, 172, 174, 203, 273
 Тали-Барзу I–VI 10, 172
 Тамды 15, 220
 Тангсикъльджа 102
 Тандырайул 96

Тахирбай 3 71, 74, 77, 318
 Тахтабазарский могильник 76
 Тахти-Сангин 98, 133, 153–155, 167,
 178, 249, 260
 Таш-Башат 88
 Таш-Кумыр 29
 Таш-Тюбе II 88
 Тегузак 96, 97, 99
 Теккем-депе 71
 Тенлик 224
 Тепаи-Шах 152, 159
 Термез (Старый) 150, 170
 Тешик-кала 238
 Тешик-Таш 23–26
 тешикташская культура 26
 Тигровая балка 96
 Тилля-тепе 107
 Тоголок 11, 74, 85, 318
 Тоголок I 76
 Тоголок 21 76
 Ток-кала 189, 239
 Топрак-кала 139, 182, 189, 190, 192, 194,
 198, 237
 Тохаристан 235, 236, 239
 Трансоксиана 110, 112, 118
 Тугай 93
 Тузкан 39
 Тулхар, Тулхарский могильник 95, 98,
 225–228, 231
 Тумеккичиджик 39
 Туп-хона 158, 159
 Тура-таш 202
 Турбино 89
 Туткаул 29, 40
 Туябугуз I 111
 Тюп 214
 Тюренг-тепе 83

У

Узгенд, мавзолей 289
 Уйгарак 217, 219, 221
 уйгаракский комплекс 219
 Улуг-депе 104–106
 Уртакурган 250
 Учаши 84, 85, 153 37
 Учтут 39

Ф

- Фаяз-тепе 167
Фергана 31, 119, 125, 195, 197, 251,
252, 257, 335
Фильмандар 250
Фулолский клад 58, 59

Х

- Хазарасп 184
Хайрабад 166
Халчаян 157, 176, 178, 328
Хапуз-депе 62
Хасяриз 147
Хиг-тепе 237
Ходжа-Гор 27
Ходжент 200
Ходжикент 2 24, 26
Хорезм 36, 100, 110, 119, 129, 130,
148, 165, 182, 185–188, 192–194,
208, 230, 231, 233, 237–240, 242,
258, 272, 297, 333
Хосият-тепе 236
Хосров-кала 240
Хурвин 85

Ц

- центрально-ферганская неолитическая
культура 40

Ч

- Чагаллы-депе 31, 34
Чакмаклы-депе 45
Чатал-Гуюк 54
Чач (Шаш) 4, 287
Чиалык-депе 102
Чилик 214
Чильпекский клад 217
Чильхуджра 250
Чирик-рабат 219
Чокан-депе 142
Чонг, период 54
Чонг-депе 54, 56, 62, 313
Чопан-депе 31, 32
Чуст 108, 109, 110, 112, 196
чустская культура 108, 109, 110, 112,
125, 197, 199, 335

Ш

- Шалба 216
Шамши 89
Шах-тепе 36, 39, 59, 60, 65, 103
Шахри-Сохте 58
Шахсенем, крепость 194
Шахты 30
Шор-тепе 164
Шугноу 27, 305
Шурабашат 199, 335
шурубашатский культурный комплекс 199

Э

- Эйлаган 196, 335
Эйлаган-Актам 196
Эрк-кала 121, 122, 123, 124, 125, 126,
143, 144

Ю

- Юго-Западный Туркменистан (ЮЗТ)
59, 83, 84, 314, 317
ЮЗТ I 84
ЮЗТ III и II 84, 317
ЮЗТ VI 59, 60, 314
ЮЗТ IV и V 84, 314
ЮЗТ VII 59, 314
ЮЗТ VII–II 59

Я

- Яван 150
Яз I 97, 100, 102–110, 118, 120, 121,
124, 320
Яз II 116, 120, 122, 127, 129, 323
Яз III 120, 122–124, 126, 128, 323
Яз-депе 103–105, 107, 113, 116, 119,
120, 124, 125, 295, 320
Якке-Парсан 238
Якке-Парсан 2 110
Ялангач 48, 50, 55
Ялангач-депе 49
Янгаджа II 27
Янги-кала 71, 85
Яссы-депе 47
Яшилли-депе 104

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА¹

БАРТОЛЬД Василий (Вильгельм) Владимирович (1869–1930) — доктор истории Востока, ординарный профессор Петербургского университета, действительный член РАН по литературе. Преподавал в Петербургском и Туркестанском (Ташкент) университетах, Ленинградском Восточном институте. Был секретарем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, ВОРАО, научным сотрудником Института истории искусств, ГАИМК, Государственного Эрмитажа. Почетный и действительный член Института истории искусств, Академии истории материальной культуры, Туркестанского Восточного института, Кавказского историко-археологического института, Бакинского общества изучения Азербайджана, Туркестанского общества краеведения (Ашхабад), Таврического общества истории, археологии и этнографии, Общества любителей естествознания, истории и этнографии, Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете; член совета Института буддийской культуры; почетный член Deutsche Morgenländische Gesellschaft.

В. В. Бартольд занимает достойное место в мировой ориенталистике; в отечественной науке он являет собой ключевую фигуру хранителя научных традиций дореволюционной эпохи, стоявшего у истоков создания советской школы востоковедения. Высокий научный авторитет, огромный опыт и знания, колоссальная эрудиция, участие в подготовке квалифицированных научных кадров определили его место в советском востоковедении. С его именем связана организация Российской Академии истории материальной культуры, Институты живых восточных языков в Москве и Ленинграде, Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН, где он стал председателем и редактором ее «Записок».

¹ Текст подготовили: Д. А. Абдуллоев, Е. В. Беляева, Н. А. Боковенко, Г. В. Длужневская, В. А. Завьялов, Ю. Г. Кутимов, К. Х. Кушнарева, Н. А. Лазаревская, В. М. Массон, В. П. Никоноров, В. И. Распопова, А. Д. Резепкин, М. Б. Рысин, В. Я. Стеганцева, А. Я. Щетенко.

Его диссертация «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1900) сразу же вошла в «золотой» фонд науки, продемонстрировав высокий уровень анализа письменных источников и основную направленность научных интересов автора — проблемы истории Средней Азии, тюркских и монгольских народов в целом. Благодаря глубине и основательности научной подготовки (представитель Санкт-Петербургской школы восточной археологии) он сохранял в работе над любой проблемой свойственные ему строжайший подход к делу и скрупулезность исследования.

В. В. Бартольд одним из первых оценил роль археологических материалов при интерпретации письменных источников («Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг.»). Он явился создателем исторической географии Средней Азии («Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века», «Историко-географический обзор Ирана», «К истории орошения Туркестана»). Как историограф В. В. Бартольд был пропагандистом успехов отечественного и мирового востоковедения — «История изучения Востока в Европе и России» (1911). Его труды как фундаментальные аналитические сводки сведений арабских, персидских, тюркоязычных авторов сохраняют свое значение и в наши дни, а основополагающая работа «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» спустя сто лет после первой публикации была издана в переводе на турецкий язык.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898–1900. Ч. 1–2; К истории орошения Туркестана. СПб., 1914; История культурной жизни Туркменистана. Л., 1927; Соч.: В 9 т. М., 1963–1973.*

БЕЛЕНИЦКИЙ Александр Маркович (1904–1993) — востоковед, археолог, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Таджикистана, лауреат премии им. А. Рудаки.

А. М. Беленицкий родился в деревне Лобино Усвятского района Смоленской области в семье крестьянина. В 1927 г. в Ташкенте он поступил в Среднеазиатский государственный университет, который в 1930 г. окончил «по педагогическому факультету, отдел литературы и языка, иранского цикла». После его окончания А. М. Беленицкий связал свою жизнь с Таджикистаном. Им написан первый таджикский букварь. В 1934 г. он поступает в аспирантуру при историческом факультете Ленинградского государственного университета. В его кандидатской диссертации «Серbedары в Иране» (1938) исследовано крупнейшее антимонгольское движение в Хорасане XIV в. В 1936 г. А. М. Беленицкий пришел в Ин-

ститут истории материальной культуры АН СССР (позднее РАН), в котором проработал всю свою дальнейшую жизнь.

А. М. Беленицкий много занимался историей военного дела на Ближнем Востоке в Средние века, основываясь на письменных источниках и археологических материалах. В 1946 г. вышла из печати фундаментальная статья «Историческая топография Герата в XV в.». Особое место в его исследованиях занимает кропотливая и сложная работа по переводу с арабского языка и комментированию «Минералогии» гениального ученого XI в. Бируни (*Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей [Минералогия]* / Пер. А. М. Беленицкого. Статьи и комментарии А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М., 1963).

С 1946 по 1978 г. А. М. Беленицкий ежегодно принимал участие в археологических исследованиях в Таджикистане. Возглавлял Вахшский отряд Согдийско-Таджикской экспедиции, итоги работы отряда отражены в опубликованных отчетах. На основе исследований, проведенных во время полевых сезонов, и письменных источников им написан «Историко-географический очерк Хутталяна».

Научным подвигом А. М. Беленицкого является исследование городища древнего Пенджикента. Здесь он начал работать в 1947 г. под руководством А. Ю. Якубовского, а с 1954 г. стал начальником экспедиции. Его методикой стало планомерное исследование древнего города на широкой площади, благодаря чему удалось изучить жизнь согдийского города V–VIII вв. во всем ее многообразии. Теперь это всемирно известный памятник, открывший миру художественную культуру Согда (настенные росписи, резное дерево, скульптура из глины и т. д.).

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д-ра ист. наук.* Л., 1967; *Central Asia / Archaeologia Mundi. Geneva; Paris; München, 1968; Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура.* М., 1973; *Средневековый город Средней Азии.* Л., 1973 (совместно с О. Г. Большаковым и И. Б. Бентович); *Mittelasien Kunst der Sogden.* Leipzig, 1980.

БЕРНШТАМ Александр Натанович (1910–1956) — археолог, востоковед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель наук Киргизской ССР. С 1930 по 1956 г. сотрудник ГАИМК — ИИМК АН СССР.

Один из наиболее видных исследователей Центральной Азии второй четверти — середины XX в. Область научных интересов — исто-

рия, археология и этнография народов Средней и Центральной Азии от эпохи бронзы до позднего Средневековья.

Руководитель первых комплексных археолого-этнографических экспедиций в Средней Азии — Семиреченской, Тянь-Шанской, Чуйской и Памиро-Ферганской, в течение двадцати лет (1936–1956) исследовавших археологические памятники на территории Южного Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Среди наиболее важных археологических заслуг проф. А. Н. Бернштама — изучение могильников эпохи бронзы в верховьях р. Арпа на юге Кыргызстана, открытие сакской культуры на территории Средней Азии и раскопки сакских могильников в труднодоступных районах Памира, исследования средневековых оседлых поселений Семиречья и Ферганской долины (древнего Отрара, Касана, Тараза, Сарыга и других памятников).

Важное значение имеют исследования А. Н. Бернштама, посвященные вопросам происхождения, ранней истории и культурного развития тюркских народов Средней и Центральной Азии, включая исследования в области тюркской письменности, эпиграфики и нумизматики. Им разработана периодизация археологических памятников Кыргызстана, вопросы истории гуннов, социально-экономические проблемы тюркского каганата. Много внимания А. Н. Бернштам уделял изучению проблемы происхождения кыргызского народа.

Общий список печатных изданий насчитывает 250 работ, в том числе более 20 монографий. Во второй половине 90-х гг. XX в. отдельные работы А. Н. Бернштама в виде двухтомника были переизданы в Кыргызстане: *Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана*. Бишкек. Т. 1. 1997; Т. 2. 1998.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Кенкольский могильник. Л., 1940; Археологический очерк северной Киргизии // Материалы и исследования по истории киргизов и Киргизстана. Фрунзе, 1941. Вып. 4; Очерк истории гуннов. Л., 1951; Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26.*

ВЕСЕЛОВСКИЙ Николай Иванович (1848–1918) — востоковед и археолог, автор наиболее выдающихся открытий российской археологии конца XIX — начала XX в. Родился в Москве, в 1867 г. окончил гимназию в г. Вологде и в 1869 г. поступил на арабо-турецкое отделение факультета восточных языков Петербургского университета. Склонность к науке в нем обнаружилась рано. Еще будучи студентом, Николай Иванович написал работу «О податях и повинностях, налагавшихся монголами на побежденных народов», которая была отмечена золотой медалью

от факультета. По окончании университета в 1873 г. Н. И. Веселовский был оставлен на кафедре истории Востока. В 1877 г. был удостоен ученой степени магистра истории Востока за работу «Опыт историко-географических сведений о Хивинском ханстве» и в 1878 г. утвержден доцентом университета.

С 1881 г. научные интересы Н. И. Веселовского расширяются, он начинает заниматься археологией Средней Азии и юга России. В том же году Н. И. Веселовский был избран в члены-сотрудники Русского Археологического общества, а в 1884 г. стал профессором на кафедре истории Востока в Петербургском университете.

В 1884 г. Археологической комиссией он был откомандирован на год для производства археологических исследований в Туркестане, где на городище Афрасиаб им были проведены раскопки и фотофиксация архитектурных памятников, коллекционировались древние вещи, происходящие из случайных находок. В Фергане у г. Ош им была открыта ранняя арабская наскальная надпись. В 1886 г. он становится членом-корреспондентом Археологической комиссии, а с 1887 г. ведет раскопки на юге России — в Таврической губернии и Донской области. Через два года, в 1869 г., он был избран в действительные члены Русского Археологического Общества. С 1889 по 1917 г. Н. И. Веселовский проводил раскопки ежегодно, в течение 29 полевых сезонов. С 1894 г. начинаются систематические раскопки в Кубанской области, где им были исследованы сотни памятников — курганов и поселений разных эпох. Результаты были поразительны. Достаточно упомянуть такие эталонные памятники эпохи бронзы, как Майкопский курган, гробницы у ст. Царская (Новосвободной), скифские курганы Солоха и Костромской, чтобы в полной мере оценить вклад Н. И. Веселовского в археологическую науку. Сенсацией явилось открытие подкурганной гробницы в Майкопе, в которой был захоронен с богатыми приношениями персонаж, явно принадлежавший к местной элите. Гробница эта может быть датирована концом IV — началом III тыс. до н. э. и до сих пор остается наиболее богатой для европейской археологии этого времени. Н. И. Веселовским было опубликовано 98 работ, не считая сообщений, докладов и рецензий.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего.* СПб., 1877; *Лекции по истории Востока, читанные в 1897/8 гг.* СПб., 1898; *Мечети Самарканда.* СПб., 1905; *Отчет о раскопках Майкопского кургана // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла.* СПб., 1997.

ГРЯЗНОВ Михаил Петрович (1902–1984) — археолог и историк, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент Германского археологического института. Работал в Эрмитаже, зав. отделом Центральной Азии и Кавказа в ИИМК РАН и преподавал в Ленинградском государственном университете.

М. П. Грязнов — выдающийся российский ученый, один из тех, чьи труды составляют «золотой фонд» науки. Руководитель крупнейших археологических экспедиций (Алтайской, Иркутской, Новосибирской, Красноярской и др.), он проявил себя не только как организатор, воспитавший не одно поколение археологов из разных стран, но и как прекрасный методист полевых исследований. Его научные труды по исследованию памятников эпохи бронзы и раннего железа в различных областях Сибири, Казахстана и Алтая широко известны. Ученый-энциклопедист, в своих работах он выступал не только как археолог и историк, но и как этнограф, социолог, искусствовед, криминалист-трасолог, антрополог, палеозоолог, почвовед. Им впервые в археологии применены методы математической статистики, разрабатывался типологический метод, четко определены хронологическая последовательность и историко-культурная принадлежность многих памятников Саяно-Алтая, Казахстана и Киргизстана, пересмотрены вопросы происхождения и сложения скифо-сибирских культур Евразии и выдвинут тезис о едином процессе их развития. Его научное наследие насчитывает свыше 140 печатных работ.

Для работ М. П. Грязнова характерны тонкость и точность наблюдений, пристальное внимание к вопросам технологии и использования древних вещей, что позволяло исследователю подмечать явления, ускользающие от других археологов. Скрупулезный анализ, широкая эрудиция в области этнографии позволяли М. П. Грязнову извлекать максимальную информацию из каждого артефакта, полученного в результате раскопок, что давало ему возможность восстанавливать образ жизни древних племен в различных экологических нишах в совершенно новых аспектах и с такими подробностями, которые, казалось бы, не были доступны археологам. С особым вниманием и компетентностью ученый разрабатывал вопросы жизни древних обществ, их социального и идеологического устройства.

Выдающимся открытием советской археологии стали раскопки М. П. Грязновым монументальной гробницы, известной как царский курган Аржан в Туве. Относящийся к VIII в. до н. э., комплекс Аржана включает древнейшие памятники скифского искусства и имеет эталонное значение для изучения эпохи ранних кочевников Евразии.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Древние культуры Алтая // Journal of the Anthropol. Soc. Tokyo, 1931. Vol. 46. N 521; Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Ч. I–II. М.; Л., 1939; Первый Пазырыкский курган, Л., 1950; История древних племен Верхней Оби // МИА. М.; Л., 1956. № 48; Древнее искусство Алтая. Л., 1958; Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1961. Вып. 3; South Siberia. Geneva, 1969; Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980; Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12; Der Grosskurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. München, 1984; Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.*

ДЪЯКОНОВ Михаил Михайлович (1907–1954) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Таджикистана. Работал зав. отделом Востока Эрмитажа, зав. отделом, ученым секретарем и зав. Ленинградским отделением ИИМК АН СССР.

Яркий представитель санкт-петербургской школы восточной археологии, имеющий востоковедное образование, опыт работы с памятниками искусства в музейных собрания Эрмитажа и активный руководитель целевых археологических исследований в Таджикистане.

Будучи востоковедом-иранистом, М. М. Дьяконов издал фундаментальную работу по древней истории Ирана доаравской эпохи, где особенно подробно рассмотрены все виды источников, включая клинописные тексты ахеменидского периода. Вместе со своим братом И. М. Дьяконовым и иранистом В. А. Лившицем М. М. Дьяконов расшифровал первые парфянские документы, найденные при раскопках Нисы.

Работая в составе Таджикско-Согдийской археологической экспедиции сначала как начальник отряда, а затем — как руководитель всей экспедиции, М. М. Дьяконов положил начало углубленному изучению археологии Бактрии, систематизации материалов на современном уровне. Им был открыт могильник кушанской эпохи Туп-хана, который благодаря находкам в могилах монет стал эталонным. Раскопки в долине р. Кафирниган позволили М. М. Дьяконову создать периодизацию памятников от ахеменидской эпохи до позднекушанского периода, с выделением комплексов Кобадиян I–V, сохраняющую свое значение до настоящего времени.

Особое место в работах М. М. Дьяконова занимали исследования по истории искусства. Он занимался восточной миниатюрой, художественными бронзами Востока. После открытия в Пенджикенте настенных

росписей он первым дал им искусствоведческую оценку, показав их роль и значение для истории живописи Центральной Азии.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Фирдоуси. Жизнь и творчество.* М.; Л., 1940; *Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиган) // МИА. М.; Л., 1953. № 37; Парфянский архив из древней Нисы // ВДИ. 1953. № 4 (совместно с И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем); Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954; Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.*

ЖУКОВСКИЙ Валентин Алексеевич (1858–1918) — востоковед, иранист, профессор, член-корреспондент Петербургской АН; был секретарем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, а с 1902 по 1911 г. — деканом.

Во время командировок в Персию в 1883–1886 и 1889 гг. он занимался овладением разговорной речью, сбором языковых, литературных и этнографических материалов. Особую ценность представлял фольклорный материал — записанные в оригинале народные романсы, свадебные и колыбельные песни, загадки, стихотворные присказки, песни погонщиков. Их издание отмечено по выходе Большой золотой медалью Русского Географического общества.

Исключительно важны его исследования суфизма. В. В. Бартольд считал, что именно В. А. Жуковский является первым русским специалистом в области изучения мусульманского периода истории стран Ближнего и Среднего Востока.

В 1890 г. был направлен Императорской Археологической комиссией в Мерв и в Хорасан для осмотра Мешхеда и Туса. Результатом поездки стало археологическое исследование о развалинах древнего Мерва — «Древности Закаспийского края», увидевшее свет в 1894 г. Этот фундаментальный труд содержит описание сохранившихся руин и архитектурных памятников и монографический анализ сведений восточных источников об этом одном из крупнейших городов Востока. За эту работу Археологическое общество удостоило его Большой золотой медали.

В. А. Жуковский, по сути, разработал методологию историко-археологического исследования среднеазиатских городов, получившую свое дальнейшее развитие в трудах его младших коллег, в частности В. В. Бартольда. Он считал совершенно обязательным предварительное изучение всех доступных источников с целью получения надежной источниковедческой базы для будущих наблюдений.

Поездки В. А. Жуковского нашли отражение в богатой серии фотографических снимков, сохранившихся в фотоархиве ИИМК РАН (альбомы Q 292, Q 396).

Многие из его работ остались ненапечатанными, сделавшись достоянием архивохранилища (*Бартольд В. В. Памяти В. А. Жуковского // Бартольд В. В. Соч. Т. 9. М., 1977. С. 689–703*).

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I–III. СПб. — Пг., 1888–1922; Образцы персидского народного творчества. СПб., 1902; Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва // Материалы по археологии России. СПб., 1894. № 16.*

ИЕССЕН Александр Александрович (1896–1964) — археолог, кандидат исторических наук. Работал долгое время зав. отделом Истории первобытной культуры Эрмитажа, ст. научным сотрудником Института истории материальной культуры.

Будучи одним из самых одаренных учеников А. А. Миллера, а также впитав в себя лучшие научные традиции Эрмитажа, А. А. Иессен сформировался в крупнейшего ученого — археолога, востоковеда, историка, обладающего огромным историческим кругозором. Его уникальный архив демонстрирует метод работы ученого: докапываясь до сути каждого артефакта, каждого явления, являвшегося предметом его изучения, А. А. Иессен добивался извлечения из них максимальной информации. Собранные воедино, эти сведения становились основой для различных исторических реконструкций, ни одна из которых с годами не подверглась опровержению.

В творчестве А. А. Иессена прослеживаются два основных направления: это Древний Кавказ и металлургия и горное дело. Среди тем, разработанных А. А. Иессеном необходимо назвать также металлургию Кавказа, майкопскую культуру, археологию юга СССР, взаимодействие Кавказа с Древним Востоком. До сих пор сохраняет свое значение его фундаментальный труд «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе...», в котором развенчаны теории о несамостоятельности развития кавказской бронзы и показаны древние корни кавказской металлургии. Он также занимался предисторией греческой колонизации, хронологией «больших кубанских курганов», интерпретацией некоторых уральских находок и др.

Как крупный организатор науки А. А. Иессен проявил себя, когда в 1953 г. решением Президиума АН СССР совместно с АН Азербайджанской ССР была организована крупномасштабная Азербайджанская экспедиция, призванная интенсифицировать разработки проблем археологии и истории культуры Азербайджана, в ряде отношений уступавших соответствующим исследованиям, проводившимся в Грузии и Армении. Экспедицией, возглавлявшейся А. А. Иессеном, были открыты древней-

шие оседлоземледельческие памятники на юге Азербайджана, раскопан эталонный памятник эпохи бронзы Узерлик-тепе, развернуты плановые работы на средневековом городище Орен-кала. Одновременно велась подготовка кадров специалистов для этих научных направлений. Венцом этих исследований явились статьи А. А. Иессена, посвященные историческому прошлому Мильской степи, раскопкам одного из грандиозных курганов Уч-тепе и проблеме взаимодействия Кавказа и Древнего Востока в IV—III тыс. до н. э.; в последней статье Кавказ впервые рассматривается как органическая часть Древнего Востока, а не как его периферия.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120, 1935; Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // III международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.; Л., 1939; Моздокский могильник. Л., 1940 (совместно с Б. Б. Пиотровским); Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л., 1947; Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М.; Л., 1951. № 23; К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII; Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. М.; Л., 1965; № 125; Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. М.; Л., 1965, № 125.*

МАНДЕЛЬШТАМ Анатолий Максимилианович (1920–1983) — археолог-востоковед, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Яркий представитель школы восточной археологии Петербурга — Ленинграда. Он, параллельно изучая языки на восточном факультете, закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета.

Признавая приоритет письменных источников при интерпретации обобщающих данных археологии, А. М. Мандельштам концептуально руководствовался их свидетельствами при выборе объектов изучения эпохи раннего железа на юге Таджикистана, Туркменистана и в Туве. В процессе этих исследований он весьма успешно решал вопросы, касающиеся образования двух могущественных империй — Кушанской и Парфянской, когда кочевники способствовали сохранению власти династий как в центральных частях, так и на северных окраинах империй, являясь источником пополнения воинских контингентов. Его раскопки курганных могильников в Бишкентской долине Таджикистана позволили выделить эталонный комплекс культуры ранних кочевников, опрокинувших Греко-Бактрию.

На юге Таджикистана А. М. Мандельштам открыл два комплекса, принадлежащих скотоводам бронзового века — более ранний, давший наименование бишкентской культуре, и более поздний, который относят сейчас к вахшской культуре. Оба комплекса свидетельствуют о продвижении степных племен на юг Средней Азии. В Туркменистане им были обнаружены и раскопаны могильники срубной культуры, а в Туве — могильники афанасьевской и окуневской культур. Значительную часть научного наследия ученого составляют исследования памятников скифского и гунно-сарматского времени на могильном поле Аймырлыг в Туве.

Большинство выводов А. М. Мандельштама по погребальным обрядам, сооружениям и различным категориям инвентаря древнего населения Центральной Азии не утратили своего значения до настоящего времени.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Материалы по историко-географическому обзору Памира и принадлежащих областей // Труды ИИАЭ АН Тадж. ССР. Т. 53. М., 1957; Кочевники на пути в Индию // МИА. М.; Л., 1966. № 136; Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане / МИА. Л., 1968. № 145. ; История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.; Л., 1972; Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975; Общие сведения о ранних кочевниках и их группировках // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (совместно с Н. Г. Горбуновой); Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992; Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (совместно с Э. У. Стамбульник).*

МАРР Николай Яковлевич (1863–1934) — лингвист, археолог, историк, доктор словесности (1901), профессор, действительный член АН (1912). Лауреат Ленинской премии (1928) за работы в области языкознания, награжден большой золотой медалью им. А. С. Уварова за раскопки в Ани (1915). Работал преподавателем Петербургского — Ленинградского университета, деканом факультета восточных языков, председатель ГАИМК (1919–1934), директор ГПБ (1924–1930), вице-президент АН СССР (1930–1934), создатель и директор Яфетического института (впоследствии Институт мышления и языка) (1921–1934), основатель Кавказского историко-археологического института (впоследствии Закавказский филиал АН).

Один из самых ярких представителей петербургской школы востоковедения, крупнейший кавказовед своего времени. Работал в области филологии, литературоведения, археологии, истории культуры, эпиграфики, этнографии. Основал и редактировал серии публикаций «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», «Анийская серия», «Анийские древности», «Памятники армянской архитектуры», «Памятники армянской эпиграфики», «Памятники армянского искусства», «*Bibliotheca Armeno-Georgica*», «Христианский Восток», ежемесячный журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ».

В 1899–1902 гг. принимал участие в экспедициях на Афон, Синай, Иерусалим, где работал с древними рукописями. Сделал вывод о переводе библейских текстов для Кавказа с сирийских источников, а также о ближневосточном происхождении сюжета поэмы «Витязь в барсовой шкуре».

Н. Я. Марр принимал участие в археологических работах в Ани (1892, 1904–1917); в Варнаке (1893), где был раскопан древний некрополь; в Гарни (1909–1910), где исследован языческий храм IV–VI вв. до н. э.; в Ване (1916), где была обнаружена клинописная надпись Сардура II. В результате многолетних раскопок в Ани под руководством Н. Я. Марра, проведенных на высоком научном уровне, были открыты городские кварталы, дворцовые здания и храмы, а также создан археологический центр, включавший в себя территорию археологического памятника, музей, хранилище материалов и здания для работы сотрудников. Н. Я. Марр был главой русского кавказоведения и создал свою школу. Его учениками являются известные ученые В. И. Абаев, И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, А. Г. Шанидзе.

В 1920–1930-е гг. Н. Я. Марр увлекался общими проблемами языкознания, вопросами лингвистической семантики, разрабатывал теорию стадияльного развития языков, названную им яфетической.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Сборники притч Вардана*. СПб., 1894, 1899; *Ипполит. Толкование Песни Песней. Грузинский текст по рукописи X века, перевод с армянского*. СПб., 1901; *Грамматика древнеармянского языка. Этимология*. СПб., 1903; *Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*. СПб., 1908; *Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем*. СПб., 1910; *Кавказоведение и абхазский язык*. СПб., 1916; *Надпись Сардура II, сына Аргиштиа, в Даш-Кепи, на Чалдырском озере*. СПб., 1920; *Племенной состав населения Кавказа*. СПб., 1920; *Абхазско-русский словарь*. Л., 1926; *Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища // Известия ГАИМК*. Л., 1934. Вып. 105.

ОКЛАДНИКОВ Алексей Павлович (1908–1981) — доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР (1968), почетный член АН Венгрии и Монголии, Лондонского королевского общества, дважды лауреат Государственной премии СССР. В 1934 г. стал аспирантом, а с 1938 по 1961 г. был сотрудником ГАИМК (впоследствии ИИМК — ЛОИА АН СССР). В 1961 г. перешел на работу в Сибирское отделение АН СССР, где с 1966 г. возглавлял Институт истории, филологии и философии.

Коренной сибиряк, А. П. Окладников посвятил основную часть научной деятельности родному краю, проявив себя бесспорным лидером в области археологии, а также блестящим этнографом и историком. Вклад его в изучение древнейшей истории Сибири поистине не имеет себе равных, как и заслуги в формировании мощной научной школы сибирских археологов.

Однако А. П. Окладников не в меньшей мере прославил свое имя и как выдающийся исследователь каменного века Средней Азии. Поиски там памятников этого периода он начал, приехав в 1938 г. в Узбекистан по приглашению крупнейшего специалиста по земледельческим цивилизациям Средней Азии проф. М. Е. Массона. В первый же год А. П. Окладникову, обладавшему даром и опытом археолога-разведчика, удалось открыть замечательную многослойную стоянку среднего палеолита в гроте Тешик-Таш с уникальным до сей поры для Средней Азии погребением неандертальского ребенка. Монографическое исследование, посвященное этому, получившему мировую известность памятнику, было отмечено Государственной премией. Вскоре после войны А. П. Окладников провел обширные поиски памятников каменного века в Туркмении, обнаружив интереснейшие мезолитические стоянки в пещерах Джебел, Дам-Дам Чешме и Кайлю. Позднее были работы в Таджикистане, принесшие наряду с прочими находками открытие неолитической гиссарской культуры, а уже в конце 1960-х гг. — исследования на Тянь-Шане, в Кыргызстане и новые открытия палеолитических пещерных стоянок в Узбекистане.

А. П. Окладников по праву занимает одно из самых почетных мест среди первооткрывателей начальных страниц истории Средней Азии, хронология которой благодаря его работам удревнилась сразу на многие десятки тысяч лет. Они стали основой для дальнейших исследований, развернутых затем в среднеазиатских республиках его учениками и последователями. Тяготая к охвату больших территорий и решению крупных проблем, связанных с ранними этапами заселения Северной Азии, А. П. Окладников продолжил изыскания на просторах Монголии, где также открыл многочисленные палеолитические памятники. Благодаря этим работам была установлена схема развития культур древнека-

менного века в этой области Центральной Азии и документировано ее заселение начиная с нижнего палеолита. Наряду с изучением археологических материалов, А. П. Окладников посвятил немало замечательных работ памятникам древнего искусства.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949; Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1958. Т. VII; Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966; Палеолит Монголии. Новосибирск, 1986.*

ОРБЕЛИ Иосиф Абгарович (1887–1961) — выдающийся востоковед, археолог, эпиграфист, историк искусств, организатор науки и музейного дела. Академик АН СССР (1935), академик и первый президент АН Армянской ССР (1943–1947). Родился 8 (20) марта 1887 г. в г. Кутаиси. В 1904 г. был зачислен на историко-филологический факультет Петербургского университета (отделение классической филологии), а с 1907 г. поступает и на факультет восточных языков по армяно-грузино-персидскому разряду. В 1911 г. окончил университет по двум факультетам.

Будучи учеником и ближайшим сотрудником Н. Я. Марра, еще в студенческие годы, начиная с 1906 г., участвует в археологическом изучении средневекового г. Ани, заведует Музеем древностей, выпускает каталог Анийского музея и путеводитель по городищу. В 1911–1912 гг. в результате экспедиции в горный район Мокс (Турецкая Армения) им был собран уникальный материал по наречию мокских армян и курдов, записаны фольклорные тексты, описаны и сфотографированы архитектурные памятники и надписи, проведены небольшие раскопки на холме Топрак-кала близ г. Вана. В 1916 г. И. А. Орбели в экспедиции Н. Я. Марра проводит раскопки на Ванской скале, в результате которых была обнаружена стела с надписями царя Сардура II.

После 1917 г. начинается большая научно-организаторская деятельность И. А. Орбели. Вместе с Н. Я. Марром, С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, С. А. Жебелевым, М. Н. Покровским он участвует в реорганизации Императорской археологической комиссии. 18 апреля 1919 г. был подписан декрет о создании Академии истории материальной культуры. На И. А. Орбели были возложены обязанности ученого секретаря Академии, кроме того, он возглавлял разряд археологии Армении и Грузии (по второму археологическому отделению) и искусства Армении и Грузии (по третьему историко-художественному отделению). Деятельность

И. А. Орбели в РАИМКе (позже — ГАИМК — ИИМК АН СССР), продолжалась до 1938 г., когда он уходит с поста директора Института. Все его силы и интересы были направлены на огромную научно-организаторскую деятельность в Государственном Эрмитаже, куда он приходит в 1920 г. хранителем отделения мусульманского Востока, которое по его инициативе в 1926 г. было преобразовано в отдел Востока. И. А. Орбели проделал огромную работу по концентрации в Эрмитаже художественных ценностей и предметов антиквариата из реквизируемых особняков русской знати и преобразуемых музейных и иных собраний. С июля 1934 г. возглавляет Эрмитаж. На долю И. А. Орбели выпала необыкновенно тяжелая работа по эвакуации ценностей и организации работы музея в дни блокады Ленинграда. Директором Эрмитажа Иосиф Абгарович оставался до 1951 г. С ноября 1955 до мая 1960 г. — декан восточного факультета Ленинградского государственного университета, с 1956 г. — зав. Ленинградским отделением Института востоковедения.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Избранные труды. Ереван, 1963; Надписи Мармашена. П., 1914; Сасанидский металл. М.; Л., 1935 (совместно с К. В. Тревер); Проблема сельджукского искусства // Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.; Л., 1939; Басни средневековой Армении. М.; Л., 1956.*

ПИОТРОВСКИЙ Борис Борисович (1908–1990) — археолог, историк, востоковед, академик АН СССР, академик АН Армянской ССР, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Армянской ССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

Блестящий представитель петербургской школы археологии и востоковедения, Б. Б. Пиотровский соединял в себе качества кабинетного ученого (историка, лингвиста, искусствоведа) и археолога-полевика.

Б. Б. Пиотровский пришел в Эрмитаж школьником и в 14 лет начал изучать здесь египетскую иероглифику. В 1925 г. поступил на историко-лингвистический факультет ЛГУ. Методику и технику археологических раскопок он постигал под руководством выдающего русского археолога А. А. Миллера. Еще в годы учебы в университете Б. Б. Пиотровский был принят в Эрмитаж в должности практиканта, а в 1929 г. был зачислен младшим научным сотрудником в Академию истории материальной культуры. С 1964 г. и до конца своих дней он возглавлял Государственный Эрмитаж, продолжив блестящую плеяду его директоров. Он хорошо знал все разнообразные виды музейной работы, участвовал в создании многих экспозиций, был редактором ряда изданий Эрмитажа. Борис Бори-

сович принимал активное участие в расширении международных связей страны, организуя различные международные выставки, знакомившие посетителей Эрмитажа с культурой и искусством многих народов. В 1953–1964 гг., продолжая работать в Эрмитаже, Б. Б. Пиотровский заведовал Ленинградским отделением Института истории материальной культуры, с 1968 г. возглавлял кафедру Древнего Востока ЛГУ.

Археологическая деятельность Б. Б. Пиотровского на Кавказе связана главным образом с раскопками урартских городищ (работы Кармир-Блурской экспедиции, возглавляемой им в 1939–1941 и 1945–1971 гг.). Ему удалось во многом понять роль и место государства Урарту в истории Древнего Востока, а также реконструировать связи урартского и армянского этносов. Раскопки Б. Б. Пиотровского урартской крепости Тейшебаини стали эталоном в ближневосточной археологии.

На основе курса, читавшегося на историческом факультете ЛГУ, Борис Борисович в 1949 г. издает книгу «Археология Закавказья», по которой учились многие поколения ученых. Среди проблем, постоянно интересовавших ученого, были вопросы происхождения скифского искусства и его связи с культурой Урарту и Передней Азии, а также вопросы развития и роли скотоводства в истории общества.

В 1937 г. Б. Б. Пиотровский участвовал в работе археологических экспедиций в Средней Азии — в Термезе (Узбекистан) и в Старом Мерве (Туркменистан). В Мерве им был открыт и в 1949 г. опубликован комплекс середины I тыс. до н. э. с так называемой баночной керамикой, эталонный для выделения и датировки материалов этого типа в древних областях региона. В начале 1960-х гг. Б. Б. Пиотровский возглавил советскую археологическую экспедицию по спасению памятников Нубии в Египте, в зоне затопления Асуанской плотины. Его статья «Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза» сохраняет свое значение основной обобщающей сводки и по сей день.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *История и культура Урарту. Ереван, 1944; Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949; История армянского народа. Ереван, 1951; Ванское царство (Урарту). М., 1959; Искусство Урарту. VIII–VI вв. до н. э. Л., 1962.*

РУДЕНКО Сергей Иванович (1885–1969) — доктор исторических наук, профессор, магистр географии, старший научный сотрудник ИИМК РАН. Преподавал в Санкт-Петербургском и Томском университетах.

В 1913–1914 гг. С. И. Руденко посетил Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Италию, в течение года слушал лекции и занимался антропологическими

исследованиями в Париже. Позднее занимался этнографическими и антропологическими исследованиями среди хантов, манси и ненцев Нижнего Приобья, произвел раскопки остяцкого могильника близ Обдорска.

С начала 1920-х гг. изучает древние культуры Сибири и особенно Алтая. В течение многих лет он руководил Алтайской экспедицией, которая проводила комплексные археолого-этнографо-географические исследования, в результате чего были раскопаны знаменитые на весь мир Пазырыкские курганы с мерзлотой скифского времени, в которых обнаружены мумии и большое количество предметов из органики (одежда, ковры и ткани, конское снаряжение); была составлена маршрутная карта распространения различных видов почв в связи с границами распространения растительных сообществ, собрана коллекция почвенных образцов и гербарий, проведено геоморфологическое описание края и собрана коллекция горных пород. Экспедиция также изучала быт и обряды алтайцев, тубаларов, теленгитов и казахов. По заданию Комиссии АН СССР по изучению племенного состава населения СССР были выяснены границы расселения и численность этих народов Алтая. Их быт и особенности расселения изучались в тесной связи с окружающими природными условиями.

Кроме исследований скифских курганов им написан ряд фундаментальных работ по культуре хунну и средневековых кочевников, разрабатывались методы радиоуглеродного и дендрохронологического датирования археологических памятников. Научная прозорливость С. И. Руденко сочеталась с умением проводить широкое, всестороннее изучение объектов, привлечших его внимание. В его работах гуманитарные исследования, как ни у кого другого, тесно взаимосвязаны с естественными и техническими, что позволяло подойти к археологическим источникам с разных сторон. Так, при раскопках в Пазырыке и в ходе обработки полученных материалов были проведены исследования в следующих областях: мерзловедение, ботаника и палеоботаника, палеозоология, гиппология, антропология, дендрохронология, радиоуглеродное датирование, трасология, спектральный и металлографический анализы металлов; специальному изучению подвергались ткани.

По объему научных работ, посвященных Алтаю, С. И. Руденко занимает одно из ведущих мест в археологии. Его статьи и книги о горноалтайских курганах публиковались в ГДР, Италии, Китае, Швейцарии, неоднократно издавались в США. Творческое долголетие исследователя удивительно.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Второй пазырыкский курган. Л., 1948; Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953; Башки-*

ры. М.; Л., 1955; *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. М.; Л., 1960; *Искусство Алтая и Передней Азии*. М., 1961; *Культура хуннов и Ноинулинские курганы*. М.; Л., 1962; *Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая*. М., 1968; *Frozen tombs of Siberia. The Pazyryk burials of Iron Age horsemen*. Berkeley; Los-Angeles, 1970.

ТРЕВЕР Камилла Васильевна (1892–1974) — крупнейший востоковед, историк культуры и искусства древних народов Среднего Востока и Закавказья, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР. Родилась 13 (25) января 1892 г. в Петербурге. Получила блестящее образование: закончила гимназию Петершуле с золотой медалью, а затем Женский педагогический институт. Потом занималась на Высших женских (Бестужевских) курсах и сдала экстерном экзамены на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1918 г. становится научным сотрудником РАИМК, и с того времени более 50 лет работала в ГАИМК — ИИМК — ЛОИА АН СССР. В 1919 г. по совместительству поступила на работу в Эрмитаж, в 1921–1928 гг. была хранителем Строгановского дворца — тогда филиала Эрмитажа. В 1938 г. ей без защиты была присвоена степень кандидата исторических наук, в следующем году она становится доктором исторических наук.

Начинала свою научную деятельность Камилла Васильевна как исследователь древностей Северного Причерноморья античной эпохи, однако затем, под влиянием И. А. Орбели, занялась изучением искусства древнего и раннесредневекового Востока. В ее творческом наследии особое место занимают работы по искусству и истории культуры Ирана, ее перу принадлежат исследования по хуннским древностям Монголии, терракотам Афрасиаба, искусству Бактрии, истории и культуре Закавказья. Находясь в годы Великой Отечественной войны в Узбекистане (1941–1943 гг.), она приняла самое активное участие в подготовке «Истории народов Узбекистана», став автором второго раздела, посвященного эпохе древности и освещающего, в частности, поход Александра Македонского, историю Греко-Бактрии и Кушанской империи. В 1943–1945 гг. Камилла Васильевна так же плодотворно работала в Армении.

Весной 1945 г. К. В. Тревер вернулась в Ленинград и вновь приступила к работе в ИИМК и Эрмитаже, с которыми главным образом и была связана ее научная жизнь. До своего ухода на пенсию в 1971 г. она успешно совмещала разностороннюю исследовательскую, научно-организационную и педагогическую деятельность.

Для творческого стиля К. В. Тревер характерен тщательный анализ греческих и латинских источников и тонкая искусствоведческая оценка памятников художественной культуры. Так, ею был поставлен вопрос об официальном портрете сасанидских шахиншахов и о выделении как особого вида искусства торревтики греко-бактрийского стиля.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Excavations in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad, 1932; Terracottas from Afrasiab // Изв. ГАИМК. Вып. 93. Moscow; Leningrad, 1934; Сасанидский металл: Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935 (совместно с И. А. Орбели); Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940; Очерки по истории культуры Древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М.; Л., 1953; Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959; Сасанидское серебро: Художественная культура Ирана III–VII вв. Л., 1987 (совместно с В. Г. Лукониным).*

ЯКУБОВСКИЙ Александр Юрьевич (1886–1953) — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, действительный член АН Таджикской ССР. Заслуженный деятель науки Таджикистана и Узбекистана. Был зав сектором Средней Азии и Кавказа ГАИМК — ИИМК АН СССР и зав сектором Средней Азии Гос. Эрмитажа.

Выдающийся востоковед, историк, археолог, А. Ю. Якубовский внес весомый вклад в изучение истории и культуры народов Средней Азии. Под его руководством был организован авторский коллектив для издания трехтомной «Истории народов Узбекистана». Для первого тома им был написан большой раздел, посвященный периоду с VII по XV в. Следуя традициям В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовский, опираясь на изучение восточных рукописей, разработал современную концепцию истории народов Средней Азии в эпоху Средневековья.

Большой вклад А. Ю. Якубовский внес в археологическое изучение Средней Азии. Он был первым, кто заложил основу археологии Таджикистана. А. Ю. Якубовскому принадлежит открытие древнего Пенджикента, ставшего после работ созданной им экспедиции эталонным памятником согдийской цивилизации. Почти 60-летние раскопки этого городища дали ценнейшие материалы по истории, архитектуре, искусству, материальной и духовной культуре Согда эпохи раннего Средневековья.

Большое внимание А. Ю. Якубовский уделял связям народов Востока с Древней Русью и Поволжьем. Написанная им совместно с академиком Б. Д. Грековым книга «Золотая Орда» была переиздана трижды. Последнее издание вышло под названием «Золотая Орда и ее падение».

Огромный вклад внес А. Ю. Якубовский в подготовку национальных кадров для среднеазиатских республик. Многие его ученики в настоящее время являются ведущими учеными.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ: *Развалины Ургенча // Известия ГАМИК. Л., 1930. Т. VI. Вып. 2; История народов Узбекистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI в. Ташкент, 1950 (совместно с К. В. Тревер и М. Э. Воронец); Золотая Орда и ее падение. М., 1952 (совместно с Б. Д. Грековым); Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX веках. Ашхабад, 1954 (совместно с Ата Каррыевым, В. Г. Мошковой, А. Н. Насоновым).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Историческая география Центральной Азии. Археологические материалы и культурологические реконструкции. Вклад ученых Санкт-Петербурга — Ленинграда в формирование среднеазиатской археологии как научной дисциплины 3

Глава 1. ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ: ИСТОКИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Памятники эпохи нижнего палеолита. Бифасы и чопперы — западные и восточные связи. Мезолит — начало широкого освоения пустынь и полупустынь. Неолитическая эпоха — формирование двух культурно-хозяйственных зон, оседлые земледельцы и скотоводы юга (Джейтун) и охотники, рыболовы и собиратели севера (Кельтеминар) 19

Глава 2. РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ИХ КУЛЬТУРА

Неолитическая революция и качественно новая эпоха в развитии культуры и общества. Три периода развития раннеземледельческих обществ на юго-западе Средней Азии. Сложение крупных центров (Намазга-депе, Алтын-депе). Расцвет художественной культуры в период позднего энеолита и интенсификация межрегиональных связей (Кара-депе, Геоксюр 1) 42

Глава 3. ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ФУНДАМЕНТ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ

Развитие южных общин по месопотамскому пути. Формирование протогородских центров и городского образа жизни. Стандартизация материальной культуры. Организационно-управленческий путь политогенеза: храмовые городки. Связи с великими цивилизациями Индостана и Месопотамии. Перемещение центров интенсивного развития в долину Мургаба (Маргиана) и на Среднюю Амударью (Бактрия). Храмовые комплексы и вопрос о жреческой олигархии. Первые земледельцы и скотоводы на Нижнем Зеравшане (Заман-баба) 61

Глава 4. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ БРОНЗЫ: КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В СИТУАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ

Формирование в степной зоне Евразии обществ с элитой вооруженных колесничих. Продвижение этих обществ на юг в Тянь-Шань (Арпа), в низовья

Амударьи (Тазабагьяб) и в долину Зеравшана (Зардчахаалифа, Дашти-Козы). Сложение синкретических культур и комплексов в Западном Таджикистане (вахшская культура). Взаимодействие с оседлыми оазисами и включение степняков в состав городского населения южных цивилизаций 86

Глава 5. ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ. МИДИЙСКОЕ И АХЕМЕНИДСКОЕ ВРЕМЯ

Кризис южных цивилизаций бронзового века и перепад в процессе культурогенеза. Комплексы типа Яз I и доминанта военно-аристократического пути политогенеза. Встречная ассимиляция в традиционных центрах урбанистических культур юга. Второй цикл урбанизации и формирование новых стандартов материальной культуры. Культурная трансформация оседающих степняков и воздействие южных стандартов и эталонов в Древнем Согде. Сложение городской культуры Древнего Хорезма 100

Глава 6. ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ПАРФИИ И МАРГИАНЫ

Старая Ниса — резиденция Старших Аршакидов и эллинистические компоненты культурного комплекса парфянской элиты. Укрепленные усадьбы сельской знати в Северной Парфии. Зороастризм в массовой народной традиции. Мерв — урбанистический суперцентр Древнего Востока. Маргиано-бактрийские культурные связи. Памятники кочевников в Северной Парфии 131

Глава 7. ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Греко-бактрийский форпост эллинизированной культуры. Проникновение юечжей, начало предкушанского культурного синтеза. Эллинистические импульсы в массовой культуре. Кушанское государство как урбанистическая цивилизация. Распространение буддизма как одно из отражений прогресса в интеллектуальной сфере. Упадок городов и культурная стагнация с последующей дезинтеграцией 149

Глава 8. ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО СОГДА

Функция убежищ древнейших укрепленных центров (Афрасиаб, Ёр-курган). Эллинистические импульсы в керамических комплексах. Инфильтрация кочевых групп и их вхождение в городскую среду. Проникновение культурных стандартов засырдарьинской культуры Каунчи 171

Глава 9. ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Самобытность культуры III–I вв. до н. э. и стремление следовать ориентальному наследию. Слабость эллинистических воздействий и связи с кочевым миром. Хорезмийские стандарты городской культуры и дворцовый комплекс Топрак-кала. Начало культурной деградации в IV–V вв. н. э. 182

Глава 10. ФЕРГАНА И ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ: НА ПЕРИФЕРИИ ГОРОДСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Двуединый характер культурных комплексов Древней Ферганы. Воздействие стандартов городских культур юга и традиций оседающих кочевников.

Комплексы Каунчи на Средней Сырдарье как отражение таких процессов. Интенсивное развитие стандартов культуры Каунчи в оседлых оазисах. Продвижение носителей каунчинских комплексов в южном направлении	195
---	-----

**Глава 11. ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ:
ВТОРОЙ ЦИКЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ**

Переход к номадизму — по социальным и культурным последствиям аналог городской революции в оседлых областях юга. Кочевая империя как высшая форма политогенеза в кочевой среде. Сакский региональный тип культуры ранних кочевников. Памятники сакского круга в Семиречье, Приаралье, на Тянь-Шане и Памире. Памятники типа Кенкол и восточноазиатские связи кочевого мира Центральной Азии. Продвижение кочевых групп в Согд и Бактрию и адаптация материальной культуры к стандартам городского образа жизни	210
--	-----

**Глава 12. ПАМЯТНИКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ
И СОГДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

Признаки стагнации и упадка в культуре Бактрии и Хорезма. Распространение замковой архитектуры. Каунчинский комплекс в Древнем Согде и формирование согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи как наивысшего достижения доарабской Центральной Азии. Художественное и интеллектуальное богатство городской культуры. Пенджикент — эталонный памятник согдийской цивилизации	233
---	-----

**Глава 13. ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
В МОНЕТНЫХ ТИПАХ ДОАРАБСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Монархические начала в монетной символике. Царский чекан Парфии. Монетное дело и культурная ассимиляция в предкушанской Бактрии. Имперский чекан Великих кушан. Монетное дело Хорезма и политическое самоутверждение. Монетное дело Древнего Согда и политическая мозаичность. Роль местной письменности. Полное изживание эллинистических традиций к эпохе раннего Средневековья	258
---	-----

**Глава 14. КУЛЬТУРНЫЕ СТАНДАРТЫ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Развитие городской жизни в домонгольский период. Формирование новых городских центров в Чаче и Семиречье. Изменение идеологических ориентиров в некоторых сферах городского образа жизни в связи с утверждением религиозной монополии ислама. Архитектурный облик крупных городских центров с ориентацией на культовую архитектуру как отражение интеграционных процессов на мусульманском Востоке. Культурный подъем в эпоху Тимуридов и начало культурной стагнации	279
---	-----

**Заключение. ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Типы культурного развития. Спонтанная и стимулированная трансформация. Культурная интеграция. Эпохальный, региональный и локальный типы культур. Ритмы культурогенеза. Культурное наследие — важнейшая составляющая в изучении истории народа	292
ТАБЛИЦЫ	303
ЛИТЕРАТУРА	343
СОКРАЩЕНИЯ	352
УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР	353
Приложение. ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА	360

Научное издание

Вадим Михайлович
Массон

**КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ДРЕВНЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Ответственный за выпуск *О. С. Капполь*
Редактор *В. С. Кизило*
Корректоры *И. А. Шабранская, М. К. Одинокова*
Верстка *С. В. Кузнецова*
Художник *С. В. Лебединский*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 24.07.2006.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 24. Тираж 1000 экз. Заказ № 432.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 41.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

ДРЕВНЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ

Азии

Вадим Михайлович Массон – доктор исторических наук, академик РАЕН Туркменистана и НАН Кыргызстана, главный научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный и действительный член ряда иностранных академий и институтов (Дания, Германия, Великобритания, Италия), крупнейший отечественный специалист в области археологии Древнего Востока и Средней Азии эпохи неолита – раннего металла, автор более 600 научных работ, в том числе 30 монографий: «Средняя Азия и Древний Восток» (Л., 1964), «Поселение Джейтун» (Л., 1971), «Экономика и социальный строй древних обществ» (Л., 1976), «Алтын-депе» (Л., 1981), «Первые цивилизации» (Л., 1989), «Исторические реконструкции в археологии» (Фрунзе, 1990; Самара, 1996); «Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие» (Бишкек, 2003).

ISBN 5-8465-0104-4

9 785846 501041